

ISSN 1994-5655

5 (63) • 2023

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

www.izvestia.komisc.ru

Серия
«История и филология»

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит восемь раз в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5 (63)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2023

Главный редактор – акад. РАН А.М. Асхабов

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С.В. Дёгтева

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев

Ответственный секретарь – к.и.н. Д.В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В.В. Алексеев, акад. РАН А.А. Барях, акад. РАН В.И. Бердышев, д.м.н. Е.Р. Бойко,
чл.-корр. РАН И.Н. Болотов, акад. РАН В.Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария),
д.ф.-м.н. Т.М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И.Н. Бурцев, акад. РАН А.Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н.А. Громов,
д.и.н. И.Л. Жеребцов, д.б.н. В.Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В.А. Ильин, акад. РАН С.В. Кривовичев,
И.В. Курляк, акад. РАН А.В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю.Б. Марин, акад. РАН В.П. Матвеев,
д.и.н. В.И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г.А. Месяц, чл.-корр. РАН А.А. Москалев,
д.э.н. Л.А. Попова, чл.-корр. РАН В.Н. Пучков, д.г.-м.н. А.М. Пыстин, чл.-корр. РАН И.М. Рощевская,
акад. РАН М.П. Рощевский, д.х.н. С.А. Рубцова, д.и.н. Э.А. Савельева, д.и.н. Т.С. Садыков (Казахстан),
чл.-корр. РАН А.Ф. Титов, д.б.н. С.Н. Харин, к.б.н. И.Ф. Чадин, акад. РАН В.Н. Чарушин, д.т.н. Ю.Я. Чукреев,
д.б.н. Е.В. Шамрикова, акад. РАН В.С. Шацкий, д.э.н. А.Г. Шеломенцев, к.э.н. А.А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И.Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И.О. Васкул (зам. ответственного редактора),
д.филол.н. Е.А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д.В. Милохин (ответственный секретарь),
д.и.н. Е.Т. Артемов, д.и.н. А.М. Белавин, д.и.н. А.А. Бровина, д.филол.н. Т.Г. Владыкина, чл.-корр. РАН А.В. Головнев,
д-р наук И. Жепниковская (Польша), д.и.н. А.Е. Загребин, д.филол.н. Т.И. Зайцева, к.и.н. Н.М. Игнатова,
д.и.н. В.А. Исупов, д.филол.н. Л.Л. Карпова, д-р наук Г. Клумпп (Эстония), к.и.н. П.П. Котов,
к.филол.н. Ю.А. Крашенинникова, д.и.н. Е.Ф. Кринко, д.филол.н. Р.А. Кудрявцева, к.филол.н. Т.Л. Кузнецова,
д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Лёте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова),
д.и.н. М.А. Мацук, д.и.н. В.И. Меньковский (Беларусь), к.филол.н. А.Г. Мусанов, д-р филос. З. Надь (Венгрия),
д.филол.н. О.И. Налдеева, д.и.н. П.Ю. Павлов, д.и.н. И.В. Побережников, д.филол.н. В.А. Поздеев,
д.и.н. С.А. Прокопенко, д.и.н. А.В. Репневский, акад. РАН В.Н. Руденко, д.и.н. Т.С. Садыков (Казахстан),
д.геогр.н. В.И. Силин, д.и.н. А.В. Сперанский, к.и.н. М.В. Таскаев, д.и.н. Ю.П. Шабаев,
д.филол.н. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С.Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77-26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН», 2023

Science Journal

Founded in 2010

Published 8 times a year

Established by

Federal State Budgetary

Institution of Science

Federal Research Centre

«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 5 (63)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2023

Editor-in-chief – RAS acad. A.M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S.V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V.N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D.V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V.V. Alekseev, RAS acad. A.A. Baryakh, RAS acad. V.I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E.R. Bojko,
RAS corresp. member I.N. Bolotov, RAS acad. V.N. Bolshakov, PhD. (Econ.) (Bulgaria) K. Borisova-Marinova,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) (Poland) T.M. Brechko, Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I.N. Burtsev, RAS acad. A.D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N.A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V.G. Zainullin,
RAS corresp. member V.A. Ilyin, RAS acad. S.V. Krivovichev, I.V. Kurlyak, RAS acad. A.V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu.B. Marin, RAS acad. V.P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) (Belarus) V.I. Men'kovsky,
RAS acad. G.A. Mesyats, RAS corresp. member A.A. Moskalev, Cand. Sci. (Chem.) A.Ya. Polle,
Dr. Sci. (Econ.) L.A. Popova, RAS corresp. member V.N. Puchkov, Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A.M. Pystin,
RAS corresp. member I.M. Roshchevskaya, RAS acad. M.P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S.A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E.A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) (Kazakhstan) T.S. Sadykov, RAS corresp. member A.F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S.N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I.F. Chadin, RAS acad. V.N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu.Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E.V. Shamrikova, RAS acad. V.S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A.G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A.A. Yudin

Editorial Board of the series «History and Philology»:

Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I.O. Vaskul (deputy executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) E.A. Tsypanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D.V. Milokhin (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) E.T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A.M. Belavin, Dr. Sci. (Hist.) A.A. Brovina, Dr. Sci. (Philol.) T.G. Vladykina,
RAS corresp. member A.V. Golovnev, Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A.E. Zagrebin,
Dr. Sci. (Philol.) T.I. Zaitseva, Cand. Sci. (Hist.) N.M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V.A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L.L. Karpova,
Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Cand. Sci. (Hist.) P.P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu.A. Krashenninnikova,
Dr. Sci. (Hist.) E.F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R.A. Kudryavtseva, Cand. Sci. (Philol.) T.L. Kuznetsova,
Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia),
PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (Hist.) M.A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus),
Cand. Sci. (Philol.) A.G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O.I. Naldeevea,
Dr. Sci. (Hist.) P.Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I.V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V.A. Pozdeev, Dr. Sci. (Hist.) S.A. Prokopenko,
RAS acad. V.N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Repnevsky, Dr. Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan),
Dr. Sci. (Geogr.) V.I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M.V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu.P. Shabaev,
PhD M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S.Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

*The journal is included in the list of peer-reviewed scientific
publications of the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation*

© Federal State Budgetary Institution
of Science Federal Research Centre
"Komi Science Centre, Ural Branch, RAS", 2023

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration -
ПН № ФЦ 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово директора Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» доктора исторических наук И.Л. Жеребцова	7
Приветствие декана исторического факультета Белорусского государственного университета доктора исторических наук, профессора А.Г. Кохановского	8

Изучение российской истории в Белорусском государственном университете

О.А. Яновский, В.И. Меньковский

Белорусский государственный университет в научно-образовательном пространстве Беларуси и России (1917–1991)	9
---	---

М.А. Шабасова

«Догнать и перегнать Америку»: представления об американских достижениях в СССР в 1920–1930-е годы	14
--	----

Г.А. Петаченко

Формирование просоветских студенческих организаций в Европе в 1920-х годах	20
--	----

В.Д. Русецкая

(Пере)форматирование идентичности в империи: внешнеполитический аспект украинского национального дискурса (рубеж XIX–XX веков)	25
--	----

Статьи

А.М. Жульников

Новые данные о производстве железа в Восточной Фенноскандии во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.	30
---	----

С.Ю. Шокарев

Царица Леонида (Шереметева): статус, удел и погребение	41
--	----

М.А. Мацук

Геологические поиски в Арктической зоне Европейского северо-востока России в XVII столетии	49
--	----

С.А. Перевозчикова

Фаянсовая посуда из кварталов по улице Красной поселения «Ижевский завод»	56
---	----

С.П. Колесников

В ожидании «грозы»: Образы грядущей войны с Наполеоном в общественном сознании населения губерний Европейского Севера России. Историко-документальное и культурно-антропологическое изыскание	67
---	----

Д.Л. Носихин

Противоречия колониальной политики Российской империи, помешавшие колонизации Гавайских островов в начале XIX века	72
--	----

В.А. Бердинских

Князь Петр Долгоруков в вятской ссылке (1843–1844 года)	76
---	----

И.И. Лейман

Предпринимательство купечества Европейского Севера России во второй трети XIX века: возможности и риски (на примере Вологодской губернии)	82
---	----

А.В. Всеволодов

В.В. Верещагин и «изобретение» Севера в литературе и публицистике конца XIX – начала XX века (часть первая)	89
---	----

С.А. Попов

Организация мировых участков на Европейском Севере России в 1861 году	96
---	----

Н.А. Овчинникова, В.А. Саблин, С.В. Тимошина

Организация ветеринарного дела в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века (по документам Государственного архива Вологодской области)	104
--	-----

В.И. Силин	
Взгляды Н.Н. Оглоблина на ситуацию в России после революции 1905 года.....	113
П.А. Сперанский	
Система образования России в годы реформ С.Ю. Витте – П.А. Столыпина в оценках современной отечественной историографии	120
О.А. Куратов	
Внутренние миграции населения Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX века	126
Н.Н. Елкей, Т.С. Садыков	
Некоторые данные, касающиеся просветительской деятельности Хайретдина Болганбаева	130
А.Е. Епифанов	
Из опыта оперативно-служебной деятельности политбюро при начальниках уездных управлений милиции в 1920–1921 годах (по материалам Нижнего Поволжья и Донской области)	138
К.О. Димони	
Чувство хозяина в российской экономической системе конца 1920-х – начала 1950-х годов (по материалам воспоминаний участников производственных процессов)	145
Д.Н. Санин	
От Сталинграда до Ростова: наступление 2-й гвардейской армии (январь – февраль 1943 года)	152
В.А. Агеева, Н.А. Трапш	
Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики	158
В.Э. Шарапов, А.Е. Загребин, Т.Ю. Луцина	
«Воображаемые» финно-угорские народы СССР в проектах американского центра урало-алтайских исследований (1940–1950-е годы)	166
К.А. Гулин	
Структура производственного социума в Советской России второй половины XX века: к постановке проблемы	171
Е.А. Абдраимов, Т.С. Садыков	
Ассамблея народа Казахстана как модель межнационального единства	178
И.Л. Жеребцов, А.А. Попов	
Я.Н. Безносиков – основоположник региональной исторической культурологии	183
Дискуссии	
А.Ф. Старцев	
Особое мнение: Отзыв на обсуждение проблемы, каким этнонимом называть ороков Сахалина (УИЛТА или УЙЛЬТА), организованной журналом «Этнографическое обозрение» в 2022 году	190
Юбилеи	
Галина Валерьяновна Федюнева	198

CONTENTS

Introductory word from the Director of the Institute of Language, Literature and History "FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS" Dr. Sci. (History) I.L. Zherebtsov.....	7
Word of welcome from the Dean of the Faculty of History of Belarusian State University Dr. Sci. (History), Prof. A.G. Kokhanovsky.....	8

Studying Russian history at the Belarusian State University

O.A. Yanovsky, V.I. Men'kovsky Belarusian State University in the scientific and educational space of Belarus and Russia (1917–1991).....	9
M.A. Shabasova «Catching up and overtake America»: perceptions of American achievements in the USSR in the 1920s–1930s	14
G.A. Petachenko Formation of pro-Soviet student organizations in Europe in the 1920s	20
V.D. Rusetskaya (Re)formatting identity in the Empire: the foreign policy aspect of the Ukrainian national discourse (the turn of the XIX–XX centuries).....	25

Papers

A.M. Zhulnikov New data on iron production in Eastern Fennoscandia (second half of the I millennium BC – beginning of the I millennium AD)	30
S.Yu. Shokarev Tsarina Leonida (Sheremeteva): status, appanage and burial	41
M.A. Matsuk Geological explorations in the Arctic zone of the European Northeast of Russia in the XVII century	49
S.A. Perevozchikova Earthenware from the quarters in Krasnaya street of the "Izhevsk Plant" settlement.....	56
S.P. Kolesnikov Waiting for the "thunderstorm": Images of the coming war with Napoleon in the public consciousness of the population of the provinces of the European North of Russia. Historical-documentary and cultural-anthropological research.....	67
D.L. Nosikhin Contradictions of the colonial policy of the Russian Empire that prevented the colonization of the Hawaiian Islands at the beginning of the XIX century.....	72
V.A. Berdinskikh Prince Pyotr Dolgorukov in Vyatka exile (1843–1844).....	76
I.I. Leyman Merchant entrepreneurship in the European North of Russia in the second third of the XIX century: opportunities and risks (case study of the Vologda province).....	82
A.V. Vsevolodov V.V. Vereshchagin and the "invention" of the North in literature and journalism of the late XIX – early XX century (part one).....	89
S.A. Popov Organization of administrative districts in the European North of Russia in 1861	96
N.A. Ovchinnikova, V.A. Sablin, S.V. Timoshina Organization of veterinary service in the Vologda province in the late XIX – early XX centuries (according to the documents of the State Archive of the Vologda Region).....	104
V.I. Silin N.N. Ogloblin's views on the situation in Russia after the 1905 Revolution.....	113

P.A. Speransky	
The education system of Russia in the years of S.YU. Witte – P.A. Stolypin's reforms in the assessment of modern Russian historiography	120
O.A. Kuratov	
Internal migrations of the population of the Pechora Uyezd of the Arkhangelsk Province at the beginning of the XX century	126
N.N. Elkey, T.S. Sadykov	
Some data concerning educational activities of Hairtdin Bolganbaev	130
A.E. Epifanov	
From the experience of operational and service activities of the Political Bureau under the Heads of District militia departments in 1920–1921 (based on the materials of the Lower Volga and Don regions)	138
K.O. Dimoni	
A sense of ownership in the Russian economic system of the late 1920s–early 1950s (based on the memoirs of participants in production processes)	145
D.N. Sanin	
From Stalingrad to Rostov: the offensive of the 2nd Guards Army (January – February 1943)	152
V.A. Ageeva, N.A. Trapsh	
Forced displacement of the civilian population of Taganrog to forced labor in the Third Reich: experience of complex characteristics	158
V.E. Sharapov, A.E. Zagrebin, T.Yu. Lutsina	
"Imaginary" Finno-Ugric peoples of the USSR in the projects of the American Center for Uralic–Altaic Studies (1940–1950s)	166
K.A. Gulin	
Structure of industrial society in Soviet Russia in the second half of the XX century: to the problem statement	171
E.A. Abdraimov, T.S. Sadykov	
Assembly of the people of Kazakhstan as a model of interethnic unity	178
I.L. Zherebtsov, A.A. Popov	
Ya.N. Beznosikov – the founder of regional historical cultural studies	183
Discussions	
A.F. Startsev	
Dissenting opinion: a review on the discussion of the problem of what ethnonym to call the Oroks of Sakhalin (<i>UILTA</i> or <i>UYL'TA</i>), organized by the journal "Ethnographic Review" in 2022	190
Anniversaries	
Galina Valeryanovna Fedyleneva	198

**Вступительное слово директора
Института языка, литературы
и истории ФИЦ «Коми научный
центр Уральского отделения
Российской академии наук»
доктора исторических наук
И.Л. Жеребцова**

г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

**Introductory word from the Director
of the Institute of Language,
Literature and History,
“FRC Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS”
Dr. Sci. (History) I.L. Zherebtsov**

Sykttyvkar
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Представленный номер «Известий Коми научного центра УрО РАН. История и филология» уникален, поскольку в нем впервые публикуется специальный тематический раздел, подготовленный совместно с зарубежными коллегами – историческим факультетом Белорусского государственного университета (далее – БГУ) и журналом «История. Журнал Белорусского государственного университета». Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук и редколлегия нашего журнала имеют обширный опыт сотрудничества с учеными многих регионов России и других стран, но научные контакты с учеными Беларуси имеют для нас особое значение в силу их длительности и глубины.

Это многостороннее сотрудничество, проверенное временем. Наши исследователи признательны белорусским коллегам за возможность публиковаться на страницах ведущих научных изданий Республики Беларусь, таких как, в первую очередь, «История. Журнал Белорусского государственного университета», за приглашения участвовать в проводившихся в Республике Беларусь крупных международных научных форумах «Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX–начала XXI века», «Первая мировая война в исторических судьбах Европы», «От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права» и др. Мы приветствуем участие ученых исторического факультета БГУ и других исследователей Беларуси в проводящихся в Республике Коми научных конференциях, в журналах «Известия Коми научного центра УрО РАН. История и филология», «Историческая демография» и других изданиях.

Но самое главное – это совместные исследования по актуальным научным проблемам, к которым существует взаимный интерес. В их числе – международная историография советской истории, политическая и социальная история, историческая демография. Результатами таких исследований стали совместные публикации ученых исторического факультета БГУ и Института языка, литературы

и истории, вышедшие в Минске и Витебске (Беларусь), Сыктывкаре, Ижевске и Оренбурге (Россия), Банске-Быстрице (Словакия), среди которых особого упоминания заслуживают: учебное пособие «История России и Украины (XX–начало XXI в.)» (Белорусский госуниверситет), монография «Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии» (Сыктывкар), монографии «“Socialist city”: Idea and its realization in the Soviet Union 1920's and 1930's» и «GULAG: ideology and economy of forced labour in the XX century» (Университет Матея Бела).

Значимой стороной сотрудничества является проведение совместных научных форумов. С 2009 г. ученые исторического факультета БГУ представлены в организационных комитетах и в числе основных пленарных докладчиков серии международных симпозиумов по исторической демографии, проводящихся в Сыктывкаре (совместными усилиями проведено 12 таких научных форумов). Важной вехой углубления научно-организационного сотрудничества стало создание в 2019 г. по инициативе ученых Минска и Сыктывкара Международного программного комитета цикла международных симпозиумов «Образ СССР для страны и мира: репрезентация Советского Союза 1930–1950-х годов в историографии, исторической памяти и исторической политике» с участием научных учреждений, высших учебных заведений, общественных организаций и отдельных ученых Беларуси, России и других стран. Первый симпозиум из этой серии, посвященный «угольным» городам и поселкам Советского Союза, организованный совместно с Коми республиканским благотворительным общественным фондом жертв политических репрессий «Покаяние», состоялся 7–11 октября 2019 г. в Инте и Печоре.

Из сказанного выше понятно, почему Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН именно с историческим факультетом БГУ подготовил первый в истории журнала «Известия...» совместный тематический раздел, посвященный изучению российской истории в Белорусском государственном университете. Публикации, включенные в этот раздел, позволяют достаточно обстоятельно ознакомиться с местом Белорусского государственного университета в научно-образовательном пространстве Беларуси и России и с конкретными направлениями исследований ученых исторического факультета БГУ.

**Приветствие декана исторического
факультета Белорусского
государственного университета
доктора исторических наук,
профессора А.Г. Кохановского**

**Word of welcome from the Dean
of the Faculty of History
of Belarusian State University
Dr. Sci. (History),
Prof. A.G. Kokhanovsky**

Белорусский государственный университет в октябре 2021 г. отпраздновал свой 100-летний юбилей. Исторический факультет БГУ в октябре 2024 г. будет отмечать 90-летие с начала образовательной и научной деятельности. Это знаковые события не только для преподавателей, научных сотрудников и студентов первого отечественного белорусского университета, но и для всей Республики Беларусь. Непреложный факт: создание БГУ стало возможным благодаря многовекторной помощи со стороны политических и интеллектуальных кругов России, как и развертывание преподавания в его стенах сначала истории России, а затем истории народов СССР. Эту миссию в 1920-е гг. выполняли ученые-россиеведы, профессионально состоявшие в Московском, Санкт-Петербургском и других университетах Российской империи. Они заложили научные традиции, определили направления исследований, в которых российская проблематика органично сопрягалась с вопросами изучения белорусской истории.

После провозглашения независимости Республики Беларусь, когда «канул в лету» Советский Союз, встала задача найти оптимальное решение при преобразовании двух кафедр истории СССР (досоветского периода и эпохи социализма). Первоначально была сделана попытка соединить в одной учебно-научной институции, кафедре, два достаточно особых направления: российскую историю и историю славянского мира. Но в 1998 г. на историческом факультете были созданы две самостоятельные кафедры – кафедра истории России и кафедра истории южных и западных славян. Тем самым для двух коллективов преподавателей и ученых-историков четко определялись направления их учебной и исследовательской деятельности.

За прошедшие годы коллектив кафедры истории России в полной мере реализовал первоначально определенные целевые установки: вернуть в БГУ и в целом в Республику Беларусь полноценное россиеведение. Это выразилось в том, что сразу был взят курс на написание собственны-

ми силами комплекса учебных пособий по общему курсу российской истории. Здесь надо подчеркнуть тот факт, что смысл данного курса, рассчитанного на преподавание в течение пяти семестров, после долгих дискуссий определили максимально объемным. История России изучается студентами в органичной связке с историей соседних государств, всего постсоветского пространства. Древняя, имперская и советская история дают возможность изучать историческое прошлое соседних государств и народов в общем процессе формирования их современных границ, рассматривать общее и особенное в их судьбах.

В основе учебной работы коллектива кафедры истории России положен принцип прямого соотнесения приоритетных направлений личных научных исследований в области россиеведения с конкретикой преподаваемых общих и специальных курсов. Среди преподавателей кафедры есть специалисты высшей научной квалификации и по истории Древней Руси, и по российской средневековой истории, и по новистике. Важно, что они занимаются комплексной разработкой проблем российской истории во всем ее многообразии.

Кафедра истории России исторического факультета Белорусского государственного университета состоялась как в учебно-образовательном, так и научно-исследовательском отношении. Результаты ее деятельности стали возможны во многом благодаря плодотворному сотрудничеству с российскими коллегами. Для нас чрезвычайно важны регулярные творческие контакты с российскими регионами, среди которых Республика Коми, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН занимают особое место. В специальном тематическом разделе журнала «Известия Коми НЦ УрО РАН» мы представляем вниманию российских коллег наши исследования и считываем на возможность публикации научных статей историков Республики Коми в журнале «Журнал БГУ. История».

Изучение российской истории в Белорусском государственном университете

УДК 378.4(470+476)"1917/1991"

DOI 10.19110/1994-5655-2023-5-9-13

Белорусский государственный университет в научно-образовательном пространстве Беларуси и России (1917–1991)

О.А. Яновский, В.И. Меньковский

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь
helgoleg@mail.ru
menkovski@bsu.by

Аннотация

Анализируется становление и развитие Белорусского государственного университета в процессе формирования современного белорусского государства. Отмечается особая роль российского научного сообщества в подготовке университетских кадров, создании научных школ, формировании академической мобильности. Авторы рассматривают этапы двустороннего сотрудничества, характеризуют их константы и особенности. Делается вывод о постоянном взаимовыгодном развитии отношений на протяжении XX в., поиске и реализации новых форм кооперации после формирования государственности Республики Беларусь и Российской Федерации.

Ключевые слова:

Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Российская Федерация, Советский Союз, научная школа

Введение

Решение о создании Белорусского государственного университета (далее – БГУ) было принято Центральным Исполнительным Комитетом Белорусской Социалистической Советской Республики 25 февраля 1919 г. Однако организационные работы по его открытию затянулись в связи со временной оккупацией Минска. В мае 1921 г. был объявлен прием на рабочий факультет, а 11 июля на торжественном заседании в городском театре обнародован текст Декрета об открытии БГУ. 30 октября 1921 г. состоялось торжественное собрание, посвященное началу занятий.

Первым ректором университета Народный комиссариат просвещения БССР назначил выдающегося историка – россиеведа и слависта, выпускника историко-филологического факультета Московского университета, профессора

Belarusian State University in the scientific and educational space of Belarus and Russia (1917–1991)

O.A. Yanovsky, V.I. Men'kovsky

Belarusian State University,
Minsk, Belarus
helgoleg@mail.ru
menkovski@bsu.by

Abstract

The formation and development of the Belarusian State University in the process of formation of the modern Belarusian state is analyzed. The special role of the Russian scientific community in the training of university personnel, the creation of scientific schools, and the formation of academic mobility is noted. The authors consider the stages of bilateral cooperation, characterize their constants and peculiarities. The conclusion is made about the constant mutually beneficial development of relations throughout the XX century, the search and implementation of new forms of cooperation after the formation of the statehood of the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Keywords:

Belarusian State University, Republic of Belarus; Russian Federation, Soviet Union; scientific school

Владимира Ивановича Пичету. Профессорско-преподавательский состав в основном был сформирован кадрами Московского, Казанского и Киевского университетов.

Результаты и их обсуждение

I. *Этап XIX – начало XX в.* В условиях XIX – начала XX в. не могло быть и речи о развертывании в «Северо-Западном крае» Российской империи системы высшей школы, концентрации ученых в тех или иных научных сообществах, а тем более в Академии наук. Политика имперских властей была простой: не дать возможности населению этих «окраин» через постижение высших знаний прийти к выводу о причинах национального, религиозного да просто индивидуально-человеческого угнетения.

С другой стороны, и светские, и церковные властители всячески стремились демонстрировать свою благосклонность к интеллектуальной части подданных, основывали и патронировали университеты, академии, одновременно отслеживая состояние настроений преподавателей, ученых, в особенности студентов. В том числе с «окраин» империи.

II. *Этап революции 1917 г.* Революции начала XX в., захлестнувшие Россию, принесли на белорусские земли надежду на создание «своего», национального по духу, университета. Этот вопрос был одним из ключевых в повестке дня Учредительного съезда, состоявшегося в декабре 1917 г. в Минске. Известные российские ученые, имевшие очевидные белорусские жизненные и творческие «корни», Е.Ф. Карский и М.В. Довнар-Запольский, представили в конце 1917 – начале 1918 г. каждый свой проект Белорусского университета. Идея создать университет с 1918 г. нашла отражение в уставных документах Белорусской Народной Республики (далее – БНР). Но до практической реализации идей и планов дело не дошло. Острая политическая ситуация, две оккупации (немецкая и польская) значительных белорусских территорий (включая Минск), отсутствие реальной власти – не позволяли до начала 1919 г. приступить к решению давно наболевшего вопроса.

III. *Этап реального решения вопроса (февраль 1919 – лето 1921 гг.).* После принятия политического решения ЦК РКП(б) было декларировано создание Социалистической Советской Республики Белоруссии (далее – ССРБ). Одним из первых постановлений ЦИК Советов этой республики был декрет от 25 февраля 1919 г. об открытии в Минске первого белорусского университета с его четко указанным государственным статусом. Реально решение было принято 24 февраля, и докладывал его уроженец Вологодчины Иван Савватиевич Савватиев, бывший на то время заведующим Минским губернским отделом народного образования. Решение исходило из того, что материально-финансовое обеспечение БГУ – задача правительства РСФСР.

Именно с начала 1919 г. есть все основания вести отсчет первого этапа белорусско-российского сотрудничества в сферах как высшего образования, так и науки. Он охватил время с февраля 1919 до лета 1921 гг. Каковы его главные характеристики? С именами каких людей у нас есть основания его ассоциировать?

Прежде всего, совместно решались кадровые вопросы, в особенности по составу первой профессуры БГУ. Шли споры о факультетской структуре, о сути и по наполнению дисциплинами учебных планов, изыскивались возможности для хотя бы сколь-нибудь достойного материального обеспечения – от учебных зданий до квартир преподавателей, от поиска и закупки оборудования до расселения первых студентов, от формирования фонда университетской библиотеки до определения первоочередных научных направлений и др.

Решением сотен вопросов совместно занимались правительственные органы Минска и Москвы. От Наркомпроса РСФСР Белорусский университет «курировали» М.Н. Покровский и В.Т. Тер-Оганесов, в Минске же он был проблемой для ежедневных решений чуть ли не всех наркоматов.

А «первые лица» республики занимались им постоянно, в особенности А.Г. Червяков и В.М. Игнатовский.

Организационные работы осуществлялись системно и под постоянным контролем двух комиссий: одна – в Минске, другая – в Москве. В них вошли многие выдающиеся российские ученые, имевшие богатый опыт организаторов высшей школы и прекрасно усвоившие непреложный факт, что без научного сопровождения учебной деятельности университета он не сможет стать полноценным. Поэтому сразу был взят курс на создание БГУ по образцам ведущих европейских и российских университетов.

Одним из тех, кто понимал, что для настоящего возрождения и развития Беларуси нужен мощный учебно-научный центр на самой ее территории, был историк В.И. Пичета. С февраля 1919 г. его активно подключили к проведению организационных работ по подготовке открытия университета в Минске. Под руководством бывшего ректора бывшего же Императорского Варшавского университета Е.Ф. Карского при Минском губернском комиссариате народного образования работала Минская организационная комиссия. Московскую возглавлял член коллегии отдела высших учебных заведений В.Т. Тер-Оганесов, потом В.П. Волгин. После освобождения Минска в июле 1920 г. обе комиссии в значительно измененных составах продолжили свою деятельность. На правах члена вошел в московскую комиссию и В.И. Пичета. В октябре 1920 г. по предложению правительства советской Беларуси он был назначен ее председателем.

С начала 1921 г. местные руководители наметили на место ректора В.И. Пичету – «по своим политическим взглядам близкого к коммунистам». И с апреля 1921 г. Владимир Иванович возглавил БГУ. Тем самым можно считать, что данный этап завершился, и он характеризовался теснейшим взаимодействием белорусских и российских политических и интеллектуальных сил в деле создания первого белорусского университета.

IV. *Этап начала реальной деятельности БГУ (лето-осень 1921 г.).* Разумеется, обозначаемая градация на этапы весьма условна. Многое тогда зависело от политических событий и процессов, устремлений и позиций сотен конкретных личностей, а главное – от осознания степени национальной принадлежности нового университета и его миссии.

Торжественное открытие Белорусского государственного университета состоялось 30 октября 1921 г. Он начал свою деятельность в составе двух факультетов (общественных наук и медицинского), а также подготовительно-го к поступлению в вузы – рабочего. Первые факультеты БГУ возглавили известные в то время ученые: нарком просвещения Беларуси, историк-белорус В.М. Игнатовский, профессора белорусского и русского происхождения – химик Б.М. Беркенгейм, медик М.Б. Кроль, историк Н.М. Никольский, литературовед Н.М. Пиотухович. Все они получили свои высокие профессиональные знания в российских и европейских университетах и научных лабораториях. Так что сразу формировался великолепный сплав совершенного интеллектуального профессионализма и безудержной энергии в реализации накопленного национального потенциала.

Несомненный интерес представляет список из почти 100 фамилий, который университетские архивисты в 1938 г. составили при передаче личных дел профессоров в Центральный госархив. Это имена ведущих ученых БГУ, работавших в университете в 1920-е гг. В списке те, кто первыми приступили к занятиям и научным исследованиям в БГУ с октября 1921 г. те, кто вскоре пришел им на помощь, и те, кто стал заменять их в силу разных обстоятельств – естественной смерти, спонтанных отъездов из Минска, репрессий конца 1920 – начала 1930-х гг.

V. Этап как полноценного развития БГУ, так и время горьких потерь (середина 1920 – начало 1940-х гг.). На этом этапе сотрудничества не только в БГУ, но и в целом в БССР отстраивались механизмы и институты, позволявшие формировать белорусскую науку с наполнением ее максимально возможными составляющими. На первых порах приоритет оказался на стороне гуманитарных наук. Ведь белорусам, прежде всего, надо было разобраться в самих себе, в своей истории, культуре, языке и т.д. В 1922 г. стал действовать Институт белорусской культуры – первое комплексное научное учреждение Беларуси. Его устав был разработан учеными БГУ во главе с В.И. Пичетой и развит специальной комиссией во главе с Е.Ф. Карским. Институт был сориентирован на разработку проблем в русле «белорусского возрождения», когда приходилось буквально по крупицам собирать и систематизировать все, что относилось к белорусской филологии, истории, этнографии, географии, почвоведению, терминологии и т.д. И эти вопросы самым активным образом вошли в круг исследовательских интересов российских и украинских ученых, приехавших в Беларусь.

Ученые БГУ уже с 1921 г. были объединены двумя научными товариществами, абсолютно демократичными по своей организации и направлениям исследований. Это были Научное общество БГУ и Минское общество истории и древностей. Профессура и даже простые ординаторы медицинского факультета, врачи городских больниц и клиник собирались в стенах БГУ для обсуждения научных проблем в своем особом научном собрании. В этих научных сообществах самую активную роль играли российские ученые, которые с энтузиазмом взялись за исследования, максимально приближенные к специфике и потребностям советской Беларуси. Все вопросы, в том числе научного характера, детально обсуждались на заседаниях университетского Совета.

Как бы некий подэтап этого большого этапа сотрудничества, о котором мы ведем речь, условно можно завершить 1928–1929 гг. Для Беларуси это было тяжелое время, когда эйфория созидания нового сменялась горькими реалиями усвоения «крутого поворота» на идеологическом фронте, а более всего – на фронте слома парадигм нэпа и мучительного выстраивания властью канонических для общества и каждого гражданина матриц «индустриализации», «коллективизации», «культурной революции». Точкой завершения данного периода можно считать отстранение В.И. Пичеты от ректорства в университете, а также – учреждение Белорусской академии наук (далее – БАН). Эти два как бы разные по сути события произошли в 1928 г.

Тем не менее уже в конце декабря Владимир Иванович вместе с другими 30 наиболее «знаковыми» учеными Беларуси был утвержден в первом списке академиков созданной Белорусской академии наук. Среди первых белорусских академиков девять являлись уроженцами различных регионов России, шесть – Украины, один (Н.Я. Марр) – Грузии, один (С.Ю. Матулайтис) – Литвы.

Затем начался разгром Академии, моральное и физическое уничтожение академиков. А БГУ, как и другие созданные в 1920-е гг. институты, не только был «разукрупнен», но и лишился основной части своей профессуры. Некоторые сумели вовремя уехать в РСФСР, но многие наряду с белорусскими по происхождению учеными и педагогами были уличены если не в «национал-демократизме», то в великодержавном шовинизме». И были репрессированы.

Но все же жизнь науки и высшей школы не остановилась. В созданном на базе БГУ Минском высшем пединституте преподавалась история России (была даже отдельная кафедра), а вскоре и история СССР стала излагаться приехавшими из России В.Ю. Гессеном, М.Б. Юговым, М.А. Поташевым.

Одновременно почти к нулевой отметке фактически скатилась разработка собственно белорусской истории. К написанию «марксистской» истории БССР стали привлекаться новые кадры. Одним из наиболее проявивших себя на этом поприще стал В.К. Щербаков – уроженец Беларуси, в скором времени ставший вице-президентом Белорусской АН, директором ее Института истории и первым деканом истфака БГУ. История БССР на факультете читалась в курсе истории СССР, что тогда и позже определялось собственно российской историей. В Институте истории БАН был создан сектор «истории народов СССР и БССР».

По-прежнему определенный приоритет в творческих контактах с россиянами отдавался представителям гуманитарных наук, а в особенности истории. Например, для налаживания преподавания курса истории народов СССР (вместо бывшего – истории России) в Минске, как тогда стало привычным явлением, «наездами» работали набравшие в науке профессиональный и административный статус П.И. Анатольев, В.Н. Бочкарев, К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.И. Малышев, Е.А. Мороховец, М.Г. Седов и другие московские и ленинградские историки. А В.В. Мавродин даже некоторое время таким непостоянным образом руководил кафедрой истории народов СССР истфака БГУ. Попытки пополнить преподавательские кадры факультета московскими и ленинградскими историками были вынужденными. Они не оправдали себя в полной мере. Работать «наездами» по-настоящему историки просто не могли.

Привлечь российскую интеллектуальную молодежь в Минск удалось во второй половине 1930-х гг. На истфаке появились его будущие «светилы» – россиеевед А.П. Пьянков (выпускник Пермского университета и преподаватель Полтавского пединститута), знаток истории Нового времени Л.М. Шнейерсон (аспирант-выпускник ЛГУ), антиковед В.И. Шевченко (выпускник ЛГУ и преподаватель Псковского пединститута), белорусовед И.С. Кравченко (выпускник Северо-Кавказского коммунистического университета и Института красной профессуры) и др.

VI. *Этап периода Великой Отечественной войны.* Это один из самых сложных этапов. Несомненным отличием следует признать не только изменение всего ритма жизни страны и ее граждан, но и факт изменения характера сотрудничества в интеллектуальной сфере, которая как никогда ранее была востребована в практической области. Представители естественных наук свои взгляды сориентировали на разработки, позволявшие приблизить победу над врагом. Примеров инновационности их научных усилий достаточно много, а некоторые стали просто прорывными. Гуманитарии обосновывали неотвратимость возмездия, вели педагогическую деятельность в отдаленных вузах и школах России.

Ярким олицетворением данного этапа сотрудничества можно считать возрождение в 1943 г. на станции Сходня под Москвой Белорусского государственного университета. Это был настоящий совместный подвиг – и руководства двух советских республик, и интеллектуалов. Чуть ли не каждый шаг, пройденный на этом тяжелом пути, удалось с помощью архивных документов, воспоминаний и других источников проследить и восстановить. Однако следует признать, что полная картина тогдашних колдований во имя продолжения науки и образования требует гораздо более скрупулезного исследования.

VII. *Этап восстановления потерянного и движения вперед.* Это значительный отрезок времени с 1945 г. по начало 1960-х гг. Стояла задача быстро и с максимально возможным плодотворным эффектом восстановить порушенную войной значимую образовательно-научную сферу. И в данном случае вновь необходимы были, как никогда ранее, помощь, взаимодействие. И эту помощь в очередной раз оказала Россия. В послевоенное чуть ли не двадцатилетие в БССР из самых разных вузов и научных учреждений РСФСР стали приезжать (в большей степени в Минск) маститые, уже прочно состоявшие в своей профессии ученые. Их уровень в значительном большинстве случаев был профессорский. Приезжали и сразу становились основателями целых научных направлений, которые плодотворно развивались в последующие годы. Конечно, приезжали и молодые, подающие надежды ученые. И здесь становились «светилами».

Отметим, что этот процесс был не хаотичным, а глубоко осмысленным руководителями двух республик, их АН и вузов. Так, в БГУ и АН БССР одним из инициаторов такого восполнения кадрового потенциала был выдающийся физик, академик и университетский ректор А.Н. Севченко. Уроженец Смоленщины, выдающийся нейрохирург и ученый в области неврологии Николай Иванович Гращенков в 1947 г. был назначен президентом АН БССР и также много сделал для восстановления кадрового потенциала белорусской науки, развития в БССР медицинского образования. Сегодня можно говорить о том, что в Беларуси проблематика восстановления народного хозяйства дополнялась задачами создания новых направлений в науке, которые бы позволили наладить самые современные производства. Поэтому были востребованы физики, химики, биологи, математики, гидрологи, специалисты в области «прикладных наук». Но и интерпретаторы «политики партии и правительства», которым по силам было обосновать любой поворот в иде-

ологическом обеспечении «строительства социализма и коммунизма», в лице гуманитариев разных направлений знаний по-прежнему гармонично дополняли белорусских коллег в аудиториях и научных кабинетах.

VIII. *Этап новых масштабов сотрудничества.* Условно его можно очертить 1962–1991 гг. Наметившиеся ранее тенденции были продолжены. В Беларусь целенаправленно приглашались те, кто был замечен из Минска как подающий надежды ученый. В республике на новом уровне постановки и решения актуальных задач науки и образования – и в фундаментальном, и прикладном их воплощении – стремились как можно быстрее и успешнее реализовывать самые современные направления в области научно-технического прогресса. Приходилось рассчитывать на молодые творческие силы, так как «мэтров» российской науки уже было не так просто завлечь в советскую провинцию. Оказалось, что ставка на молодые таланты в полной мере себя оправдала. В это двадцатилетие они во всю силу проявили себя, создали новые направления в науке, свои школы.

Заключение

С распадом Советского Союза и углублением осознания своей суверенности, а значит, ответственности за все, от чего зависит благополучие страны и ее граждан, вопросы сотрудничества перешли несколько в другую плоскость. На данном, продолжающемся и поныне, как бы IX, этапе белорусско-российского сотрудничества в области образования и науки приоритеты отданы не простому перемещению ученых из России в Беларусь, а налаживанию эффективных, долговременных, тщательно обоснованных контактов, реализующих взаимные интересы и нацеленные на практическую выгоду. Создание прочных устоев независимости сегодня немыслимо без эффективной, постоянно модернизируемой национальной экономики. Создавать и крепить такие устои возможно только на основе самых совершенных знаний, инновационности, и в целом будущее – за высокими технологиями во всех областях производства. Поэтому расчеты на то, что один или десять самых светлых умов, неким образом завезенных извне, обеспечат экономику знаний, не состоятельны. Возможности для этого сокрыты в плотной интеграции, взаимовыгодном сотрудничестве, но при обеспечении приоритета собственных национально-государственных интересов.

Рассмотрение направлений, характера и результатов современных всевозможных творческих контактов – предмет отдельного разговора. В особенности, если брать в расчет приоритетность личностного фактора, интеллектуальное начало самых, может быть, на сегодня фантастических решений и открытий в постижении Человека и Вселенной. Однако очевидно, что контакты развиваются как в общегосударственных масштабах, так и региональных. Но более всего и эффективнее всего – в масштабе двусторонних связей, договоренностей, выполнения конкретных совместных проектов. Примеров подобного сотрудничества не счесть. Важно, что день сегодняшний с нарастающей силой определяет непреходящее значение для всех сфер жизнедеятельности образования и науки интеллектуальное сотрудничество, интеграцию, взаимовыгоду.

Информация об авторах:

Яновский Олег Антонович – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4; e-mail: helgoleg@mail.ru).

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4; e-mail: menkovski@bsu.by).

Authors:

Oleg A. Yanovsky – Cand. Sci. (History), Prof., Head of the Department of Russian History, Faculty of History of Belarusian State University. (4, Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus; e-mail: helgoleg@mail.ru).

Vyachaslav I. Men'kovsky – Dr. Sci. (History), Professor at the Department of Russian History, Faculty of History of Belarusian State University. (4, Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus; e-mail: menkovski@bsu.by).

Для цитирования:

Яновский, О.А. Белорусский государственный университет в научно-образовательном пространстве Беларуси и России (1917–1991) / О.А. Яновский, В.И. Меньковский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 9–13.

For citation:

Yanovsky, O.A. Belarusian State University in the scientific and educational space of Belarus and Russia (1917–1991) / O.A. Yanovsky, V.I. Men'kovsky // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 9–13.

Дата поступления статьи: 01.06.2023

Прошла рецензирование: 15.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 01.06.2023

Reviewed: 15.06.2023

Accepted: 16.06.2023

«Догнать и перегнать Америку»: представления об американских достижениях в СССР в 1920–1930-е годы

М.А. Шабасова

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь
shabasovamarina@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается отношение советского руководства и советской академической и технической интеллигенции к заимствованию технических достижений и процессов организации труда и производства у Соединенных Штатов Америки. Автор приходит к выводу, что с момента прихода большевиков к власти ими была признана необходимость учиться у капиталистов. В 1920–1930-е гг. велась борьба за «американизацию» СССР, под которой понималось создание передового эффективного производства, основанного на рациональном использовании труда и новейшем техническом оснащении. Для преодоления отсталости считалось необходимым в первую очередь заимствовать американскую технику. При этом озвучивалась убежденность в конечном превосходстве социализма над капитализмом.

Ключевые слова:

СССР, США, фордизм, тейлоризм, организация труда и производства, техника

Приход к власти в октябре 1917 г. позволил большевикам утверждать, что в России установился новый прогрессивный политический строй, несущий истинную демократию и перспективы творческого развития не только угнетенным слоям общества внутри самой страны Советов, но и надежду на подлинное освобождение эксплуатируемым массам в капиталистическом мире.

Если в передовом характере социализма, равно как и будущей победе его идеалов на всех фронтах, советское руководство, очевидно, не сомневалось, то настоящее состояние советского народного хозяйства оценивалось им более чем реалистично. На протяжении 1920–1930-х гг. экономическая отсталость СССР и превосходство западных стран в вопросах технического и технологического развития, создания современного промышленного сектора и организации труда признавались на удивление легко. Ведь то, что большевики могли считать своими завоеваниями и что декларировалось в качестве достижений нового строя, – пролетарское государство, труд в интересах самих трудящихся, уничтожение эксплуатации, равные возмож-

«Catching up and overtake America»: perceptions of American achievements in the USSR in the 1920s–1930s

M.A. Shabasova

Belarusian State University,
Minsk, Belarus
shabasovamarina@gmail.com

Abstract

The paper deals with the attitude of the Soviet leadership and the Soviet academic and technical intelligentsia to borrowing technical achievements as well as labor and production management from the USA. The author comes to the conclusion that since the Bolsheviks came to power, they recognized the need to learn from the capitalists. In the 1920s–1930s the country was undergoing the process of "Americanization" that presupposed the creation of advanced efficient production based on the rational use of labor and the latest technical equipment. To overcome backwardness, it was considered necessary, first of all, to borrow American technology. At the same time, the conviction in the ultimate superiority of socialism over capitalism was voiced.

Keywords:

USSR, USA, Fordism, Taylorism, labor and production management, technology

ности для всех – было лучше, перспективнее, достойнее, чем у капиталистов. Экономическая неразвитость и техническое отставание достались в наследство от старого режима, и стесняться их у советской власти причин не было.

Положить конец этой вековой отсталости, однако, являлось первоочередной задачей, стоявшей перед новыми хозяевами страны. Это было необходимо не просто для успешного превращения советского государства в современную промышленную державу, но и для элементарного выживания во враждебном капиталистическом окружении. Еще в сентябре 1917 г. В. Ленин писал: «В силу ряда исторических причин <...> в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны... Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» [1, с. 198]. «Догнать и перегнать» станет для советских лидеров на десятилетия неизменным руководством к действию, определявшим внутреннюю политику

и экономические приоритеты. Конкретные показатели, по которым следовало опередить капиталистов, могли меняться вместе с вызовами времени и советскими лидерами. Неизменным оставался объект «преследования»: именно капиталистические страны ассоциировались с современностью, развитием, эффективностью.

Демонстрируя решимость в сжатые сроки проделать путь, по которому западные страны шли столетиями, большевики считали необходимым позаимствовать их опыт. Перенесение западных достижений на советскую почву считалось необходимым условием прогресса. В качестве эталона, на который особенно следовало равняться и в первую очередь «догнать и перегнать», выступали Соединенные Штаты. В 1920–1930-е гг. на разных уровнях обсуждались принципы фордизма и тейлоризма. Книга Г. Форда «Моя жизнь, мои достижения» издавалась в 1924–1928 гг. девять раз. Нижний Новгород, где строился автомобильный завод, должен был стать «советским Детройтом». Настоящий же Детройт буквально превратился в имя нарицательное, олицетворяя собой рациональность, и индустриальный прогресс и виделся городом будущего, а следовательно, прообразом для советских городов.

Равнение на Америку имело и практическое наполнение. Металлургические комбинаты в Магнитогорске и Кузнецке должны были превзойти крупнейший в мире металлургический завод «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». ДнепроГЭС, построенная при помощи полковника Хью Купера, который построил в США плотину Вильсона в Теннесси и плотину Кулиджа в Вашингтоне, должна была затмить эти сооружения [2, с. 264]. Архитектор Детройта Альберт Кан спроектировал более полутысячи советских предприятий. Советские специалисты ездили в длительные командировки в США, что позволяло затем модернизировать целые отрасли народного хозяйства в СССР. Американские квалифицированные рабочие и инженеры были широко задействованы на стройках первой пятилетки.

Американская чудо-техника и теория организации производства вызывали в России интерес задолго до революции. Инженеры и предприниматели царской России присматривались к преимуществам фордизма и тейлоризма. Не обходили своим вниманием американский прогресс и большевики. Будучи лидером относительно небольшой социал-демократической партии и бедным эмигрантом без особой надежды дожить до социалистической революции, В.И. Ленин мог позволить себе без оглядки критиковать капитализм и разоблачать его «псевдодостижения». В 1913 г. он писал о тейлоризме как о «научной» системе выжимания пота. Принципы Тейлора рисовались Лениным как безжалостная эксплуатация рабочего: «Заставляют работать самого сильного и ловкого рабочего; отмечают по особым часам – в секундах и долях секунды – количество времени, идущего на каждую операцию, на каждое движение; вырабатывают самые экономные и самые производительные приемы работы; воспроизводят работу лучшего рабочего на кинематографической ленте и т.д. А результате – за те же 9–10 часов работы выжимают из рабочего втрое больше труда, выматывают безжалостно все его силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю

нервной и мускульной энергии наемного раба. Умрет раньше? – Много других за воротами!..» [3, с. 18, 19].

В следующем 1914 г. газета «Путь правды» опубликовала ленинскую заметку «Система Тейлора – порабощение человека машиной», где автор утверждал, что тейлоризм позволяет капиталисту выжать из рабочего все силы, не повышая заработную плату в соответствии с повышением производительности труда. «Все эти громадные усовершенствования делаются против рабочего, ведя к еще большему подавлению и угнетению его». Ленин делает интересное замечание, что научная организация производственного процесса имеет ограниченный характер и позволяет упорядочить труд только внутри фабрики, в то время как общая хаотичность капиталистической системы ведет к неуправляемости рынка сырья и сбыта, а в итоге – к бессмысленным убыткам и кризисам [4].

Возглавив советское государство и столкнувшись с необходимостью восстановления разоренной страны, вождь мирового пролетариата был вынужден признать, что при советском строе американские достижения могли бы послужить на благо страны и трудящихся. В черновиках к статье «Очередные задачи советской власти» 1918 г. Ленин постоянно упоминал тейлоризм, призывал «черпать обеими руками хорошее из-за границы» и вывел поразительную формулу социализма: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = E = социализм» [5, с. 550]. Нетрудно заметить, что единственным озвученным отечественным слагаемым на пути к успеху социализма была политическая составляющая.

В самой статье Ленин, настаивая на необходимости повышения производительности труда и его должной организации, утверждал: «Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями... Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, – как и все прогрессы капитализма, – соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний... Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. <...> Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее» [6, с. 17, 18].

Главную роль в позитивном восприятии американского опыта играла техника. Советские руководители разделяли веру в самоценность машины, которая может преобразовывать действительность и обеспечить строительство социализма. Если капиталистический строй являлся временным злом, а менеджмент и организация труда имели важное, но все же второстепенное значение, то техника и технические инновации наделялись едва ли не божественной силой. Троцкий утверждал, что «освободиться можно только через машину» [7, с. 425]. Технические заимствования не представляли трудности в идеологическом отношении, поскольку, согласно Марксу, техника является нейтральной по отношению к способу производства [8, с. 93]. Более того,

передовая американская техника, поставленная на службу советским трудящимся, могла принести оптимальные результаты, не достижимые при капитализме.

Для советских оценок американского прогресса была характерна двойственность, заключающаяся в признании темной и светлой сторон развития США. В «Письме к американским рабочим» Ленин весьма характерно писал: «Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой» [9, с. 49]. Такое описание США в качестве технологического рая и ада для трудящихся было типичной оценкой заокеанской державы у советских авторов разных уровней и разных времен.

Другой отличительной чертой советских оценок США было утверждение о поверхностном характере американских достижений и невозможности полного раскрытия потенциала практических и теоретических инноваций при капиталистическом строе. В рамках капитализма все изобретения либо носили ограниченный характер и применение, либо становились средством угнетения трудящихся. В Советском Союзе же существовали подходящие условия для того, чтобы западные достижения послужили не эгоистичным целям капиталиста, а общенародным интересам и личному благополучию каждого трудящегося. То есть самое ценное и труднодостижимое – социалистический строй – имелось как раз в стране Советов. Стоило перенять такие «второстепенные» вещи, как техническую оснащенность и организацию труда, и Советский Союз оставил бы капитализм далеко позади.

Весьма характерно на тему частных сиюминутных американских преимуществ при превосходстве советской системы в целом высказывался Л.Д. Троцкий. В статье «Культура и социализм» он писал: «В Соединенных Штатах Северной Америки на жителя приходится в год 500 киловатт-часов энергии, а у нас – всего лишь 20 киловатт-часов, т.е. в 25 раз меньше. Механической двигательной силы вообще у нас в 50 раз меньше на человека, чем в Соединенных Штатах. Советская система, подкованная американской техникой, это и будет социализм. Наш общественный строй даст американской технике иное, несравненно более целесообразное применение. Но и американская техника преобразует наш строй, освободит его от наследия отсталости, первобытности, варварства» [7, с. 438]. В этой же статье Л.Д. Троцкий делает попытку в какой-то степени присвоить американские достижения, давая рекомендации по их видоизменению. К примеру, он призывает отделить старика Форда от фордизма, очистить и обобществить его [7, с. 440]. Отделенный от своего создателя, трансформированный, усовершенствованный фордизм перестал бы быть чисто американским явлением. Такие попытки вырвать американские идеи из американ-

ской почвы и надежно пересадить на советскую регулярно встречаются в советских академических работах.

Необходимость перенять у Америки позитивный опыт видел и И.В. Сталин. В лекциях, прочитанных в 1924 г. в Свердловском университете, он называл характерными чертами ленинского стиля в работе русский революционный размах и американскую деловитость. При этом удельный вес и значимость этих двух составляющих были равнозначными. Без американской деловитости революционный размах рисковал выродиться в «революционную» маниловщину [10, с. 186], т. е. в пустые мечтания и благодушие. Сама американская деловитость определялась как «неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело» [10, с. 187]. Соединение в 1924 г. имени Ленина и американских качеств свидетельствовало о высоком уважении к последним, равно как и признание полной легитимности идеи учиться и заимствовать у «заграницы».

Десять лет спустя, беседуя с Г. Уэллсом, Сталин констатировал, что советские люди многому учатся у капиталистов, обладающих крупными организаторскими способностями. В то же время он был не только весьма далек от того, чтобы безоговорочно признать пропасть, разделявшую русское варварство и американскую современность, но и снисходительно объяснял британскому писателю, что Рузвельту, как бы тот ни старался, не удастся коренным образом реформировать США и создать социалистическую систему хозяйствования, поскольку в Америке нет завоеваний пролетарской революции. Размышления Сталина пронизаны уверенностью в превосходстве советской системы и недостижимости ее высот для американцев [11].

И.В. Сталин, как и остальные большевистские руководители, очевидно, живо интересовался Соединенными Штатами. А.П. Серебровский, создатель советской нефтяной, а затем и золотой промышленности, писал в мемуарах, что перед командировкой в США в 1927 г. его пригласили в кабинет генерального секретаря, где Сталин буквально прочел ему лекцию об истории американской золотодобычи, о развитии Калифорнии, продемонстрировав при этом прекрасное знание американской художественной литературы [9, с. 15–21]. Мемуары А.П. Серебровского были опубликованы в 1936 г., и все, что касалось действий и высказываний вождя, преподносилось исключительно в тоне панегирика и выглядит приукрашенным. Однако сам факт рассуждений Сталина об американском опыте с призывом внимательнее присмотреться к нему представляется вполне достоверным.

Пиетет перед американской техникой, признание необходимости учиться у Соединенных Штатов, уверенность в конечном превосходстве советской системы и возможности полного позитивного раскрытия потенциала американских инноваций именно на советской почве стали основными элементами восприятия Америки советскими лидерами. Озвученные на самом верху эти идеи транслировались на всех остальных уровнях, например, исследо-

вателями, занимавшимися вопросами организации труда в СССР, и советскими специалистами, пересекшими океан с целью ознакомиться с работой целых отраслей.

Научимся и сделаем лучше – вот основной принцип, которому следовали советские практики и теоретики, изучавшие американский опыт. В 1921 г. был открыт Центральный институт труда (далее – ЦИТ), созданный для развития на советской почве идей тейлоризма. Издания книги Г. Форда сопровождалось предисловиями, призванными объяснить советскому читателю достижения американского капиталиста в «истинном свете» и продемонстрировать перспективы американских идей при социализме. Весьма показательным было утверждение, что в Советском Союзе смогли рассмотреть истинную природу Форда и провести черту между Фордом – организатором производства, и Фордом – утонченным эксплуататором трудящихся [13, с. 5]. Констатация ограниченной пользы американских открытий при одновременном желании их видоизменить и творчески переработать, исходя из принципов социализма, характерна для советских теоретических работ по проблемам организации труда и производства.

Воспоминания советских специалистов, посетивших Соединенные Штаты и имевших возможность увидеть не только американские предприятия, но и наблюдать американский образ жизни, были написаны как по специальному канону. Однозначное признание технической оснащенности заводов и фабрик, умения американцев работать, организации производственных процессов и открытости американских коллег, гостеприимно знакомявших советских гостей с работой предприятий, соседствует с описаниями беспощадной эксплуатации рабочих капиталистами, низких зарплат трудящихся, расовых проблем, неуместной религиозности и в то же время бездуховности и поверхностности американского обывателя. Избежать излишних хвалебных отзывов в адрес американских достижений можно было, ограничиваясь безоценочным эмпирическим описанием увиденного либо делая особые оговорки.

Инженер Сталинградского тракторного завода И.Б. Шейнман первую часть своих воспоминаний посвятил увиденному в Америке, а вторую – Сталинградскому тракторному заводу, предоставив читателю самому делать выводы [14]. Мемуары А.П. Серебровского, облазившего в США, по его собственному признанию, каждую шахту [12, с. 37], наполнены критикой американской «надстройки» и убежденностью в силе советской модели. Он, в частности, писал, что «мы в Советском Союзе стали строить по мудрым указаниям Сталина социалистическую золотопромышленность, и скоро перегнали Америку по золотодобыче» [12, с. 35]. Советский ученый и государственный деятель Н. Осинский, стоявший за открытием автомобильного завода в Нижнем Новгороде, посетив Америку в 1926 г., констатировал, что американская промышленность имеет развитые добывающую, металлургическую, строительную, автомобильную отрасли, но присутствуют значительные упущения в обрабатывающей промышленности и транспортной отрасли [15, с. 23, 24].

Поразительно, но авторы мемуаров виртуозно избегали прямого признания высокого уровня потребления в США и,

соответственно, несравнимо более высокого уровня жизни. И все же иногда потрясение от увиденного вырывается из-под пера пораженных авторов, которые, надо полагать, никогда и нигде не встречали такого изобилия. Я.Г. Дорфман писал, как перед предприятием Форда увидел гигантский плац с автомобилями. Он был поражен, узнав, что автомобили принадлежат простым рабочим: «Я обомлел и хотя слышал уже ранее об этом, не поверил. Но вот большая партия вышедших со мною рабочих рассыпалась по одному из углов плаца, и через несколько секунд несколько сотен авто отделились из огромной толпы. А покамест подъехали новые: то новая смена шла на работу» [16, с. 117].

С момента прихода к власти большевики ставили своей целью «догнать и перегнать» передовые западные страны в плане экономического и технического развития. Идеалом технического прогресса неизменно выступали Соединенные Штаты. В 1920–1930-е гг. реализовывался курс на «американизацию» страны [2, с. 260], подразумевавшую под собой технический прогресс и достижение рациональности и эффективности в организации труда и производства. Несмотря на признание необходимости учиться у Америки, советским руководством и советской академической и технической интеллигенцией озвучивалась убежденность в конечном превосходстве социализма над погибающим капитализмом.

Литература и источники

1. Ленин, В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 34. Июль–октябрь 1917. – Москва: «Политиздат», 1969. – С. 151–199.
2. Шаттенберг, С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы / С. Шаттенберг. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 478 с.
3. Ленин, В.И. «Научная» система выжимания пота / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 23. Март–сентябрь 1913. – Москва: «Политиздат», 1973. – С. 18–19.
4. Ленин, В.И. Система Тейлора – порабощение человека машиной // Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 24. Сентябрь 1913–март 1914. – Москва: «Политиздат», 1973. – С. 369–371.
5. Ленин, В.И. Планы статьи «Очередные задачи советской власти» / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 36. Март–июль 1918. – Москва: «Политиздат», 1969. – С. 543–552.
6. Ленин, Н. Очередные задачи советской власти / Н. Ленин. – Екатеринбург: Издательство «Прибой» Уральского Областного Комитета Р.К.П. (большевиков), 1918. – 31 с.
7. Троцкий, Л.Д. Культура и социализм / Л.Д. Троцкий // Сочинения. Т. 21: Культура переходного периода. – Москва–Ленинград: Госиздат, 1927. – С. 425–446.
8. Шпотов, Б.М. Американский бизнес и Советский Союз, 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества / Б.М. Шпотов. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2013. – 320 с.

9. Ленин, В.И. Письмо к американским рабочим / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 69. Июль 1918–март 1919. – Москва: «Политиздат», 1969. – С. 48–64.
10. Сталин, И.В. Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете / И.В. Сталин // Сочинения. Т.6. – Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 69–188.
11. Сталин, И.В. Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом 23 июля 1934 года / И.В. Сталин // Сочинения. Т.14. – Москва: Издательство «Писатель», 1997. – С. 24–39.
12. Серебровский, А.П. На золотом фронте / А.П. Серебровский. – Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1936. – 424 с.
13. Шихман, Б.С. Форд и фордизм. Рационализация труда в Америке / Б.С. Шихман. – Москва: Издательство «Гудок», 1927. – 128 с.
14. Шейнман, И.Б. Что я видел в Америке. Что я сделал в СССР: Записки инженера / И.Б. Шейнман. – Москва: Советская литература, 1934. – 169 с.
15. Осинский, Н. По ту сторону океана. Из американских впечатлений и наблюдений / Н. Осинский. – Москва–Ленинград: Государственное издательство. – 80 с.
16. Дорфман, Я.Г. В стране рекордных цифр. Очерки Америки / Я.Г. Дорфман. – Москва–Ленинград: Государственное издательство, 1927. – 180 с.
6. Lenin, N. Ocherednye zadachi sovetsoj vlasti [Immediate tasks of the Soviet government] // N. Lenin. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Priboj» Ural'skogo Oblastnogo Komiteta R.K.P. (bol'shevikov) [„Priboy” Publishing House of the Ural Regional Committee of RCP (Bolsheviks)], 1918. – 31 p.
7. Trotsky, L.D. Kul'tura i socialism [Culture and socialism] / L.D. Trotsky // Sochineniya [Essays]. – Vol. 21: Kul'tura perekhodnogo perioda [Culture in transition period]. – Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. – P. 425–446.
8. Shpotov, B.M. Amerikanskij biznes i Sovetskij Soyuz, 1920–1930-e gody: labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva [American business and the Soviet Union, 1920–1930s: Labyrinths of economic cooperation] / B.M. Shpotov. – Moscow: LIBROKOM. – 2013. – 320 p.
9. Lenin, V.I. Pis'mo k amerikanskim rabochim V.I. Lenina [V.I. Lenin's Letter to American workers] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. – Issue 5. – Vol. 69.– July 1918 – March 1919. – Moscow: «Politizdat», 1969. – P. 48–64.
10. Stalin, I.V. Ob osnovah leninizma: Lekcii, chitannye v Sverdlovskom universitete [On the Foundations of Leninism: Lectures delivered at Sverdlovsk University] / I.V. Stalin // Sochineniya [Essays]. – Vol.6. – Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury [OGIZ, State Publ. House of political literature], 1947. – P. 69–188.
11. Stalin, I.V. Beseda s anglijskim pisatelem G.D. Wellsom 23 iyulya 1934 goda [Conversation with the English writer G.D. Wells on July 23, 1934] / I.V. Stalin // Sochineniya [Essays]. – Vol.14. – Moscow: Izdatel'stvo "Pisatel'" [“Writer” Publ. House], 1997. – P. 24–39.
12. Serebrovsky, A.P. Na zolotom fronte [On the golden front] / A.P. Serebrovsky. – Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [USSR Ac. Sci. Publ.], 1936. – 424 p.
13. Shikhman, B.S. Ford i fordizm. Racionalizaciya truda v Amerike [Ford and Fordism. Rationalization of labor in America] / B.S. Shikhman. – Moscow: Izdatel'stvo «Gudok» [“Gudok” Publ.], 1927. – 128 p.
14. Sheiman, I.B. Chto ya videl v Amerike. Chto ya sdela l v SSSR: Zapiski inzhenera [What I saw in America. What I did in the USSR: Notes of an engineer] / I.B. Sheinman. – Moscow: Sovetskaya literature [Soviet Literature Publ.], 1934. – 169 p.
15. Osinsky, N. Po tu storonu okeana. Iz amerikanskikh vpechatlenij i nablyudenij [On the other side of the ocean. From American impressions and observations] / N. Osinsky. – Moscow–Leningrad: Gosudastvennoe izdatel'stvo [State Publ. House]. – 80 p.
16. Dorfman, Ya.G. V strane rekordnyh tzifr. Ocherki Ameriki [In a country of record numbers. Essays on America] / Ya.G. Dorfman. – Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo [State Publishing House], 1927. – 180 p.

References

1. Lenin, V.I. Grozyashchaya katastrofa i kak s nej borot'sya [The impending catastrophe and how to deal with it] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. – Issue 5. – Vol. 34.– July–October, 1917. – Moscow: «Politizdat», 1969. – P. 151–199.
2. Shattenberg, S. Inzheneriy Stalina: Zhizn' mezhd u tekhniko j i terrorom v 1930-e gody [Stalin's Engineers: Life between Technology and Terror in the 1930s] / S. Shattenberg. – Moscow: ROSSPEN, 2011. – 478 p.
3. Lenin, V.I. «Nauchnaya» sistema vyzhivaniya pota [“Scientific” sweat wringing system] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. – Issue 5. – Vol. 23. – March–September, 1913. – Moscow: «Politizdat», 1973. – P. 18–19.
4. Lenin, V.I. Sistema Tejlora – poraboshchenie cheloveka mashinoy [Taylor's system – the enslavement of man by the machine] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. – Issue 5. – Vol.24. – September 1913 – March 1914. – Moscow: «Politizdat», 1973. – P. 369–371.
5. Lenin, V.I. Plany stat'i «Ocherednye zadachi sovetsoj vlasti» [Plans for the article "Immediate Tasks of the Soviet Power"] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. – Issue 5. – Vol. 36. – March–July, 1918. – Moscow: «Politizdat», 1969. – P. 543–552.

Информация об авторе:

Шабасова Марина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: shabasovamarina@gmail.com).

Author:

Marina A. Shabasova – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History of the Belarusian State University; (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus; e-mail: shabasovamarina@gmail.com).

Для цитирования:

Шабасова, М.А. «Догнать и перегнать Америку»: представления об американских достижениях в СССР в 1920–1930-е годы / М.А. Шабасова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 14–19.

For citation:

Shabasova, M.A. «Catching up and overtake America»: perceptions of American achievements in the USSR in the 1920s–1930s / M.A. Shabasova // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 14–19.

Дата поступления статьи: 01.06.2023

Прошла рецензирование: 08.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 01.06.2023

Reviewed: 08.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Формирование просоветских студенческих организаций в Европе в 1920-х годах

Г.А. Петаченко

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь
petakoff@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена созданию и деятельности просоветских студенческих организаций, которые стали формироваться в Европе с начала 1920-х гг. Наиболее крупные организации просоветского студенчества находились в Чехословакии, Германии, Франции и Австрии, где имелись наиболее благоприятные условия для получения образования, изначально не имели общей организации и действовали по собственной инициативе. Большинство этих союзов стремилось наладить отношения с представителями советских организаций. Со своей стороны, советское руководство стремилось использовать эти союзы в политических целях разобщения эмигрантских кругов в Европе, но на протяжении 1920-х гг. позиция советской стороны трансформировалась в сторону подготовки профессиональных кадров для СССР.

Ключевые слова:

студенчество, эмиграция, высшая школа, просоветские союзы, высшее образование

В начале 1920-х гг. в Европе в результате политических трансформаций, двух революций и гражданской войны в эмиграции оказалось не менее 2 млн бывших подданных Российской империи. Их жизнь в эмиграции складывалась по-разному, в большинстве своем эмигранты пытались адаптироваться в новых для них условиях, лучшей возможностью для этого являлось получение образования, поскольку среди эмигрантов было много молодежи.

Основная масса эмигрантского студенчества за границей не вступала ни в какие политические группировки. Но, так или иначе, находилась под идеологическим влиянием лидеров эмиграции, которые придерживались монархической или либерально-демократической позиции.

Политические разногласия в эмигрантской среде в начале 1920-х гг. усилило появившееся общественно-политическое течение «Смена вех». Его идеологами являлись профессор Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, С.С. Чахотин. «Националистическое по своей сути, оно виделось в большевиках продолжателей "русской идеи"». Движение поддерживалось большевиками финансово и, возможно, было инспирировано ГПУ, считает Т. Вихавайнен [1, с. 145].

Formation of pro-Soviet student organizations in Europe in the 1920s

G.A. Petachenko

Belarusian State University,
Minsk, Belarus
petakoff@yandex.ru

Abstract

The paper is devoted to the creation and activities of pro-Soviet student organizations, which began to form in Europe since the early 1920s. The largest organizations of pro-Soviet students were located in Czechoslovakia, Germany, France and Austria, where there were the most favorable conditions for education, initially they had no common organization and acted on their own initiative. Most of these unions sought to establish relations with representatives of Soviet organizations. For its part, the Soviet leadership sought to use these unions for political purposes to disunite emigrant circles in Europe, but during the 1920s the position of the Soviet side was transformed towards the training of professional personnel for the USSR.

Keywords:

students, emigration, high school, pro-Soviet unions, higher education

По мнению А.М. Некрича и М.Я. Геллера, Ю. Суомела [2, с. 155, 156; 3, с. 192], главное практическое значение «сменовеховства» для советской власти заключалось в следующем: интеллигенция была расколота, она либо активно выступала против власти большевиков, либо пассивно их не принимала. «Сменовеховство» давало легитимность большевикам, захватившим власть, объявляя их подлинными наследниками русской истории. Оно оправдывало все методы управления, используемые новой властью. В начале 1920-х гг. идеология «примиренчества» и «сменовеховства» была встречена в эмиграции резкой критикой, нередко осуждением, как предательство.

Однако желание части эмигрантов так или иначе восстановить связи с родиной сыграло определяющую роль и пошатнуло позиции многих сомневающихся и подтолкнуло их к признанию советской власти: согласно официальным данным, в период 1921–1931 гг. в СССР вернулось около 10–12 % эмигрантов [4, с. 57].

В начале 1920-х гг. наиболее благоприятные условия для получения высшего образования эмигрантам из бывшей Российской империи сложились в так называемых центрах русской эмиграции в Европе – Чехословакии,

Германии, Франции, а также Австрии. Для защиты своих интересов и успешной социальной адаптации студенты-эмигранты в разных странах и городах объединялись в общественные организации. Просоветское студенчество состояло из нескольких основных групп: эмигранты и белогвардейцы, лица, командированные на учебу республиками, образовавшимися во время Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, и лица, командированные за границу советскими республиками. Основной задачей просоветских студенческих организаций было установление контактов с СССР. Необходимо отметить, что советская сторона не выступала инициатором данных организаций, союзы создавались непосредственно представителями студенчества за рубежом. Таким образом, национальный и социальный составы этих организаций были неоднородны, как и политические убеждения членов данных союзов. Только небольшая доля студентов являлась коммунистами, основная же часть состояла из лояльных к советской власти.

Союзы просоветского студенчества в Европе стали формироваться с начала 1920-х гг. Наиболее крупные организации просоветского студенчества находились в Чехословакии, Германии, Франции и Австрии, численность этих организаций насчитывала несколько сотен человек в каждой стране.

В связи с проведением правительством Чехословакии в 1921 г. «Русской акции», заключавшейся в предоставлении недоучившимся студентам из числа русских эмигрантов возможности завершить обучение и получить высшее образование в вузах Чехословакии, к концу 1921 г. число студентов-эмигрантов в Праге и других городах выросло до 5 тыс. Все прибывавшие в страну распределялись по специальным – «русским» – отделениям: одни – в столичных Карловом университете, Высшей технической школе и Горном институте, другие – в университете Брно, Горном институте в Пшибраме и Братиславском университете. Жили они на полном пансионе: каждому выдавались комплект одежды и обуви, трамвайные билеты и учебные пособия, а также 50 крон в месяц на мелкие расходы [5, с. 245].

Для координации действий русских студентов эмигрантов в Праге создается «Объединение русских эмигрантских студенческих организаций» (далее – ОРЭСО). Здесь следует привести интересный факт: первый председатель ОРЭСО – И.Д. Вязов – сильно раскритикованный на 2-м съезде ОРЭСО за свое слишком правое руководство, неожиданно «сменил вехи». Он умер от туберкулеза и не смог практически применить свои взгляды на практике. Второй председатель ОРЭСО – Б.Н. Неандр, аналогично подвергшийся сильной критике на 3-м съезде также за свое слишком правое руководство, «сменил вехи» и уехал в СССР, как и председатель казачьего студенческого союза М.Т. Гребенников. Данные факты показательны в том смысле, что для середины 1920-х гг. в студенческой среде просоветские настроения имели место быть [6, с. 96].

В начале 1920-х гг. в Чехословакии среди других организаций российского студенчества существовало несколько союзов просоветских студентов, многие из ко-

торых являлись гражданами СССР. В Праге находились наиболее значительные организации – «Союз студентов – граждан РСФСР» и «Союз студентов – граждан УССР». В их состав входили представители белой эмиграции, которых в чехословацких организациях было большинство, и командированные из советских республик.

Конфронтация между студенческими эмигрантскими организациями, которые отстаивали монархические и либеральные взгляды, и просоветскими организациями в Чехословакии проявлялась особенно сильно по сравнению с другими странами, поскольку здесь находилось значительное количество эмигрантского студенчества.

Существовавшая в Праге инициативная группа по созданию «Союза студентов – граждан РСФСР» призвала всех русских студентов вступать в ряды этого Союза. В агитационной листовке «К русским студентам в Чехословакии» говорилось: «Многое, быть может, не удовлетворяет в нынешней России, многое не нравится, слишком далека она от того идеала, каким многие из нас хотели бы ее видеть, но она наша Родина... Мы приглашаем всех, желающих восстановить связь с родиной и стремящихся к работе для нее, обращаться <...> к инициативной группе по созданию в Праге "Союза студентов – граждан РСФСР"» [7, с. 98].

В начале 1920-х гг. Германия являлась одним из центров российской эмиграции, в том числе и для значительного процента студенческой молодежи, лишь в Берлине насчитывалось не менее 4 тыс. студентов. Но не все из них имели возможность получить высшее образование, поскольку обучение в Германии было платным.

В эмигрантской студенческой среде Германии также появлялись союзы лояльные к советской власти. К середине 1920-х гг. в этой стране находилось самое значительное объединение просоветских студентов в Европе, насчитывающее более 600 членов. Оно имело 23 отделения в различных высших учебных заведениях страны. Союз имел свой клуб, кружки вели агитационно-пропагандистскую деятельность, информируя немецкую общественность о положении дел в СССР.

Участники Объединения российских студентов в Германии считали одной из своих задач «борьбу за Советскую Россию» с эмигрантскими силами, в данном случае – студенческими организациями. Первоначально немногочисленные члены Объединения выступали оппонентами на лекциях предводителей эмиграции, читали доклады об СССР, убеждая многих слушателей пополнять ряды организации. С этой же целью велась интенсивная культурная работа, к которой были привлечены советские ученые, писатели и поэты, видные представители «сменовеховства» [там же, с. 100]. Активный период противоборства с эмигрантским студенчеством продолжался до весны 1924 г., когда совещание коммунистов-членов организации констатировало, что «период расслоения эмигрантского студенчества закончен, что в этом направлении Объединение исполнило свою задачу успешно».

Весной 1924 г. Объединение российских студентов сосредоточило свое внимание на внутренней работе и поставило перед собой следующие задачи: сплотить про-

советские студенческие союзы в Германии, организовать теснейшую связь с пролетарским студенчеством СССР и коммунистическим студенчеством Германии, поддерживать интерес к СССР в академических и общественных кругах Германии и пр.

Перед организацией ставились следующие задачи: сближение студентов-представителей различных национальностей между собой, установление единого фронта советских студенческих организаций против антисоветской эмигрантской интеллигенции и студенчества, проведение общей культурной работы для вовлечения членов организаций в советскую идеологию, установление общей линии поведения по отношению к академическим и государственным органам Германии и налаживание экономической работы [там же, с. 101].

В марте 1926 г. в Берлине Объединение при активном участии Центрального бюро пролетарского студенчества при Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов (далее – ЦБ Пролетстуд) была организована I Всеевропейская конференция советского студенчества с участием союзов просоветского студенчества Германии, Чехословакии, Франции, Австрии и Англии. В ней участвовали 12 организаций с общим числом членов около 700 чел.

На конференции было принято решение о консолидации разрозненных союзов в той или иной европейской стране с общим названием «Союз студентов СССР в такой-то стране». Общее руководство всеми союзами со второй половины 1920-х гг. стало осуществлять ЦБ Пролетстуд. По итогам работы конференции сформулирована основная цель всех союзов – подготовка своих членов к работе в качестве специалистов в СССР, для выполнения которой обозначены основные задачи изучения достижений науки и техники Западной Европы, организация идеологических мероприятий для понимания политических, экономических и культурных процессов в СССР.

Одним из крупных центров российской эмиграции и всей ее культурной и идейно-политической жизни являлась Франция. К 1 апреля 1924 г. во Франции и ее колониях находилось 1,5 тыс. русских студентов [6, с. 96].

Группы просоветского студенчества во Франции организовались позже, чем в Чехословакии или Германии. Во Франции к середине 1920-х гг. действовала недавно организованная насчитывающая около 200 членов просоветская студенческая организация с центром в Париже, ее структура до конца не была сформирована, шел процесс ее консолидации, к тому же она столкнулась с серьезным противодействием белой эмиграции во Франции. В середине 1920-х гг. был создан Союз студентов – граждан СССР во Франции, деятельность которого осуществлялась под руководством ЦБ Пролетстуда при поддержке советской дипломатической миссии. Так советское генконсульство в Париже, констатируя рост безработицы во Франции и факт введения 10 %-ной нормы по найму иностранцев, что затрудняло поиски заработка, в 1932 г. приглашало на работу в СССР членов Союза студентов – граждан СССР во Франции [8, с. 265].

В Австрии «Союз студентов из России в Вене» существовал еще с 1910 г., созданный по инициативе Н.И. Бу-

харина, он насчитывал к середине 1920-х гг. около 100 членов. «Союз студентов из России в Вене» перешел на просоветскую платформу осенью 1922 г. Союз являлся четвертой по количеству участников организацией просоветского студенчества в это время в Европе после чехословацкой, немецкой и французской. В феврале 1923 г. Союзом студентов из России в Вене была принята Декларация, дополнявшая старый устав и утверждавшая идею об обязательстве каждого члена организации «приложить все свои силы и знания в работе в СССР и для СССР» после окончания учебного заведения за границей. В задачи Союза входила не только правовая, академическая и экономическая поддержка членов Союза, но и содействие в подготовке членов организации для работы в России в культурной, экономической и государственной областях [9, с. 15].

В начале 1920-х гг. советская сторона относилась к просоветским студенческим организациям за рубежом, как к инструменту по разобщению русской эмиграции. Член оргбюро ЦК ВКП(б) А.С. Бубнов в объяснительной записке к проекту постановления о работе среди эмигрантского студенчества подчеркивал «желательность работы сменовеховцев, в первую очередь через "Накануне", со студенчеством». В инструктивном письме Агитпропа среди задач по разложению эмигрантского студенчества также указывается «использование сменовеховской прессы и прежде всего "Накануне", поскольку эта газета проникает в очень широкие эмигрантские круги». О расширении влияния на эмигрантское студенчество сменовеховства говорит, например, тот факт, что 10 октября 1922 г. редакция газеты «Накануне», «Союз студентов – граждан РСФСР в Чехословакии» и Объединение Российских студентов в Германии выпустили бюллетень № 1 «Студенческая жизнь» [10, с. 26].

Советское партийное руководство демонстрировало миру свою заинтересованность в сотрудничестве, при этом используя все возможности для нейтрализации влияния лидеров эмиграции, выступавших против советской власти. В этой работе широко использовались СМИ, призывавшие к сотрудничеству с советской властью. В 1920 г. профессор Н.А. Гредескул, в недавнем прошлом один из лидеров партии «Народной свободы», опубликовал ряд статей в «Известиях ВЦИК», в которых воззывал интеллигенцию к активному сотрудничеству с советской властью: «Участие старой, уже существующей интеллигенции в новом строительстве так же необходимо для успешного начала социального переворота, как участие старого офицерства было необходимо для переустройства и побед Красной армии» [11, с. 2].

Во второй половине 1920-х гг. отношение к просоветским студенческим организациям несколько изменилось, теперь они должны были быть не только ретрансляторами советской идеологии, но и стали выполнять функцию подготовки кадров для СССР. Для осуществления этой цели они должны были не только изучать новейшие достижения западной науки, но и параллельно ориентироваться в политической, экономической и культурной жизни СССР. В докладной записке в Политбюро ЦК РКП(б) Ф.Э. Дзержинский отмечал важность работы со специалистами

в эмигрантской среде: «... за границей имеется целый ряд крупных русских специалистов и окончившей за границей учение молодежи, тяготящихся условиями своей жизни и желающих вернуться и работать в Советской России. Думаю, из эмигрантов могли бы получить немало специалистов инициативных. Только для этого не надо давать общей амнистии, а нужным нам спецам давать индивидуальные прощения и прием в русское гражданство с тем, чтобы они обязались определенное время (1–2 года) работать там, где мы укажем, чтобы доказали свою искренность рассказания» [12, Л. 1–2].

Поэтому в деятельности просоветских студенческих организаций разных европейских стран во второй половине 1920-х гг. произошли серьезные изменения. Основное внимание стало уделяться культурно-просветительной работе: организовывали читальни и библиотеки, по возможности пополняя их советскими книгами и периодикой; публиковали собственные журналы, газеты и брошюры, организовывали кружки по изучению коммунистической идеологии. В области идеологической работы со второй половины 1920-х гг. в просоветских студенческих союзах вводился политминимум, поскольку руководство ЦБ Пролетстуда сомневалось в политической подготовке зарубежного студенчества, поэтому оно поручило дополнить политминимумы чтением дополнительных лекций и докладов о внешней и внутренней политике СССР. Так, в Германии был организован марксистский семинар, где изучались история развития капитализма, диалектический материализм, история классово-борьбы на Западе и в России, государство в эпоху диктатуры пролетариата [7, с. 102].

Итак, в начале 1920-х гг. в странах Европы находилось большое количество эмигрантской молодежи из бывшей Российской империи, которая стремилась получить высшее образование. Для защиты своих интересов студенчество организовывалось в группы и союзы, по большей части руководимые монархическими или демократическими лидерами русской эмиграции. Однако небольшая часть студенчества придерживалась просоветских позиций и создавала свои обособленные организации.

Возникшие в начале 1920-х гг. просоветские студенческие союзы в странах Европы, где имелись наиболее благоприятные условия для получения образования, изначально не имели общей организации и действовали по собственной инициативе. Большинство этих союзов стремилось наладить отношения с представителями советских организаций. Со своей стороны, советское руководство стремилось использовать эти союзы для разобщения эмигрантских кругов в Европе, но на протяжении 1920-х гг. позиция советской стороны трансформировалась в сторону подготовки профессиональных кадров для СССР. Во второй половине 1920-х гг. все просоветские студенческие союзы переходят под контроль со стороны ЦБ Пролетстуда, которое улучшило координацию работы между организациями в разных странах, предоставляло им всевозможную помощь, от организации лекций до предоставления советской периодической печати и самое главное – направления на работу в СССР.

Литература и источники

1. Вихавайнен, Т. Внутренний враг: борьба с мешчанством как моральная миссия русской интеллигенции / Т. Вихавайнен. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Коло», 2004. – 412 с.
2. Геллер, М.Я. Утопия у власти / М.Я. Геллер, А.М. Некрич. – Москва: МИК, 2000. – 856 с.
3. Суомела, Ю. Зарубежная Россия: идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Ю. Суомела / Авториз. пер. с фин. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Коло», 2004. – 352 с.
4. Бригадина, О.В. Три волны российской советской эмиграции (1917–1991 гг.): учебно-методический комплекс для студентов исторических факультетов специальности Д 21 03 01 «История» / О.В. Бригадина. – Минск, 2003. – 320 с.
5. Евсеева, Е.Н. Объединение русских студенческих эмигрантских организаций (1920–1934) / Е.Н. Евсеева // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 243–247.
6. Постников, Е.С. Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции / Е.С. Постников // Культурная миссия российского зарубежья. История и современность. – Москва, 1999. – С. 92–102.
7. Строгалова, А.С. Российские просоветские студенческие организации за рубежом и их связи с Пролетстудом СССР / А.С. Строгалова // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 4. – С. 96–106.
8. Бочарова, З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – Москва: АИРО-XXI, 2011. – 303 с.
9. Восканьян Г. Европейская конференция советского студенчества / Г. Восканьян // Красное студенчество. – 1926. – № 5. – С. 13–17.
10. Квакин, А.В. Между белыми и красными: русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути / А.В. Квакин. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 411 с.
11. Гредескул, Н.А. Интеллигенция на переломе / Н.А. Гредескул // Известия ВЦИК. – 1920. – С. 2.
12. Российский государственный архив социально-политической истории РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 370. В Политбюро ЦК РКП(б).

References

1. Vikhavainen, T. Vnutrennii vrag: bor'ba s meshchanstvom kak moral'naia missiia russkoi intelligentsia [The internal enemy: the fight against philistinism as a moral mission of the Russian intelligentsia] / T. Vikhavainen. – St. Petersburg: Izdatel'skii dom «Kolo» ["Kolo" Publishing House], 2004. – 412 p.
2. Geller, M.Ya. Utopiia u vlasti [Utopia in power] / M.Ya. Geller, A.M. Nekrich. – Moscow: MIK, 2000. – 856 p.
3. Suomela, Yu. Zarubezhnaia Rossiia: ideino-politicheskie vzgliady russkoi emigratsii na stranitsakh russkoi evropeiskoi pressy v 1918–1940 gg. [Russia abroad: ideological and political views of the Russian Emigration on the pages of the Russian European Press in 1918–1940] / Yu.

- Suomela. – St.Peterburg: Izd. dom «Kolo» ["Kolo" Publishing House], 2004. – 352 p.
4. Brigadina, O.V. Tri volny rossiiskoi sovetskoi emigratsii (1917–1991 gg.): uchebno-metodicheskii kompleks dlia studentov istoricheskikh fakul'tetov spetsial'nosti D 21 03 01 «Istorii» [Three waves of Russian Soviet emigration (1917–1991): educational and methodological complex for students of historical faculties of the specialty D 21 03 01 "History"] / O.V. Brigadina. – Minsk. 2003. – 320 p.
 5. Evseeva, E.N. Obedinenie russkikh studencheskikh emigrantskikh organizatsii (1920–1934) [Association of Russian student emigrant organizations (1920–1934)] / E.N. Evseeva // Novyi istoricheskii vestnik [New Historical Bull.]. – 2001. – No.1. – P. 243–247.
 6. Postnikov, E.S. Studenchestvo Rossii i problemy polucheniia vysshego obrazovaniia v emigratsii [Studentship in Russia and the problems of obtaining higher education in emigration] / E.S. Postnikov // Kul'turnaia missiia rossiiskogo zarubezh'ia. Istorii i sovremennost' [Cultural mission of the Russian Diaspora abroad. History and modernity]. – Moscow: 1999. – P. 92–102.
 7. Strogalova, A.S. Rossiiskie prosovetskie studencheskie organizatsii za rubezhom i ikh sviazi s Proletstudom SSSR [Russian Pro-Soviet Student Organizations abroad and their relations with the Proletarian Students of the USSR] / A.S. Strogalova // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia [Historical Journal: Scientific Research]. – 2019. – No. 4. – P. 96–106.
 8. Bocharova, Z.S. Rossiiskoe zarubezh'e 1920–1930-kh gg. kak fenomen otechestvennoi istorii [Russian Diaspora of the 1920s–1930s as a phenomenon of national history] / Z.S. Bocharova. – Moscow: AIRO-XXI, 2011. – 303 p.
 9. Voskanyan, G. Evropeiskaia konferentsiia sovetskogo studenchestva [European Conference of Soviet Students] / G. Voskanyan // Krasnoe studenchestvo [Red Students]. – 1926. – No. 5. – P.13–17.
 10. Kvakin, A.V. Mezhdubelymi i krasnymi: russkaia intelligentsiia 1920–1930 godov v poiskakh Tret'ego Puti [Between Whites and Reds: Russian intelligentsia in the 1920s–1930s in search of the Third Way] / A.V. Kvakin. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. – 411 p.
 11. Gredeskul, N.A. Intelligentsiia na perelome [Intelligentsia at a turning point] / N.A. Gredeskul // Izvestiia VTSIK [News of the All-Russian Central Executive Committee]. – 1920. – P. 2.
 12. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History RGASPI] – F. 17. – Op. 3. – D. 370. V Politbiuro TSK RKP(b) [In the Politburo of the Central Committee of the RCP (B)].

Информация об авторе:

Петаченко Григорий Алексеевич – доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: petakoff@yandex.ru).

Author:

Grigory A. Petachenko, Associate Professor of the Department of Russian History of Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus; tel.: +375 29 145-39-36 (mobile); e-mail: petakoff@yandex.ru).

Для цитирования:

Петаченко, Г.А. Формирование просоветских студенческих организаций в Европе в 1920-х годах / Г.А. Петаченко // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 20–24.

For citation:

Petachenko, G.A. Formation of pro-Soviet student organizations in Europe in the 1920s. / G.A. Petachenko // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 20–24.

Дата поступления статьи: 01.06.2023

Прошла рецензирование: 08.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 01.06.2023

Reviewed: 08.06.2023

Accepted: 16.06.2023

(Пере)форматирование идентичности в империи: внешнеполитический аспект украинского национального дискурса (рубеж XIX–XX веков)

В.Д. Русецкая

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь
vladislavaruseckaa12@mail.ru

Аннотация

В работе исследуется процесс формирования национальной идентичности на украинских землях как составной части национального дискурса полиэтнических империй. Автором представлены основные факторы, приведшие к возникновению и трансформации «украинского вопроса» в России и Австро-Венгрии, среди которых особое значение отводится внешнеполитическому аспекту. Исследование демонстрирует изменение геополитического значения национального дискурса на украинских землях в сторону его повышения и важность внешних факторов во внутреннем процессе переформатирования идентичности украинской элиты.

Ключевые слова:

идентичность, империя, народность, национализм, нация, польский вопрос

Формирование национальной идентичности в Российской империи привело к трансформации социально-политического облика страны. Процесс вызревания современных наций обострил, а во многом и породил «национальный вопрос» в Российской державе, который к началу XX в. стал фактически вопросом дальнейшего развития и даже существования «единой и неделимой России».

Спорным вопросом остается определение той отправной точки, с которой начинается процесс «национализации» России. Многочисленные этносы, входившие в состав империи Романовых, в разное время вступили в процесс формирования собственной идентичности. Возникновение собственно русского национализма на фоне национального брожения окраин стоит рассматривать как особый случай, поскольку в отличие от иных народностей русские представляли собой титульную национальную группу со всеми вытекающими из этого последствиями.

Особенным с методологической точки зрения в изучении проблемы национализма в Российской империи является национальный дискурс в Украине (Малороссии). Этот локальный случай интересен по двум причинам: во-первых, малороссы были составной частью русского имперского

(Re)formatting identity in the Empire: the foreign policy aspect of the Ukrainian national discourse (the turn of the XIX–XX centuries)

V.D. Rusetskaya

Belarusian State University,
Minsk, Belarus
vladislavaruseckaa12@mail.ru

Abstract

The paper considers the process of formation of national identity in the Ukrainian lands as an integral part of the national discourse of polyethnic empires. The author presents the main factors that led to the emergence and transformation of the "Ukrainian question" in Russia and Austria-Hungary, among which special importance is given to the foreign policy aspect. The study demonstrates the change in the geopolitical significance of the national discourse in the Ukrainian lands in the direction of its increase and the importance of external factors in the internal process of reformatting the identity of the Ukrainian elite.

Keywords:

identity, empire, nationality, nationalism, nation, Polish question

национального проекта, неизменно просуществовавшего до ликвидации Российской империи и с некоторыми поправками перекочевавшего в последующие русские (советский и современный) аналогичные проекты; во-вторых, Украина стала примером одновременно и форматирования и переформатирования идентичности, поскольку национальный дискурс Малороссии развивался в условиях взаимодействия, а зачастую – и конкурентной борьбы сразу нескольких проектов национальной идентичности (польский, русский и собственно украинский).

Начать анализ процесса формирования идентичности стоит с определения акторов этого процесса. «Действующими лицами» национального дискурса в Малороссии можно назвать польских националистов, деятелей украинского национального движения (украинский проект), правящие династии, адептов «триединой русской нации» (русский проект), правящие круги соседних империй (Австро-Венгрия и Германия), в меньшей степени – Францию и Англию (перечисление акторов происходит не по мере уменьшения их значимости, а по мере их подключения в национальный дискурс).

Прежде всего необходимо отметить сущность вопроса появления национального дискурса в Российской империи. Временем его назревания можно считать конец XVIII в., однако на повестку дня он поднимается лишь со второй половины XIX в. До этого можно говорить о преобладании сословно-социальной идентичности на быденном уровне и идентичности по критерию лояльности к правящей династии на общеимперском уровне¹. О второстепенности, а точнее сказать – третьестепенности, национального критерия в имперской политике первой половины XIX в. свидетельствует знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность», в которой «народности», являвшейся русским аналогом «нации», отводится последнее место в иерархии важнейших принципов государственной идеологии.

До середины века понятия «нация» и «национализм» рассматривались правящими элитами России как элементы либерализма и конституционализма, от которых столь упорно пыталась отрешиться династия Романовых на протяжении всего царствования [2, с. 24]. Толчком для принятия национальных номинаций в правительственный лексический оборот послужило польское восстание 1863 г., принудившее власть к поиску нового идеологического скрепления полиэтнической империи.

Украинские земли на этот момент не представляли собой целостного и гомогенного организма, что во многом повлияло и на особенности формирования идентичности. Чаще всего территория Украины называлась Малороссией в качестве официального географического обозначения. Более того, Восточная Галиция, Северная Буковина и Закарпатская Русь входили в состав империи Габсбургов, причем каждая из этих территорий принадлежала к разным ее частям. Российскую часть Украины делят на Левобережье, Правобережье, Новороссию и Слободскую Украину. Эти регионы имели не только географические и хозяйственные особенности, но и этнокультурные. Историческое развитие этих земель было также неоднородным. Так, Левобережная Украина вошла в состав Московского государства еще в середине XVII в. и имела свою государственную традицию в виде Гетманщины (хотя государственный характер этого образования является предметом дискуссии и по сегодняшний день). Правобережье было присоединено лишь в результате разделов Речи Посполитой, и здесь особенно сильным было польское политическое и культурное влияние.

Зарождение украинского национального движения происходило под влиянием общеевропейских тенденций формирования наций и национальных государств. Первой украинской организацией, которая начала разработку национальной идеи, стало Братство святых Кирилла и Мефодия (1846–1847). Однако первые деятели украинского возрождения рассматривали его в тесной связи с русской идентичностью. Показательным примером тому служит знаменитая статья Н.И. Костомарова «Две русские народности» [3], в которой изложена концепция существования отдельной южнорусской народности на ряду с севернорусской (великорусской), хотя полное отделение мало-

россов от русских, как видно из названия статьи, в умах украинских интеллектуалов еще не произошло.

Большую роль в формировании национального дискурса в Малороссии сыграли внешнеполитические, или геополитические факторы. Амбиции европейских держав, прежде всего России и Австро-Венгрии, по увеличению своих территорий и расширению политического влияния вызывали к жизни различные манипуляции с «украинской картой», которая по мере приближения к мировой войне стала увеличивать свое значение в большой европейской игре.

На значимость внешнего фактора в процессе формирования идентичности населения Малороссии указывает позиция царских властей по отношению к украинскому национальному движению. В середине XIX в. украинофильское культурническое движение стало предметом пристального внимания правительственных структур, в том числе охранительных. Как власти, так и русское общественное мнение предпочитали видеть в «сепаратистском» движении Малороссии «польскую интригу». Например, Николай I дал следующую оценку деятельности Кирилло-Мефодиевского братства: «...явная работа той же общей пропаганды из Парижа²; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя» [4, с. 118].

Тем не менее такой подход не имел под собой чисто национального окраса, поскольку деятельность польской конспирации рассматривалась правительством как часть общеевропейского революционного заговора. Эволюция теории «польской интриги» в сторону ее интерпретации с национальных позиций произошла в 1863 г., когда в Царстве Польском и Западных окраинах России вспыхнуло восстание [5, с. 329].

Польское восстание взбудоражило умы правящих элит, поскольку этот акт можно считать первой битвой за национальную идентичность Западных губерний. Боясь колебаний местного населения в связи с распространением украинофильского просвещения в массы, государственные идеологи поспешили твердо заявить об «исконной русскости» Южнорусского края, лишь бы не допустить смену лояльности. Панику русской общественности можно проследить по смене риторики одного из главных адептов «триединой нации» М.Н. Каткова, который одну из статей «Московских ведомостей» начал с эмоциональной оценки украинофильской деятельности: «Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!» [6, с. 158]. Примечательно, что до этого в журнале публиковались объявления Костомарова о сборе денег на малорусскую печать.

Но куда более красноречивым фактом, свидетельствующим о глубоком проникновении в среду малорусских интеллектуалов идеи особой народности, является составление циркуляра министра внутренних дел П.А. Валуева [7].

Дальнейшее развитие украинского движения в Российской империи столкнулось с жестким противодействием властей. Валуевский циркуляр³, который первоначально носил временный характер [8, с. 112, 113], был подтвержден еще более решительным ограничительным Эмским указом

¹ А. Каппелер выделяет в качестве важнейших критериев иерархии также культуру и религию [1].

² Имеются в виду польские эмигранты в Париже.

³ Значительно ограничил употребление малорусского наречия в печати.

1876 г.⁴ Учиненные препятствия для развития украинской национальной идентичности, казалось, должны были способствовать утверждению общерусского проекта. Однако этого не произошло, и во многом – из-за внешнего фактора.

Развитие украинского национального проекта в геополитическом контексте протекало по логике, основным рычагом которой было вхождение украинских земель в состав двух империй. Галицийские украинцы – русины, или рутены – имели одну общую черту с российскими малороссами – это противостояние с поляками. Польский вопрос и в Российской, и Дунайской империях являлся настоящей «занозой» в государственном организме. Исследователь С. Плохий весьма метко описывает связь украинского и польского национальных вопросов, считая, что и Вена, и Петербург использовали украинцев в борьбе с поляками, но разными методами: «Российское правительство поглотило в 1839 году униатскую церковь и сдерживало украинское возрождение, чтобы уберечь "русский народ" (имперскую нацию) от "польской пропаганды". Австрийское же поощряло рутенов, чтоб их движение служило противовесом полякам в Галиции... [австрийцы. – Р.В.] радовались тому, что эти миллионы не пополнят уже вполне сформированную польскую нацию» [9, с. 238, 239]. Таким образом, в середине XIX в. украинский вопрос был тесно связан с польским и рассматривался как один из инструментов воздействия на польский национализм.

Украинская идентичность утверждалась в довольно сложных условиях лавирования между двумя монархиями. По логике диффузии уменьшение национальной активности в одной из империй сопровождалось параллельным увеличением активности в другой. При этом, данный феномен объяснялся не только действиями собственно украинских активистов, но и имперской политикой Габсбургов и Романовых, которая развивалась по тому же диффузному принципу. Так, например, отчеты III Отделения отчетливо показывают, что ослабление давления на украинцев и параллельное расширение антирусских настроений в Галиции приводили к росту подозрительности к малороссам, которых продолжали рассматривать как сферу влияния польской партии [10, с. 660, 661].

Относительное равновесие этого процесса было нарушено в 1867 г. и окончательно ликвидировано после возникновения на политической карте Европы третьего имперского образования – Германии. После неудачной для Габсбургов австро-прусской войны 1866 г. правящими кругами был взят курс на значительный пересмотр имперской политики, что нашло свое отражение в создании дуалистической Австро-Венгерской державы. Как утверждает А. Миллер, либерализация национальной жизни в Дунайской империи являлась современным проектом разрешения национального вопроса. И несмотря на значительные уступки, сделанные национальным группам, такое решение проблемы породило новые проблемы. Одна из них – неудовлетворение славян Австро-Венгрии дуалистическим характером империи, которую предлагалось заменить на триединую Австро-Венгро-Славянскую.

⁴ Подтвердил и ужесточил положения Валуевского циркуляра в отношении малорусского языка.

В связи с этим усилился национализм так называемых «малых» европейских народов – прежде всего, чехов и поляков. «Габсбурги развязали руки не только венграм, но и хорватам и полякам. В чужом пиру похмелье досталось среди прочих украинцам – к их ужасу. Вена фактически отдала власть над Галицией польской шляхте» [9, с. 249].

В таких условиях украинофильское движение Австро-Венгрии стало вытесняться москвофильством, на которое тут же обрушился шквал правительственных репрессий. В свою очередь, это привело к тому, что на аванпост украинской активности вышло новое украинофильство, быстро нашедшее «точки соприкосновения» с аналогичным движением «Великой Украины»⁵. Дополняемые друг другом, эти движения к 1890-х гг. вылились в политическое украинство, которое стало рассматриваться правящими кругами России как особая опасность, равная по своей силе польскому национализму.

С началом XX в. отношение властей России к украинскому вопросу сильно изменилось, что было связано с двумя причинами. Во-первых, украинский партикуляризм рассматривался как вредительский для русского имперского национального проекта, который окончательно оформился к началу века и поставил своей главной целью создание «национальной империи». По определению идеологов русского национализма она представляла собой государство, имеющее национальное ядро, стремящееся к своему расширению [11, с. 231]. Однако преобладание русских в Российской полиэтнической империи могло быть обеспечено лишь включением в общерусскую нацию белорусов и украинцев. В связи с этим украинские земли рассматривались имперскими идеологами как русская национальная территория, что свидетельствует о развитии феномена «воображаемой географии»⁶. О важности этого аспекта свидетельствует тот факт, что П. Струве, перечисляя имперские задачи России, на первое место ставит присоединение Восточной Галиции, отчасти и по причине того, что «австрийское бытие малорусского племени родило и вдохновляло у нас уродливый так называемый "украинский вопрос"» [там же, с. 231, 232].

Во-вторых, украинский национальный проект с подачи российских властей стал представляться как «польско-австрийская интрига», которая заключалась в искусственном насаждении русскому населению украинской идентичности⁷ с целью подготовки восстания в Малороссии как инструмента раскола, а в потенциальной войне – и развала Российской империи.

В отличие от XIX в., в начале XX в. потенциальная связь украинства с Австро-Венгрией и подключившейся к политической игре Германией имела определенное основание, что связано с ростом международной напряженности. Многие политические и военные деятели действительно верили в то, что украинские активисты являются «австро-германскими клиентами» [12, с. 298]. Такая шпионо-

⁵ Украинские земли Российской империи.

⁶ В данном случае – специфическое восприятие пространства через призму национального дискурса, «присвоение» территории как национальной.

⁷ Власти называли этот вариант идентичности не чем иным как «мазепинством», т.е. предательством.

мания имела место и в связи с тем, что предпринимались конкретные пропагандистские меры. Так, например, известный общественно-политический деятель М. Меншиков скептически высказывался по поводу одной статьи из Венского журнала «Vollksbewegung», в которой делались предсказания по поводу возможного объединения всех земель, населенных славянами, под скипетром австрийского монарха. Совершение этого плана виделось путем восстания в Польше и Украине [13, с. 74, 76].

Таким образом, геополитическое значение украинского вопроса возрастало по мере усиления украинского национального движения и приближения к Первой мировой войне. С середины XIX в. национальный дискурс в Малороссии начал подниматься на уровень внешнеполитических комбинаций Российской и Дунайской империй, хотя и не имел самостоятельного значения, а рассматривался в тесной связи с польским вопросом. Особенности имперской политики по отношению к украинскому движению, высокий внутренний потенциал его активной части, проявившийся в большой энергичности и гибкости украинских интеллектуалов в условиях разделения между двумя имперскими центрами, а также желание третьих сил использовать украинскую идентичность в своих геополитических планах сыграло не последнюю роль в успехе украинской партии, который был продемонстрирован в годы войны и революционных событий последующего периода.

Литература и источники

1. Миллер, А.И. История понятия «нация» в России / А.И. Миллер // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 2. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 456 с.
2. Каппелер, А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи / А. Каппелер // Россия — Украина: история взаимоотношений. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 125–144.
3. Костомаров, Н.И. Две русские народности / Н.И. Костомаров // Собрание сочинений Н.И. Костомарова в 8 книгах, 21 т. Исторические монографии и исследования. Книга 1. Т. 1. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1903. – С. 31–65.
4. Зайончковский, П.А. Кирилло-Методиевское общество (1846–1847) / П.А. Зайончковский. – Москва: Издательство Моск. ун-та, 1959. – 172 с.
5. Переписка наместников Королевства Польского. 1861–1863 гг. Т. 2. – Wrocław: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1973. – 399 с.
6. Катков, М.Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интригами / М.Н. Катков // Избранные труды / М.Н. Катков. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 158–166.
7. Предписание министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 года // Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А.И. Миллер. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – С. 240, 241.

8. Миллер, А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А.И. Миллер. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 284 с.
9. Плохий, С. Врата Европы. История Украины / С. Плохий. – Москва: АСТ, CORPUS, 2018. – 544 с.
10. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост.: М. Сидорова и Е. Щербакова. – Москва: «Рос. фонд культуры», «Российский Архив», 2006. – 706 с.
11. Струве, П.Б. Великая Россия и Святая Русь / П.Б. Струве // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – Москва: ИД ПРЕНСА, 2004. – С. 230–234.
12. Романовский, Ю. Украинский сепаратизм и Германия / Ю. Романовский // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола: сборник статей. – Москва, 1998. – С. 296–312.
13. Меншиков, М.О. Преступная романтика / М.О. Меншиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – Москва: ИД ПРЕНСА, 2004. – С. 74–79.

References

1. Miller, A.I. Istorija poniatija nacii v Rośsii [The history of the concept of a nation in Russia] / A.I. Miller // «Poniatija o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda ["Concepts of Russia": On the historical semantics of the Imperial period]. Vol. 2. — Moscow: Novoje litjeraturnoje obozrenije [New Literary Review], 2012. — 456 p.
2. Kappeler, A. Mazepincy, matorossy, khokhly: ukraincy v etnicheskoi ierarkhii Rośsijskoi imperii [Mazepinians, Malorossians, Ukrainians: Ukrainians in the ethnic hierarchy of the Russian Empire] / A. Kappeler // Rossiya — Ukraina: istorija vzaimootnoshenij [Russia — Ukraine: the history of mutual relations]:— Moscow: Shkola «Jazyki russoj kultury» [School "Languages of Russian culture"], 1997. — P. 125–144.
3. Kostomarov, N.I. Dve russkije narodnosti [Two Russian nationalities] / N.I. Kostomarov // Sobraenije sochinenij N.I. Kostomarov v 8 knigah, 21 t. Istoricheskie monografii i issledovanija [Collected works of N.I. Kostomarov in 8 books, 21 vols. Historical monographs and research]. Book 1. Vol. 1. — St.Petersburg: Tipografija M.M.Stasyulevicha [M.M.Stasyulevich Printing House], 1903. — P. 31–65.
4. Zaionchkovsky, P.A. Kirillo-Mefodievskoe obschestvo. (1846–1847) [Cyril and Methodius Society] / P.A. Zaionchkovsky. — Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow Univ. Publ.], 1959. — 172 p.
5. Perepiska naimestnikov Korolevstva Polskogo. 1861–1863 gg. [Correspondence of the Governors of the Kingdom of Poland. 1861–1863]. Vol. 2. — Wrocław: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1973. — 399 p.
6. Katkov, M.N. Sovpadenie interesov ukrainofitov s polskimi intrigami [The coincidence of the interests of Ukrainophiles with Polish intrigues] / M.N. Katkov // Izbrannye trudy [Selected works] / M.N. Katkov. — Moscow: Rossijskaja politicheskaja enciklopedija [Russian Political Encyclopedia] (ROSSPEN), 2010. — P. 158–166.

7. Predpisanije ministra vnutrennikh del Rossijskoj impierii P.A. Valtueva Kievskomu, Moskovskomu i Peterburgskomu cienurnym komitetam ot 18 ijulya 1863 goda // Ukrain-skij vopros v politike vlastej i russkom obschestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX veka) [The order of the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire P.A. Valuev to the Kiev, Moscow and St. Petersburg Censorship Committees of July 18, 1863 // The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century)] / A.I. Miller. – St.Petersburg: Aleteya, 2000. – P. 240–241.
8. Miller, A.I. Ukrainskij vopros v politike vlastej i russkom obschestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX veka) [The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century)] / A.I. Miller. – St.Petersburg: Aleteya, 2000. – 284 p.
9. Ptokhy, S. Vrata Evropy. Istorija Ukrainy [The Gates of Europe. History of Ukraine] / S. Ptokhy. – Moscow: ACT, CORPUS, 2018. – 544 p.
10. «Rossija pod nadzorom»: otchety III otdelenija 1827–1869. Sbornik dokumentov ["Russia under supervision": reports of the III department 1827–1869. Collection of documents] / Compilers M. Sidorova, E. Shcherbakova. – Moscow: «Ros. fond kultury», "Rossijskij Arhhiv" ["Russian Cultural Foundation", "Russian Archive"], 2006. – 706 p.
11. Struve, P.B. Velikaja Rossija i Sviataja Rus [Great Russia and Holy Russia] / P.B. Struve // Nacija i imperija v russkoj mysli nachata XX veka [Nation and Empire in Russian thought at the beginning of the XX century]. – Moscow: ID PRENSA, 2004. – P. 230–234.
12. Romanovsky, Yu. Ukrainskij separatizm i Germanija [Ukrainian separatism and Germany] / Yu. Romanovsky // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologija nacionalnogo raskola [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split]: collected papers. – Moscow: 1998. – P. 296–312.
13. Menshikov, M.O. Prestupnaja romantika [Criminal Romanticism] / M.O. Menshikov // Nacija i imperija v russkoj mysli nachata XX veka [Nation and Empire in Russian Thought at the beginning of the XX century]. – Moscow: ID PRENSA, 2004. – P. 74–79.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках «Конкурса молодых международников СНГ имени А.А. Громыко», направленного на расширение диалога молодых исследователей и активизацию взаимодействия научно-исследовательских и образовательных учреждений стран СНГ и ЕАЭС.

Информация об авторе:

Русецкая Владислава Дмитриевна – студентка кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: vladislavaruseckaa12@mail.ru).

Author:

Vladislava D. Rusetskaya – student of the Department of Russian History of the Belarusian State University; (4, Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus; phone: +375 29 145–39–36 (mobile); e-mail: vladislavaruseckaa12@mail.ru).

Для цитирования:

Русецкая, В.Д. (Пере)форматирование идентичности в империи: внешнеполитический аспект украинского национально-го дискурса (рубеж XIX–XX веков) / В.Д. Русецкая // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 25–29.

For citation:

Rusetskaya, V.D. (Re)formatting identity in the Empire: the foreign policy aspect of the Ukrainian national discourse (the turn of the XIX–XX centuries) / V.D. Rusetskaya // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 25–29.

Дата поступления статьи: 01.06.2023

Прошла рецензирование: 08.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 01.06.2023

Reviewed: 08.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Статьи

УДК 903-03, 903.05

DOI 10.19110/1994-5655-2023-5-30-40

Новые данные о производстве железа в Восточной Фенноскандии во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.

А.М. Жульников

Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск
rockart@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются новые данные, характеризующие особенности производства железа на территории Восточной Фенноскандии в раннем железном веке. Массовое производство сыродутного железа в Восточной Фенноскандии, судя по радиоуглеродным датам, начинается не позднее IV–III вв. до н.э. На территории региона использовались горны трех основных видов: 1) в виде каменного ящика; 2) горн в виде ямы; 3) горн из камней и глины. Горны первого и второго видов являются наиболее ранними. Горны третьего вида начинают сооружаться в финале раннего железного века. Горны первого и третьего видов использовались многократно. Места производства железа часто располагались вне поселений. Многие горны, исследованные на территории Карелии, находятся на возвышенностях или берегу водоема, что позволяло использовать ветер для усиления горения. Обломки керамических трубок-сопел, найденные на некоторых стоянках, свидетельствуют о применении при производстве железа искусственной подачи воздуха. В статье высказано предположение, что в некоторых частях Северной Европы плоскодонные ведрообразные асбестовые сосуды, изготовленные по особой технологии из тугоплавкой разновидности волокнистого минерала и глины, употреблялись в качестве тиглей для повышения твердости готовых железных изделий путем их науглероживания. В зимнее время кузнечная обработка железа на территории региона производилась в жилых помещениях. На стоянке Томица изготовление железных орудий велось летом в крупных кузнечных горнах, составленных из вертикально поставленных плит.

Ключевые слова:

Восточная Фенноскандия, ранний железный век, кричное железо, горн, асбестовая керамика

Введение

Известный советский археолог А.Я. Брюсов, рассматривая проблему позднего (в историческом аспекте) перехода

New data on iron production in Eastern Fennoscandia (second half of the I millennium BC – beginning of the I millennium AD)

A.M. Zhulnikov

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk
rockart@yandex.ru

Abstract

The paper presents new data on iron production in Eastern Fennoscandia during the Early Iron Age, second half of the I millennium BC – beginning of the I millennium AD. Radio-carbon dating indicates that the mass production of raw iron in this region began no later than the IV – III centuries BC. Three main types of kilns were used: a stone box kiln, a pit kiln, and a kiln made of stones and clay. Kilns of the first and second types are the earliest, while the kilns of the third type began to be used towards the end of the Early Iron Age. Perhaps, they were structurally similar to medieval iron-making kilns. Kilns of the first and third types have traces of multiple uses. Iron production sites in Eastern Fennoscandia were often located outside the settlements, with many found on hills or near water reservoirs to take advantage of the wind to fan the flames. Ceramic nozzle tubes found at some sites suggest the use of artificial air supply in the second half of the I millennium BC for iron smelting or forging. The paper also suggests that flat-bottomed, bucket-shaped asbestos vessels may have been used to harden iron tools during the Early Iron Age. These vessels were made of refractory clay and asbestos fibers and could have been used as crucibles where iron objects were carbonized by heating to high temperatures in contact with charcoal. Finally, it is noted that in winter, iron forging was carried out in dwellings where the metal was heated in domestic hearths. In summer, large kilns made of vertically placed stone plates were used for this purpose, as evidenced by the Tomitsa site on the western shore of Onega Lake.

Keywords:

Eastern Fennoscandia, Early Iron Age, iron ore, kiln, asbestos ceramics

человечества к производству железа, отмечал, что основной предпосылкой для его освоения являлись предше-

ствующие технологические достижения древних металлургов. Как полагал исследователь, бронзолитейщики не только освоили высокотемпературную технологию плавки цветных металлов, достаточную для получения кричного железа, но иногда использовали железную руду в качестве флюса. Именно в таком качестве, по мнению А.Я. Брюсова, применяли железо на бронзолитейной стоянке-мастерской Томица, раскопанной в 30-е г. XX в. неподалеку от западного побережья Онежского озера [1, с. 137].

Первые достоверные следы раннего производства железа на территории Карелии были зафиксированы Н.Н. Гуриной в 1940 г. в северо-восточной части побережья Онежского озера. На размываемом участке берега залива Оровгуба был обнаружен горн, сложенный из трех вертикально поставленных под прямым углом друг к другу каменных плит, вокруг которых собраны куски железных шлаков, глиняной обмазки и фрагменты асбестовой керамики. Горн ориентирован под прямым углом к обрезу берега. Четвертая плита, которая должна была замыкать прямоугольную конструкцию горна, по предположению Н.Н. Гуриной, упала в осыпь берега и поэтому не обнаружена. На дне горна лежал крупный ошлакованный кусок руды [2, с. 132, 133]. Асбестовая керамика со стоянки Оров-Губа, судя по современным представлениям о ее датировке, относится к энеолиту, и не имеет отношения к сыродутному горну.

В 60-е гг. XX в. А.В. Анпиловым была раскопана железоделательная мастерская на стоянке Кудоме X, состоявшая из трех сыродутных горнов, построенных из каменных плит, поставленных шалашеобразно. Вокруг горнов обнаружены шлаки и глиняная обмазка. Объем горнов колебался от 20 до 50 л. В одном из горнов крица не образовалась, а ошлакованные куски руды застыли поверх слоя угля. Каменные плиты напротив устья всех трех горнов не обнаружены, что, по мнению исследователя, позволяет предполагать наличие в этом месте мехов для подачи воздуха. Рядом с горнами найден железный нож с «горбатой спинкой», имеющий аналогии на стоянках раннего железного века (далее – РЖВ) Верхнего Поволжья, что позволило датировать мастерскую концом I тыс. до н.э. Согласно металлографическому анализу шлаков, собранных на Кудоме X, в них представлены примеси, характерные для местной болотной руды. Доля окислов железа в шлаках составляет около 45 %, что характерно для сыродутного производства. А.В. Анпилов отмечает, что процесс производства железа на Кудоме X был более совершенным, чем на стоянке Умиление в Верхнем Поволжье, где варка железа, предположительно, велась в крупных керамических сосудах, а доля железа в шлаках доходила до 70 % [3].

В 90-е гг. XX в. шведский археолог Б. Хультен обосновал гипотезу об использовании сосудов с примесью асбеста для производства железа на территории Северной Европы. При изучении керамики РЖВ типа Щельмой, найденной на севере Швеции (встречается также на севере Норвегии, Финляндии и Кольском полуострове), Б. Хультен обратила внимание на ряд ее особенностей: наличие очень высокой доли (90 % и более) примеси асбеста в керамике данного типа; использование при изготовлении сосудов особой разновидности волокнистого минерала, выделяющегося

высокой температурой плавления (до 1550°C, тогда как иные разновидности асбеста плавятся при температуре до 1150°C); ведрообразный вид сосудов, свидетельствующий о существенном изменении технологии их производства по сравнению с посудой эпохи бронзы; факт обнаружения в одном из асбестовых сосудов железного шлака [4]. Некоторые исследователи скептически отнеслись к идее Б. Хультен, отметив малые для кричного производства железа размеры посуды типа Щельмой, вероятность случайного обнаружения в асбестовом сосуде железного шлака [5–7].

В конце XX в. первые итоги изучения раннего производства железа в Карелии были подведены М.Г. Косменко и И.С. Манюхиным [8, 9], которые картографировали все известные на территории региона пункты находок железных шлаков и места обнаружения сыродутных горнов. Исследователи предположили существование в РЖВ на территории Карелии трех типов горнов: горны из каменных плит; горны в виде округлой или овальной ямы; горны, построенные на дневной поверхности из камней и глины. Обилие на территории Карелии мест выплавки металла, при отсутствии (на момент публикации статьи) выявленных пунктов кузнечного производства, позволило М.Г. Косменко и И.С. Манюхину высказать гипотезу о направлении в РЖВ сырого железа на экспорт в восточные регионы Европы [9, с. 20].

Начальному периоду освоения железа на территории Финляндии посвящена отдельная глава в монографии М. Лавенто, в которой он сопоставил исследованные финскими археологами структуры, связанные с ранним сыродутным производством, с горнами, раскопанными на территории Карелии, отмечая их конструктивное сходство [10, р. 127, 128].

Среди обобщающих работ последних лет, затрагивающих проблемы становления железоделательных промыслов на севере Европы, особо следует отметить исследования, посвященные истории древней железообработки в лесной полосе Восточной Европы, включая Верхнее Поволжье, Приуралье и Эстонию [11–14].

Тем не менее, несмотря на наличие заметных результатов в изучении начального периода металлургии железа на территории Фенноскандии, ответы на многие вопросы к концу XX в. получить не удалось. В частности, из-за малого числа радиоуглеродных дат, происходящих из горнов, не установлено время массового освоения производства железа древними жителями региона, не удалось определить хронологию горнов разных типов, существующих в РЖВ на территории Восточной Фенноскандии. Поскольку вплоть до начала XXI в. стоянки с чистыми комплексами РЖВ на территории региона не известны, то опубликованные исследователями работы не содержат данных о том, как было организовано кузнечное производство на поселениях. Не удалось пока найти ответ и на вопрос, откуда в Восточную Фенноскандию распространяются навыки производства железа?

Накопление в последние десятилетия новых материалов по начальному периоду производства железа и орудий из него позволяет вновь обратиться к вопросу об про-

странственных и хронологических особенностях металлообработки в раннем железном веке на территории Восточной Фенноскандии. В рамках решения поставленной цели исследования автором данной статьи на территории Карелии и Мурманской области впервые были осуществлены раскопки и разведочное изучение четырех стоянок с чистыми комплексами РЖВ, на которых были зафиксированы признаки изготовления железных орудий, что позволило получить некоторые сведения о специфике кузнечного производства на территории региона. Для установления предназначения некоторых керамических изделий, связанных с обработкой железа, проведен их спектральный анализ. Для двух объектов железоделательного производства (Пески IVa, Шуйский Остров I), исследованных на территории Карелии, недавно получены радиоуглеродные даты, публикуемые в данной статье, что, с учетом уже имеющихся датировок по подобным объектам [15, 16], позволяет рассмотреть вопрос о хронологии горнов, относящихся к разным типам. Для выявления особенностей пространственного размещения объектов железоделательного промысла систематизированы некоторые данные об их нахождении в природном ландшафте (рельеф, положение относительно берега водоема и склона возвышенности и т.п.).

Материалы и методы

В ходе раскопок и разведок, проведенных автором данного исследования на территории Карелии и Мурманской области, на ряде древних поселений обнаружены железоделательные горны, датированные первой половиной I тыс. до н.э. (стоянки Тунгуда XII, Тунгуда XV, Пески IVa, Шуйский Остров I), и зафиксированы следы кузнечного производства на стоянках с чистыми комплексами РЖВ (Хижозеро I, Хижозеро II, Кандалакша XIII, Шуйский Остров I) (рис. 1). Кроме того, повторное изучение материалов стоянки – бронзолитейной мастерской Томица, раскопанной А.Я. Брюсовым в Западном Прионежье, позволило выявить здесь комплекс, связанный с кузнечным производством РЖВ.

Данные об имеющихся радиоуглеродных датах по горнам, исследованным на территории Восточной Фенноскандии, представлены в таблице.

Тунгуда XII. При раскопках стоянки (494 кв. м) обнаружен железоделательный горн в виде каменного ящика. Сохранились его две боковые стенки, выполненные из круп-

ных уплощенных камней, поставленных вертикально (рис. 2, 2). Внутренние размеры горна не превышали 30 x 50 см. Он был сооружен в яме глубиной 0,15 м (от уровня материка). Крышка горна из плитчатых валунов и камень с торце-

Рис. 1. Карта распространения железоделательных горнов на территории Восточной Фенноскандии и стоянок с признаками кузнечной обработки металла, упоминаемых в данной статье. а – горн в виде каменного ящика; б – горн в виде ямы; в – горн, сооруженный с использованием глины и камней; г – стоянки раннего железного века с признаками кузнечного производства. 1 – Кандалакша XIII; 2 – Кюперайнен; 3 – Тунгуда XII; 4 – Тунгуда XV; 5 – Хижозеро I; 6 – Хижозеро II; 7 – Оров-Губа; 8 – Илекса III; 9 – Илекса IV; 10 – Илекса V; 11 – Муромское VII; 12 – Пелдожское I; 13 – Кудума X; 14 – Кудума XI; 15 – Курмоила I; 16 – Шапнаволо; 17 – Пески IVa; 18 – Томица; 19 – Шуйский Остров I; 20 – Пичево; 21 – Вячельское II; 22 – Суна VI; 23 – Риитаканранта Рованиеми; 24 – Якяляниемеи Кайяни; 25 – Китулансуо Ристиинна.

Fig. 1. Map of the distribution of kilns on the territory of Eastern Fennoscandia and sites with signs of metal forging, mentioned in this paper. a – kiln in the form of a stone box, b – kiln in the form of a pit, v – kiln built using clay and stones, r – sites of the Early Iron Age with signs of blacksmithing. 1 – Kandalaksha XIII; 2 – Kuperainen; 3 – Tunguda XII; 4 – Tunguda XV; 5 – Khizhozero I; 6 – Khizhozero II; 7 – Orov-Guba; 8 – Ilexa III; 9 – Ilexa IV; 10 – Ilexa V; 11 – Muromskoe VII; 12 – Peldozhskoe I; 13 – Kudoma X; 14 – Kudoma XI; 15 – Kurmoila I; 16 – Shapnavolok; 17 – Peski IVa; 18 – Tomitsa; 19 – Shuisky Island I; 20 – Pichevo; 21 – Vyatchelskoe II; 22 – Suna VI; 23 – Riitakanranta Rovaniemi; 24 – Yakyalaniemi Kajaani; 25 – Kitulansuo Ristiina.

Радиоуглеродные даты, полученные по углю из железоделательных горнов на стоянках Карелии и Финляндии

Таблица

Radiocarbon dating obtained from coal from iron-making furnaces at the sites of Karelia and Finland

Table

Наименование стоянки	Лабораторный индекс	Дата BP	Калиброванный возраст (2σ)	Контекст
Тунгуда XII	TA-2020	2200±70	395-55calBC	Не установлен
Пелдожское I	TA-2272	1750±100	77-544calAD	Не установлен
Пески IVa	SPb_3435	2300±30	409-211calBC	Сетчатая керамика (РЖВ)
Кудума XI	TA-1014	1590±60	266-601calAD	Керамика типа Лууконсаари
Шуйский Остров I	SPb_3434	2167±35	361-58	Сосуд с углем, рядом с горном, керамика типа Лууконсаари
Якяляниемеи Кайяни	Hel-2098	2220±100	540calBC -10calAD	Не установлен
Якяляниемеи Кайяни	Hel-2101	2180±90	402calBC -9calAD	Не установлен

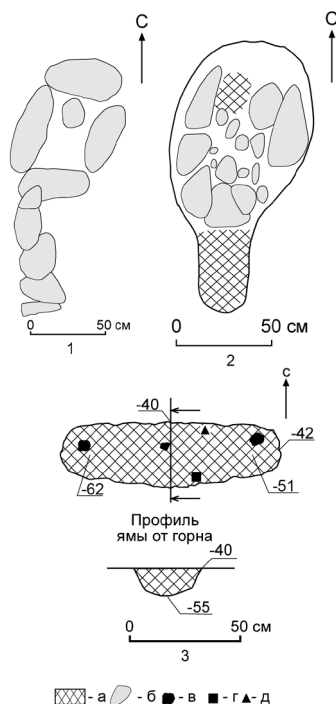

Рис. 2. Горны для производства железа: 1 – Тунгуда XV; 2 – Тунгуда XII; 3 – Шуйский Остров I. а – углистый песок со шлаками; б – каменные плиты и валуны; в – крупные куски железных шлаков; г – кальцинированная косточка; д – фрагмент керамики типа Лууконсаари.

Fig. 2. Kilns for iron production. 1 – Tunguda XV; 2 – Tunguda XII; 3 – Shuisky Island I. a – carbonaceous sand with slag; б – stone slabs and boulders; в – large pieces of iron slag; г – calcinated bone; д – fragment of ceramics of the Luukonsaari type.

вой стенки оказались сдвинуты в южном направлении. При расчистке внутренней части горна прослежено следующее чередование слоев: 1) каменная крошка (4–7 см); 2) слой глины (6–7 см); 3) углистая прослойка и мелкие куски железного шлака (2–3 см); 4) слой белого крупнозернистого озерного песка, не встреченного в иных частях раскопа (до 2 см); 5) светло-желтая материковая супесь. К южной части каменного ящика примыкало углубление размерами 0.25 x 0.45 м, заполненное углистым песком с кусками шлака. Углубление, видимо, служило для обеспечения доступа воздуха в нижнюю часть горна. Воздуходувная канавка ориентирована к берегу озера. Вокруг горна (в радиусе примерно 1.5 м) наблюдалось скопление железных шлаков, позволяющее предположить многократное использование горна. На стоянке не обнаружено керамики, которую можно было бы связать с горном. По углю из горна была получена дата (см. таблицу), определяющая наиболее вероятный интервал его функционирования – IV–I вв. до н.э. (среднее калиброванное значение – 225 calBC).

Тунгуда XV. В раскопе на стоянке (576 кв. м) расчищен каменный ящик размерами 0.5 x 0.6 x 0.3 м из четырех уплощенных гранитных валунов (плит) размерами от 0.2 x 0.45 x 0.3 м до 0.2 x 0.65 x 0.4 м (рис. 2, 1). Плиты были поставлены вертикально, образуя подобие прямоугольного ящика с внутренними размерами 0.3 x 0.5 x 0.3 м (40–45 л). Южнее от прямоугольного каменного сооружения найдено пять уплощенных валунов размерами до 0.25 x 0.35 x 0.12 м (крышка горна?). Камни, составляющие данную конструкцию, не обожжены. Каменный ящик был размещен в канав-

ке, образовавшейся на месте северного коридорообразного входа в энеолитическое полуземляночное жилище 1. Прямоугольное каменное сооружение на стоянке Тунгуда XV по своей конструкции напоминает железодельный горн, который по неясным причинам не использовался. Подтверждает этот вывод находка на стоянке скопления (0.2 x 0.2 x 0.1–0.15 м) монетовидной озерной железной руды весом около 6 кг. «Клад» из озерной руды располагался в 12 м севернее от каменного ящика, почти сразу под слоем дерна. На некотором удалении от этих объектов собраны фрагменты сосуда с «воротничком» позднеананьинского облика VI–V вв. до н.э. [17, рис. 139, 13], однако пока нет оснований связать эту находку с железодельным горном.

Хижозеро I. Это первый полностью исследованный раскопками (320 кв. м) памятник с чистым комплексом эпохи раннего железа на севере Карелии. В пределах раскопа, судя по планиграфии находок, округлой форме кострищ, их небольшим размерам, располагаются остатки наземных жилищ, функционировавших в зимнее время. В северной части раскопа выделяется скопление находок размерами 3 x 4 м, примыкающее к округлому кострищу диаметром 0.5 м (рис. 3). В этой части раскопа за пределами «пятна» находок иные артефакты не встречены. Если соединить линией наиболее удаленные от кострища находки, то получится фигура, близкая к прямоугольнику. Жилище, видимо, имело в основании прямоугольную или овальную форму. Кострище, вероятно, смещено к западной короткой стенке постройки. На поселении найдены кальцинированные косточки (3355 экз.), 86 крупных и 191 мелкий фрагмент керамики от 10 сосудов типа Лууконсаари с примесью асбеста, органики и дресвы, семь обломков и одно целое изделие из железа, 36 кусков ошлакованного песка с железными окислами и кусочками железа. Кол-

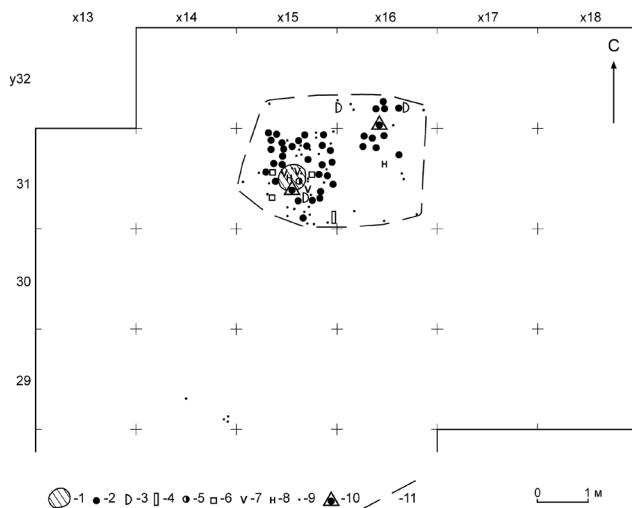

Рис. 3. Жилище на стоянке Хижозеро I с признаками кузнечного производства: 1 – кострище; 2 – фрагмент керамики типа Лууконсаари; 3 – скребок; 4 – точильный брусок; 5 – обломок железного изделия; 6 – кусок ошлакованного песка; 7 – кальцинированная косточка; 8 – нуклеус; 9 – кварцевый отщеп; 10 – скопление керамики типа Лууконсаари; 11 – предполагаемые контуры жилища.

Fig. 3. Dwelling at the Khizhzero I site with signs of blacksmithing. 1 – fire pit, 2 – fragment of ceramics of the Luukonsaari type; 3 – scraper; 4 – whetstone; 5 – fragment of an iron product; 6 – piece of slagged sand; 7 – calcinated bone; 8 – nucleus; 9 – quartz chip; 10 – cluster of ceramics of the Luukonsaari type; 11 – proposed contours of the dwelling.

лекция каменного инвентаря, полученная в ходе раскопок стоянки Хижозеро I, имеет особое значение, так как впервые для Северной Карелии появилась возможность изучения особенностей индустрии камня в эпоху раннего железа. В составе коллекции насчитываются 194 орудия, 32 кварцевых нуклеуса, 2742 кварцевых отщепа и чешуйки, 19 кремневых отщепов, один осколок сланца. В каменном инвентаре доминируют скребки. Из кварца изготовлено 167 скребков, из кремня – шесть. В коллекции орудий из камня на поселении Хижозеро I отсутствуют рубящие орудия, наконечники и ножи. Видимо, в период функционирования поселения эти виды орудий изготавливались уже из железа. Об этом косвенно свидетельствуют шлаки и обломки изделий из железа, найденные в пяти из восьми кострищ, исследованных на поселении.

Одна из наиболее важных находок – железный наконечник стрелы, найденный в одном из кострищ (рис. 4, 1). Сходные по форме железные наконечники на гляденовских памятниках датируются первыми веками н.э. [18, рис. 8, 2]. Наконечник с Хижозера I аналогичен по форме железным остриям, обнаруженным в одном из погребений в бассейне р. Мологи. Это погребальное сооружение перекрыто углистыми конструкциями «домика мертвых», откуда получена дата 2130 ± 50 [19, с. 148] (среднее калиброванное значение – 198.5 calBC). В «домике мертвых» на Куреванихе XX в изобилии представлен более поздний тип железных наконечников с шипами [там же, рис. 4]. Судя по этим данным, поселение Хижозера I может быть датировано IV–III вв. до н.э. Не противоречит этой датировке и состав каменного инвентаря, поздний облик керамики

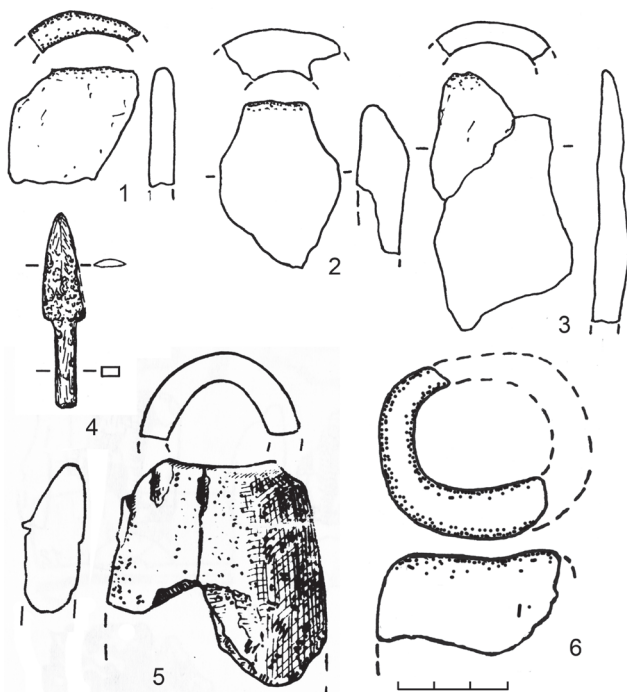

Рис. 4. Керамические сопла (для мехов?) и железный наконечник стрелы со стоянок раннего железного века Карелии: 1–3 – Шуйский Остров I, 4 – Хижозеро I, 5 – Шеттима I [20, рис. 28: 7], 6 – Кудомы XI [20, рис. 28: 8].
Fig. 4. Ceramic nozzles (for bellows?) and an iron arrowhead from the sites of the Early Iron Age of Karelia. 1–3 – Shuisky Island I, 4 – Khizhzero I, 5 – Shettima I [20, Fig. 28: 7], 6 – Kudoma XI [20, Fig. 28: 8].

типа Лууконсаари (с признаками влияния ананьинской), обнаруженной на поселении.

При разведочных работах на стоянке Хижозеро II, расположенной рядом с Хижозером I, в кострище с керамикой типа Лууконсаари, найдены куски ошлакованного песка с железными окислами. Кострище на Хижозере II, как и кострище на Хижозере I, судя по его признакам (округлая форма, небольшие размеры, хорошо выраженные контуры), функционировало в наземном жилище.

Кандалакша XIII. В шурфе (1 x 1 м) на стоянке была расчищена часть округлого кострища с кальцинированными косточками, рядом с которым найдено шесть кусков ошлакованного песка с железными окислами, орудия из кварца и отходы их производства. Судя по форме кострища и его небольшим размерам, в данном месте находилось наземное жилище. Стоянка расположена в 100 м от современного берега Белого моря, на террасе высотой 14–17 м, которая, судя по ее высотным отметкам, вышла из под воды в начале II тыс. до н.э. Судя по характеру шлаков, обнаруженных в шурфе, и их незначительному числу, в предполагаемом жилище на стоянке Кандалакша XIII, как и на стоянках Хижозеро I, II, видимо, производиласьковка железных изделий.

Шуйский Остров I. В раскопе (170 кв. м) представлен чистый комплекс керамики типа Лууконсаари с примесью слюды, асбеста, дресвы и органики. В состав данного комплекса, видимо, входят фрагменты от одного сосуда с примесью асбеста, с сетчатыми отпечатками на стенках. В западной части раскопа, почти у границы стоянки расчищена канавка, являющаяся остатками «земляного» железоделательного горна. Размеры канавки – 1 x 0.25–0.30 м, глубина от подошвы культурного слоя – 0.15–0.20 м, длинные стенки ямы крутые, почти вертикальные, короткие стенки – пологие (см. рис. 3, 3). Восточный край дна канавки приподнят примерно на 10 см, что, вероятно, обусловлено необходимостью обеспечить естественный приток воздуха в горн. Яма, расчищенная на месте горна, была заполнена углистым песком с мелкими шлаками. В западной, центральной и восточной частях канавки обнаружены крупные куски железного шлака. Камни в самой канавке и вокруг нее отсутствуют. У края канавки найдены кальцинированная косточка и мелкий фрагмент керамики типа Лууконсаари (см. рис. 3, 3), свидетельствующие о наличии на момент сооружения железоделательного горна поселенческого культурного слоя. Шлаки вокруг горна единичны, что косвенно указывает на его однократное применение. В 2 м восточнее от горна был обнаружен развал довольно крупного (до 40 см в диаметре) керамического сосуда, заполненного углем. Скорее всего, сосуд был использован в качестве тары для угля, принесенного к железоделательному горну. Уголь из сосуда дал радиоуглеродную дату (см. таблицу) в интервале IV–I вв. до н.э. (среднее калиброванное значение – 210 calBC). Кроме того, в разных частях раскопа на стоянке были встречены отдельные железные (?) шлаки, мелкие куски неопределенных железных предметов и фрагменты от нескольких керамических трубочек диаметром 4–5 см (рис. 5, 1–3). Край некоторых таких керамических трубочек оказались оплавлены, по-

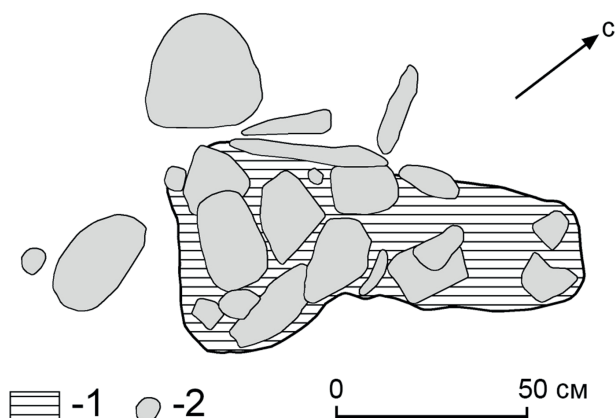

Рис. 5. Горн из каменных плит для производства железа на стоянке Пески IVa. 1 – углистый слой со шлаками; 2 – каменные плиты из уплощенных или расколотых валунов.

Fig. 5. Kiln of stone slabs for the production of iron at the Peski IVa site. 1 – carbonaceous layer with slag; 2 – stone slabs made of flattened or split boulders.

этому эти изделия первоначально были нами приняты за остатки цилиндрических тиглей. Для подтверждения этого предположения методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА, μ XRF-спектрометр ArtTAX, Brüker) в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа с.н.с. С.В. Хавриным исследованы фрагменты 10 керамических трубочек со стоянки Шуйский Остров I (коллекционные номера 2, 24, 57, 89, 167, 197, 372, 391, 444, 478). В ходе проведенного анализа следы плавки металла не обнаружены. Эти данные, учитывая небольшой диаметр керамических трубочек, позволили отнести их к разряду сопел, использовавшихся при подаче воздуха в горн или разогревании железа в ходе его кузнечной обработки. Поскольку обломки керамических сопел были найдены в разных частях стоянки в основном на значительном удалении от остатков горна, то более вероятно их применение в мехах, используемых при горячей ковке железных изделий. С кузнечным производством, видимо, связаны и обнаруженные в разных частях раскопа на стоянке Шуйский Остров I куски оплавленного песка и железных шлаков, не образующие скоплений. Керамические сопла имеются в коллекциях ряда иных поселений Карелии с материалами РЖВ (см. рис. 4, 5, 6), ранее они были определены М.Г. Косменко как разновидность тиглей, выделяющихся высокими пропорциями, обладающих длиной не менее 7 см [20, с. 122].

Пески IVa. В раскопе (120 кв. м) на краю впадины от энеолитического жилища был расчищен горн из каменных плит (плитчатые или расколотые пополам валуны) (рис. 5). Он сильно разрушен, видимо, при извлечении крицы. Многие гранитные плиты раскололись от огня. Сохранили свое положение, по-видимому, две плиты, установленные вертикально в северо-западной части горна. Горн представлял собой каменный ящик, не имеющий дна. Максимальные размеры плит, из которых он был сооружен, составляют 50 x 30–35 x 8–10 см. Восточнее от вертикальной плиты, образующей западную стенку горна, зафиксировано углубление в коричневатом песке, на дне которого залегала прослойка песка белого цвета толщиной 3–5 см. Аналогичная прослойка из песка наблюдалась в горне на Тунгуде XII. В северо-западной части горна на Песках IVa прослежена воздухопроводная канавка размерами 0,3 x 0,3 м. Показательно, что эта канавка ориентирована к центру энеолитической жилищной впадины, тогда как сам горн был вкопан в ее край. Такое размещение горна, видимо, позволяло обеспечить приток воздуха, необходимый для поддержания в нем высокой температуры. К западу от горна обнаружено еще две плиты, вкопанные вертикально, рядом с ними, в верхней части культурного слоя отмечено скопление углей и шлаков. Возможно, эти две плиты являются остатками еще одного, почти полностью разрушенного горна.

Железные шлаки встречены на удалении до 2 м от горна. В пределах «пятна» из шлаков собраны фрагменты от сосуда с сетчатым декором на стенках. В верхней части этого сосуда имеется орнамент в виде горизонтальных линий из оттисков гребенки, сочетающиеся с полосой однорядного зигзага, выполненного гребенчатым штампом. Каких-либо следов стоянки РЖВ в районе сыродутного горна не зафиксировано. Поскольку в пределах раскопа на Песках IVa иной керамики РЖВ не встречено, то связь этого сосуда с горном не вызывает сомнения. Видимо, как и на стоянке Шуйский Остров I, сетчатый керамический сосуд на Песках IVa использовался древними людьми в качестве тары для угля или железной руды. В коричневом песке, окружавшем горн на Песках IVa, помимо кусков ошлакованного песка, глиняной обмазки и шлаков, имелись скопления древесного угля. Уголь из горна дал дату (см. таблицу) в интервале IV–III вв. до н.э. (среднее калиброванное значение – 310 calBC), на данный момент являющуюся самой ранней для объектов железоделательного промысла, исследованных на территории Восточной Финноскандии.

Томица. А.Я. Брюсовым в раскопе (260 кв. м), помимо кострищ, рядом с которыми были собраны многочисленные обломки керамических тиглей и льячек, было обнаружено два крупных «очага» в виде вертикально поставленных каменных плит, образующих незамкнутые овалы – подковы (2 x 1,2 x 1,5 м) (рис. 6) [1, с. 238–243; 21, с. 35–37]. Рядом с этими «очагами» найдено 10 обломков неопределенных железных предметов, четыре шлака, плоские камни, «запас» чистой глины, небольшой бронзовый слиток (рис. 6). Подобные находки на остальной площади раскопа не представлены. Керамические тигли и льячки, напротив,

Рис. 6. Горны на стоянке Томица, сооруженные из вертикально поставленных каменных плит, использовавшиеся при кузнечной ковке изделий из железа (по А.Я. Брюсову – это очаги 1 и 2 в восточной части раскопа) [21, с. 35]: 1 – бронзовый слиток; 2 – обломок железного предмета; 3 – шлак; 4 – керамический тигель или льячка.

Fig. 6. Kilns at the Tomitsa site, constructed of vertically placed stone slabs, used in the forging of iron products (according to A.Y. Bryusov, these are hearths 1 and 2 in the eastern part of the excavation) [21, с. 35]. 1 – bronze ingot; 2 – fragment of an iron object; 3 – slag; 4 – ceramic crucible.

встречались на всей раскопанной площади, концентрируясь рядом с кострищами, в которых камни отсутствовали. Кроме того, на стоянке Томица А.Я. Брюсовым собрана выразительная коллекция каменного инвентаря и сетчатой керамики эпохи бронзы. Исследователь предположил, что подковообразные каменные очаги на Томице служили для выплавки бронзы, а найденные рядом куски железа применялись в качестве флюса [1, с. 124–141]. Керамика на стоянке Томица имеет аналогии с ранней сетчатой керамикой Финляндии (тип Сарса-Томица), датированной по нагару на стенках сосудов второй половиной II тыс. до н.э. [10, р. 365]. Повторное изучение нами материалов стоянки показало наличие в ее коллекции, помимо фрагментов сетчатой керамики эпохи бронзы, обломков от двух-трех сосудов типа Лууконсаари, относящейся к РЖВ. В этой связи можно предположить, что подковообразные каменные очаги на Томицах с найденными рядом железными предметами и немногочисленными шлаками являются на самом деле кузнечными горнами. Этот вывод, на наш взгляд, не противоречит предположению А.Я. Брюсова о наличии на стоянке Томица бронзолитейной мастерской эпохи бронзы, к которой относятся обнаруженные здесь кострища, вокруг которых найдены многочисленные обломки тиглей и льячек, сетчатая керамика и каменные орудия второй половины II тыс. до н.э.

Всего на данный момент на территории Карелии на 11 стоянках исследовано 20 горнов в виде каменных ящиков, на четырех стоянках – четыре горна в виде ям, на четырех поселениях – четыре горна из камней и глины, сооруженные на дневной поверхности (см. рис. 1). Поскольку лишь некоторые подобные горны надежно датированы или соотнесены с комплексами РЖВ, то нельзя исключить функционирование некоторых из них в начале Средневековья. На пяти стоянках РЖВ, исследованных на территории Карелии и Мурманской области, выявлены признаки кузнечного производства железных изделий (см. рис. 1). Следы производства сыродутного железа зафиксированы и на многих других поселениях Восточной Фенноскандии, однако далеко не всегда, в том числе из-за наличия в слое средневековых артефактов, удается установить принадлежность к РЖВ скоплениям шлаков или остатков разрушенных горнов.

Результаты и их обсуждение

По имеющимся материалам лишь один из видов сыродутных горнов, получивших распространение на территории региона в РЖВ, может быть реконструирован с достаточной степенью определенности. При создании этих горнов использовались каменные плиты, большей частью представляющие собой естественные уплощенные валуны, которые иногда специально раскалывались пополам для получения плоской поверхности. Могут быть выделены два подварианта горна из плоских валунов или плит. Первый представлял собой прямоугольный ящик из каменных плит, две стороны которого были примерно в 1.5–2 раза длиннее двух других. На дне каменного ящика плиты отсутствуют. Дно горна иногда выстилалось чистым кварцевым песком, выше располагался слой угля, на который насыпалась железная руда. Сверху горн перекрывался каменными плитами, щели между ними обычно замазывались глиной. У одной из коротких стенок горна, ориентированной в сторону понижения рельефа, выкапывалась узкая канавка. Она, видимо, использовалась для обеспечения притока воздуха в горн. После завершения процесса плавки передняя стенка и крышка горна разбирались. Существовала и более простая разновидность подобного горна, когда два длинных ряда плит смыкались в верхней части, образуя подобие шалаша. Судя по обилию шлаков вокруг каменных горнов, они использовались многократно.

Объем сыродутных горнов в виде каменных ящиков позволяет оценить вес металла, который мог быть в них произведен. Так, горн на стоянке Тунгуда XV, который по неясным причинам остался неиспользованным, имел максимальный объем около 40–45 л. Внутренний объем иных горнов, исследованных на территории Карелии, колеблется от 20 до 50 л. По подсчетам А.В. Анпилогова, опиравшегося на исследования Б.А. Колчина, в такие горны можно было загрузить 8–10 кг руды, что позволяло получать крицы весом 1.5–2 кг. Для сравнения: в древнерусские горны загружалось до 25 кг руды, что давало до 5 кг чистого железа (примерно 20 % от общего веса руды) [22, с. 214]. «Клад» руды на Тунгуде XV, скорее всего, представлял собой пар-

тию сырья, которую предполагалось загрузить в горн. Если исходить из веса руды, найденной на этой стоянке (6 кг), то из нее можно было получить не менее 1 кг железа.

Конструкция горнов, где производство железа велось в ямах без использования камней и глины, может быть установлена лишь предположительно. Судя по различиям в форме ям-горнов (округло-овальной формы или в виде удлиненной узкой канавки), подобные горны могли иметь несколько различное устройство. Как полагают М.Г. Косменко и И.С. Манюхин, в округлую яму могла устанавливаться часть ствола полого изнутри дерева, выполняющего функцию стенок горна [9, с. 17]. Яма для горна в виде канавки, выкопанная в супесчаном грунте на стоянке Шуйский Остров I, вероятно, перекрывалась сверху кусками сырой древесины и дерном.

Поздние горны финала РЖВ, для сооружения которых использовались глина и камни, возможно, близки по конструкции средневековым горнам-домницам [22, с. 198].

На многих стоянках Восточной Фенноскандии, где обнаружена керамика РЖВ, встречаются железные шлаки, не образующие скоплений. В северной части Карелии единичные шлаки найдены на многих стоянках в низовье р. Выг, исследованных Ю.А. Савватеевым [23], на поселении Елменкоски на оз. Верхнее Куйто, раскопанной М.Г. Косменко [24], обычно сочетаются с керамикой типа Лууконсаари. Единичные или немногочисленные находки железных шлаков на этих поселениях, судя по материалам исследованных нами стоянок с чистыми комплексами РЖВ, видимо, необходимо интерпретировать не как следы производства сыродутного железа, а как признаки кузнечного изготовления орудий или деятельности кузнецов по улучшению качества сыродутного железа, которое достигалось путем многократного проковывания нагретой до необходимой температуры крицы.

Как известно, одной из основных причин долгого освоения железа является сложность процесса увеличения его твердости путем насыщения углеродом. Судя по результатам экспериментального моделирования, для получения науглероженного слоя толщиной 5 мм в закрытом сосуде, где железное изделие вместе с углем подвергалось нагреванию не менее 900 °С, требовалось не менее 9 ч [25, с. 30]. Таким образом, у древних кузнецов существовала потребность в сосудах-тиглях, которые могли бы выдерживать высокотемпературный нагрев на протяжении длительного времени. В свете этих данных, идея Б. Хультен об использовании древними жителями Северной Европы в производстве железа ведрообразных сосудов (типа Щельмой), на 90 % и более состоящих из тугоплавкой разновидности асбеста, представляется нам заслуживающей внимания, с поправкой, что тигли-контейнеры из волокнистого минерала использовались не для получения крицы (для этого они, действительно, явно малы), а для науглероживания железных орудий, что позволяло существенно увеличить их твердость.

Железные шлаки и ошлакованный песок на поселениях РЖВ Восточной Фенноскандии обнаружены как внутри остатков жилых помещений, так и за их пределами, что, видимо, обусловлено тем, что кузнечное изготовление ору-

дий велось в течение всего года. Очевидно, что ошлаковывание тугоплавкого кварцевого песка в кострище связано с применением в кузнечной обработке металла приспособлений для усиления тяги воздуха (типа мехов).

В составе каменного инвентаря стоянки Хижозеро I, по сравнению с поселениями эпохи бронзы, исследованными на территории региона, наблюдается высокая доля точильных брусков и плит из кварцита и песчаника. Скорее всего, абразивы в РЖВ начинают активно использоваться при заточке железных инструментов.

Заключение

Судя по имеющимся радиоуглеродным датировкам горнов, массовое производство сыродутного железа в Восточной Фенноскандии начинается не позднее IV–III вв. до н.э. Полученные в ходе исследования данные подтвердили предположение М.Г. Косменко и И.С. Манюхина о наличии в РЖВ на территории региона горнов трех основных видов: 1) вкопанный в грунт каменный ящик (со стенками и крышкой из каменных плит, щели между которыми иногда заделывались глиной); 2) горн в виде округлой или траншееобразной ямы; 3) горн из камней и глины. Горны первого и второго видов, судя по имеющимся датам, являются наиболее ранними, появляются на территории региона, вероятно, в одно время. Горны третьего вида, судя по дате с Пелдожского I (см. таблицу), начинают применяться в финале РЖВ. Горны первого и третьего видов, видимо, использовались многократно.

На территории региона в РЖВ места производства железа часто располагались вне поселений или на их периферии. Естественные углубления или края склонов нередко использовались для размещения горнов в виде каменных ящиков. Многие горны РЖВ, исследованные на территории Карелии, находятся на возвышенностях, небольших островках или берегу водоема, что, видимо, позволяло использовать силу ветра для усиления горения угля.

Обломки керамических трубок-сопел, выявленные при изучении ряда коллекций со стоянок РЖВ Карелии, свидетельствуют о применении во второй половине I тыс. до н.э. при производстве или обработке кричного железа искусственной подачи воздуха (в горне или при кузнечном разогреве металла). Судя по полученным материалам, можно говорить о вероятном использовании крупных сосудов в качестве тары для угля и руды. Не исключено, что в РЖВ в некоторых частях Северной Европы плоскдонные ведрообразные асбестовые сосуды, изготовленные по особой технологии из тугоплавкой разновидности волокнистого минерала с незначительной добавкой глины, употреблялись в качестве тиглей-контейнеров для повышения твердости готовых железных изделий путем их науглероживания.

На территории региона в РЖВ велось не только производство кричного железа, но и существовало местное кузнечное производство. В зимнее время кузнечная обработка железа на территории региона велась в жилых помещениях, с разогревом металла в домашних очагах, не имеющих конструкций из камня. На стоянке Томица изготовление железных орудий производилось с исполь-

зованием крупных кузнечных горнов, сооруженных из вертикально поставленных плит. Такие крупные кузнечные горны, скорее всего, располагались за пределами жилищ, использовались древними людьми, по-видимому, в летнее время.

Литература

1. Брюсов, А.А. История древней Карелии / А.А. Брюсов // Труды государственного исторического музея. Выпуск IX. – Москва: Государственный исторический музей, 1940. – 320 с.
2. Гурина, Н.Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера / Н.Н. Гурина // Материалы и исследования по археологии СССР. № 20. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 77–142.
3. Анпилов, А.В. Древняя железоделательная мастерская на северном побережье озера Сямозеро / А.В. Анпилов // Новые памятники истории древней Карелии. – Москва-Ленинград: Наука, 1966. – С. 178–184.
4. Hulthen, B. On Ceramic Ware in Northern Scandinavia During the Neolithic, Bronze and Early Iron Age / B. Hulthen // Archaeology and Environment 8. – Umeå University: Department of Archaeology, 1991. – 60 p.
5. Espelund, A. Tigg järnframställning i asbestkeramik? Kommentar til B. Hulthen / A. Espelund // Fornvännen. – 1992. – Vol. 87. – P. 259–260.
6. Lavento, M. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland / M. Lavento, S. Hornytzkyj // Pithouses and pot-makers in eastern Finland: reports of the Ancient Lake Saimaa project (Helsinki papers in archaeology, 9). Ed. T. Kirkinen. Helsinki yliopisto, – Helsinki, 1996. – P. 41 – 70.
7. Sundquist, Ø. Traces of iron in prehistoric Finnmark / Ø. Sundquist // Fennoscandia Archaeologica. – 1999. – Vol. XVI. – P. 47–57.
8. Kosmenko, M.G. Ancient iron production in Karelia / M. G. Kosmenko, I.S. Manjulin // Fennoscandia Archaeologica. – 1999. – Vol. XVI, – P. 31–46.
9. Косменко, М.Г. Древняя металлургия и металлообработка в охотничье-рыболовецких культурах эпохи железа и раннего средневековья в Карелии / М.Г. Косменко, И.С. Манюхин // Гуманитарные исследования в Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. – С. 16–22.
10. Lavento, M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus / M. Lavento // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. – 2001. – Vol. 109. – 410 p.
11. Шрамко, Б.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) / Б.А. Шрамко, Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 57–74.
12. Терехова, Н.Н. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе / Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова, В.И. Завьялов, М.М. Толмачева. – Москва: Издательство «Металлургия», 1977. – 320 с.
13. Peets, J. The Power of Iron: Iron Production and Blacksmithy in Estonia and Neighbouring Areas in Prehistoric Period and the Middle Ages / J. Peets // Research into Ancient Times 12. – Tallin: Tartu university. Institute of history, 2003. – 363 p.
14. Завьялов, В.И. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий / В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. – Москва: Знак, 2009. – 264 с.
15. Schulz, E.-P. Ein Eisenverhüttungsplatz aus der älteren Eisenzeit in Kajaani / E.-P. Schulz // Iskos. – 1986. – Vol. 6. – P. 169 – 173.
16. Косменко, М.Г. Проблемы датирования и хронологии памятников Карелии (каменный, бронзовый, железные века) / М.Г. Косменко // Российская археология. – 2003. – № 4. – С. 25–35.
17. Жульников, А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья / А.М. Жульников. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2005. – 310 с.
18. Васкул, И.О. Памятники гляденовской культурной общности / И.О. Васкул // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – С. 349–399.
19. Башенькин, А.Н. Домик мертвых Куреваниха ХХ на р. Мологе / А.Н. Башенькин // Древности Русского Севера. Вып. 1. – Вологда: Научно-производственный центр «Клио», 1996. – С. 141–150.
20. Косменко, М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии / М.Г. Косменко. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 216 с.
21. Жульников, А.М. Древности Петрозаводска / А.М. Жульников, А.М. Спиридонов. – Петрозаводск: Издательство «Скандинавия», 2003. – 132 с.
22. Колчин, Б.А. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа / Б.А. Колчин, О.Ю. Круг // Археология и естественные науки. – Москва: Наука, 1965. – С. 196–215.
23. Савватеев, Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 2. Стоянки / Ю.А. Савватеев. – Ленинград: Наука, 1977. – 328 с.
24. Косменко, М.Г. Стоянка Елменкоски на оз. Куйто / М.Г. Косменко // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. – Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1982. – С. 94–107.
25. Черноусов, П.И. Металлургия железа в истории цивилизации / П.И. Черноусов, В.М. Мапельман, О.В. Голубев. – Москва: Московский институт стали и сплавов, 2005. – 413 с.

References

1. Bryusov, A.Ya. Istoriya drevnej Karelii [History of ancient Karelia] / A.Ya. Bryusov // Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proc. of the State Historical Museum]. – Issue IX. – Moscow: State Historical Museum, 1940. – 320 p.
2. Gurina, N.N. Poseleniya epohi neolita i rannego metalla na severnom poberezhye Onezhskogo ozera [Neolithic

- and Early Metal settlements on the northern coast of Onega Lake] / N.N. Gurina // *Materialy i issledovaniya po arxeologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR]. – № 20. – Moscow-Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1951. – P. 77 – 142.
3. Anpilogov, A.V. Drevnyaya zhelezodelatel'naya masterskaya na severnom poberezhye ozera Syamozero [An ancient iron-making workshop on the northern coast of Syamozero Lake] / A.V. Anpilogov // *Novy'e pamyatniki istorii drevnej Karelii* [New sites of the history of ancient Karelia]. – Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. – P. 178 – 184.
 4. Hulthen, B. On Ceramic Ware in Northern Scandinavia During the Neolithic, Bronze and Early Iron Age / B. Hulthen // *Archaeology and Environment* 8. – Umeå University: Department of Archaeology, 1991. – 60 p.
 5. Espelund, A. Tigig järnframställning i asbestkeramik? Kommentar til B. Hulthen / A. Espelund // *Fornvännen*. – 1992. – Vol. 87. – P. 259 – 260.
 6. Lavento, M. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland / M. Lavento, S. Hornytzkij // *Pithouses and pot-makers in eastern Finland: reports of the Ancient Lake Saimaa project* (Helsinki papers in archaeology, 9). Ed. T. Kirkinen. Helsingin yliopisto, – Helsinki, 1996. – P. 41 – 70.
 7. Sundquist, Ø. Traces of iron in prehistoric Finnmark / Ø. Sundquist // *Fennoscandia Archaeologica*. – 1999. – Vol. XVI. – P. 47 – 57.
 8. Kosmenko, M.G. Ancient iron production in Karelia / M. G. Kosmenko, I.S. Manjulin // *Fennoscandia Archaeologica*. – 1999. – Vol. XVI. – P. 31 – 46.
 9. Kosmenko, M.G. Drevnyaya metallurgiya i metallobrabotka v ohotnichye-ryboloveczkih kulturah epohi zheleza i rannego srednevekovya v Karelii [Ancient metallurgy and metalworking in hunting and fishing cultures of the Iron Age and the Early Middle Ages in Karelia] / M.G. Kosmenko, I.S. Manyukhin // *Gumanitarnye issledovaniya v Karelii* [Humanitarian studies in Karelia]. – Petrozavodsk: Karelian Sci. Centre, RAS, 2000. – P. 16 – 22.
 10. Lavento, M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus / M. Lavento // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. – 2001. – Vol. 109. – 410 p.
 11. Shramko, B.A. Nachalnyj etap obrabotki zheleza v Vostochnoj Evrope (doskifskij period) [The initial stage of iron processing in Eastern Europe (pre-Scythian period)] / B.A. Shramko, L.D. Fomin, L.A. Solntsev // *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. – 1977. – № 1. – P. 57 – 74.
 12. Terekhova, N.N. Ocherki po istorii drevnej zhelezobrabetki v Vostochnoj Evrope [Essays on the history of ancient ironworking in Eastern Europe] / N.N. Terekhova, L.S. Rozanova, V.I. Zavyalov, M.M. Tolmacheva. – Moscow: Publishing House "Metallurgy", 1997. – 320 p.
 13. Peets, J. The Power of Iron: Iron Production and Blacksmithy in Estonia and Neighbouring Areas in Prehistoric Period and the Middle Ages / J. Peets // *Research into Ancient Times* 12. – Tallin: Tartu university. Institute of history, 2003. – 363 p.
 14. Zavyalov, V.I. Istoriya kuznechnogo remesla finno-ugorskix narodov Povolzhya i Preduralya: K probleme etnokulturnykh vzaimodejstvij [The History of the Blacksmithing craft of the Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Urals: On the problem of ethno-cultural interactions] / V.I. Zavyalov, L.S. Rozanova, N.N. Terekhova. – Moscow: Znack, 2009. – 264 p.
 15. Schulz, E.-P. Ein Eisenverhüttungsplatz aus der älteren Eisenzeit in Kajaani / E.-P. Schulz // *Iskos*. – 1986. – Vol. 6. – P. 169 – 173.
 16. Kosmenko, M.G. Problemy datirovaniya i hronologii pamyatnikov Karelii (kamennyj, bronzovyj, zheleznyje veka) [Problems of dating and chronology of Karelian sites (Stone, Bronze, Iron Ages)] / M.G. Kosmenko // *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. – 2003. – № 4. – P. 25 – 35.
 17. Zhulnikov, A.M. Poseleniya epohi rannego metalla Yu-go-Zapadnogo Pribelomorya [Settlements of the Early Metal Age of the Southwestern Belomorye Region] / A.M. Zhulnikov. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2005. – 310 p.
 18. Vaskul, I.O. Pamyatniki glyadenovskoj kulturnoj obshhnosti [Sites of the Glyadenovo cultural community] / I.O. Vaskul // *Arheologiya Respubliki Komi* [Archeology of the Komi Republic]. – Moscow: DiK, 1997. – P. 349 – 399.
 19. Bashen'kin, A.N. Domik mertvykh Kurevaniha XX na reke Mologe [House of the dead Kurevanikha XX on the Mologa river] / A.N. Bashen'kin // *Drevnosti Russkogo Severa* [Antiquities of the Russian North]. – Issue 1. – Vologda: Research and Production Center "Clio", 1996. – P. 141 – 150.
 20. Kosmenko, M.G. Arheologicheskie kultury perioda bronzy – zheleznogo veka v Karelii [Archaeological cultures of the Bronze – Iron Age period in Karelia] / M.G. Kosmenko. – St.Petersburg: Nauka, 1993. – 216 p.
 21. Zhulnikov, A.M. Drevnosti Petrozavodsk [Antiquities of Petrozavodsk] / A.M. Zhulnikov, A.M. Spiridonov. – Petrozavodsk: Publishing house "Scandinavia", 2003. – 132 p.
 22. Kolchin, B.A. Fizicheskoe modelirovanie syrodutnogo processa proizvodstva zheleza [Physical modeling of the raw iron production process] / B.A. Kolchin, O.Yu. Krug // *Arheologiya i estestvennye nauki* [Archaeology and natural sciences]. – Moscow: Nauka, 1965. – P. 196 – 215.
 23. Savvateev, Yu.A. Zalavruga. Arheologicheskie pamyatniki nizovya reki Vyg [Zalavruga. Archaeological sites of the Lower Vyg River]. Part 2. Sites / Yu.A. Savvateev. – Leningrad: Nauka, 1977. – 328 p.
 24. Kosmenko, M.G. Stoyanka Elmenkoski na oz. Kujto [Elmenkoski camping-site on Lake Kuito] / M.G. Kosmenko // *Poseleniya kamennogo veka i rannego metalla v Karelii* [Stone Age and Early Metal settlements in Karelia]. – Petrozavodsk: Karelian Branch of the USSR Ac. Sci., 1982. – P. 94 – 107.
 25. Chernousov, P.I. Metallurgiya zheleza v istorii civilizacii [Iron metallurgy in the history of civilization] / P.I. Chernousov, V.M. Mapelman, O.V. Golubev. – Moscow: Moscow Inst. of Steel and Alloys, 2005. – 413 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках работы по проекту РНФ № 19-18-00375 «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов».

Информация об авторе:

Жульников Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр-кт Ленина, д. 33; e-mail: rockart@yandex.ru).

Author:

Aleksandr M. Zhulnikov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Dept. of National History of Petrozavodsk State Univ., (33, Lenin St., Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russian Federation; e-mail: rockart@yandex.ru)

Для цитирования:

Жульников, А.М. Новые данные о производстве железа в Восточной Фенноскандии во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. / А.М. Жульников // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 30–40.

For citation:

Zhulnikov A.M. New data on iron production in Eastern Fennoscandia (second half of the I millennium BC – beginning of the I millennium AD / A.M.Zhulnikov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 30–40.

Дата поступления статьи: 10.04.2023

Прошла рецензирование: 25.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 10.04.2023

Reviewed: 25.04.2023

Accepted: 16.06.2023

Царица Леонида (Шереметева): статус, удел и погребение

С.Ю. Шокарев

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва
shokarevs@yandex.ru

Аннотация

Третья супруга царевича Ивана Ивановича, Елена Ивановна Шереметева, в иночестве Леонида, известна тем, что стала причиной трагической ссоры между Иваном Грозным и его сыном. Овдовев, она приняла монашество, получила удел и вела жизнь, подобающую знатной особе из царского рода. Царица Леонида прожила недолго и скончалась в 1595 г. Наблюдения над ее статусом и упоминаниями в источниках позволяют сделать вывод, что среди царственных инокинь на рубеже XVI–XVII вв. существовала определенная иерархия, что являлось результатом бурной личной жизни царя Ивана Грозного и его старшего сына.

Ключевые слова:

Царица Леонида (Шереметева), царевич Иван Иванович, Иван Грозный, московский двор, уделы, погребальный обряд, коммеморация

Личность Елены Ивановны Шереметевой, в иночестве Леониды, третьей супруги царевича Ивана Ивановича (1554–1581) известна слабо и исследована недостаточно [краткий очерк см.: 1, с. 76, 77]. Вместе с тем, она печально знаменита тем, что стала причиной трагической ссоры между Иваном Грозным и его сыном, закончившейся смертью царевича. При этом точно не установлены дата бракосочетания Елены Ивановны с царевичем и время ее кончины.

Один из немногих авторов, который сообщает о третьей свадьбе царевича Ивана Ивановича – англичанин Джером Горсей. «Царь Иван Васильевич собрал со всего государства самых красивых дочерей его бояр и дворян, девушек, и выбрал из них жену для своего старшего сына царевича (Chagrich) Ивана. Ее звали Настасьей (Natacia), она была дочерью Ивана Шереметева (Sheremetiev), воеводы (a viovode) знатного рода. Широкие празднества сопровождали эту свадьбу, хотя они и стоят рассказа, но не относятся к существу нашего изложения» [2, с. 62]. Как можно видеть, Горсей ошибся в имени жены царевича, передав его как Настасья, возможно, перепутав с Анастасией Романовной. Это известие у Горсея не датировано и помещено среди сообщений о последних годах жизни Ивана Грозного.

Tsarina Leonida (Sheremeteva): status, appanage and burial

S.Yu. Shokarev

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow
shokarevs@yandex.ru

Abstract

The third wife of Tsarevich Ivan Ivanovich, Elena Ivanovna Sheremeteva, in monasticism – Leonida, is known for causing a tragic quarrel between Ivan the Terrible and his son. Widowed, she became a monk, received an appanage and led a life befitting a noble person from the royal family. Tsarina Leonida did not live long and died in 1595. Observations on her status and references in the sources allow us to conclude that among the royal nuns at the turn of the XVI–XVII centuries there was a certain hierarchy, which was the result of the hectic personal life of Tsar Ivan the Terrible and his eldest son.

Keywords:

Tsarina Leonida (Sheremeteva), Tsarevich Ivan Ivanovich, Ivan the Terrible, Moscow court, appanages, funeral rite, commemoration

Известно, что царевич Иван Иванович был женат трижды. Брак с первой женой Евдокией Богдановной Сабуровой продолжался с 1571 по 1574/1575 г. [3], со второй женой – Федосией (Пелагеей) Михайловной Соловой (Петрово-Соловово) – с 1574/1575 по 1579 г. [4]. Следовательно, женитьба на Елене Ивановне Шереметевой произошла в промежуток между 1579 и 1583 гг., в который царевич умер. А.А. Зимин датировал это событие осенью 1580 г., «после очередной свадьбы отца» (на Марии Федоровне Нагой) [5, с. 91]. Скорее всего, свадьбы царя и царевича состоялись одновременно или почти одновременно, как это уже было ранее (например, в 1571 г., с разницей неделю). Царь женился на Марии Нагой 6 сентября 1580 г., царевич вступил в брак в третий раз около этого же времени. О том, что свадьбы отца и сына произошли одновременно, сообщает П. Одерборн [6, с. 207].

Из русских нарративных источников о третьей жене царевича упоминают только два поздних летописца: Пискаревский и Московский. Они не содержат подробностей о свадьбе или характере этого брака, перечисляя Елену Шереметеву в числе трех жен царевича Ивана Ивановича [7, с. 194, 228].

Женитьба царевича Ивана Ивановича на Шереметевой была не вполне обычной для московского двора. Как

установил американский историк Р. Мартин, в XVI–XVII вв. существовало обыкновение избирать царских невест из среднего дворянства, а не из крупных аристократических родов. Это ограничение было вызвано опасением чрезмерно усилить боярские кланы [8, с. 79–90, 130, 131, 232–234]. Род Шереметевых, представители которого входили в Боярскую думу и были известны как видные военачальники, входил в число первых фамилий. Более того, Шереметевы не пользовались благосклонностью царя Ивана Грозного, а, напротив, находились у него в подозрении. Старший из дядьев Елены, боярин Иван Васильевич Большой Шереметев, был в опале и подвергался пыткам. В 1573 г. он постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, но и там не укрылся от гнева царя. Иван Грозный сурово разбил его в известном «Послании в Кирилло-Белозерский монастырь». Еще один из братьев Васильевичей, Никита, был казнен в 1564 г. Младший из братьев, Федор Васильевич, в 1579 г. взят в плен поляками во время Ливонской войны и по слухам принес присягу королю Стефану Баторию. Он вернулся в Россию уже после свадьбы племянницы [5, с. 91].

В то же время отец Елены, боярин (с 1558 г.) Иван Васильевич Меньшой, воевода в разных походах, в 1577 г. был смертельно ранен при осаде Ревеля. Таким образом, Елена Ивановна Шереметева, как дочь воеводы, погибшего на царской службе, могла пользоваться покровительством Ивана Грозного. Имя И.В. Шереметева Меньшого, «пострадавшего от безбожных немец», было внесено в синодик московского Успенского собора. Можно предполагать, что царь считал свои счеты с Шереметевыми завершенными и принял дочь погибшего воеводы в свою семью. Тем более, что в то время род Шереметевых был представлен молодым Петром Никитичем, сыном Н.В. Шереметева, и малолетним Федором Ивановичем, братом Елены [9, с. 437, 438].

Матерью Елены Шереметевой являлась Домна Михайловна, урожденная княжна Троекурова, о которой известно из эпитафии на ее надгробии в Смоленском соборе московского Новодевичьего монастыря. Она приняла в инокинях имя Евникии и умерла 10 марта 1583 г. [10, с. 299; 11, с. 188]. Не вполне ясно, когда Д.М. Шереметева приняла монашество в Новодевичьем монастыре – до или после пострижения здесь своей дочери, и имеют ли эти события причинную связь.

Короткое время замужества Елены Шереметевой (1580–1583 гг.) не оставило следов в источниках. После смерти царевича Ивана Ивановича, наступившей 19 ноября 1581 г., она овдовела и постриглась в монахини. Если принять версию папского нунция Антонио Поссевино о том, что царевич умер от раны, нанесенной ему в гневе отцом, то Елена стала косвенной причиной его гибели. В источниках также присутствуют указания на другие причины роковой ссоры, однако «бытовая» версия Поссевино вызывает наибольшее доверие, благодаря достоверным подробностям [12]. Поссевино также сообщает, что Елена могла стать матерью будущего наследника – после избиения царем Иваном Грозным, она родила мертвого младенца [13, с. 50].

В отличие от первых двух жен царевича Ивана Ивановича, Елена Шереметева стала его полноправной вдово-

й и получила соответствующий высокий статус. Местом ее пострижения стал Новодевичий монастырь, где ранее приняла постриг вдова князя Юрия Угличского, брата Ивана Грозного, Ульяна, в монашестве Александра (ум. в 1574 г.). Новодевичий также был пристанищем и некрополем инокинь из княжеско-боярской аристократии [14].

В монашестве Елена получила имя Леониды в честь святой мученицы Леониды (память 25 июня). Традиционно в Московской Руси стремились давать монашеское имя, начинающееся на первую букву мирского имени. При этом допустимы были различные варианты, например, первая супруга царевича Ивана Ивановича, Евдокия Сабурова, в монашестве стала Александрой по одной из форм имен Евдокия – Авдотья. Случай Елены Ивановны, вероятно, сложнее, скорее всего, учитывалось сочетание нескольких букв, из которых первая не играла главной роли (Елена – Леонида) [15, с. 224]. Статусное первенство Леониды по сравнению с разведенными женами царевича Ивана Ивановича обусловило то, что в источниках она чаще всего именуется «царицей», без обычного в таких случаях дополнения «старица».

Подобно другим вдовам из правящего рода, царица Леонида получила «удел». Согласно документальным данным, он состоял из Устюжны Железопольской, ранее состоявшей во владении старицы Александры, вдовы Юрия Угличского (Устюжна входила в Угличский удел, начиная с князя Андрея Васильевича Большого Горя, получившего ее в числе других владений в 1462 г. по завещанию отца, Василия II Темного). По справедливому замечанию С.Б. Веселовского, уделы Леониды и Александры «назывались уделами по старой привычке, в действительности же они были государственным имуществом специального назначения и никакого политического значения не имели, так как находились в управлении царских дьяков. С исторической точки зрения эти уделы были пережитками глубокой старины, еще не изжитыми последующим развитием государственного и царского хозяйства» [16, с. 104].

Сохранилось две грамоты царицы старицы Леониды на Устюжну Железопольскую. Они написаны от имени «царевича князя Ивана Ивановича царицы Леониды». Первая датирована 20 августа 1583 г., адресована земским судьям Шестаку Суморокову со «товарищи» и предписывает не взимать торговые пошлины с монахов и слуг Троице-Сергиева монастыря, а также с купчин, приобретающих товары «на монастырский обиход» [17; 18, с. 381]. Другая грамота (от 3 апреля 1584 г.) адресована тому же Ш. Суморокову, который выступал уже в другом качестве – как устюжский посадский человек. Ему была дарована налоговая льгота на 5 лет на дворовое место и мельницу в Устюжне, на посаде [19, с. 312, 313]. Грамоты были подписаны на обороте дьяком Василием Низовцевым, очевидно, управлявшим делами Леониды, а первая из них «писана на Москве в Новом Девице монастыре». Наряду с дьяком В. Низовцевым, служившим Леониде, в 1583 г. упоминается ее сын боярский Андрей Васильевич Кошкадамов [20, с. 33].

Еще одна грамота в Устюжну, с дачей 10 руб. в Николю-Моденский монастырь вместо дворов, отписанных

в посад (от 15 января 1585 г.), известна по пересказу в более поздней грамоте царя Василия Шуйского (от 11 октября 1607 г.) [21, с. 308].

Московский летописец 1630–1640-х гг. определяет удел старицы Леониды в иных территориальных границах: «... государь дал ей в вотчину город Лух да волость Ставроу». Лух имел удельную историю. С конца XV в. и до 1571 г. им владели князья Бельские, а в 1574–1576 гг. – валашский воевода Богдан Александрович. Согласно дозорной книге 7095 (1586/1587 г.), царице Леониде принадлежало село Филисово Лушского (Лухского) уезда, где располагался монастырь с 20 кельями, в которых жили старцы и старицы. Управлял монастырем игумен Феодосий. Церкви были посвящены св. Николаю Чудотворцу и Введению Пресвятой Богородицы во храм. Монастырь владел деревней Коржева, пожалованной ему Богданом Александровичем [20, с. 32, 33]. Возможно, эта информация легла в основу сообщения о том, что весь Лух принадлежал царице Леониде.

Также Леонида владела землями в Московском уезде. Согласно писцовой книге 7093 и 7094 гг. (1584–1586), в Горетовом стану ей принадлежала обширная вотчина: село Черкизово с деревянной церковью Рождества Христова, прудами, мельницей и другими угодьями. К селу тянули 13 деревень, три селища, сельцо и 94 пустоши. В соседнем Манатыне стану царице также принадлежали три деревни, шесть пустошей и погост с церковью Богоявления, стоявшей «без пения» [22, с. 167–171, 204, 205].

Царица Леонида участвовала в управлении делами своего младшего брата Федора, впоследствии – крупного государственного и военного деятеля, – который в 1580-е гг. был еще ребенком. Ее грамота от 21 июля 1587 г. была направлена «в Федорову Ивановича Шереметева вотчину в село с Борисоглебское» (ранее – вотчина И.В. Шереметева Меньшого). Царица предписывала И. Свербееву и В. Дементьеву переписать имущество Ивана Шигалья, «слуги» Ф.И. Шереметева, изъять его и выставить на торги. Затем деньги, принадлежавшие Шигалю, и средства, вырученные от продажи его «животов», было велено отдать сельскому старосте и крестьянам, «в кабалу в уплату» (очевидно, И. Шигаль был несостоятельным должником). Также выяснилось, что ранее поп Первой Зиновьев утаил 24 рубля, принадлежавшие И. Шигалю. От имени царицы ему было велено передать: «... с великою опалю и угрозою со всякою, и от Федора Ивановича с великою кручиною, чтобы он однолично Иванковых Шигалевых денег и всякого живота у себя не таил». В заключение грамота указывала Свербееву и Дементьеву, продав имущество Шигалья, вместе с «переписным» и «продажным» списками ехать в Новодевичий монастырь [23, с. 414, 415; фототипия грамоты: 9, между с. 512 и 513]. Обращает на себя внимание решительное вмешательство царицы Леониды в дела брата-вотчинника и, особенно, угроза опалы – поступок и язык, свойственные тестю вдовой монахини.

Высокое статусное положение царицы Леониды отразилось также в том, что у нее, по старинному обычаю, была мастерская лицевого шитья в Новодевичьем монастыре. К сожалению, тексты на сохранившихся произведениях

(покровы с изображениями святых Зосимы и Савватия Соловецких) не содержат имени Леониды, однако есть даты (1583 и 1585), указание на царствующим особ, церковных иерархов и место изготовления – Новодевичий монастырь. Согласно гипотезе Н.А. Маясовой, охарактеризовавшей покров с изображением св. Зосимы Соловецкого, «близость покрова по общему стилю к произведениям царицыных светлиц и несхожесть его с произведением собственно монастырской мастерской дает возможность считать, что он был выполнен в Новодевичьем монастыре и мастерской, принадлежащей особе царского рода, а такой в это время была старица Леонида, до пострижения – Елена Ивановна Шереметева, третья жена царевича Ивана Ивановича». Также исследовательница определяет и авторство покрова с изображением св. Савватия. По мнению Н.А. Маясовой, произведения из мастерских княгини инокини Александры и царицы Леониды были близки к работам царицыных светлиц. Это объясняется тем, что мастерицы знатных постриженниц переходили вместе с ними из дворца в монастырь [24, с. 54, 158–160].

При переезде в Новодевичий монастырь царица Леонида также получила немало дворцового имущества. Документ, известный под названием «Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов», сообщает, что «царице старице Леониде» было пожаловано Иваном Грозным немало дорогих «судов»: три золотых братины (на одной было нанесено имя царевича Ивана Ивановича), семь золотых чарок (одна с именем царевича Ивана, другая – подарок царевичу от чудовского архимандрита Ефима, остальные – из дворцового имущества), два рукомойника (серебряный и оловянный) и медная лохань на железном «тогане». «Шапку скорлатну» с собольим «околом», унизанную жемчугом получил брат Леониды, Ф.И. Шереметев [25, с. 25, 34, 35]. Как можно видеть, часть предметов принадлежала царевичу Ивану Ивановичу, другие были пожалованы из «государевой казны». Любопытно, что первая жена царевича, «царица старица» Александра владела несколькими иконами, связанными с царевичем Иваном Ивановичем, а вторая жена – «царица старица» Прасковья – яхонтовым перстнем-печаткой с изображением льва, также, возможно, когда-то принадлежавшим царевичу [26, с. 3–21; 27, с. 711].

По свидетельству А.П. Барсукова, писатель П.И. Мельников-Печерский в письме к графу С.Д. Шереметеву в 1878 г. сообщал, что видел «рукописный молитвослов, "с собственноручной подписью царя Ивана Васильевича", подарившего его своей снохе, Елене Ивановне Шереметевой» [9, с. 495, 496]. Представить себе такую дарственную надпись трудно из-за отсутствия аналогий, но, возможно, это была книга с упоминанием царя Ивана Васильевича и его семьи, включавшей Елену Ивановну (как, например, Каноник XVI в. из Троице-Сергиева монастыря с именем царевича Ивана Ивановича и его супруги Феодосии (Прасковьи Солововой) [28, л. 366 об.]).

Жизнь царицы Леониды в монашестве известна слабо. Существует только упоминание о том, что она крестила в Новодевичьем монастыре королевну Евдокию, дочь королевы Марии Владимировны (урожденной княжны Ста-

рицкой), вдовы ливонского герцога Магнуса, внуку князя Владимира Андреевича Старицкого [7, с. 191]. Королеву Марию и ее дочь удалось перевезти в Россию из Риги около 1586 г., а в 1588 г. Мария была пострижена в монахини с именем Марфа в подмосковном Подсосенском Богородицком женском монастыре, расположенном рядом с Троице-Сергиевым. Вместе с ней поселилась Евдокия, бывшая еще ребенком. В 1589 г. Евдокия умерла, а королева инокиня Марфа пережила Смутное время и скончалась в первые годы правления царя Михаила Федоровича [29, с. 28–30].

Точно неизвестно, когда умерла царица Леонида. Однако кормовая книга Новодевичьего монастыря сообщает календарную дату ее смерти, указывая под 25 декабря «преставление благоверной царице иноке схимнице Леониде Шереметевы, не стало на Рождество Христово в заутрене, вкладу по ней дано 1000 рублей» [11, с. 178]. В грамоте царя Федора Ивановича от 29 августа 1596 г. келарю Новодевичьего монастыря Евдокии Мещерской с сестрами говорится, что старицы били челом о выдаче им жалованной грамоты на село Смолинское с 22 деревнями и двумя селищами в Вышегородском стану Вереяского уезда, данное в обитель по царице старице Леониде [30, с. 334, 335]. Таким образом, год смерти Леониды должен быть помещен между 1587 г. и 1596 г. Первая дата определяется выдачей грамоты от ее имени в село Борисоглебское, а вторая – жалованной грамотой царя Федора Ивановича в Новодевичий монастырь. Логично предположить, что старицы просили о выдаче грамоты вскоре после получения этого вклада, следовательно, царица Леонида умерла 25 декабря 1595 г. Этой точки зрения придерживался и комментатор при публикации данного акта Ю.Д. Рыков [30, с. 509].

Царица Леонида была погребена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря. Ее надгробие не сохранилось и не известно по публикациям, а место погребения точно не локализовано. Согласно предположению О.А. Трубниковой, царицу Леониду похоронили под алтарем Смоленского собора, рядом с княгиней инокиней Александрой (Ульяной). Это захоронение обозначено надгробницей прямоугольной формы из большемерного оштукатуренного кирпича, без надписей [31, с. 109, 122]. Во время археологических исследований в Смоленском соборе, проводившихся в 2017–2018 гг. Новодевичьей экспедицией Института археологии РАН под руководством члена-корреспондента РАН Л.А. Беляева, данное погребение было исследовано. В ходе раскопок обнаружен антропоморфный саркофаг, углубленный в грунт. Саркофаг не сохранился целиком, вместо крышки была установлена надгробная плита, перевернутая изголовьем к ногам. На плите сохранилась эпитафия инокини Евсевии, умершей в 1540 г. Скорее всего, соединение надгробия с саркофагом является результатом позднейшего вмешательства. Погребение было исследовано антропологом И.К. Решетовой, заключение которой «рисует хрупкую женщину примерно 30-летнего возраста, с прекрасными зубами и хорошей фигурой». В коллективной статье Л.А. Беляева, С.Б. Григорян и С.Г. Шуляева [14, с. 12] по поводу атрибуции останков царице Леониде говорится следующее: «Думать, что это все же Елена Шереметева, допустимо. Но сомнения остаются (однако вряд ли

перед нами и правда погребение некоей иноки Евсевии, умершей в 1540 г.)». Добавим также, что возраст «примерно» 30 лет соответствует тому, что нам известно о Елене (Леониде) Шереметевой. Если она умерла в 1595 г. в 30 лет, следовательно, родилась около 1565 г. и вышла замуж приблизительно в 15 лет – нормальный брачный возраст для Московской Руси. Тем не менее имеющихся данных для уверенной атрибуции этого погребения недостаточно.

В коммеморативных памятниках (кормовые книги, синодики) имя царицы Леониды встречается эпизодически. В троицких синодиках поминовение «царицы иноки» Леониды (или «иноки» Леониды) помещалось среди других поминаний царственных особ [32, л. 3 об.; 33, л. 41; 34, л. 6 об. и др.]. Аналогичные записи есть в синодиках Успенского собора XVII в. [35, л. 11 об.] и Новодевичьего монастыря [11, с. 215]. Обращает на себя внимание, что везде, где присутствует царица Леонида, нет имен других жен царевича Ивана Ивановича. В некоторых синодиках Леонида поминалась в составе рода Шереметевых (Соловецкого (без царского титула) [36, л. 26 об.] и Волоколамского (с титулом) монастырей [37, л. 43 об.]).

Реже встречаются указания на кормовое поминовение. Их удалось обнаружить в кормовой книге Новодевичьего монастыря (на преставление, 25 декабря и почему-то 3 мая, что не соответствует именинам Елены) [11, с. 178, 195] и в списке поминаемых особ царского дома в Вознесенском монастыре. В Вознесенском монастыре царицу инокиню «Леониду Ивановну» (в одном случае ошибочно названа «Петровной») поминали также довольно странно: 20 декабря, 29 декабря и 18 мая [38, стб. 307, 308]. Ни одна из этих дат также не соотносится ни с датой кончины, ни с днями памяти Елены. Данные загадки, безусловно, требуют своего разрешения, но, как представляется, глубоко-го смысла за этими датами не было.

История царицы Елены Ивановны (инокини Леониды) имела своеобразное продолжение в Смутное время. В 1607 г. в Астрахани появился самозванец Лаврентий, выдававший себя за сына царевича Ивана Ивановича и Елены Ивановны. Ему удалось найти общий язык с другим самозванцем, Иваном-Августом, называвшим себя сыном Ивана Грозного. Лжедмитрий II, возмущенный появлением этих самозванных родственников, обращался к жителям Смоленска с увещанием: «... да в Астраханиж, сказывают, объевился царевич Лаврентий, а называет себя брата нашего царевича и великого князя Ивана Ивановича всеа Руси сын, а сказываетца родился от царицы и великой княгини Елены Ивановны Шереметевых; и вы прирожденные наши люди всего нашего Московского государства, и сами ведаете подлинно, что за братом нашим за царевичем и великим князем Иваном Ивановичем всеа Руси Шереметевых была, а детей у него не было» [39, с. 230]. Лаврентий и Иван-Август, однако, явились вместе с отрядами казаков в Тушинский стан к Лжедмитрию II, где мнимый родственник приказал их повесить.

В Смуту упоминается не только ложный сын Елены, но также, как ни странно, и она сама. В посольских документах за август 1609 г., при описании приезда шведского посольства сказано, что во Владимире «царевическая

Иванова царица инока Леонида прислала ротмистру (*главе посольства*. – С.Ш.) ж коврижку да хлебец черной да скляницу меду» [40, с. 118, 119]. Здесь, конечно, просится предположение о самозванке, однако это просто ошибка – в это время во Владимире жила вторая, разведенная жена царевича Ивана, царица старица Прасковья (Соловова) [41, с. 480, 483].

Елена Ивановна Шереметева, в иночестве Леонида, супруга и царица царевича Ивана Ивановича, прожила недолгую жизнь по традициям и порядкам московского двора. Овдовев, она постриглась в монахини, получила вдовый «удел», имела небольшой аппарат управления и штат, придворную мастерскую, пользовалась титулом «царицы» и даже грозила опалой. В источниках (особенно, в документах церковной коммеморации) выделяется ее высокое положение официальной вдовы царевича и его наследницы, отличающееся от статусов первых жен, разведенных царевича. В этом отношении положение царицы Леониды сходно с положением царицы Марфы (Нагой), которая также занимала более значимые позиции, чем предыдущая супруга Ивана Грозного, царица Дарья (Колтовская).

Литература

1. Шведова, М.М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря / М.М. Шведова // Новодевичий монастырь в русской культуре: материалы научной конференции. – Москва, 1998. – С. 73–93.
2. Горсей, Д. Записки о России: XVI – начало XVII в. / Д. Горсей; под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. – Москва, 1990. – 287 с.
3. Шокарев, С.Ю. Смерть царицы старицы Александры (1614 год) и русский погребальный обряд XVI–XVII веков / С.Ю. Шокарев // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2022. – № 1 (53). – С. 40–46.
4. Ракитина, М.Г. Биографический очерк (Захоронение Пелагеи (Феодосии) Михайловны Соловой (в иночестве Прасковьи), 1622 г.) / М.Г. Ракитина // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований в 4-х т. / отв. ред.-сост. д. и. н. Т.Д. Панова. – Москва, 2021. – Т. 4, ч. 1. – С. 124–134.
5. Зимин, А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России / А.А. Зимин. – Москва, 1986. – 331 с.
6. Полосин, И.И. Социально-политическая история России XVI – нач. XVII в. / И.И. Полосин. – Москва, 1963. – 384 с.
7. Полное собрание русских летописей. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. Т. 34. – Москва, 1978. – 304 с.
8. Мартин, Р.Э. Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков / Расселл Э. Мартин; пер. с англ. А. Шокаревой. – Москва, 2023. – 408 с.
9. Барсуков, А.П. Род Шереметевых / А.П. Барсуков. – Санкт-Петербург, 1881. – Т. 1. – 545 с.
10. Древняя российская вивлиофика. Ч. XIX. – Санкт-Петербург, 1791. – 418 с.
11. Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива московского Новодевичьего монастыря / под ред. В.И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. [В 2 вып.]. – Москва, 1985. – 362 с.
12. Шокарев, С.Ю. Убил ли Иван Грозный своего сына? / С.Ю. Шокарев // Центр и периферия: научно-публицистический журнал Института российской истории РАН и Научно-исследовательского института гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 1. – С. 12–27.
13. Поссевино, А. Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино; пер., вступ. ст. и коммент. Л.Н. Годовиковой. – Москва, 1983. – 271 с.
14. Беляев, Л.А. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII в. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты / Л.А. Беляев, С.Б. Григорян, С.Г. Шуляев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2019. – № 4 (78). – С. 112–127.
15. Успенский, Б.А. Иноческие имена на Руси / Б.А. Успенский, Ф.Б. Успенский. – Москва–Санкт-Петербург, 2017. – 340 с.
16. Веселовский, С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси / С.Б. Веселовский // Исторические записки. Т. 22. – Москва, 1947. – С. 101–131.
17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.303/1. – № 833.
18. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1838. – [548 с.].
19. Беляков, О.П. К истории удела царицы Леониды / О.П. Беляков // Русский дипломатарий. – Москва, 2001. – Вып. 7. – С. 310–313.
20. Упраздненные монастыри Костромской епархии / предисл. А.А. Титова. – Москва, 1909. – 58 с.
21. Черкасова, М.С. Копийная книга актов устюженских монастырей XVII–начала XVIII в. / М.С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2020. – № 1–2 (57–58). – С. 292–366.
22. Писцовые книги Московского государства / под ред. Н.В. Калачова. Писцовые книги XVI века, отд.-ние 1: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. – Санкт-Петербург, 1872. – 924 с.
23. Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века: сб. документов / сост. А.В. Антонов. Т. 3. – Москва, 2002. – 678 с.
24. Маясова, Н.А. Древнерусское лицевое шитье: каталог / Н.А. Маясова. – Москва, 2004. – 495 с.
25. Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 гг. // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 7. – Москва, 1850. – Смесь. – С. 1–46.
26. Георгиевский, В.Т. Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале / В.Т. Георгиевский // Старые годы. – 1910. – Ноябрь. – С. 3–21.
27. Успенский, А.И. Столбцы бывшего Архива оружейной палаты / А.И. Успенский. Вып. 3. – Москва, 1914. – 738 с.

28. ОР РГБ. – Ф. 304/1. – № 266.
29. Рыков, Ю.Д. Потомки князя Владимира Андреевича Старицкого и судьба его дочери Марии (в иночестве – Марфы), королевы Ливонской / Ю.Д. Рыков // Российская генеалогия. – Москва, 2020. – № 8. – С. 7–45.
30. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV–начала XVII вв. / изд. подготовили: Т.Н. Алексинская, В.К. Баранов, А.В. Маштафаров, В.Д. Назаров, Ю.Д. Рыков. – Москва, 1998. – 734 с.
31. Трубникова, О.А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в.–30-е гг. XX в.) / О.А. Трубникова // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. – Москва, 1991. – С. 106–123.
32. ОР РГБ. – Ф. 304/1. – № 40.
33. ОР РГБ. – Ф. 304/1. – № 41.
34. ОР РГБ. – Ф. 304/1. – № 814.
35. Синодик Успенского собора. XVII в. (копия С.Б. Веселовского). Архив Российской академии наук. – Ф. 620. – Оп. 1. – Д. 174.
36. Отдел рукописей Государственного исторического музея. Епарх. № 944.
37. Отдел рукописей Государственного исторического музея. Епарх. № 413 (672).
38. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные В.И. и Г.И. Холмогоровыми, при руководстве И.Е. Забелина. – Москва, 1884. – 1200 стб.
39. Восстание И. Болотникова: Документы и материалы / сост.: А.И. Копанев, А.Г. Маньков. – Москва, 1959. – 455 с.
40. Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и редактировал А.М. Гневушев. – Москва, 1918. – 421 с.
41. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1604–1637 гг. / сост. З.В. Дмитриева. – Москва–Санкт-Петербург, 2010. – 756 с.
- i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarinas in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin]: materials of research in 4 volumes / Ed.-comp. T.D. Panova. – Vol. 4. – Part 1. – Moscow, 2021. – P. 124–134.
5. Zimin, A.A. V kanun groznyh potryasenij: Predposylki pervoj Krest'yanskoj vojny v Rossii [On the eve of terrible upheavals: Prerequisites of the first Peasant war in Russia] / A.A. Zimin. – Moscow, 1986. – 331 p.
6. Polosin, I.I. Social'no-politicheskaya istoriya Rossii XVI – nach. XVII v. [Socio-political history of Russia XVI – early XVII century] / I.I. Polosin. – Moscow, 1963. – 384 p.
7. Polnoe sobranie russkikh letopisej. Postnikovskij, Piskarevskij, Moskovskij i Bel'skij letopiscy [Complete collection of Russian chronicles. Chroniclers Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky and Belsky]. – Vol. 34. – Moscow, 1978. – 304 p.
8. Martin, R.E. Nevesta dlya tsarya. Smotry nevest v kontekste politicheskoy kul'tury Moskovii XVI–XVII vekov [A bride for the Tsar. Bride Shows in the context of the political culture of Moscovia of the XVI–XVII centuries] / R.E. Martin. – Moscow, 2023. – 408 p.
9. Barsukov, A.P. Rod Sheremetevyh. [The Sheremetevs family] / A.P. Barsukov. – St.Petersburg, 1881. – Vol. 1. – 545 p.
10. Drevnyaya rossijskaya vivliofika. [Ancient Russian vivliofika] – Part XIX. – St.Petersburg, 1791. – 418 p.
11. Istochniki po social'no-ekonomicheskoy istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arhiva moskovskogo Novodevich'ego monastyrya [Sources on the socio-economic history of Russia of the XVI–XVIII centuries. From the archives of the Moscow Novodevichy Monastery] / Ed. V.I. Koretsky. In 2 issues. – Moscow, 1985. – 362 p.
12. Shokarev, S.Yu. Ubil li Ivan Groznyj svoego syna? [Did Ivan the Terrible kill his son? / S.Yu. Shokarev // Centr i periferiya: nauchno-publichisticheskij zhurnal Instituta rossijskoj istorii RAN i Nauchno-issledovatel'skogo instituta humanitarnyh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Center and Periphery: scientific journal of the Institute of Russian History, RAS, and the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia.] – № 1. – 2017. – P. 12–27.
13. Possevino, A. Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v. [Historical writings about Russia of the XVI century] / A. Possevino. – Moscow, 1983. – 271 p.
14. Belyaev, L.A. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya XVI–XVII v. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The necropolis of the Smolensk Cathedral of the Novodevichy convent, XVI–XVII: the results of field research (2017–2018)] / L.A. Belyaev, S.B. Grigoryan, S.G. Shulyaev // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. [Ancient Rus'. Questions of medieval studies]. – № 4 (78). – 2019. – P. 112–127.
15. Uspensky, B.A. Inocheskie imena na Rusi. [Monastic names in Russia] / B.A. Uspensky, F.B. Uspensky. – Moscow – St. Petersburg, 2017. – 340 p.
16. Veselovsky, S.B. Poslednie udely v Severo-Vostochnoj Rusi [The last appanages in North-Eastern Russia] / S.B.

References

1. Shvedova, M.M. Tsaricy-inokini Novodevich'ego monastyrya [Tsarinas- nuns of the Novodevichy Monastery] / M.M. Shvedova // Novodevichij monastyr' v russkoj kul'ture [Novodevichy Monastery in Russian culture]. Materials of sci. conf. – Moscow, 1998. – P. 73–93.
2. Gorsei, D. Zapiski o Rossii: XVI – nachalo XVII v. [Notes on Russia: XVI– early XVII century] / D. Gorsei / Ed. V.L. Yanin. – Moscow, 1990. – 287 p.
3. Shokarev, S.Yu. Smert' tsaritsy staritsy Aleksandry (1614 god) i russkij pogrebal'nyj obryad XVI–XVII vekov [The death of the old Tsarina Alexandra (1614) and the Russian funeral rite of the XVI – XVII centuries] / S.Yu. Shokarev // Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN. [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] – 2022. – № 1(53). – P. 40–46.
4. Rakitina, M.G. Biograficheskij ocherk (Zahoronenie Pelagei (Feodosii) Mihajlovny Solovoj (v inochestve Praskov'i), 1622 g.) [Biographical sketch (Burial of Pelageya (Feodosiya) Mikhailovna Solova (monastic – Praskovya), 1622)] / M.G. Rakitina // Nekropol' russkikh velikih knyagin'

- Veselovsky // Istoricheskie zapiski. [Historical notes]. – Vol. 22. – Moscow, 1947. – P. 101–131.
17. Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (OR RGB) [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. – F. 303/l. – № 833.
 18. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoyu ekspediciyu Imperatorskoj Akademii nauk [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. – Vol. 1. – St.Petersburg, 1836. – 548 p.
 19. Belyakov, O.P. K istorii udela tsaritsy Leonidy [On the history of the appanage of Tharina Leonida] / O.P. Belyakov // Russkij diplomatarij [Russian diplomatarium]. – Issue 7. – Moscow, 2001. – P. 310–313.
 20. Uprazhnennye monastyri Kostromskoj eparhii [Abolished monasteries of the Kostroma diocese] / Introductory text by A.A. Titov. – Moscow, 1909. – 58 p.
 21. Cherkasova, M.S. Kopijnaya kniga aktov ustyuzhenskih monastyrej XVII–nachala XVIII v. [Book of copies of acts of the Ustyug monasteries of the XVII–early XVIII centuries] / M.S. Cherkasova // Vestnik cerkovnoj istorii [Bull. of Church History]. – 2020. – № 1–2 (57–58). – P. 292–366.
 22. Piscovyie knigi Moskovskogo gosudarstva / Piscovyia knigi XVI veka, otd-nie 1: Mestnosti gubernij Moskovskoj, Vladimirskoj i Kostromskoj [Scribal books of the Moscow State / Scribal books of the XVI century, section 1: Localities of the provinces of Moscow, Vladimir and Kostroma] / Ed. N.V. Kalachov. – St.Petersburg., 1872. – 924 p.
 23. Akty sluzhilyh zemlevladel'cev XV–nachala XVII veka [Acts of service landowners of the XV–early XVII century]: collection of documents / Comp. A.V. Antonov. – Vol. 3. – Moscow, 2002. – 678 p.
 24. Mayasova, N.A. Drevnerusskoe licevoe shit'e: katalog [Old Russian facial sewing: catalog] / N.A. Mayasova. – Moscow, 2004. – 495 p.
 25. Opis' domashnemu imushchestvu carya Ivana Vasil'evicha, po spiskam i knigam 90 i 91 gg. [Inventory of household property of Tsar Ivan Vasilyevich, according to lists and books of 90 and 91 years] // Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej rossijskih [Annals of the Moscow Society of History and Russian Antiquities]. – Book 7. – Moscow, 1850. – Mix. – P. 1–46.
 26. Georgievsky, V.T. Ikony Ioanna Groznogo i ego sem'i v Suzdale [Icons of Ioann the Terrible and his family in Suzdal] / V.T. Georgievsky // Starye gody [Old Years]. – 1910. November. – P. 3–21.
 27. Uspensky, A.I. Stolbcy byvshego Arhiva Oruzhejnoy palaty [Columns of the former archives of the Armory] / A.I. Uspensky. – Issue 3. – Moscow, 1914. – 738 p.
 28. OR RGB. – F. 304/l. – № 266.
 29. Rykov, Yu.D. Potomki knyazya Vladimira Andreevicha Starickogo i sud'ba ego docheri Marii (v inochestve – Marfy), korolevy Livonskoj [Descendants of Prince Vladimir Andreevich Staritsky and the fate of his daughter Maria (in monasticism – Marfa), Queen of Livonia] / Yu. D. Rykov // Rossijskaya genealogiya [Russian genealogy]. – Moscow, 2020. – No. 8. – P. 7–45.
 30. Akty Rossijskogo gosudarstva. Arhivy moskovskih monastyrej i soborov XV–nachala XVII vv. [Acts of the Russian state. Archive of Moscow monasteries and cathedrals of the XV–early XVII centuries] / Ed. prepared by T.N. Aleksinskaya, V.K. Baranov, A.V. Mashtafarov, V.D. Nazarov, Yu.D. Rykov. – Moscow, 1998. – 734 pp.
 31. Trubnikova, O.A. Istoriya nekropolya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v.–30-e gg. XX v.) [The history of the necropolis of the Novodevichy Monastery (the 30s of the XVI century – the 30s of the XX century)] / O.A. Trubnikova // Moskovskij nekropol': istoriya, arheologiya, iskusstvo, ohrana [Moscow necropolis: history, archeology, art, protection]. – Moscow, 1991. Pp. 106–123.
 32. OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. – F. 304/l. – № 40.
 33. Ibid. – F. 304/l. – № 41.
 34. Ibid. – F. 304/l. – № 814.
 35. Sinodik Uspenskogo sobora. XVII v. [Synodicon of the Uspensky Cathedral. XVII century] (copy by S.B. Veselovsky). Arhiv Rossijskoj akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences]. – F. 620. – Op. 1. – D. 174.
 36. Otdel rukopisej Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Manuscripts of the State Historical Museum]. Diocesan № 944.
 37. Ibid. Diocesan № 413 (672).
 38. Materialy dlya istorii, arheologii i statistiki moskovskih cerkvej, sobrannye V.I. i G.I. Holmogorovymi, pri rukovodstve I.E. Zabelina [Materials for the history, archeology and statistics of Moscow churches, collected by V.I. and G.I. Kholmogorovy, under the leadership of I.E. Zabelin]. – Moscow, 1884. – 1200 col.
 39. Vosstanie I. Bolotnikova: Dokumenty i materialy [The uprising of I. Bolotnikov: documents and materials] / Comp. A.I. Kopanov, A.G. Man'kov. – Moscow, 1959. – 455 p.
 40. Akty vremeni pravleniya carya Vasiliya Shujskogo (1606 g. 19 maya – 17 iyulya 1610 g.) [Acts of the reign of Tsar Vasily Shuisky (May 19, 1606 – July 17, 1610)] / Comp. and ed. A.M. Gnevushev. – Moscow, 1918. – 421 p.
 41. Prihodnye i raskhodnye denezhnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrya. 1604–1637 gg. [Cash receipts and payments books of the Kirillo-Belozersky Monastery. 1604–1637] / Comp. Z.V. Dmitrieva. – Moscow–St.Petersburg, 2010. – 756 p.

Информация об авторе:

Шокарев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории древнерусской культуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, <https://orcid.org/0000-0002-7620-0186> (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82; e-mail: shokarevs@yandex.ru).

Author:

Sergey Yu. Shokarev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Laboratory of Old Russian Culture of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7620-0186> (82, Vernadsky Avenue, Moscow 119571, Russian Federation; e-mail: shokarevs@yandex.ru).

Для цитирования:

Шокарев, С.Ю. Царица Леонида (Шереметева): статус, удел и погребение / С.Ю. Шокарев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 41–48.

For citation:

Shokarev, S.Yu. Tsarina Leonida (Sheremeteva): status, appanage and burial / S.Yu. Shokarev // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 41–48.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 15.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 15.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Геологические поиски в Арктической зоне Европейского северо-востока России в XVII столетии

М.А. Мацук

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
michailmatsuk@rambler.ru

Аннотация

В Московском царстве в XVII в. проводилась большая работа по поиску рудных и нерудных полезных ископаемых. Такие поиски проходили и в Арктической зоне Европейского северо-востока России – в Большеземельской и Малоземельской тундрах и прилегающих к ним лесных территориях, а также на островах Северного Ледовитого океана, входивших в состав Пустозерского уезда (Новая Земля, Вайгач и др.). В статье показаны проведенные в 1620–1680-х гг. 14 экспедиций, обследовавших обширные территории указанной Арктической зоны и детально изучившие бассейн р. Цильмы в поисках значительных месторождений медных руд. В ходе экспедиций были открыты места залегания незначительных месторождений медных и серебряных руд, а также месторождения слюды и горного хрусталя.

Ключевые слова:

Московское царство, Арктическая зона Европейского северо-востока России, геологические экспедиции, медная, серебряная руды, слюда, XVII век

Геологические поиски рудных и нерудных полезных ископаемых в Московском государстве начались с XV в. В XVII столетии на всей территории громадной страны были развернуты работы по поиску железных, медных, серебряных и иных руд, слюды, драгоценных камней и т.д. Такие работы проходили в Пустозерском уезде и соседствовавшем с ним Кевроло-Мезенском уезде, а также на островах Ледовитого океана, входивших в Арктическую зону Европейского северо-востока. В основном, информация об организации поисков полезных ископаемых на указанной территории в XVII в. фигурирует в разных работах историков, но общая картина не была составлена.

Сведем в единый реестр данные об известных нам геологоразведочных экспедициях, проходивших в Пустозерском уезде и смежных территориях в XVII столетии. В представленной работе мы опираемся на опубликованные исследования наших предшественников А.А. Кузина,

Geological explorations in the Arctic zone of the European Northeast of Russia in the XVII century

M.A. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
michailmatsuk@rambler.ru

Abstract

In the Moscow Kingdom in the XVII century, a lot of work was carried out to search for ore and non-metallic minerals. Such searches also took place in the Arctic zone of the European Northeast of Russia – in the Bolshezemelskaya and Malozemelskaya tundras and adjacent forest areas, as well as on the islands of the Arctic Ocean which were part of the Pustozersky Uyezd (Novaya Zemlya, Vaigach and other islands). The paper describes 14 expeditions carried out in the 1620s–1680s, that surveyed the vast territories of the Arctic zone and studied in detail the Tsilma river basin in search of significant deposits of copper ores. During the expeditions, the places of occurrence of minor deposits of copper and silver ores, as well as deposits of mica and rock crystal, were discovered.

Keywords:

Moscow Kingdom, Arctic zone of the European Northeast of Russia, geological expeditions, copper, silver ores, mica, XVII century

Э.Д. Красильниковой, М.И. Белова, а также документы, как хранящиеся в архивах, так и опубликованные.

Первое сообщение о такой экспедиции относится к 1619 и 1620 гг. По словам А.А. Кузина, соликамский рудознатец Яков Литвинов инициировал в 1617–1620 гг. геологическое обследование вотчины Строгановых (Соликамский уезд) на предмет обнаружения месторождений меди. Поскольку сначала результативность поисков оказалась невысокой, в 1619 г. он был послан в Пустозерский уезд на р. Цильму, где, по слухам, «в старину дельвали серебро». Литвинов побывал на Цильме в местах стародавней добычи руды и вернулся в соликамский городок Орел, где базировалась геологоразведочная партия. Он привез с собой добытые 15 фунтов (6.15 кг) руды, которую передали английскому рудознатцу и плавильщику мастеру Ватеру. Тот осуществил две плавки: по первому опыту из 10 фунтов (4.1 кг) руды ему удалось выплавить 11 золотников (48.926 г) меди; во второй раз

из 4 фунтов руды Ватер выплавил 367 г меди [1, с. 54–56]. Ватер заявил, что первый его опыт оказался неудачным: «... он тое медные руды сперва не узнал, плавил тое руду, смывая в воде», но признал качество цилемской руды очень хорошим и добавил, что «только де тое медные руды слой на реке на Цильме объявитца, и в той де руде меди государю прибыль будет» [2, с. 10].

Итогом отчета о поездке Я. Литвинова на р. Цильму был царский указ руководителям соликамской геологоразведочной партии дворянину Авраму Ивановичу Бертеневу и подьячему Гавриилу Левонтьеву. Им было велено вместе с сыном Якова Литвинова Моисеем, мастером Ватером и со всем «заводом» (переводчик, рудоплавильщики, рабочие) ехать на р. Цильму искать медные руды, и «где руда объявится копать во многих местах и промышлять над нею с великим радением». Если же медная руда не будет обнаружена, то экспедиция должна была возвратиться в соликамский городок Орел. 25 января 1620 г. грамоту с этим указом привез из Москвы Моисей Литвинов, и 29 мая 1620 г. экспедиция прибыла на место и начала поиски. По прибытии экспедиция разделилась. Большая ее часть (во главе с А.И. Бертеневым) осталась на месте, на котором работали рудознатцы еще в конце XV столетия и где годом ранее проводил свои поиски Яков Литвинов. Два человека – Моисей Литвинов и серебряник Димитрий Исаев – стали искать руду сравнительно недалеко (2,5 дня пути) от Усть-Цилемской (Никольской) слободки.

Экспедицией А.И. Бертенева было сделано 36 шурфов глубиной 2–7 сажень (4,27–14,94 м). Руда оказалась только в двух шурфах, от которых рудоискатели копали рвы размерами 26 x 2 x 2, 6 x 2 x 2, 5,2 x 2 x 2 и 12 x 2 x 1,5 сажень (55,5 x 4,26 x 4,26; 12,8 x 4,26 x 4,26; 10,7 x 4,26 x 4,26; 30 x 4,26 x 2,2 м), всего добыв 11,5 кг руды, из которой было выплавлено 0,51 кг меди. Так как мастер Ватер объявил, что от такой руды пользы быть не может, то дальнейшие ее поиски и добычу на этом месте прекратили.

Продолжившиеся поиски руд экспедицией в 4 и 15 верстах от этого места не дали положительных результатов. Был найден только слоистый камень, из 3,28 кг которого Ватер выплавил 15,1 г плохого железа [1, с. 55, 56].

М. Литвинов и Д. Исаев нашли какую-то, возможно, медную руду. Однако организовать ее выплавку не удалось, так как в Усть-Цилемской (Никольской) слободе не было кузнецов и кирпичников (для изготовления кирпичей для строительства плавильной печи). Правительство заинтересовалось словами М. Литвинова и выслало на место их находки кузнецов и кирпичников из Сольвычегодска и для организации промысла выделило достаточно большую сумму денег – 200 руб. [4, 1, с. 56, 57]. Результат работы этого промысла нам неизвестен.

По истечении нескольких лет в 1626 г. в Пермь Великую была отправлена очередная экспедиция для поиска серебряной руды под руководством Григория Алексеевича Загрязского и подьячего Сергея Беликова. В ее состав входили два иностранных рудознатца Самойло Фрич и Яган Яронт [2, с. 11]. А.А. Кузин вместо указанных двух специалистов называет одного – Зорена [1, с. 73]. Как пи-

шет А.А. Кузин, «рудоискатели должны были искать руды "в каждой каменной горе и по рекам, по реке Чусовой, вверху до Серебряной реки, а в Серебряной реке вверх по Чусовой до гор" и на Печоре. Им предлагалось расспрашивать местных крестьян о руде и жаловать тех, кто покажет (места залегания руд – М.М.)» [там же]. В том же 1626 году яренский воевода, которому привезли необычный камень, послал в Новгородский приказ отписку с известием о находке на р. Ижме серебряной руды и с отпиской прислал эту руду. Образец из Москвы был отправлен в Чердынь и Соль Камскую к Г.А. Загрязскому и иностранным специалистам. Последние сделали опытную плавку, в результате которой ни серебра, ни золота в руде не обнаружили. Однако Загрязскому было велено расспросить яренчан, нашедших камень, и послать на Ижму геологоразведчиков. Те также нашли необычные камни и прислали их пермской экспедиции. Результат анализов – снова отрицательный.

Г.А. Загрязский получил приказ проверить еще один сигнал. По словам А.А. Кузина, в 1625 г. некий Иван Имерон заявил, что на полуострове Канин Нос «у двух рек, впадающих в море, имелась серебряная руда» [1, с. 73, 74]. М.И. Белов более подробно говорит о данном событии: «Около 1623 года пинежский крестьянин Иван Федотов вместе с канинскими ненцами ловил рыбу у северо-восточного берега Канинского полуострова. Во время стоянки в устьях рек Зеновой и Москвиной рыбаки обнаружили горную породу, отличительными признаками которой, по определению Ивана Федотова, были "сверху <...> что золото, а разломишь и в ней светло, что серебро"». Федотов отвез найденный камень в Москву. С довольствием и жалованием на два месяца царь Михаил Федорович отпустил Федотова на Канин Нос «для проведывания про серебряную руду и привозу ее для образца в Москву» [3, с. 63].

По царскому указу экспедиция Г.А. Загрязского была отправлена для поисков серебряной руды на реки Мезень, Пижма и полуостров Канин Нос. Рудознатцы стали обследовать площади в устьях рек, впадающих в том районе в море. Буря их отнесла далеко в море и позднее прибила к устью р. Печоры. В июле 1627 г. экспедиция прибыла в Пустозерский острог. Оттуда они поехали вверх по Печоре и детально обследовали места по рекам Цильме (до Косьмы), Усе (до Колвы), Ижме, Ухте и Выми. Через Яренский городок они вернулись в Москву. По итогам своей экспедиции рудознатцы составили отчет. Они написали, что ими были обнаружены много серного колчедана и «селитряной земли», на р. Цильме они нашли немного железной руды, по Цильме и Усе – «каменное уголье». Но «никакой доброй руды» ими в Пустозерском уезде не обнаружено. Специалисты объяснили это тем, что «те все места низкие и водяные, реками обошли и болотами», а находящиеся там горы «все песочные и глиняные» [2, с. 11, 12]. Что касается серебряной руды, то «в Канинских и Нижних горах», кроме черного камня и глины, им ничего обнаружить не удалось. Правда, писали они, на морском берегу, в устье р. Носиновой Федотов показывал серебряную руду, но очень бедную серебром [3, с. 64].

Экспедиция Г.А. Загрязского 1627 г. – это первое ширококомасштабное геологическое обследование Арктической зоны Европейского северо-востока России, охватившее значительные территории современных Республики Коми и Ненецкого автономного округа.

В 1650-х гг. была открыта новая страница в истории геологических исследований Арктической зоны Европейского северо-востока России. Правительство Московского царства обратило внимание на Арктические о-ва, территориально входившие в состав Пустозерского уезда, в частности о-ва Новой Земли. Вероятно, поводом для такого внимания стали публикации иностранных мореплавателей, время от времени пытавшихся найти северный морской путь для торговли с Китаем [4, с. 12–37]. В России вплоть до XIX в. бытовали легенды о добыче в древние времена новгородцами серебра на Новой Земле в окрестностях губы Серебрянки [там же]. Правительство решило отправить экспедицию на о-ва Новой Земли для поисков месторождений серебряных руд. Во главе экспедиции в 1651 г. были поставлены бывший пустозерский воевода Роман Неплюев и рудознатец мезенец Фома Кыркалов. Экспедиции надлежало искать «серебряные и медные руды и узорочного камня и жемчугу». Р. Неплюеву было велено построить на Мезени и Кулое четыре больших морских судна – коча с якорями, парусами и другой судовой снастью, а экипажи и кормщиков набрать из мезенцев и кулойцев. «Охочие люди» должны были набираться или «по найму по небольшой цене, или из жеребьев» (т.е. в виде государственной повинности, выполняемой крестьянами по жребию – М.М.). В экспедиции принимал участие также иностранный специалист – рудознатец Петр Мартинов [1, с. 74]. Расходы по экспедиции несли казна. М.И. Белов считает, что экспедиция не достигла Новой Земли. Иного мнения придерживался А.А. Зворыкин [3, с. 64].

Как бы то ни было, но экспедиция Романа Неплюева 1651 г. не смогла представить какие-либо находки, сделанные как на Новой Земле, так и в других районах.

Роман Неплюев, приехав в Москву, стал настойчиво добиваться продолжения работы по поиску полезных ископаемых на о-вах Новой Земли. Правительство поддержало его просьбу и распорядилось снарядить новую экспедицию. В наказе ему говорилось: «Послан с Москвы на Новую Землю для сыска золотые и серебряные и медные руды, и узорочные камни, и для рассмотрения всяких надобных и убогих мест Роман же Неплюев в другорядь, а с ним племянники его жилец Иван, да новгородец Микула Неплюев, да рудознатного дела мастера с рудознатными снастями, а велено ему на Новой Земле зимовать». Из Архангельска и Холмогор Р. Неплюеву было разрешено взять в экспедицию двух попов, 50 стрельцов, серебряника, кузнеца, трех мастеровых и двух рудознатцев, а кормщиков и промышленных людей (включая тюремных сидельцев) «сколько доведется». На всех их было велено взять «запасов всяких». В Архангельске были приготовлены для экспедиции три ладьи и два коча, на которых разместилось более 80 чел. На снаряжение второй экспедиции были затраче-

ны вступительные средства (947 руб. 4 алтына). 3 июля 1652 г. экспедиция вышла в море, однако и она окончилась неудачей и гибелью многих людей, в том числе от цинги [там же].

В то же время в Москву поступали сведения от отдельных людей о находках ими серебряной руды. Так, в 1653 г. в Пустозерске рудознатец Яков Шарапов заявил, что он еще в 1647 г. на Югорском шаре нашел серебряную руду. В конце 1650-х гг. крестьянин Алексей Данилов сообщил, что в 1653 г. мезенец Алексей Машуков привез руду с Каниного Носа (эту руду ему дал канинский самоядин Таможня) и из нее серебряник Филимон выплавил серебро [1, с. 74–76].

По этим сведениям в Арктической зоне Европейского северо-востока России в 1661 г. начали работать две геологоразведочные экспедиции: первая – под руководством дьяка Пушкарского приказа Василия Григорьевича Шпилькина [5], вторая – возглавляемая рудознатцем Фомой Кыркаловым. Экспедиция Василия Шпилькина должна была обследовать районы Кевролы, Мезени, Каниного Носа, Новой Земли, а также осмотреть места, где неоднократно бывали рудознатцы на реках Печоре и Цильме. Экспедиции Фомы Кыркалова предписывалось пройти по Печоре, но главное – обследовать Югорский Шар, Югорский камень, Карскую губу, острова Вайгач, Сторожевский и Местный, а также Новую Землю до Митюшевской губы [1, с. 75–77]. Итоги экспедиции Ф. Кыркалова неизвестны. Экспедиция В. Шпилькина проработала три года (по 1664/65 год). В результате были обнаружены на полуострове Канин на реках Волосове, Московне, Камбелнице, Двойниках, Костилихе, Собачьей, Ленеге и на Микулкине носу серебряные руды, хрусталь и «лазоревые камни». На Новую Землю В. Шпилькиным был послан мезенец Тимофей Мелентьев «с товарищи». Никаких проявлений серебряных руд он там не обнаружил [там же].

Экспедиции В.Г. Шпилькина и Ф. Кыркалова фактически продолжили работу, начатую экспедицией Г.А. Загрязского (1627) по ширококомасштабному обследованию Большеземельской и Малоземельской тундр с выходом на острова Северного Ледовитого океана, относящихся к Пустозерскому уезду, на предмет обнаружения крупных месторождений рудных полезных ископаемых (в первую очередь меди и серебра) и драгоценных камней.

Правительство, видимо, было недовольно результатами экспедиции В.Г. Шпилькина. Фактически с ревизией деятельности предыдущей экспедиции на Мезень была послана новая экспедиция, возглавляемая двумя братьями князьями Богданом и Степаном Милорадовыми. В составе этой экспедиции был рудознатец Сербеня, стрелецкий сотник Клим Некрасов и два стрельца. Экспедиционеры получили в Москве образец мезенской серебряной руды. Приехав на место, экспедиция стала вести себя весьма странно. Рудознатец заявил, что показываемая местными жителями руда никуда не годная. В места, которые намеревались показать мезенцы и канинские ненцы, экспедиция не поехала и вернулась в Москву [1, с. 77, 78]. Василий Григорьевич Шпилькин же был отправлен в почетную ссылку в Сибирь.

Он получил назначение на место дьяка Томской (1665/66 – 21 октября 1676 г.) и Мангазейской (1667/68 год) приказных изб [5]. В Томске он и умер.

В 1660–1670-х гг. в Арктической зоне Европейского северо-востока был настоящий бум геологических поисков. Причем искали как отдельные люди (русские, пермяки (коми) и самоеды (ненцы)), так и специально организованные экспедиции, имевшие в своем составе рудознатцев.

Кроме приведенных выше сведений об экспедициях В.Г. Шпилькина и Ф. Кыркалова до нашего времени дошли сведения о следующих событиях, имеющих отношение к исследуемому нами вопросу.

В 1666 г. в Пустозерском остроге воеводе Василию Григорьевичу Дикову было представлено два заявления о геологических открытиях. Пустозерский стрелец Ф.М. Шадря подал руду, которую ему «дал ... в Югорском Шару на Вайгаче тундряной самоедин роду Тысыня Хавлай» [6, с. 172]. В этом же году подали «извет», по словам А.А. Кузина, «крестьяне Пустозерского острога», что они «открыли в горе слюды и какую-то руду» [7]. В дневниковых записях экспедиции, снаряженной по этому сигналу, говорится, что известил об этом открытии ненец Ситка [8]. Воевода В.Г. Диков отправил отписку с изложением указанных «изветов» в Москву.

Результат превзошел все ожидания. В Новгородском приказе как раз готовились к смене пустозерского воеводы, поскольку срок службы В.Г. Дикова на этом посту истек. Новым воеводой предстояло быть Ивану Савиновичу Неелову. Этому воеводе в наказ был включен большой текст о его обязанностях по поискам полезных ископаемых.

Основными направлениями деятельности И.С. Неелова в указанном направлении должны были быть поиски месторождений медных руд на р. Цильме, а также обследование гор Полярного Урала для проверки данных, содержащихся в заявлениях пустозерцев посадских людей и ненцев об обнаружении ими неизвестной руды белого цвета и слюды [6, с. 172–174].

И.С. Неелов в первую очередь решил провести очередное обследование территории р. Цильмы, поскольку там в прошлых годах XVII в. уже проводилось несколько поисковых экспедиций. В помощь ему правительство выделяло известного рудознатца Фому Кыркалова и плавильщика Гаврилу Иконника. У Ф. Кыркалова также надлежало взять инструменты, необходимые для поисков медной руды [там же]. Работы начались уже в 1667 г., практически сразу после прибытия И.С. Неелова к месту службы в Пустозерский острог, т.е. летом 1667 г.

По царскому указу кеврольскому и мезенскому воеводе Василию Самарину было приказано «Фомку и плавильщика выслать и работных людей давать, сколько пригоже» [там же]. Во исполнение этого указа мезенцы отпустили с Мезени в Пустозерский острог для рудного дела мезенца Фому Кыркалова «да работных людей 20 человек, да кузнеца с хлебными запасами. А денег у них на те отпуски и работным людям, и на снасти к рудяному делу вышло 194 рубля 25 алтын 2 деньги» [9].

Иван Неелов подошел к выполнению поручения весьма ответственно. Экспедицией под его руководством были обследованы территории не только в бассейне р. Цильмы. Он распорядился искать руду и в бассейне р. Ижмы. Определенные результаты в ходе поисков были достигнуты. Так, в документах отмечено получение в Новгородском приказе в Москве нескольких образцов добытой руды: «... в куске пуд и семь гривен, прислана из Пустоозера с Цильмы реки и с Ижемской слободы»; «... в куске два пуда семь гривен, прислана с Ижмы реки с Пуста ж озера»; «... с Пустоозера прислано с Цильмы реки с Бережного камня медной руды два фунта дватцать золотников, да с Ижемской слободы с Красной реки два фунта» [1, с. 61].

В следующем 1667/68 году (по старому стилю год начинался с сентября месяца – М.М.) отмечено, как минимум три присылки медной руды из Пустозерского уезда. 1. Воевода Иван Неелов прислал в Новгородский приказ отписку и по его отписке «прислано с Цильмы реки из новооткрытого места медной руды пять пудов; да с Выбор речки тридцать два фунта». 2. Сколько-то медной руды привез с собой с р. Цильмы «с пустого места, находящегося от жилья в расстоянии трех дней ходу» Леонтий Петрович Марселлис, сын известного рудознатца и предпринимателя Петра Марселлиса. Нет прямых указаний на то, что Леонтий Марселлис или входил в состав экспедиции И.С. Неелова, или проводил самостоятельные поиски в рамках проходящей в одно время с экспедицией И. Неелова своей экспедицией. (Э.Д. Красильникова со ссылкой на архивный документ говорит о том, что Леонтий Марселлис искал руду в Пустозерском уезде в 1666 г., а в 1668 г. его отец Петр Марселлис получил жалованную грамоту на рудоносные места в Олонецком и Пустозерском уездах для «прииску» руд и строительства медеплавильных заводов – [2, с. 13]). 3. В том же году некто Василий Жидков явил в Новгородском приказе медную руду, привезенную им в бочке из Пустозерского уезда. В. Жидков заявил, что «взял де он тое руды на Ижме реке, в береге» [1, с. 61].

Вероятно, поисковые работы, получившие импульс от приезда воеводы И.С. Неелова, продолжались и в последующие годы. Сменщик И.С. Неелова на посту воеводы Пустозерского уезда Григорий Неелов осенью 1670 г. прислал в Москву в Новгородский приказ со стрельцом Тимофеем Спиридоновым 2 пуда 30 фунтов медной руды; позднее в том же году в Новгородском приказе было принято у пустозерского стрельца Федора Шадря «сыскной руды пять пуд» [10].

В 1672 г. состоялись две крупные экспедиции: одна – на Новую Землю, другая – на Полярный Урал.

5 января 1672 г. был выпущен указ царя Алексея Михайловича о назначении новых воевод в Пустозерский уезд. Царь указал послать в Пустозерский острог двух человек на одну воеводскую должность. Один из них – Леонтий Романович Неплюев, сын покойного Романа Неплюева, бывшего пустозерского воеводы и руководителя первой государственной экспедиции на Новую Землю для поисков руд и драгоценных камней. Леонтий Неплюев должен был

выполнять обязанности пустозерского воеводы в полном объеме. Его товарищем в деле воеводского управления Арктической зоной Европейского северо-востока России был Иван Яковлевич Неплюев, его родственник. Ивану Яковлевичу было поручено «ездить на Мезень и взяв на Мезени против государева указа знающих и промышленных людей и суды, и всякие судовые снасти и хлебные запасы с Мезени ходить на Новую Землю для прииску всяких руд (в первую очередь надо было искать золото и серебро – М.М.) и узорочного камня и жемчугу» [11]. По свидетельству мезенцев, снаряжавших и оплачивавших экспедиции И.Я. Неплюева, экспедиций было две. Мезенцы отмечали: «Да они же де в прошлых во 180-м (1671/72 – М.М.) и во 181-м (1672/73 – М.М.) годах отпускали с Мезени за море на Новую Землю Ивана Неплюева, да с ним иноземцов с промышленными и с работными людьми на трех судах. И те де отпуска им ставились по 700 рублей на год и больше» [12]. И.Я. Неплюев вернулся в Москву из Пустозерского острога 17 июня 1675 г. [13]. Как закончились экспедиции на Новую Землю, которыми он руководил, неизвестно.

Вторая экспедиция была направлена из Пустозерского острога на Полярный Урал для подтверждения заявления ненца Ситки о наличии там месторождения слюды. Экспедиция прошла с 14 мая по 22 октября 1672 г. В составе экспедиции были подъячий пустозерской приказной избы Федор Попов (начальник экспедиции), слюдник Прохор Леонтьев, кузнец Федор Синицын, несколько ненцев (в том числе заявитель Ситко) в качестве перевозчиков и рабочих. Экспедиция подтвердила наличие слюды в двух местах, указанных Ситкой, а также открыла залежи горного хрусталя [14].

Осенью 1675 г. из Москвы была снаряжена экспедиция для поисков золотых и серебряных руд в Пустозерском и Мезенском уездах на реках Цильме и Пижме. Экспедицию снарядили иностранные предприниматели Христиан Петрович Марселлис и Еремей фон дер Гатен (в русском написании XVII в. – Фандергатен). В Пустозерский и Мезенский уезды они послали «прикащика своего иноземцов Еремея Традела да рудознатца Лаврентия Нитарта с людьмишками, с тремя человеки, для сысков и опытов всяких руд на Цильму и Пижму и в Пустозерской уезд, и на Мезень. А с Вологды или с Устюга Великого взять им работных людей и припасу на снасти и запасу, потому что в тамошних пустых местах добыть негде» [15]. Результаты работы экспедиции Е. Традела нам неизвестны.

В 1670–1680-х гг. продолжается практика экспедиционной проверки заявлений местных жителей о находках каких-либо неизвестных камней.

Так, в 1686 г. ненец Белуга Бабкин передал мезенцу Федору Откупщикову «белый камень», найденный им в горах Северного Тимана. Ф. Откупщиков отвез камень в Москву в Новгородский приказ. Специалисты высказали предположение, что порода содержит серебро. Однако для проведения опытных плавок нужно было больше руды. Поэтому кевроло-мезенскому воеводе Ф.Р. Яковлеву было приказано организовать экспедицию с Мезени на Северный Тиман для поисков месторождения, с которого Б. Бабкин подобрал камень. Царская грамота была получена Ф.Р. Яковлевым

6 мая 1686 г. и уже через 20 дней – 25 мая экспедиция под руководством подъячего кевроло-мезенской приказной избы Семена Обросимова отправилась в путь из Окладниковых слободы с Мезени. В составе экспедиции, кроме С. Обросимова, Ф. Откупщикова, находились выборные «искрестьян <...> добрых людей», пятеро работных людей под руководством Степана Тошулина. Всего: 11 чел. Белуга Бабкин, кочевавший в районе р. Индиго, должен был присоединиться к экспедиции в месте своего кочевья. Экспедиция прошла большой путь и Б. Бабкин вывел ее к верховьям р. Белой, где находилась цель их путешествия – гора с «белым камнем». Члены экспедиции и присоединившиеся к ним ненцы собрали из осыпей и выломали из горы «белого камня» 12 пудов 20 фунтов и с кожухом». Порода поместили в две бочки. 9 августа 1686 г. экспедиция вернулась в Кевролу. Эти бочки, дневник путешествия, составленный подъячим Семеном Обросимовым, и пойманные ими два кречета (хищные птицы – М.М.), по приказу воеводы Ф.Р. Яковлева, 11 августа 1686 г. были отправлены в Москву [16].

Итак, в XVII столетии Арктическая зона Европейского северо-востока России была ареной действия многочисленных экспедиций и частных поисков местных жителей для обнаружения серебряных, медных, железных руд, слюды, драгоценных камней. Были обнаружены месторождения медной руды, слюды, горного хрусталя. Однако все ограничилось лишь поисковыми работами. Попытка строительства в начале XVIII столетия медеплавильного производства на р. Цильме окончилась неудачей. За три года напряженной работы (1702–1704 гг.) удалось выплавить лишь 3 пуда 30 фунтов 40 золотников меди (немного больше 50 кг). На эти работы было израсходовано казенных средств 802 руб. 5 алтын 4,5 деньги. В марте 1705 г. последовало распоряжение «то рудное дело отставить и работных людей свести» [5] из-за нерентабельности производства. Почему не была организована добыча слюды и горного хрусталя – неизвестно.

Литература и источники

1. Кузин, А.А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. / А.А. Кузин. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. – С. 54–56.
2. Красильникова, Э.Д. Горнорудные поиски в Коми крае в XVII веке / Э.Д. Красильникова // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР (Историко-филологический сборник Коми филиала Академии наук СССР. Выпуск 12). – Сыктывкар, 1970. – С. 10.
3. Белов, М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. / М.И. Белов. – Москва: Издательство «Морской транспорт», 1956. – С. 63.
4. Пасецкий, В.М. Первооткрыватели Новой Земли / В.М. Пасецкий. – Москва: Издательство «Наука», 1980. – С. 12–37.
5. Веселовский, С.Б. Дьяки и подъячие XV–XVII вв. / С.Б. Веселовский. – Москва: Издательство «Наука», 1975. – С. 584.

6. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 5. – Санкт-Петербург, 1853. – С. 172.
7. Кузин, А.А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. / А.А. Кузин. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. – С. 60.
8. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Владимир № 13а. – Ч. 1. – Л. 138–144.
9. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 2016. – Л. 32.
10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Новгород № 82. – Л. 267 об., 269.
11. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 573. – Л. 1, 2.
12. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Вятка № 6 а. – Л. 588 об.
13. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 573. – Л. 2.
14. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Владимир № 13а. – Ч. 1. – Л. 138–144.
15. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 6. – Санкт-Петербург, 1857. – С. 166.
16. Мацук, М.А. Экспедиция 1686 года на Северный Тиман / М.А. Мацук // История геологических исследований на Европейском северо-востоке (Труды семинара «История геологических исследований и поисков минерального сырья на Европейском северо-востоке»). – Сыктывкар, 1991. – С. 20 – 25.
- Severnogo morskogo puti [Arctic navigation from ancient times to the middle of the XIX century. History of the discovery and development of the Northern Sea Route]. Vol. 1 / M.I.Belov. – Moscow: Izdatelstvo "Morskoy transport" ["Sea transport" Publ. House], 1956. – P. 63.
4. Pasetsky, V.M. Pervootkryvateli Novoi Zemli [Discoverers of the Novaya Zemlya] / V.M.Pasetsky. – Moscow: "Nauka" Publ., 1980. – P. 12 – 37.
5. Veselovsky, S.B. Dyaki i podyachie XV – XVII vv. [Deacons and clerks of the XV-XVII centuries] / S.B.Veselovsky. – Moscow: "Nauka" Publ., 1975. – P. 584.
6. Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu Komissiei [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 5. – St.Petersburg, 1853. – P. 172.
7. Kuzin, A.A. Istoriia otkrytii rudnykh mestorozhdenii v Rossii do serediny XIX v. [History of discoveries of ore deposits in Russia until the middle of the XIX century] / A.A.Kuzin. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1961. – P. 60.
8. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Владимир № 13а. – Part 1. – Л. 138–144.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. – Ф. 159. Оп. 3, Д. 2016. Л. 32.
10. Ibid. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Новгород № 82. – Л. 267 об., 269.
11. Ibid. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 573. – Л. 1, 2.
12. Ibid. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Вятка № 6а. – Л. 588 об.
13. Ibid. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 573. – Л. 2.
14. Ibid. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Владимир № 13а. – Part 1. – Л. 138–144.
15. Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu Komissiei [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 6. – St.Petersburg, 1857. – P. 166.
16. Matsuk, M.A. Ekspeditsiia 1686 goda na Severnyi Timan [Expedition of 1686 to the Northern Timan] / M.A.Matsuk // Istoriia geologicheskikh issledovaniy na Evropeiskom severo-vostoke (Trudy seminar «Istoriia geologicheskikh issledovaniy i poiskov mineral'nogo syr'ia na Evropeiskom severo-vostoke») [History of geological research in the European Northeast (Proc. of the seminar "History of geological research and prospecting for mineral raw materials in the European Northeast")]. – Сыктывкар, 1991. – С. 20 – 25.

References

1. Kuzin, A.A. Istoriia otkrytii rudnykh mestorozhdenii v Rossii do serediny XIX v. [History of discoveries of ore deposits in Russia until the middle of the XIX century] / A.A.Kuzin. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1961. – P. 54–56.
2. Krasilnikova, E.D. Gornorudnye poiski v Komi krae v XVII veke [Mining prospecting in the Komi region in the XVII century] / E.D.Krasilnikova // Voprosy istorii rabocheho klassa Komi ASSR (Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala Akademii nauk SSSR) [Problems of history of the working class of the Komi ASSR (Historical and philological collection of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences. Issue 12)]. – Сыктывкар, 1970. – P. 10.
3. Belov, M.I. Arkticheskoe moreplavanie s drevneishikh vremen do serediny XIX veka. Istoriia otkrytiia i osvoeniia

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Мацук Михаил Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археологии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Author:

Mikhail A. Matsuk – Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, (26. Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation. e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Для цитирования:

Мацук, М.А. Геологические поиски в Арктической зоне Европейского северо-востока России в XVII столетии / М.А. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 49–55.

For citation:

Matsuk, M.A. Geological explorations in the Arctic zone of the European Northeast in the XVII century / M.A. Matsuk // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 49–55.

Дата поступления статьи: 15.05.2023

Прошла рецензирование: 17.05.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 15.05.2023

Reviewed: 17.05.2023

Accepted: 16.06.2023

Фаянсовая посуда из кварталов по улице Красной поселения «Ижевский завод»

С.А. Перевозчикова

Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск
homasvet@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается коллекция фаянсовой посуды, обнаруженной при археологических исследованиях памятника археологии «Поселение Ижевский завод» в г. Ижевске Удмуртской республики. Дается предварительный анализ одной из вещевых категорий – фаянсовой столовой посуды, бытовавшей в Ижевском заводском поселении во второй половине XIX – первой четверти XX в. Приводятся анализ предметов, их морфология, орнамент, дается привязка имеющихся клейм к фаянсовым фабрикам Урала и центральной России. В коллекции имеются тарелки разных видов, салатники, кружки, молочники, супницы. Ижевское население до 1880-х гг. пользовалось в основном посудой уральского производства, а начиная с последней четверти XIX в. практически полностью перешло на «кузнецовскую» продукцию.

Ключевые слова:

поселение «Ижевский завод», инвентарь, фаянсовая посуда, орнамент, клейма, салатники, тарелки, фабрики

Введение

К 1760 г. относится основание Ижевского железоделательного завода и возникновение при нем одноименного поселка. Застройка в поселке началась одновременно со строительством плотины и завода; здания располагались преимущественно вдоль высокой береговой террасы заводского пруда, почти не выходя за ул. Базарную (ныне – ул. М. Горького) [1]. В Ижевском поселке был заложен принцип поквартальной застройки. Линия плотины давала направление улицам. Более активная застройка заводского поселка началась с открытия в 1807 г. Ижевского оружейного завода. Это вызвало приток нового населения и, как следствие, новое строительство. Оно интенсивно продолжалось на протяжении всего XIX в. Если в 1816 г. насчитывалось 1710 домов, то в 1860 г. их было уже 4258 [2].

Как объект археологического наследия поселение «Ижевский завод» было выделено в 2017 г. Начиная с этого времени на памятнике ежегодно проводятся археологические спасательные раскопки [3–7]. В 2020–2021 гг. Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета под руководством С.А. Перевозчиковой

Earthenware from the quarters in Krasnaya street of the "Izhevsk plant" settlement

S.A. Perevozchikova

Udmurt State University,
Izhevsk
homasvet@mail.ru

Abstract

The paper deals with the collection of earthenware dishes discovered during archaeological research of the archaeological site "Izhevsk Plant Settlement" in Izhevsk, Udmurt Republic. A preliminary analysis of one of the items categories – earthenware tableware that existed in the Izhevsk factory settlement in the second half of the XIX – first quarter of the XX century, is given. The analysis of items, their morphology, ornamentation, and the binding of the available hallmarks to the faience factories of the Urals and central Russia is given. The collection includes plates of various types, salad bowls, mugs, milk jugs, tureens. Until the 1880s, the Izhevsk population mainly used tableware of Ural production, and, since the last quarter of the XIX century, almost completely switched to the "Kuznetsov" ware.

Keywords:

"Izhevsk plant" settlement, inventory, earthenware, ornament, hallmarks, salad bowls, plates, factories

(2020) и Е.М. Черных (2021) были изучены два квартала в южной части заводского поселения на ул. Красной (до-револ. – ул. Куренная) [5, 7].

Данные кварталы впервые появляются на Планах Ижевского поселения 1809 г., которые в 1840 г. уже входят в центральную часть Ижевского поселка. К концу XIX в. кварталы были застроены деревянными частными домами на каменном фундаменте. Анализ переписных книг позволил определить социальный статус людей, проживавших в этих кварталах на рубеже XIX–XX вв.: в основном, мелкие лавочники и заводские рабочие. Более ранних данных не найдено.

Площадь исследованной территории составила 5523 кв. м в 2020 г. и 8398 кв. м в 2021 г. [5, 7]. Всего обнаружено 272 объекта и четыре сооружения в 2020 г., а также 594 ямы и остатки двух сооружений в 2021 г. Можно выделить несколько типов объектов: во-первых, сооружения – остатки кирпичных фундаментов деревянных строений. Во-вторых, в основном вдоль ул. Красной фиксируются большие ямы квадратной или прямоугольной в плане фор-

мы – остатки погребов или крупных хозяйственных построек. В-третьих, ямы средних размеров, прямоугольной формы, с остатками деревянных конструкций – остатки каких-либо мелких погребов, выгребных ям или небольших хозяйственных строений. Часть из них содержит материал советского довоенного времени (1920–1940-е), присутствуют и вещи дореволюционного периода. Четвертая группа – остатки столбовых конструкций. Отдельную категорию, не интересующую нас с точки зрения археологии, составляют ямы, заполненные мусором 1960–2020-х гг.

При изучении объектов были выявлены фрагменты глиняной, фаянсовой, фарфоровой и стеклянной посуды, бронзовые и железные предметы, глиняные курительные трубки и свистульки, фарфоровая и глиняная пластика, орудия труда, куски шлаков, монеты разных периодов и другие вещи.

Материалы и методы

Для решения поставленных исследовательских задач был выбран модельный подход, наиболее полно отображающий изменения в жизни кварталов Ижевского поселка в разные промежутки. Теоретическую базу составляет принцип системности. Метод анализа применялся для вычленения необходимой информации из полученного

в ходе раскопок материала, а также источников и литературы. Чтобы представить примерную картину возникновения и распространения фаянсовой посуды в домах ижевцев, был использован метод индукции. Изучение исторической части поселения «Ижевский завод» как системы, имеющей свои функции, – логический метод, в котором важно было проследить изменения жизнедеятельности местного населения во времени.

Коллекция фарфора и фаянса представлена 7019 фрагментами столовой посуды за оба года. Фаянсовые фрагменты отличаются от фарфора более плотными стенками, пористой структурой, зернистыми включениями в тесте, имеют поверхность белого, бежевого, темно-бежевого, темно-коричневого цветов.

Фаянсовая и фарфоровая посуда в основном представлена фрагментами и целыми формами столовой посуды: разнообразными тарелками, блюдами, чашками и чайниками, молочниками, супницами, попадаются помадные банки. В верхних слоях некоторых объектов иногда встречаются советские клейма, например, Тверской фабрики (Конаково) и т.д. В дореволюционных объектах имеются клейма различных фабрик: И.Е. и М.С. Кузнецовых, Ф.Я. Гарднера и других середины XIX – начала XX в. (таблица).

Таблица
Table

Распределение торговых марок фаянсовой и фарфоровой посуды по производителям и хронологическим группам*
Distribution of trademarks for earthenware and porcelain tableware by manufacturers and chronological groups

Хронологические группы, завод	До 1918 г.	1919–1946/1947 гг.	После 1947 г.	Дата не ясна	Итого, экз.
1	2	3	4	5	6
Российское производство					
Санфирины	1				1
Завод братьев Рачкиных	1				1
Завод Н.С. Храпунова	2				2
Завод Тереховых и Киселева	1				1
Завод братьев Анохиных	1				1
Завод Зыряновой	1				1
Завод Колпакова	1				1
Завод братьев Чекановых	1				1
Завод Зацепина	3				3
Рижский завод	1				1
Завод Самсоновых ?	4				4
Завод Тулицына и Григорьева	2				2
Заводы Марковых	5				5
Завод братьев Барминых	8				8
Завод М.М. Куринова	19				19
Рижский завод М.С. Кузнецова	4				4
Завод М.С. Кузнецова в с. Песочня (бывший завод С.И. Мальцова), Песоченская фабрика	2	2			4
Волховский завод И.Е. Кузнецова, завод «Комитерн»	21	9			30
Гжель		1			1
Волховский завод («Комитерн»)	14	13			27
Хайтинский завод («Сибфарфор»)		1			1
Полонский завод		1	1		2
Тернопольский завод			1		1
Довбышский завод			2		2
Ленинградский фарфоровый завод (ЛФЗ)			2		2

1	2	3	4	5	6
Барановский завод		4			4
Будянский завод		4	3		7
Владивосток			1		1
Коростень			1		1
Краснодарский завод			1		1
Богдановичский завод			4		4
Первомайский завод			5		5
Грузинский завод И.Е. Кузнецова («Красный фарфорист»)	4	8	3		15
Завод В.А. Карякина и Г.С. Рахманова, завод М.С. Кузнецова в Рыбинске, Первомайский завод	3	6	1		10
Бронницкий завод И.Е. Кузнецова («Пролетарий», Новгород, Мста)	23	6	8		37
Завод Ф.Я. Гарднера, Дмитровская фабрика М.С. Кузнецова, Дмитровский завод (Вербилки)	23	10	9		42
Дулевский завод (бывш. Завод М.С. Кузнецова)	23	29	22		74
Тверской завод М.С. Кузнецова, Конаковский завод	31	52	9		92
Производство не определено					
Заводы И.Е. Кузнецова (Бронница, Волхов, Грузино)	4				4
Дулево, Песочная (Рыбинск)	1				1
Заводы «Товарищества» М.С. Кузнецова (клеимо без указания завода)	1				1
Заводы М.С. Кузнецова (Дмитровская, Песочная, Рига, Тверская)	4				4
Заводы М.С. Кузнецова (Дулево, Рига, Рыбинск, Тверская)	10				10
Буды, Дулево, Рига	1				1
Песочная (Рыбинск, Первомайский), Бронница, Волхов, Грузино	1				1
Дмитровский (Вербилки), Рига, Тверской (Конаково)	2				2
Тверская фабрика (Конаково), Дулево, Дмитровский завод (Вербилки)		1			1
Барановский, Буды, Городница, Довбыш		1			1
Дмитровский (Вербилки), Тверская (Конаково), Грузино (Красный фарфорист), Дулево		1			1
«Торговый Дом»		1			1
Тверская (Конаково), Буды		2			2
Барановский, Буды, Городница, Довбыш, Коростень		2			2
Бронница, Волхов, Грузино, Дмитровский (Вербилки)		5			5
Завод не ясен	18	9			27
Зарубежное производство					
Бараши, Вроцлавск, Коло, каменный Брод (украино-польский фаянс)	1				1
Словакия (Slovakia)				1	1
Чехословакия (Карловы Вары)				1	1
Корея				1	1
Итого, экз.	242	168	73	3	486
%	49,8	34,6	15,0	0,6	100

Примечание. * Распределение клейм по фабрикам выполнено зав. Учебным кабинетом кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ В.А. Бернц.

Note. The distribution of hallmarks by factories was carried out by the Head of the Study room of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of Udmurt State University V.A. Bernits.

Результаты и их обсуждение

Фаянсовая посуда представлена кружками, молочником/сливочником, салатниками, супницами, тарелками для первых и вторых блюд, помадницами.

Виды посуды

Тарелки (215 экз.) – наиболее массовая категория, представленная целыми формами, а также бортиками или днищами. Это преимущественно крупные и глубокие изделия для первых (супов) и вторых блюд – порционные тарелки.

Диаметр тарелок составляет 18–26 см. Глубина суповых тарелок достигает 9 см, для вторых блюд – до 4 см. Бортики широкие – до 4 см; отличаются по назначению тарелок: у суповых тарелок борта имеют своеобразный перегиб, для вторых блюд – борта более прямые и скошенные.

Тарелки (83 экз.) не орнаментированы. Остальные имеют различный декор.

Салатники (36 экз.) представлены целыми формами и фрагментами. По внешнему виду делятся на три типа. Первый тип (30 экз.) имеет слегка скошенные борта. Диаметр салатников составляет 20 см. Глубина – 8 см. Дни-

ще оформлено отдельно, край фигурный. У второго типа (2 экз.) – более отвесные прямые борта, без выраженного дна. Глубина салатника – 13 см. У одного из них имелись небольшие ручки. Третий тип (4 экз.) имеет отогнутый наружу венчик, выраженное тулово. Диаметр салатника – 21 см, глубина – 8 см.

Все салатники орнаментированы.

Супницы (7 экз.) представлены фрагментами форм или ручками. Все супницы имеют общую форму, без декора. Диаметр супниц составляет 20–23 см по венчику, 15 см – по дну. Глубина супниц – 13 см. Дно оформлено отдельно, украшено фигурными полосами. В 14 объектах были обнаружены фрагменты крышек от супниц.

Кружки (18 экз.) представлены целыми формами, фрагментами форм, днищами или ручками. Простую форму, прямые борта имеют 15 экз. Диаметр кружек – 11–13 см, высота – 13 см. Одна кружка по венчику украшена фигурной полосой. Еще у одной кружки днище также оформлено отдельно, украшено фигурными полосами. Ручка этой кружки имеет небольшой выступ для удобства держания.

Солонки (8 экз.) представлены двумя типами. Первый тип имеет достаточно простую открытую форму: отвесные короткие стенки, иногда слегка скошенные наружу, высотой 2–2.5 см (5 экз.). Без декора. Диаметр солонки – 5 см. Без декора. У второго типа более раздутая открытая форма (2 экз.). Солонки украшены полосой пятен. Диаметр – 7.5 см, высота – 4 см. Третий тип солонки представлен в одном экземпляре. Он имеет закрытую форму с раздутым туловом и перфорацией в верхней части. Украшена полосой пятен по тулову. Высота солонки – 12 см. Диаметр по тулову – 6.3 см.

Декор

Одним из многочисленных (27 экз.) декоров является узор из двойной скрученной спирали с двумя-шестью точками в центре каждого витка (рис. 1, 5). Спираль с обеих сторон оформлена полосой до 2–4 мм шириной. Такая полоса может проходить и через центр спирали. Дно тарелок иногда дополнительно украшено узором в виде нескольких лепестков, замкнутых в едином круге. На одной из тарелок обнаружено вдавленное в тесто клеймо «БР. ЧЕКАНОВ...» – завода братьев Чекановых (рис. 1, 4). Согласно Н.Н. Серебренникову, «...в 1864 году в Пермской губ. "находится 9 гончарных заведений" <...> Девятым по счету является "заведение" Чеканова...». Автор указывал, что в 1900 г. в Екатеринбурге значится фабрика А.К. Чеканова, в 1912 г. перешедшая, по-видимому, к И.А. Чеканову. До 1864 г. производство принадлежало еще обоим братьям Чекановым, так как начиная с 1864 г. фабрика указывается собственностью одного из братьев Чекановых [8]. Г.Н. Сауков считает, что посуда с клеймами фабрики братьев Чекановых относится к периоду не ранее 1871 – не позднее 1895 гг. [9].

Фрагменты посуды с подобным декором известны во многих городских материалах, в том числе Кирова [10], Кургана (ул. Куйбышева), Перми и Томска [11]. Экземпляр из г. Кургана имеет на дне вдавленное в тесто клеймо с надписью «...АФОНИНА». К.Н. Мергенева и Г.Н. Сауков атрибутируют его как клеймо фабрики С.П. Афонина (г. Екатерин-

бург, Пермская губерния), продукция которой сбывалась на Ирбитской ярмарке и в ближайших городах Сибири [9]. Завод основан в 1839 г., впоследствии перешел к А.Ф. Шурову.

Ф.С. Татауров относит этот декор к так называемой «крестьянской» школе М.С. Кузнецова, основанной на традициях народной росписи и выработавшей виды живописного декора, отразившие в своей стилистике ускоренный темп работы мастериц [12].

При анализе материала из объектов на ул. Красной удалось определить, что посуда с таким декором выявлена и в объектах второй половины XIX в., и в объектах рубежа XIX–XX вв.

Второй вид орнамента – небольшие цветки (колокольчики?), из центра которых выходили по два витых усика (5 экз.; рис. 1, 1, 3, 7). На одной из тарелок имеется иное выполнение представленного рисунка: цветы выполнены из нескольких точек (иван-чай, шалфей, ландыш?). На дне имеется крупный цветок с четко выделенным кругом в центре (рис. 1, 3). В домах на ул. Красной эта посуда бытовала в пределах второй половины XIX в.

Аналогичное оформление центрального круга найдено и на тарелке, борт которой украшен уже не растительным орнаментом, а геометрическим – тонкой косой решеткой (рис. 1, 2). По материалам с ул. Красной датируется второй половиной XIX в.

На 18 фрагментах борта тарелок украшены чередующимися квадратами синего и белого цветов, также окаймленных узкими полосами (рис. 2, 2). Внутри белых квадратов иногда имеются по четыре синих точки. Выявлены еще два слегка отличающихся фрагмента. На одном из них в белых квадратах отмечены всего две точки, к тому же черного цвета, а по краю тарелки «идет» ряд полугорошин (рис. 1, 9). Другой фрагмент (скорее всего, от салатника) полностью украшен мелкими сине-белыми квадратами – подобие шахматной сетки. Внутри белых квадратов всего лишь по одной точке, соединенных между собой косыми линиями (рис. 1, 8). На ул. Красной эта посуда выявлена в объектах второй половины XIX в.

Многие элементы декора (цветки в виде васильков или шалфея, усики, синий цвет, сетка из небольших квадратов, косая решетка) изначально имелись на посуде, выполненной на заводе А.Я. Аэрбаха в Тверской губернии (основан в 1809 г., в 1870 г. куплен М.С. Кузнецовым). Такая посуда (тарелки, кувшины и т.д.) датируется первой половиной XIX в. (коллекции ГИМа; инв. № 146, 149, 155, 161, 1853).

Интересен еще один вид орнамента (39 экз.). На первый взгляд, кажется, что борта посуды украшены полосой пятен синего цвета. Иногда посуда украшена двумя чередующимися цветами: синим и коричневым. Но если присмотреться, то можно увидеть на тарелках два силуэта, повторяющихся или слегка видоизмененных. Лучше всего силуэт заметен на салатнике (рис. 2, 8) – он выполнен коричневым цветом и четко разделен на два силуэта. На фрагменте тарелки (рис. 2, 3) также можно их обнаружить, но уже не в таком «чистом» исполнении. На других фрагментах этот сюжет уже сглажен или даже несколько раз нанесен на одно и то же место. В итоге мы имеем посуду с нанесенными беспорядочными пятнами (рис. 2, 1, 4–7).

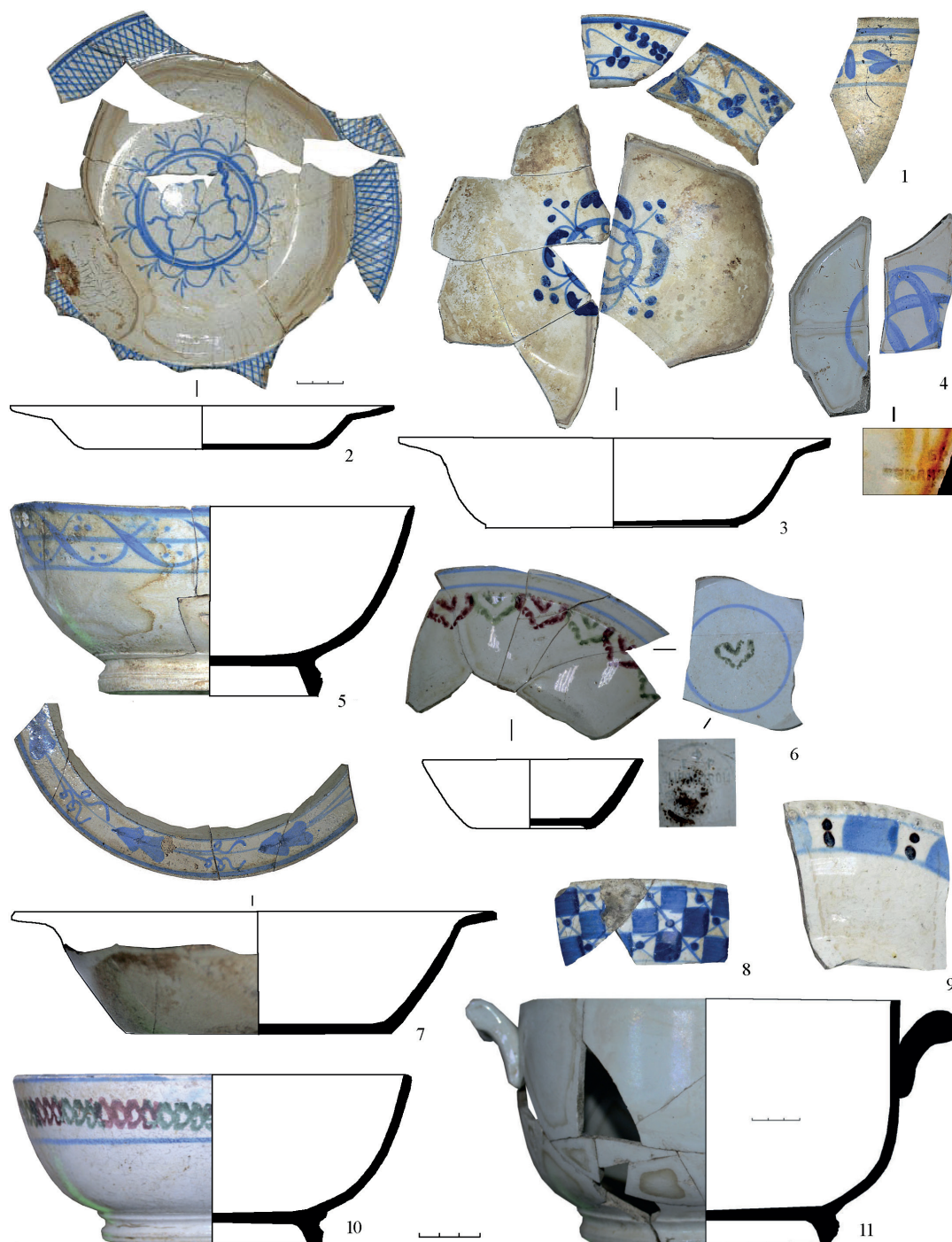

Рис. 1. Фаянсовая посуда уральских фабрик с объектов на ул. Красной поселения «Ижевский завод».
Fig. 1. Faience dishes from the Ural factories from the objects in Krasnaya street of "Izhevsk Plant" settlement.

Происхождение этой посуды автору неизвестно. При анализе материала из объектов на ул. Красной удалось определить, что посуда с таким декором бытовала и во второй половине XIX в., и на рубеже XIX–XX вв.

Следующий вид орнамента – чередующиеся узоры зеленого и красного цветов. Чаще всего – это линия ромбов, окаймленных двумя голубыми полосами – 2 экз. Встречаются как на салатниках, так и на низких тарелках (рис. 1, 10). На дне посуды также имелся круг с орнаментом (полностью не сохранился). Подобные тарелки хранятся в коллекциях ГИМа (инв. № 1754), где они относятся к заводу А.К. Чеканова и датируются 1864–1915 гг.

Фрагменты посуды с полихромной росписью красным, зеленым и синим цветами известны в материалах, полученных при раскопках в г. Кирове (2005); ряд из них по декору и клеймам атрибутирован как изделия завода братьев Чекановых, а определение места изготовления другой, неклеимой части посуды затруднена, так как, по мнению А.С. Евшина, братья Чекановы и екатеринбургский производитель А.Ф. Шуров использовали однотипный, а порой и одинаковый декор [10]. Фрагменты посуды, изготовленной на Чекановской фабрике, с полихромным декором встречены в культурном слое г. Тары (Западная Сибирь), где они хорошо идентифицируются по «характерному узору и осо-

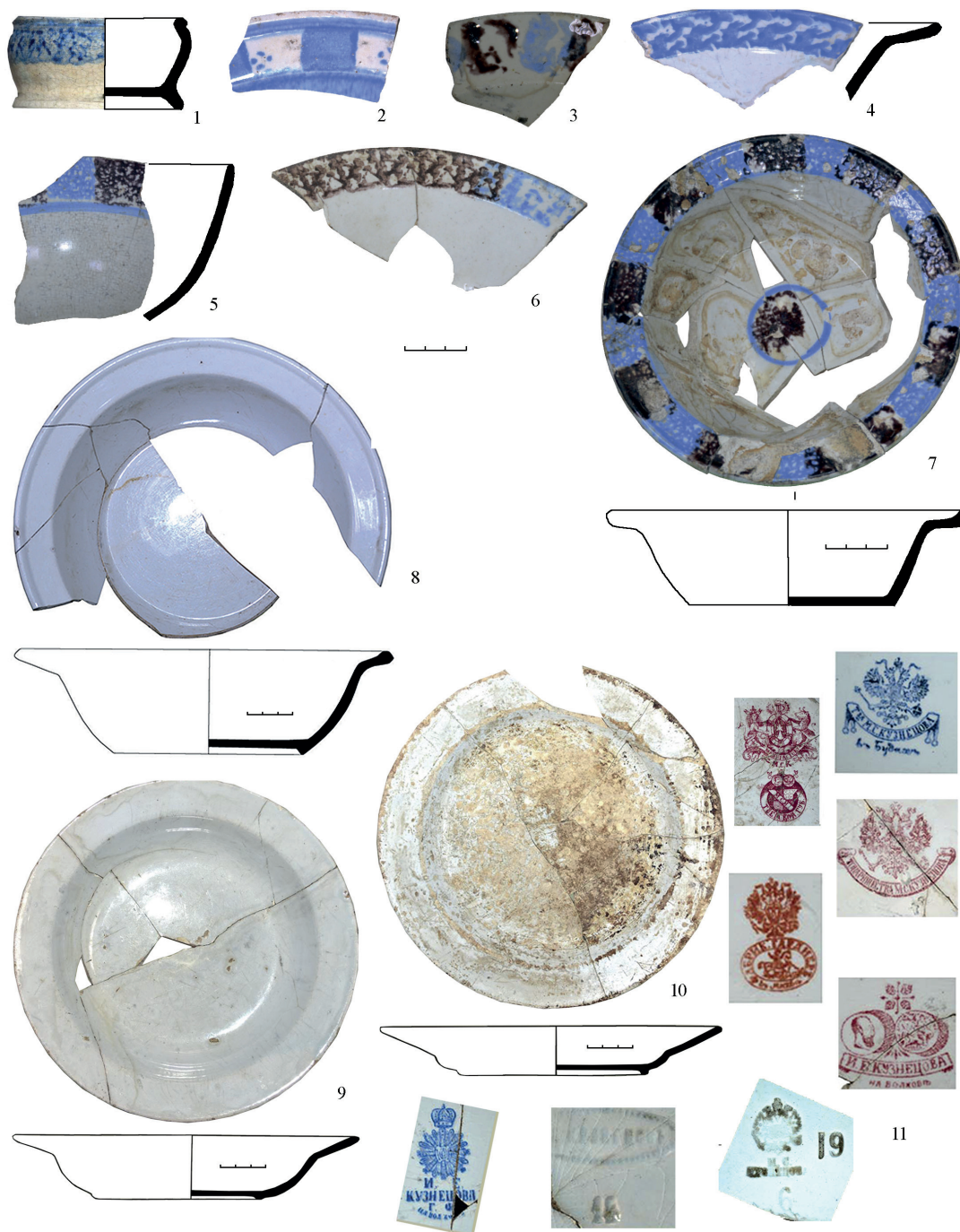

Рис. 2. Фаянсовая посуда уральских (1–8) и «кузнецовских» (9, 10) фабрик с объектов на ул. Красной поселения «Ижевский завод».
Fig. 2. Faience dishes from the Urals (1–8) and "Kuznetsov" (9, 10) factories from the objects in Krasnaya street of "Izhevsk Plant" settlement.

бенностям художественного оформления, найден также один фрагмент с клеймом» [13].

Интересна суповая тарелка, у которой вместо ромбов была полоса из красно-зеленых сердечек (рис. 1, б). На дне такой тарелки в центре голубого круга также было зеленое сердечко. Согласно клейму, супница изготовлена на кунгурской фабрике Е.Г. Зыряновой, владелицей которой она была с 1907 по 1917 г. [8; 14]. По материалам с объектов ул. Красной тарелки использовали в последней четверти XIX – первой четверти XX в.

Отдельно выделяется посуда, украшенная мелким детализированным декором, нанесенным черной, красной, зеленой или черно-синей краской. Узором, в основном

растительным, оформлена большая часть тарелок: борта и середина. Отдельный декор представлен полосами из геометрических фигур (полосы, ромбы, круги), а в центре тарелок – изображение пейзажа (река, сад, здания). Согласно клеймам на тарелках для вторых блюд, украшенных таким декором, подобная посуда поступала в Ижевское заводское поселение с фабрик братьев Михаила и Федора Рачкиных (Московская губерния) 1840–1860-х гг. (рис. 4, 7) [15, 16], Ф. Колпакова (Пермская) 1850–1890-х гг. (рис. 3, 5), Тупицина и Григорьева (Пермская) 1860–1880-х гг. (рис. 4, 6) [15], а также фабрики А.Г. Зацепина (Владимирская губерния) 1885–1898 гг. (рис. 3, 7). Отличительной чертой изображений на такой посуде является заполнение рисун-

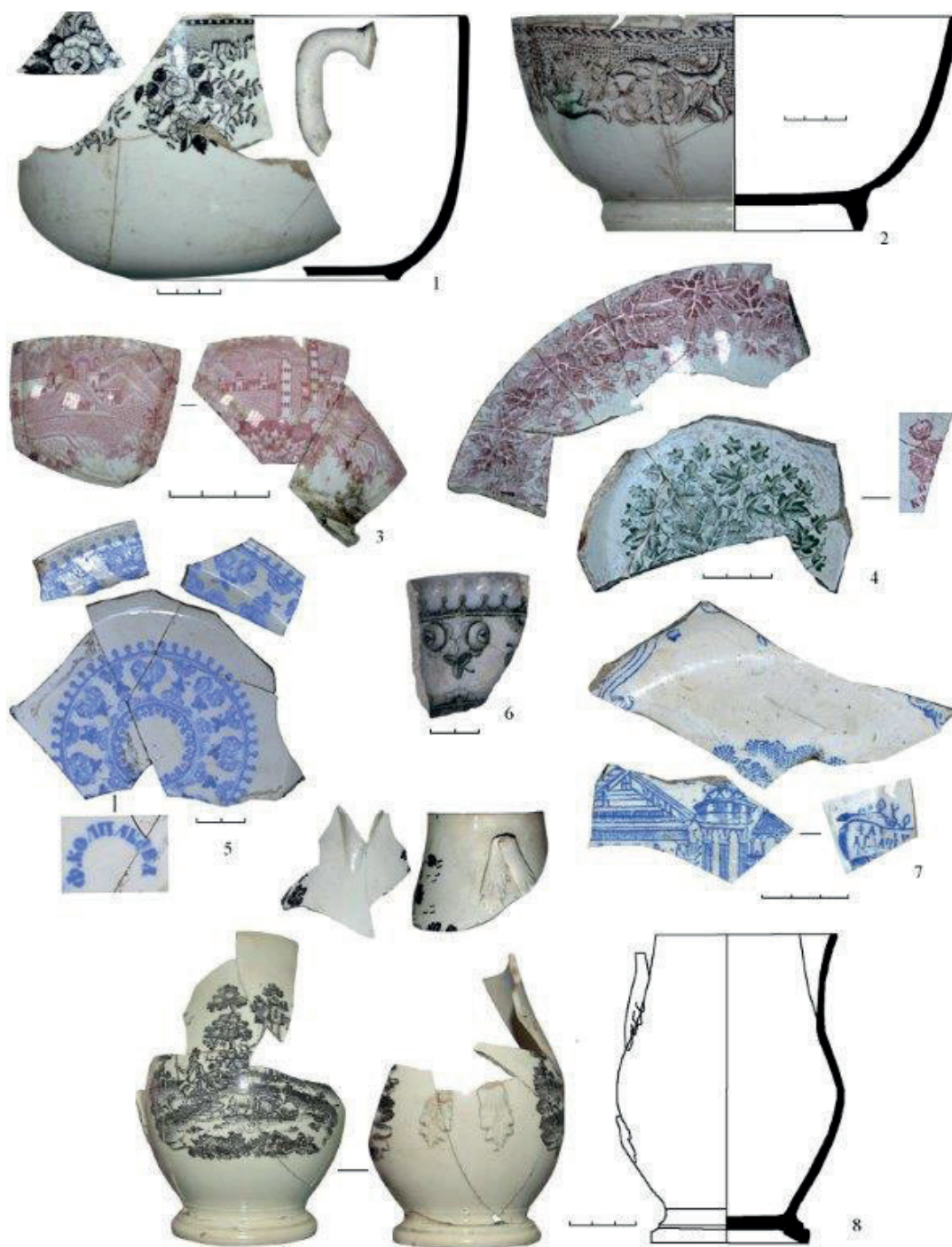

Рис. 3. Фаянсовая посуда с объектов на ул. Красной поселения «Ижевский завод».
Fig. 3. Faience dishes from objects in Krasnaya street. of "Izhevsk settlement".

ка четкими тонкими прочерченными линиями и мелкими точками (рис. 3, 8; 4). По материалам объектов на ул. Красной такую посуду использовали в последней четверти XIX–первой половине XX в.

Подобная посуда появляется и на Кузнецовских фабриках. В отличие от предыдущей, она украшена в основном различным растительным орнаментом. При этом орнамент не столь четкий и имеет полутону в окраске (рис. 3, 1–4, 6). По материалам с объектов ул. Красной тарелки использовали в последней четверти XIX–первой четверти XX в.

Основные поставки посуды в Ижевское заводское поселение начались в 1880-е гг., в связи с появлением

фабрик Кузнецовых. Объекты в кварталах на ул. Красной представлены в основном материалом именно этого периода: фарфором и фаянсом. При этом практически исчезает фаянсовая посуда, украшенная вообще каким-либо орнаментом. Все тарелки с клеймами фабрик Кузнецовых изготовлены без использования орнамента. В качестве исключения – по краю борта тарелок может проходить тонкая золотая или розовая полоса.

Выводы

Представленная посуда из домов Ижевского заводского поселения безусловно отображает общую картину

Рис. 4. Фаянсовая посуда с объектов на ул. Красной поселения «Ижевский завод».
Fig. 4. Faience dishes from objects in Krasnaya street. of "Izhevsk Plant" settlement.

появления и распространения фаянса. Первые поставки фаянсовой посуды в Ижевское заводское поселение начались, скорее всего, в 1860-е гг., и связаны они с появлением уральских фабрик. Возможно, в составе отдельных частных привозов фаянс поступал вместе с приезжими специалистами еще в начале XIX в. Середина XIX в. характеризуется большим разнообразием именно фаянсовой посуды – как в декоре, так и типах посуды. Начиная с 1880-х гг. фаянс уступил место фарфору, и в ижевских домах появилась фаянсовая посуда для ежедневного использования без какого-либо декора.

Литература

1. Шумилов, Е.Ф. Архитектура Ижевска / Е.Ф. Шумилов. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 115 с.
2. Васина, Т.А. Камские заводы: Население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Т.А. Васина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2006. – 274 с.
3. Митряков, А.Е. Археологические исследования поселения «Ижевский завод» / А.Е. Митряков // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. – Ижевск: Монпора-жён, 2020. – С. 4–6.

4. Митряков, А.Е. Отчет об охранных археологических работах на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Ижевский завод» в зоне реставрации и приспособления к современному использованию здания, входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль купеческих зданий, вторая половина XIX века» по ул. Горького, д. 88 в г. Ижевск Удмуртской республики / А.Е. Митряков // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. – Ижевск, 2018. – Ф. 2. – Д. 638.
5. Перевозчикова, С.А. Отчет о проведении спасательных работ (наблюдения и раскопки) на выявленном объекте культурного (археологического) наследия «Поселение Ижевский завод» в г. Ижевске Удмуртской Республики летом-осенью 2020 г. / С.А. Перевозчикова // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. – Ижевск, 2021. – Ф. 2. – Д. 686.
6. Сабиров, Т.Р. Исследования поселения «Ижевский завод» / Т.Р. Сабиров, А.М. Вязников, О.А. Карпушкина, С.Е. Перевозилов, И.Ю. Пастушенко [и др.] // Археологические открытия в Удмуртии – 2018. – Ижевск: Монпоражён, 2019. – С. 8–11.
7. Черных, Е.М. Отчет о проведении спасательных археологических работ (наблюдения и раскопки) на выявленном объекте культурного (археологического) наследия «Поселение Ижевский завод» в г. Ижевске Удмуртской Республики летом-осенью 2021 г. / Е.М. Черных // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. – Ижевск, 2022. – Ф. 2. Д. 692.
8. Серебренников, Н.Н. Уральский фарфор и фаянс XIX в. / Н.Н. Серебренников. – Пермь: издание музея, 1926. – 30 с.
9. Сауков, Г.Н. Фаянсовая посуда уральских производителей XIX – начала XX века из раскопа городской усадьбы (Курган, ул. Куйбышева, 21): информационные возможности вещественного источника / Г.Н. Сауков, К.Н. Мергенева // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред.: Д.М. Бондаренко, Д.Н. Маслюженко. – Москва, 2020. – С. 273–290.
10. Евшин, А.С. Морфологическое описание археологической коллекции фарфора и фаянса на основе материала охранных работ по улице Герцена, 28 в г. Кирове / А.С. Евшин // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): сб. ст.: XIX Всерос. науч.-практ. конф., 1–26 апр. 2019 г.: в. 4–х т. – Киров, 2019. – С. 242–254.
11. Мергенева, К.Н. Неатрибутированные клейма фарфоровых и фаянсовых заводов из раскопа городских усадеб на ул. Куйбышева, 21–23 г. Кургана: вопросы интерпретации и датировки / К.Н. Мергенева, Г.Н. Сауков // LII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – С. 397–400.
12. Татауров, Ф.С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири / Ф.С. Татауров // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. – Омск: Издательство Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 383–388.
13. Татауров, С.Ф. Фарфор и фаянс в культурном слое города Тары / С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2019. – Vol. 54. Is. 4. – Р. 1418–1428.
14. Мушкалов, С.М. Кунгурское купечество. Возвращенные имена / С.М. Мушкалов. – Пермь: Издательство Богатырев П.Г., 2013. – 356 с.
15. Дулькина, Т.И. Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / Т.И. Дулькина. – Москва: Издательство Ирины Касаткиной, 2003. – 420 с.
16. Мусина, Р.Р. Марки российского фарфора (1744–1917) / Р.Р. Мусина. – Москва: Знание, 1995. – 80 с.

References

1. Shumilov, E.F. Arhitektura Izhevsk [Architecture of Izhevsk] / E.F. Shumilov. – Izhevsk: Udmurtiya, 1978. – 115 p.
2. Vasina, T.A. Kamskie zavody: Naselenie, kul'tura, byt (konec XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Kama factories: population, culture, everyday life (late XVIII – first half of the XIX century)] / T.A. Vasina. – Izhevsk: Udmurt Inst. of History, Language and Literature, Ural Branch, RAS, 2006. – 274 p.
3. Mitryakov, A.E. Arheologicheskie issledovaniya poseleniya «Izhevskij zavod» [Archaeological research of the "Izhevsk Plant" settlement] / A.E. Mitryakov // Arheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2019 [Archaeological discoveries in Udmurtia – 2019]. – Izhevsk: Monporazhyon, 2020. – P. 4–6.
4. Mitryakov, A.E. Otchet ob ohrannykh arheologicheskikh rabotah na territorii vyyavlenno ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Poselenie Izhevskij zavod» v zone restavratsii i prispособleniya k sovremennomu ispol'zovaniyu zdaniya, vkhodyashchego v sostav ob'ekta kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya «Аnsambl' kupecheskikh zdaniy, vtoraya polovina XIX veka» po ul. Gor'kogo, d. 88 v g. Izhevsk Udmurtskoj respubliki [Report on archaeological security works on the territory of the identified archaeological heritage site "Izhevsk Plant settlement" in the area of restoration and adaptation to modern use of the building, which is part of the cultural heritage site of regional significance "Ensemble of merchant buildings, the second half of the XIX century" in Gorky Street, 88 in Izhevsk, Udmurt Republic] / A.E. Mitryakov // Arhiv Uchebnogo kabineta kafedry istorii Udmurtii, arheologii i etnologii UdGU [Archive of the Study room of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of Udmurt State Univ.]. – Izhevsk, 2018. – F. 2. – D. 638.

5. Perevozchikova, S.A. Otchet o provedenii spasatel'nyh rabot (nablyudeniya i raskopki) na vyyavlennom ob'ekte kul'turnogo (arheologicheskogo) naslediya «Poselenie Izhevskij zavod» v g. Izhevsk Udmurtskoj Respubliki letom-osen'yu 2020 g. [Report on rescue works (observations and excavations) at the identified object of cultural (archaeological) heritage "Izhevsk Plant Settlement" in Izhevsk, Udmurt Republic in summer-autumn 2020] / S.A. Perevozchikova // Arhiv Uchebnogo kabineta kafedry istorii Udmurtii, arheologii i etnologii UdGU [Archive of the Study room of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of Udmurt State Univ.]. – Izhevsk, 2021. – F. 2. D. 686.
6. Sabirov, T.R. Issledovaniya poseleniya «Izhevskij zavod» [Research of the "Izhevsk plant" settlement] / T.R. Sabirov, A.M. Vyaznikov, O.A. Karpushkina, S.E. Perevoshchikov, I.Yu. Pastushenko, T.A. Tsygvintseva, E.F. Shumilov // Arheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2018 [Archaeological discoveries in Udmurtia – 2018]. – Izhevsk: Monporazhyon, 2019. – P. 8–11.
7. Chernykh, E.M. Otchet o provedenii spasatel'nyh arheologicheskikh rabot (nablyudeniya i raskopki) na vyyavlennom ob'ekte kul'turnogo (arheologicheskogo) naslediya «Poselenie Izhevskij zavod» v g. Izhevsk Udmurtskoj Respubliki letom-osen'yu 2021 g. [Report on rescue archaeological work (observations and excavations) at the identified object of cultural (archaeological) heritage "Izhevsk Plant settlement" in Izhevsk, Udmurt Republic in summer-autumn 2021] / E.M. Chernykh // Arhiv Uchebnogo kabineta kafedry istorii Udmurtii, arheologii i etnologii UdGU [Archive of the Study room of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of Udmurt State Univ.]. – Izhevsk, 2022. – F. 2. D. 692.
8. Serebrennikov, N.N. Ural'skij farfor i fayans XIX v. [Ural porcelain and faience of the XIX century] / N.N. Serebrennikov. – Perm: izdanie muzeya [Museum Publication], 1926. – 30 p.
9. Saukov, G.N. Fayansovaya posuda ural'skikh proizvoditelej XIX – nachala XX veka iz raskopa gorodskoj usad'by (Kurgan, ul. Kujbysheva, 21): informacionnye vozmozhnosti veshchestvennogo istochnika [Faience utensils of the Ural manufacturers of the XIX – early XX centuries from the excavation of a city estate (21, Kuibyshev st., Kurgan): informational possibilities of a material source] / G.N. Saukov, K.N. Mergeneva // Rol' veshchestvennykh istochnikov v informacionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statej [The role of material sources in the information support of historical science]: collection of papers / Comp. E.A. Vorontsova; Resp. Eds. D.M. Bondarenko, D.N. Maslyuzhenko. – Moscow, 2020. – P. 273–290.
10. Evshin, A.S. Morfologicheskoe opisaniye arheologicheskoi kollekcii farfora i fayansa na osnove materiala ohrannykh rabot po ulice Gercena, 28 v g. Kirove [Morphological description of the archaeological collection of porcelain and faience on the basis of material from the security works in 28, Herzen Street in Kirov] / A.S. Evshin // Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2019) [Society. Science. Innovations (NPK-2019)]: collection of papers: XIX All-Russian Sci.-Pract. Conf., April 1–26, 2019: in 4 Vols. – Kirov, 2019. – P. 242–254.
11. Mergeneva, K.N. Neatributirovannye klejma farforovykh i fayansovykh zavodov iz raskopa gorodskikh usadeb na ul. Kujbysheva, 21–23 g. Kurgana: voprosy interpretacii i datirovki [Unattributed hallmarks of porcelain and faience factories from the excavation of city estates in Kuibyshev st., 21–23, Kurgan: questions of interpretation and dating] / K.N. Mergeneva, G.N. Saukov // LII Uralo-Povolzhskaya arheologicheskaya konferenciya studentov i molodykh uchennykh (UPASK, 5–9 fevralya 2020 g.) [LII Ural-Volga Archaeological Conf. of Students and Young Scientists]: Materials of the All-Russian Sci. Pract. Conf. of students, postgraduates, young scientists / Perm State National Research Univ. – Perm, 2020. – P. 397–400.
12. Tataurov, F.S. Shkoly, osnovnye centry proizvodstva i harakter rasprostraneniya farfora iz arheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoj Sibiri [Schools, main centers of production and the nature of the distribution of porcelain from the archaeological sites of Western Siberia] / F.S. Tataurov // Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdisciplinarnye metody i tekhnologii: sb. nauch. st. [Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies] / Ed. L.V. Tataurova. – Omsk: Omsk Inst. (Branch) of Russian State Univ. of Trade and Economics Publ., 2011. – P. 383–388.
13. Tataurov, S.F. Farfor i fayans v kul'turnom sloe goroda Tary [Porcelain and faience in the cultural layer of the town of Tara] / S.F. Tataurov, F.S. Tataurov // Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal [Past years. Russian Historical J.]. – 2019. – Vol. 54. Issue 4. – P. 1418–1428.
14. Mushkalov, S.M. Kungurskoe kupechestvo. Vozvrashchennye imena [Kungur merchants. Returned names] / S.M. Mushkalov. – Perm: P.G. Bogatyrev Publ., 2013. – 356 p.
15. Dul'kina, T.I. Marki rossijskogo farfora i fayansa. 1750–1960 [Hallmarks of Russian porcelain and faience. 1750–1960] / T.I. Dul'kina. Moscow: Irina Kasatkina Publ., 2003. – 420 p.
16. Musina, R.R. Marki rossijskogo farfora (1744–1917) [Russian porcelain hallmarks (1744–1917)] / R.R. Musina. – Moscow: Znaniye, 1995. – 80 p.

Информация об авторе:

Перевозчикова Светлана Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6064-8034> (426034, Российская Федерация, Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1; e-mail: homasvet@mail.ru).

Author:

Svetlana A. Perevozchikova – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Senior Lecturer, Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of Udmurt State University (1, Universitetskaya st., Izhevsk 426034, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6064-8034>, e-mail: homasvet@mail.ru).

Для цитирования:

Перевозчикова, С.А. Фаянсовая посуда из кварталов по улице Красной поселения «Ижевский завод» / С.А. Перевозчикова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 56–66.

For citation:

Perevozchikova, S.A. Earthenware from the quarters in Krasnaya street of the "Izhevsk Plant" settlement / S.A. Perevozchikova // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 56–66.

Дата поступления статьи: 27.04.2023

Прошла рецензирование: 11.05.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 27.04.2023

Reviewed: 11.05.2023

Accepted: 16.06.2023

В ожидании «грозы»: Образы грядущей войны с Наполеоном в общественном сознании населения губерний Европейского Севера России. Историко-документальное и культурно-антропологическое изыскание

С.П. Колесников

Вологодский научно-исследовательский и издательский центр археографии, локальной истории и краеведения,
г. Вологда
s.kolesnikov.1812@yandex.ru

Аннотация

При всей хрестоматийности глобального исторического события начала XIX в. некоторые его стороны подготовки, осуществления и завершения представляются необоснованно историографически забытыми и осознанно приглушенными с точки зрения источников и археографии. С появлением в исторической науке традиций осмысления повседневной истории этого периода и событийного времени, рассмотрения через привычные документальные источники таких направлений, как общественные настроения, самосознание, появились новые направления исторического познания. К ним относится культурно-антропологическое прочтение наполеоновской эпохи. В статье автор оперирует такими понятиями, как русское провинциальное общество, предчувствия войны, общественное сознание, слухи, знамения и их трактовки.

Ключевые слова:

Отечественная война 1812 года, подготовка события, предчувствие времени, эпохи, события, общественные настроения, сознание, слухи

Исторические события всегда порождали множество сопутствующей информации. Восприятие событий, в круговорот которых вовлекалось общество, всегда во многом зависело от степени осведомленности, количества и качества поступивших известий о прошедших или предстоящих реалиях общественной жизни, а также от месторасположения происходящих событий. Сегодня, спустя два столетия, в годовщину юбилеев победы русского оружия в Отечественной войне 1812 года и заграничных походов армии Александра I в Европу, волей-неволей пытаешься понять причины тех грозных настроений, повлекших, как писал Л.Н. Толстой, «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

Waiting for the "thunderstorm": Images of the coming war with Napoleon in the public consciousness of the population of the provinces of the European North of Russia. Historical-documentary and cultural-anthropological research

S.P. Kolesnikov

Vologda Research and Publishing Center for Archeography, Local History and Local Lore
Vologda
s.kolesnikov.1812@yandex.ru

Abstract

Despite the textbook nature of the global historical event of the early XIX century, some aspects of its preparation, implementation and completion seem unreasonably historiographically forgotten and consciously muted from the point of view of sources and archeography. With the advent in historical science of traditions of understanding everyday history of this period and event time, consideration through the usual documentary sources of such areas as public sentiment, self-consciousness, new areas of historical knowledge have appeared. These include the cultural and anthropological reading of the Napoleonic era. In the paper, the author operates with such concepts as: Russian provincial society, premonitions of war, public consciousness, rumors, signs and their interpretations.

Keywords:

Patriotic War of 1812, preparation of the event, premonition of time, epoch, events, public sentiment, consciousness, rumors

Подготовка к войне с Наполеоном началась почти сразу после заключения Тильзитского мира. История этого хронологического периода хорошо известна. Однако некоторые эпизоды «предгрозовой» истории войны, на современный взгляд выглядящие достаточно парадоксально, – предвоенные слухи о наборе в армию, предсказания провидцев, небесные знамения, мистическое отношение к Наполеону, резкий сдвиг в общественном сознании от любви до ненависти к своему врагу и удивительное милосердие, проявленное к поверженному противнику, – говорили об атмосфере, царившей в Имперском государстве накануне и во время «грозы двенадцатого года». В народе, и в высших, и иных слоях общества наполеонову войну воспринимали

как бедствие, как суровое, но надлежащее и праведное наказание Божие. «Зачем это приходили к нам французы? – писал позднее Святитель Феофан Затворник. – Бог послал его истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия и Бог помиловал ее...» [1, с. 196].

Повседневная практика получения известий сопрягалась первоначально со слухами, которые возникали стихийно, являясь непосредственным откликом городских и сельских обывателей русской провинции на события [2, с. 9–12]. «Слухи о войне <...> живут, чуть ли не постоянно в народе», – утверждали респонденты из крестьян Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева в одной из российских губерний [3, л. 12, 13]. Однако не всяким слухам верили крестьяне. Главным для них считался источник информации, кто и как сказал очередную новость: верили люди в основном представителям власти, священникам, грамотеям и книжникам. Настороженно северяне относились к речениям странников, богомольцев, нищих, обходивших по несколько десятков деревень в сутки, отходников.

Провидцы на Руси не переводились никогда.

К началу 1812 г. в российском обществе жило настороженное воспоминание о пролетавшей осенью 1811 г. «власатой» комете. «Санкт-Петербургские ведомости» по этому поводу на своих страницах отмечали: «...поелику по сие время величина и свет ея ежедневно весьма приметно умножались, в течение всего Сентября будут еще умножаться, то и должно ожидать, что Комета сия будет одна из величайших, каковых уже более целого столетия видимо не было...» [4, с. 1080, 1081]. Передавая события 1811 г. на страницах «Летописца города Вельска от основания до 1842 года», священник Вельского Троицкого собора, что на границе Вологодской и Архангельской губерний, писал: «Сего же года, августа, на 18-е число, в ночи, в северной стране явилась комета, или блудящая звезда, от которой был хвост протягающий вверх с наклоном к западу струями, а в сентябре оказалась в лете, а оной хвост был тогда наклонен к востоку. Даже была видима ноября, в последних числах, а обращение имела от запада на восток» [5, л. 43]. Научное объяснение этому явлению изложил Ф.Ф. Шуберт, который в столичной газете сказал, что продолжить наблюдать комету можно будет в 1812 г., но только не в России, а в Южной Франции (!) [4, с. 1080–1081]. Восприятие кометы жителями русской провинции в своих записках изложил Д.И. Завалишин, прихожанин церкви Жён Мироносиц в Твери. Выходя из храма, в момент наблюдения кометы он так же, как и все, забеспокоился, а спустя время написал: «...как бы по сигналу все сняли шапки и перекрестились. Послушались тяжёлые, где подавленные, где громкие вздохи. Долго стояли люди в молчаливом созерцании, но вот одна женщина пала в истерику, другие громко зарыдали, начался невнятный говор, затем громкие восклицания: "Верно, прогневался Господь на нас!"» [6, с. 146].

Отношение русских людей к Новому 1812 году, вероятно, было настороженное. Предчувствие чего-то страшного сопровождало многих, перешедших временную границу новолетия. Ожидали неурядиц, тягот и невзгод. В воспоминаниях многих современников «грозы двенадцатого года» комета отразилась как предвестник войны. Жители

Смоленской губернии, например, «при появлении ее вечером на горизонте <...> выходили на дворы и улицы смотреть светлую звезду с хвостом. Все утверждали, что это не к добру, а к большой войне, и что <...> много народа погибнет...» [7, с. 466].

Кроме того, появившаяся в 1811 г. на небосводе «власатая» комета в различных слоях русского общества породила апокалипсические волнения о наступающем Страшном суде. Современники войны вдруг вспомнили «Откровение» Святого Апостола Иоанна Богослова, где утверждалось, что Антихрист ступит на землю, приняв вид и имя зверя (гл. 13, стих 18 и 5). В имени «Наполеон» многие свидетели исторических потрясений старались разглядеть число 666, полагая, что французский Император – апокалипсический зверь (Антихрист) в облике человеческом [8, с. 785]. Об этом сочинил аналитическую записку профессор В.Ф. Гецель, отправил ее М.Б. Барклай-де-Толли. Но сведений о всенародном прочтении ее в документальных источниках не сохранилось [9].

Взятие Москвы Наполеоном было предсказано, оказывается, еще в самом начале царствования Императора Александра I. С таким невероятным «переживанием» будущих событий выступил в октябре 1801 г. иеромонах Авель, выпущенный из Соловецкого монастыря, где проходил исправительное послушание: «Ныне от Адама семь тысяч и триста и двадцатый год, а от Бога тысяча и восемьсот и второй на десять. И слыша мы в Соловецком монастыре, яко бы южный царь или западный, имя ему Наполеон, пленил грады и страны, и многия области, уже и в Москву вшёл. И грабит в ней и опустошает все церкви и вся гражданския, и всяк зывая: "Господи, помилуй и прости наше согрешение. Согрешихом пред Тобою, и несть достойны нарекаться рабами Твоими, попустил на врага и губителя, за грех наш и за беззакония наша! И прочая таковая взываху весь народ и все людие..."» [10, с. 422]. В начале столетия это казалось неправдоподобным, но время показало состоятельность предсказаний провидца.

В фонде Святителя Филарета Московского в РГИА хранится объемная папка, содержащая записи о всевозможных чудотворениях и предсказаниях. Среди них имеется любопытный документ «Предсказание о войне России с Францией». На его страницах прочтем: «В 1812 году, – пишет неизвестный автор, – когда французские войска шли на Россию, ехал я из Мангейма в Карлсруе с одним молодым пруссаком по имени К..., который в пророческом духе предсказывал мне все то, что до сего времени случилось. Вначале был он весьма скрытен, но, уверившись, что я люблю Бога и на Него единого уповаю, назвал меня своим другом, и на вопрос мой – как он думает, победят ли французы россиян – отвечал следующее: "Французы победят и пройдут во внутренность России, даже овладеют Москвою, но при вшествии их сей древний город будет сожжен. Тогда положен будет предел злодеяниям французов, ибо с той минуты щастие отвратится от них за их неверие и холодность к религии. Все французское войско истреблено будет в короткое время, не оружием русских, но силою Божиею. Впрочем, мне неизвестно, какие Бог употребит к тому средства"» [11, л. 55–55 об].

В источниках сообщались сведения о других предсказаниях, связанных с военным столкновением с Наполеоном. Например, незадолго до Отечественной войны 1812 года одной из жительниц Вологды явился во сне образ Казанской Божией Матери. Богородица предупреждала женщину о приближавшемся великом бедствии. Повторное явление случилось этой же женщине за четыре дня до нападения Наполеона. И, будучи на молебствии, женщина в одной из многочисленных икон храма Николы на Глинках в Вологде узнала приснившийся ей образ. О своих снах она поведала священнику. И икону после этого перенесли в построенную для нее часовню. Известие об иконе-предсказательнице быстро разнеслось по городской округе. Горожане и эвакуированные из Москвы жители, а также люди из других городов, совершали к ней паломничества, они молили новоявленную икону о скорой победе над Наполеоном [12, с. 13–20]. Подобные случаи по стране были не единичны. Они нашли отражение в литературе [13].

В Императорском Манифесте о сборе внутри государства земского ополчения, подписанном Государем 6 июля 1812 г., объявлялось, что после окончания военных действий ополчение будет распущено, и все ополченцы смогут вернуться в свои семьи. Крестьяне на Севере России в это утверждение не очень-то поверили. Они помнили печальный опыт рекрутирования (выборности от крестьянских общин) в ополченцы в войну с французами 1806–1807 гг., когда после объявления окончания кампании солдат домой не отпустили, а продлили их срок службы (просто-напросто превратили в рекрутов). Поэтому в 1812 г. крестьян с большой силой собирали в ополчение. В донесении Горному начальнику Олонецких, Санкт-Петербургского и Кронштадтского заводов А.В. Армстронгу о ходе набора среди приписных крестьян Петрозаводского уезда стрелков в ополчение от 25 июля 1812 г. говорилось: «Слух о наборе бежит безостановочно впереди меня сильнее ветра» [14, л. 4–4 об.].

Интересное поверье в связи со сбором ополчения в деревнях Олонецкой губернии удалось обнаружить в исторических документах. В крестьянской среде Европейского Севера всегда особо почитались охотники, поскольку этот промысел являлся главным повседневным занятием северных крестьян. Особенно ценилась меткость северян. Считалось, что они могли выстрелить в маленького северного зверька – белку – и попасть ей в глаз и, таким образом, не повредить мех этого пушного животного. Не менее интересные замечания об этом сохранились в контексте Отечественной войны 1812 года: белка всегда выступала как образ, связанный с войной. В статье «Поверья и предания олончан», где представлена картина Севера с его «баснословными преданиями», в том числе упоминалось «беличье» предание: «Множество белок в лесу почитают за признак близкой войны. Уверяют, будто перед 1812 годом появилось столько белок, что они стаями бежали в городах по улицам и рассаживались по крышам домов» [15, с. 82].

Интересны сведения о тревоге в Вытегре (тыловом городе Олонецкой губернии) в 1812 г., вызванной ложными слухами о появлении французов. Суть этих разговоров сводилась к отражению неприятеля после занятия французами Москвы. Основания для тревоги были, поскольку

маршал Удино по приказу Наполеона предполагал занять Петербург. Разнеслась весть: «...Французы, большими толпами, разошлись и разъехались, по всему Царству Православному, забирать добро Русское». Наскоро стали собирать ополчение из старцев, ходивших еще в походы Суворова, вооружились ружьями, тесаками наголо, рогатиной и «всем, у кого что случилось», перешли реку, подняли за собой мост. Но «француза» не дождалось. Немного позже стала известна причина паники: «косы крестьян, возвращавшихся с полей» («болото косят осенью после уборки хлеба»), были приняты «одним из местных жителей <...> за блистающие ружья французов» [16, с. 35–48].

Много слухов в русской провинции связывалось с вынужденной эвакуацией из Москвы ценностей православных монастырей, а из Санкт-Петербурга – сокровищ Эрмитажа. Мероприятия по их спасению сопровождались порождением различных разговоров. Москвичи, например, никак не хотели выпускать из столицы чудотворные иконы Божией Матери, считавшиеся небесными заступницами первопрестольной [17, с. 53–67]. И обстановка накануне оставления Москвы способствовала появлению всяческих небылиц. Когда шли приготовления к эвакуации памятнику Петру Великому на Сенатской площади, в обществе стали обсуждать знамения, приходившие, по одним данным – некоему майору Батурину, а по другим – Императору Александру I. Сохранившаяся со времен Наполеона легенда гласила, что одного молодого русского офицера в 1812 г. преследовал явленный Петр Великий, говоривший ему: «Молодой человек, пока я стою на месте, моему городу нечего опасаться...». По преданию, этот офицер пересказал свое сновидение Обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицыну, который, в свою очередь, передал слова офицера Государю-Императору. И памятник остался в Петербурге. Сегодняшнему поколению историков остается только верить в эту легенду. Но в архивах хранятся документы, говорящие о планах масштабной эвакуации национальных ценностей из Петербурга [18, с. 248–253]. При возвращении ценностей Эрмитажа не исключено, что полицейские агенты специально распускали слухи для дезинформации тех, кто мог воспользоваться случаем и завладеть сокровищами.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что коммуникативное пространство русской провинции в эпоху наполеоновского нашествия заполнялось несколькими направлениями получения известий. Вторжение французов и их продвижение в пределы Империи знаменовалось появлением в обществе различных мнений, мыслей, преданий и легенд, слухов, предзнаменований. Существование в течение всего XIX столетия устойчивых представлений о войне, интереса к ее истории позволяет сделать вывод о присутствии в сознании россиян традиции осмысления наполеоновского нашествия и его значения в российской истории.

Литература и источники

1. Феофан Затворник, епископ. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия / Феофан

- епископ, Затворник. – Москва: Патриархальная типография, 1991.
2. Буганов, А.В. Слухи, вести, толки / А.В. Буганов [и др.] // Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года. – Тула: Гриф и Ко, 2012.
 3. Российский этнографический музей. Научный архив. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 882.
 4. Санкт-Петербургские ведомости. – 1811. – № 73. – 12 сент.
 5. Архангельская областная научная библиотека. Отдел редкой книги. РК 385–АОНБ.
 6. Завалишин, Д.И. Тысяча восемьсот двенадцатый год / Д.И. Завалишин // Древняя и новая Россия. – 1879. – № 2.
 7. Александров, Г.Н. Очерки моей жизни / Г.Н. Александров // Русский Архив. – 1904. – № 12.
 8. Парсамов, В.С. Число Антихриста / В.С. Парсамов, А.Д. Яновский // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. – Москва: РОСПЭН, 2004.
 9. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 938.
 10. Авель. Житие и страдание отца и монаха Авеля / Авель // Русская Старина. – 1875. – № 2.
 11. Российский государственный исторический архив. – Ф. 852. – Оп. 1. – Д. 63.
 12. Муромцев, И.Н. Церковь Николы Чудотворца на Глинках / И.Н. Муромцев // Вологодские губернские ведомости. – 1848. – № 2.
 13. Поселянин, Е.Н. Царице моя Преблагая: Богоматерь: Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее жизни чудотворных икон / Е.Н. Поселянин. – Москва: Дар, 2015.
 14. Национальный архив Республики Карелия. – Ф. 37. – Оп. 5. – Д. 77/523.
 15. Поверья и предания олонецких // Олонецкие губернские ведомости. – 1843. – № 24.
 16. Шайжин, Н. Из жизни Олонецкого края в Отечественную войну / Н. Шайжин // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. – Петрозаводск, 1912.
 17. Лаврентий, архимандрит. Записка очевидца о сохранении драгоценностей Николаевского Перервинского монастыря и о достопамятных событиях в сей обители в 1812 году / архимандрит, Лаврентий // Маяк. – 1842. – Т. 2, Кн. 4.
 18. Тихомиров, С.А. Отражение эвакуации национальных ценностей из Санкт-Петербурга в исторических источниках периода наполеоновского нашествия / С.А. Тихомиров // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов: сборник научных статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2013.
 2. Bуганov, A.V. Sluhi, vesti, tolki [Rumors, news] / A.V. Bугanov et al. // Istoricheskaya pamyat' russkogo naroda ob Otechestvennoj vojne 1812 goda [The historical memory of the Russian people about the Patriotic War of 1812]. – Tula: Grif and Co Publ., 2012.
 3. Rossijskij etnograficheskij muzej. Nauchnyj arhiv [Russian ethnographic museum. Scientific archive]. – F. 7. – Op. 1. – D. 882.
 4. Sankt-Peterburgskie vedomosti [St. Petersburg Gazette]. – 1811. – № 73. – Septemner 12.
 5. Arhangel'skaya oblastnaya nauchnaya biblioteka. Otdel redkoj knigi [Arkhangelsk Regional Scientific Library. Rare Book Department]. – RK 385–AONB.
 6. Zavalishin, D.I. Tysyacha vosem'sot dvenadcatyj god [One thousand eight hundred and twelfth year] / D.N. Zavalishin // Drevnyaya i novaya Rossiya [Ancient and new Russia]. – 1879. – № 2
 7. Aleksandrov, G.N. Ocherki moej zhizni [Essays on my life] / G.N. Aleksandrov // Russkij Arhiv [Russian archive]. – 1904. – № 12.
 8. Parsamov, V.S. Chislo Antihrista [Number of the Antichrist] / V.S. Parsamov, A.D. Yanovsky // Otechestvennaya vojna 1812 goda: Enciklopediya [Patriotic War of 1812: Encyclopedia]. – Moscow: Rospen, 2004.
 9. Gosudarstvennyj istoricheskij muzej. Otdel pis'mennyh istochnikov [State Historical Museum. Department of Written Sources]. – F. 440. – Op. 1. – D. 938.
 10. Avel'. Zhitie i stradanie otsa i monaha Avelya [Life and suffering of the father and monk Abel] / Avel' // Russkaya Starina [Russian antiquity]. – 1875. – № 2.
 11. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. – F. 852. – Op. 1. – D. 63.
 12. Muromtsev, I.N. Tserkov' Nikoly Chudotvorca na Glinkah [Church of St. Nicholas the Wonderworker on Glinka] / I.N. Muromtsev // Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1848. – № 2.
 13. Poselyanin, E.N. Tsaritse moya Preblagaya: Bogomater': Polnoe illyustrirovannoe opisanie Eyo zemnoj zhizni i posvyashchennyh Eyo zhizni chudotvornyh ikon [Blessing My Queen: The Mother of God: A Complete Illustrated Description of Her Earthly Life and the Miraculous Icons Dedicated to Her Life] / E.N. Poselyanin. – Moscow: Dar Publ., 2015.
 14. Nacional'nyj arhiv Respubliki Kareliya [National Archive of the Republic of Karelia]. – F. 37. – Op. 5. – D. 77/523.
 15. Pover'ya i predaniya olonchan [Beliefs and Traditions of the Olonians] // // Oloneckie gubernskie vedomosti [Olonets Provincial Gazette]. – 1843. – № 24.
 16. Shaizhin, N. Iz zhizni Oloneckogo kraya v Otechestvennuyu vojnu [From the life of the Olonets region during the Patriotic War] / N. Shaizhin // Pamyatnaya knizhka Oloneckoj gubernii na 1912 god [Commemorative book of the Olonets province for 1912]. – Petrozavodsk, 1912.
 17. Lavrenty, Archimandrite. Zapiska ochevidca o sohranении dragocennostej Nikolaevskogo Perervinskogo monastyrja i o dostopamyatnyh sobytijah v sej obiteli v 1812 godu [Eyewitness note on the preservation of the treasures of the Nikolaev Perervinsky Monastery and on memorable

References

1. Theophan the Recluse, Bishop. Mysli na kazhdyj den' goda po cerkovnym chteniyam iz Slova Bozhiya [Thoughts for each day of the year according to church readings from the Word of God] / Theophan the Recluse, Bishop. – Moscow: Patriarhal'naya tipografiya [Patriarchal Printing House], 1991.

events in this monastery in 1812] / Lavrenty, Archimandrite // Mayak. – 1842. – Vol. 2. – Book 4.

18. Tikhomirov, S.A. Otrazhenie evakuatsii nacional'nykh ценностей iz Sankt-Peterburga v istoricheskikh istochnikakh perioda napoleonovskogo nashestiya [Reflection of the evacuation of national values from St. Petersburg in the historical sources of the period of the Napoleonic invasion] / S.A. Tikhomirov // Dokumental'noe nasledie Rossii:

teoriya i praktika sohraneniya i ispol'zovaniya nauchnykh fondov. Sbornik nauchnykh statej k 60-letiyu Nauchnogo arhiva Komi NC UrO RAN [Documentary heritage of Russia: theory and practice of the preservation and use of scientific funds: Collection of scientific papers dedicated to the 60th anniversary of the Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – Syktyvkar, 2013.

Информация об авторе:

Колесников Сергей Петрович – председатель правления Вологодского регионального научно-исследовательского и издательского центра археографии, локальной истории и краеведения (160022, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Сергея Преминина, д. 6, оф. 125; e-mail: s.kolesnikov.1812@yandex.ru).

Author:

Sergei P. Kolesnikov – Chairman of the Board of the Vologda Regional Research and Publishing Center for Archeography, Local History and Local Lore; (6, Sergei Preminin st., office 125, Vologda 160022, Vologda Region, Russian Federation; e-mail: s.kolesnikov.1812@yandex.ru).

Для цитирования:

Колесников, С.П. В ожидании «грозы»: Образы грядущей войны с Наполеоном в общественном сознании населения губерний Европейского Севера России. Историко-документальное и культурно-антропологическое изыскание / С.П. Колесников // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 67–71.

For citation:

S.P. Kolesnikov. Waiting for the "thunderstorm": Images of the coming war with Napoleon in the public consciousness of the population of the provinces of the European North of Russia. Historical-documentary and cultural-anthropological research / S.P. Kolesnikov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 67–71.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 14.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 14.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Противоречия колониальной политики Российской империи, помешавшие колонизации Гавайских островов в начале XIX века

Д.Л. Носихин

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Пушкин
dima999666000@mail.ru

Аннотация

Данная статья, основанная на архивных источниках, рассказывает про период русской колонизации Гавайских островов, причины ее начала и окончания. Кроме того, рассматривается колониальная политика Российской империи в целом, перечисляются повлиявшие на нее факторы и формулируется ее главное противоречие. В начале статьи говорится о сложившейся к началу XIX в. ситуации на севере Тихоокеанского региона, казалось бы, благоприятствующей колониальному развитию Российской империи. Далее описывается непосредственно период русской колонизации Гавайских островов, проводившейся под управлением доктора Георга Шеффера и закончившейся неудачей. После чего рассматриваются причины негативной реакции правительства России на его деятельность и отказа от дальнейших претензий на Гавайские острова, на что, в том числе, повлияло и предполагаемое главное противоречие колониальной политики Российской империи – создание Российско-Американской компании по образцу колониальных компаний других империй, но при этом относиться к своим колониям как к некоей буферной зоне у своих границ, что, возможно, и привело в конечном счете к потере этих земель.

Ключевые слова:

Русская Америка, Российская империя, Гавайские острова, Российско-Американская компания, колониализм

Формирование территории являлось важнейшим процессом для нашего государства на каждом историческом этапе – Московского княжества, Русского царства и особенно Российской империи, так как сама имперская организация власти уже подразумевает под собой необходимость постоянного расширения политического и экономического влияния, в том числе путем присоединения новых земель. От привычной колонизации большинства других европейских колониальных держав политика расширения территории России отличалась тем, что лишь частично была нацелена на заморские владения, в первую очередь же сосредоточена на континентальной экспансии в соседние области, такие как Северная, Восточная и Цен-

Contradictions of the colonial policy of the Russian Empire that prevented the colonization of the Hawaiian Islands at the beginning of the XIX century

D.L. Nosikhin

A.S.Pushkin Leningrad State University,
Pushkin
dima999666000@mail.ru

Abstract

The paper, based on the archival sources, deals with the period of Russian colonization of the Hawaiian Islands, reasons for its beginning and end. Furthermore, the paper considers the colonial policy of the Russian Empire in general, gives the factors that influenced colonization and formulates its main contradiction. The beginning of the paper describes the situation in the North Pacific region of the early XIX century, which, it would seem, favored the colonial development of the Russian Empire. The period of Russian colonization of the Hawaiian Islands, which was conducted under the leadership of Dr. Georg Schaeffer and ended in failure, is described. Then the reasons for the negative reaction of the Russian government to Schaeffer's activity and the refusal of further claims to the Hawaiian Islands are considered, which, among other things, was influenced by the alleged main contradiction of the colonial policy of the Russian Empire – the creation of a Russian-American Company modeled on the colonial companies of other empires, but at the same time they treated their colonies as a kind of buffer zone at their borders, which may have led, ultimately, to the loss of these lands.

Keywords:

Russian America, Russian Empire, Hawaiian Islands, Russian-American Company, colonialism

тральная Азия. Такое положение вещей было обусловлено, с одной стороны, многовековым отсутствием полноценного доступа к мировым океанам, с другой – наличием в непосредственной близости обширных и часто сравнительно малонаселенных земельных массивов, как правило, богатых природными ресурсами.

Север Тихоокеанского региона, включающий в себя западное побережье Америки и многочисленные острова Тихого океана, на конец XVIII – начало XIX вв. представлял собой неосвоенный фронт, куда еще не добрались колонисты из других крупных империй, что по началу давало Российской империи свободу в планировании колониальной политики. Хотя на первый взгляд может показаться,

что она, как таковая, в стратегическом смысле, едва ли имела: очевидно, что Россия изначально оказалась на землях Северной Америки фактически по инерции от освоения Сибири и из-за потребности в ресурсах (главным образом, пушнине). Однако создание в 1799 г. Российско-Американской компании (далее – РАК) – полугосударственной колониальной торговой компании, аналогичной подобным организациям в других имперских державах, говорило об обратном (пусть даже со временем компания сменила крен с предпринимательско-экономического на военно-бюрократический, что в конечном счете стало одной из причин дальнейшей полной потери русско-американских земель).

После первых успехов в освоении территории Аляски и основания крепости Форт-Росс дальнейшая экспансия в Тихоокеанском регионе казалась логичным продолжением событий. Одним из наиболее благоприятных мест для создания новой колонии выглядели Гавайские острова, ведь это была единственная крупная территория по пути от западного побережья Америки к восточному Евразии. Более того, сами обстоятельства будто бы подталкивали РАК к более решительным действиям, на которые компания и ее представители до определенного момента не решились.

Еще в 1804 г. в ходе кругосветной экспедиции на Гавайях (тогда еще Сандвичевых островах) побывали русские корабли «Надежда» и «Нева» под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского. В тот момент на Гавайях завершался процесс объединения островов под властью короля Камеамеа I (называемый в тогдашней русской хронике Томи-Оми), однако острова Кауаи (Атувай) и Ниихау (Нигау) оставались под влиянием его главного противника Каумуалии (Томари), который уже на тот момент был заинтересован в поддержке более мощного государства. Крузенштерн и Лисянский тогда не решились предпринять каких-либо активных мер [1].

В 1815 г. у берегов острова Кауаи потерпел крушение русский корабль «Беринг», находившийся там с целью покупки продовольствия для снабжения колоний на Аляске. Выброшенный на берег корабль с грузом стоимостью около 100 тыс. руб. был захвачен Каумуалии. Для возвращения корабля и имущества глава РАК А.А. Баранов снарядил на острова вооруженную экспедицию на корабле «Открытие». Кроме того, со специальной миссией на иностранном судне туда же был отправлен барон Георг Антон Шеффер, врач на службе компании [там же]. Стоит заметить, что советский историк С.Б. Окунь считал, что план колонизации островов был составлен еще до начала данной операции [2], и Шеффер действовал в соответствии с инструкциями начальства РАК, однако современные исследователи ставят под сомнение такую точку зрения [1].

Первым делом Шеффер прибыл на остров Оаху для знакомства с королем Камеамеа и обсуждения помощи в переговорах с Каумуалии, однако после того, как на острова прибыли русские корабли, отношения между Шеффером и королем расстроились, и в мае 1816 г. он отправился на Кауаи вызволять «Беринг» самостоятельно [там же].

По прибытии на остров у Шеффера снова получилось быстро установить контакт с местным правителем, и спустя некоторое время король Каумуалии объявил, что не только вернет захваченный корабль и заключит договор с РАК, но и обратился с просьбой к императору Александру I принять принадлежащие королю острова под свое покровительство, обещая «навсегда быть верным российскому скипетру» [там же]. 21 мая 1816 г. Каумуалии принял русское подданство [3, л. 17–24], российский флаг был поднят над Кауаи, а копии соглашений отправлены в Ново-Архангельск (столицу Русской Америки, ныне – г. Ситка) и Санкт-Петербург. Можно предположить, что король Кауаи преследовал собственные цели и рассчитывал с помощью русских не только обрести независимость от Камеамеа, но и в перспективе получить власть над всеми Гавайями.

Не дожидаясь ответа от начальства, Шеффер принялся обустриваться на острове: за 14 месяцев фактической колонизации на Кауаи было построено несколько зданий для факторий (для магазина король дал каменное строение), а также заложены три крепости: Елизаветинская (единственная каменная), Александровская и имени Барклая-де-Толли [4, л. 35–37]. Однако излишняя поспешность в конечном счете сыграла против самого Шеффера: недовольные появлением конкурентов американцы при поддержке короля Камеамеа стали вытеснять их с островов, построив собственную факторию на Кауаи и скупая территории и товары, обещанные русским. Более того, дошло до угроз королю Каумуалии, что если он не прогонит русских с Кауаи, «то придут к оному 5 американских судов и убьют как его, так и индейцев» [3, л. 42–45]. После того, как стала ясна бесперспективность сопротивления, в июне 1817 г. Шеффер и оставшиеся русские покинули Кауаи [там же].

Что касается отношения коренного населения островов к русским колонизаторам, О.Е. Коцебу, посещавший архипелаг как во время колонизации, так и после, писал, что островитяне принимали их «предпочтительно перед всеми жившими здесь европейцами, везде и все нас ласкали. И мы не имели ни малейшей причины быть недовольными» [1]. В то же время Шеффер отмечал, что факт использования в качестве промышленников РАК ссыльных из Сибири негативно сказался на отношении аборигенов к гостям, так как работники вели себя «гораздо развратнее самих индейцев» [5, л. 47–52], и даже строгий контроль начальства не удерживал их от того, чтобы «не пропивать за ром последний лоскут одежды с тела» [там же]. Более того, есть сведения и о преступлениях, учиненных на островах: в одной из записок Шеффер упоминает промышленника Лишинского, который, по его словам, убил двух россиян, а также сообщает про него, что «изверг даже с короля Томари насильственно брал ром и деньги» [там же].

В августе 1817 г., уже после фактического окончания колонизации, вести о достижениях Шеффера наконец достигли Санкт-Петербурга. Однако российское правительство в лице императора Александра I и министра иностранных дел К.В. Нессельроде отклонило предложение гавайского короля о подданстве: «Государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только

не может принести России никакой существенной пользы, но, напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами и потому его Величеству угодно, чтобы королю Томари изъявля всю возможную приветливость и желание сохранить с ним приятельные сношения, от него помянутого акта не принимать, а только ограничиться постановлением с ним вышеупомянутых благоприятельных сношений, в каковых они находятся с другими независимыми государствами» [3, л. 17–24].

Российско-американская компания вместо новой колонии получила убыток в 200 тыс. руб. и уволила Шеффера [5, л. 15–17], который тем не менее не прекращал попыток убедить правительство в выгоде приобретения Гавайских островов. Один из его аргументов звучал так: «...без занятия Сандвичевых островов мы лишимся колониальных наших владений на Северозападном берегу Америки и в скорости завладеют оными американцы Соединенных Штатов» [4, л. 24, 25], что можно считать сбывшимся плачевным прогнозом. Однако же ни доктору, ни русскому консулу в Маниле П. Добеллу, два года спустя предлагавшему схожий проект после посещения Гавайев [1], не удалось склонить государя принять их точку зрения.

Причин такого негативного отношения Александра I к присоединению островов могло быть несколько. Главная из них, очевидно, заключалась в политической ситуации в Тихоокеанском регионе, где в тот период, помимо России, присутствовали США и Великобритания. И если с американцами Россия на тот момент находилась в союзнических отношениях (с ними даже предполагалось начать переговоры о привлечении к Священному союзу [там же]), то Британская империя традиционно являлась одним из главных политических соперников России. Более того, сначала Александр I ошибочно полагал, что Британия имеет притязания на Гавайи, и даже если король Камеамеа действительно ранее подавал прошение о британском подданстве [4, л. 16–20], известно также, что в 1812 г. ему из Лондона было прислано письмо с отказом [там же]. Таким образом, можно прийти к выводу, что Александр I хотел сохранить статус-кво в регионе: не провоцировать Великобританию на усиление позиций в Тихом океане и не ссориться с американцами, также проявлявшими большой интерес к этому региону в виду географической близости. Кроме того, учитывался и непосредственный опыт колонизации Шеффера: как писал К.В. Нессельроде, «опыт подтверждает, сколько мало должно надеяться на прочность такого водворения» [4, л. 56–59], очевидно, подразумевая давление иностранцев, заставившее колонистов в итоге ретироваться.

Следующая причина, скорее всего, заключалась в огромном расстоянии до Гавайских островов, куда даже от Ново-Архангельска требовалось плыть более месяца [4, л. 16–20], и на что прямо было указано в замечаниях департамента мануфактур и внутренней торговли к записке Шеффера: «Мудрено будет устроить правительству мануфактуры на островах, в другом полушарии находящихся, которые от ближайших русских владений то-есть, Алеутских островов находятся почти за 2 000 верст, сии последние от Санкт-Петербурга за 12 000 вер., следовательно,

распоряжения по управлению сему будут насыщаться за 14 000 вер.» [там же].

Кроме того, ни императора, ни правление РАК явно не обрадовал тот факт, что весь процесс проходил без их ведома, его самостоятельный характер также был критически оценен в донесении главного правления компании, что можно понять хотя бы по ироничной фразе «заключил с безграмотным королем Томари письменную конвенцию» [5, л. 15–17] (при этом известно, что правитель Кауаи владел английским языком [1]), а также по замечанию «нескромное о себе мнение доктора Шеффера <...> не заслуживает опровержения» [4, л. 16–20]. Однако, вместе с тем, окончательная позиция РАК была заключена так: «Нельзя исключать той великой пользы не для одной компании, но вообще для России, каковую может приносить обладание тропическими Сандвичевыми островами, или хоть одним из них» [4, л. 29–34].

И, наконец, еще одна важная и, возможно, ключевая причина – это заморский характер колонии, тогда как исторически сложилось, что именно непосредственная территориальная доступность по суше и дислокация новых земель на рубежах государства делала необходимым принимать должные усилия по скорейшей их интеграции в организацию империи, в противном случае могла возникнуть угроза не только потерять эти земли, но и столкнуться с опасностью на своих границах. Этим фактором можно объяснить не только скепсис, с которым Александр I отнесся к перспективе протектората над одним из Гавайских островов, но и решение Александра II окончательно расстаться с Аляской, чему не стала преградой даже почти столетняя история Русской Америки – в виду своих огромных размеров, для России всегда оставался насущным вопрос сохранности именно своих сухопутных рубежей. И хотя на первый взгляд колониальная политика России в Тихоокеанском регионе и была наиболее похожа на классический колониализм других европейских империй, в полном значении этого слова он все же таковым не являлся, возможно, его правильнее будет называть территориальным экспансионизмом.

Таким образом, можно прийти к выводу, что именно в этом и заключалось главное противоречие колониальной политики Российской империи – создать Российско-Американскую компанию по образцу колониальных компаний других империй, но при этом относиться к своим колониям как к некой буферной зоне у своих границ, что, возможно, и привело в конечном счете к потере этих земель.

Литература и источники

1. Болховитинов, Н.Н. Русские на Гавайях (1803–1825). Т. 2: Деятельность Российско-Американской компании 1799–1825 / Н.Н. Болховитинов. – Москва: Международные отношения, 1999. – 368 с.
2. Царская Россия и Гавайские острова // Красный архив. – 1936. – № 5 (78). – URL: https://drevlit.ru/docs/world/XIX/1800-1820/Carsk_ross_gavajsk_ostrova/text.php (дата обращения: 12.03.2023).
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 18. – Оп. 5. – Д. 1231.

4. РГИА. – Ф. 18. – Оп. 5. – Д. 1239.
5. РГИА. – Ф. 18. – Оп. 5. – Д. 1209.

References

1. Bolkhovitinov, N.N. Russkie na Gavayakh (1803-1825). T. 2: Deyatelnost' Rossiisko-Amerikanskoi kompanii 1799-1825. [Russians in Hawaii (1803-1825). Vol. 2. Russian American Company Activity, 1799-1825.] / N.N.Bolkhovitinov. – Moscow: International relations, 1999 – 368 p.
2. Tsarskaya Rossiya i Gavayskie ostrova [Tsar Russia and Hawaiian Islands] // Red Archive. – 1936 – No. 5 (78). – URL: https://drevlit.ru/docs/world/XIX/1800-1820/Carsk_ross_gavajsk_ostrova/text.php (accessed: 12.03.2023)
3. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. – F. 18. – Op. 5. – D. 1231.
4. RGIA. – F. 18. – Op. 5. – D. 1239.
5. RGIA. – F. 18. – Op. 5. – D. 1209.

Информация об авторе:

Носихин Дмитрий Леонидович – аспирант 2 курса кафедры истории России Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; e-mail: dima999666000@mail.ru).

Author:

Dmitry L. Nosikhin – 2nd year postgraduate student of Department of Russian history, A.S.Pushkin Leningrad State University, (10, Petersburg highway, St.Petersburg, Pushkin 196605, dima999666000@mail.ru).

Для цитирования:

Носихин, Д.Л. Противоречия колониальной политики Российской империи, помешавшие колонизации Гавайских островов в начале XIX века / Д.Л. Носихин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 72–75.

For citation:

Nosikhin D.L. Contradictions of the colonial policy of the Russian Empire that prevented the colonization of the Hawaiian Islands at the beginning of the XIX century / D.L.Nosikhin // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – No. 5(63). – P. 72-75.

Дата поступления статьи: 30.03.2023

Прошла рецензирование: 12.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 30.03.2023

Reviewed: 12.04.2023

Accepted: 16.06.2023

Князь Петр Долгоруков в вятской ссылке (1843–1844 года)

В.А. Бердинских

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
bva.prof@mail.ru

Аннотация

В статье, основанной на широком круге архивных и печатных источников, раскрыты неизвестные подробности пребывания в вятской ссылке 1843–1844 гг. известного либерала и генеалога князя Петра Долгорукова. Показаны ошибки и искажения воспоминаний Александра Герцена о князе. Высказаны предположения о публикациях Долгорукова в Вятке той эпохи.

Ключевые слова:

князь Петр Долгоруков, либерал и генеалог, вятская ссылка, Александр Герцен, первые публикации Петра Долгорукова, ошибки Герцена в рассказах о вятской ссылке Долгорукова

Prince Pyotr Dolgorukov in Vyatka exile (1843–1844)

V.A. Berdinskikh

Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktyvkar
bva.prof@mail.ru

Abstract

The paper, based on a wide range of archival and printed sources, reveals unknown details of the well-known liberal and genealogist Prince Pyotr Dolgorukov's stay in Vyatka exile in 1843–1844. Errors and distortions of Alexander Herzen's memories of the prince are shown. Assumptions are made about Dolgorukov's publications in Vyatka of that epoch.

Keywords:

Prince Pyotr Dolgorukov, liberal and genealogist, Vyatka exile, Alexander Herzen, the first publications of Pyotr Dolgorukov, Herzen's mistakes in stories about Dolgorukov's Vyatka exile

Личность Петра Владимировича Долгорукова (1816–1868) является во многом загадкой для историков. Представитель древнейшего княжеского рода, владелец большого состояния, человек гордящийся тем, что он родом из царя, стал соратником А.И. Герцена, либералом-аристократом. Свободолюбие уживалось в нем с барской деспотичностью, ум и талант генеалога с тщеславием и заносчивостью, гаерством и скандальностью поведения.

Период его вятской ссылки в 1843–1844 гг. остается до сих пор неосвещенным в литературе. В лучшем до сих пор исследовании о Долгорукове начала 1930-х гг. историка С.В. Бахрушина этому эпизоду посвящено лишь несколько строк [1]. Осветить вятский период жизни по сохранившемуся личному делу ссылочного князя – задача данного очерка.

Для понимания этого человека важно обратиться к кратким вехам его биографии. Казалось бы, он реально родился для самой блестящей карьеры. Этому благоприятствовало все: знатное имя, фамильные связи, значительное состояние. Но во время родов умирает мать, а недолго после этого – отец. Круглый сирота. Простор для последователей доктора Фрейда.

До 10 лет мальчика воспитывала бабушка. После ее смерти Петю отдали в Пажеский корпус, где тот блестяще учился, но за девиантное поведение (нетрадиционная ориентация) был разжалован из камер-пажей в пажи и выпущен с плохим аттестатом, перекрывшим возможности любой карьеры [2]. Фиктивная должность при Министерстве народного просвещения явно ничего не обещала в будущем этому тщеславному честолюбцу.

По отзывам очевидцев того времени, князь был нехорош собой, маленького роста, неказистого сложения, хромал (отсюда его прозвище в свете – «колченогий», естественно, на французском). Князь был очень несдержан, груб, причем малейшее противоречие выводило его из себя. Он считал для себя все дозволенным и не стеснялся в средствах для достижения своих целей. В 1830-е гг. жил какое-то время в Москве вместе с другим такого рода «шалуном» князем И.С. Гагариным [3]. Они были друзьями Луи Геккерна.

Другой вятский ссылочный той эпохи А.И. Герцен, неплохо относившийся к князю и сотрудничавший с ним за границей, писал в «Былом и думах»: «Князь Долгоруков принадлежал к аристократическим повесам в дурном роде, которые уж редко встречаются в наше время. Он делал всякие проказы в Петербурге, проказы в Москве, проказы в Париже. На это тратилась его жизнь. Это был избалованный, дерзкий, отвратительный забавник, барин и шут вместе» [4].

В 1860-х гг. в России стала распространяться версия, что именно Петр Долгоруков в 1837 г. написал анонимные письма и диплом рогоносца, приведшие к дуэли и гибели А.С. Пушкина. Так это или нет – сказать сложно. Экспертизы противоречивы. Сам князь это категорически отрицал. Но согласимся с князем П. Вяземским – не доказано, но Долгоруков мог такое сделать.

С 1938 г. князь (по его словам) занялся дворянскими родословными и в течение ряда лет подготовил и опубликовал «Сказание о роде князей Долгоруковых» (1840),

«Российский родословный сборник» (книги 1–4, 1840–1841). Материалы последней стали основой для четырех томов «Российской родословной книги» (1854–1857). Последнее издание – крупнейший российский генеалогический справочник XIX в., сохраняющий свое значение по сей день.

Такая большая продуктивность князя, человека светского, может быть связана не только с его трудолюбием и талантом генеалога, но и с тем, что ему удалось через своего друга И. Гагарина свести знакомство с мужем его тетки пожилым антикваром П.Ф. Карабачевым (1767–1851). Последний много лет делал выписки из разрядных книг и архивов, но ничего не успел опубликовать, а посему (по словам князя) передал ему свои архивы. Использовал он также многие материалы из разрядных книг московских архивов, сделанные за 30 лет работы архивистом М.Г. Спиридовым. Большое состояние позволяло Долгорукову не стесняться в тратах на любые свои нужды.

Работа князя в частных личных архивах знатнейших фамилий России, куда ему, как своему по крови, доступ был открыт, также существенно обогатила архивы и книги Долгорукова уникальными частными документами, слухами, сплетнями и прочей более нигде не сохранившейся личностной информацией. «Я знавал много стариков, – писал он впоследствии в эмиграции о своих занятиях родословными русской знати, – я всегда любил вызывать их на разговоры, слушать их, записывать их рассказы; воспоминания некоторых из них шли далеко назад и часто основывались на воспоминаниях других стариков, которых они сами знавали в отдаленные дни своей молодости. <...> Явись к большей части таких людей человек, занимающийся историей, хоть будь Тацитом или Маколем, ему бумаг этих не сообщат... Но явись человек, хотя бы ума ограниченного, только занимающийся родословными, и ему поспешат всё показать и всё сообщить» [5].

В 1841 г. Долгоруков прибыл в Париж для расширения кругозора, и в 1842 г. под псевдонимом граф Альмагро издал там на французском языке небольшое сочинение «Заметка о главных фамилиях России», где сообщил ряд остро сатирических и порочащих фактов о родоначальниках важнейших аристократических родов России, а также о Петре I. Другое издание этой книги с прямым указанием на авторство Долгорукова вышло в Брюсселе. Смысл сочинения французские газеты увидели в том, что «свобода в России очень древняя, а деспотизм нов».

Свое негодование на вольнодумца агент русских властей в Париже граф Яков Толстой (бывший за имиджем русского царя во Франции) сумел довести до Николая I. Немедленно через русское посольство в Париже автору было предложено вернуться в Россию. Долгоруков, видимо, не ожидал такого поворота событий и поспешил подчиниться. Его делом занялись лично царь Николай I и глава III Отделения А.Х. Бенкендорф. 21 марта 1843 г. князь выехал из Парижа. По прибытии в Кронштадт он был арестован и заключен в III Отделение. Следствие не показало ничего более существенного, и 20 мая состоялось распоряжение царя отправить опального генеалога в Вятку на службу.

В Центральном государственном архиве Кировской области хранится дело, заведенное на князя в период его ссылки. Называется оно так: «Дело по предписанию Госпо-

дина Министра Внутренних дел о высылке в Вятку князя Долгорукова» [6]. Начато в Вятке 19 июня 1843 г., а закрыто 6 июня 1844 г. Дело открывается отношением с грифом III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. В этом отношении от 21 мая 1843 г., написанном круглым внятным почерком столичного писца, сказано: «Государь Император высочайше повелеть соизволил: коллежского секретаря князя Петра Долгорукова отправить на жительство в Вятку, с тем, чтобы он был определен там на службу и состоял под особенным наблюдением начальника губернии» [6, л. 1].

Все здесь четко и понятно: провинившегося аристократа наказывают ссылкой в полюбившуюся для этих целей императору Вятку. Но, учитывая знатную родню и сам характер проступка князя, наказывают его не слишком сурово. Далее в отношении указано, что о прибытии Долгорукова в Вятку и назначении его на какую-либо должность губернатор должен немедленно уведомить III Отделение.

Процедура была отлаженная. Алгоритм общий. Вспомним, что именно здесь в 1835–1837 гг. жил в ссылке и служил в губернском правлении переводчиком А.И. Герцен, а в 1835–1840 гг. – ссыльный архитектор А.Л. Витберг. Из именитых вятских ссыльных последующего времени наиболее известен М.Е. Салтыков-Щедрин, служивший чиновником по особым поручениям при губернаторе в 1848–1855 гг.

Скорее всего молодой и скандальный по характеру Петр Долгоруков (26 лет от роду) не ожидал даже такой кары, думая что ему все удалось объяснить при личной встрече с царем. Поэтому, когда ему 21 мая 1843 г. было объявлено о ссылке в Вятку, в ярости написал очень дерзкое письмо Бенкендорфу с просьбой довести текст письма и до царя, что было очень небезопасно по характеру упрямого и мстительного Николая Павловича.

Он писал так: «Ваше сиятельство, Милостивый Государь, граф Александр Христофорович. Прошу у вашего сиятельства дозволения представить Вам (и весьма бы мне желательно было видеть доведенным это до Высочайшего сведения), что на счет определения моего на службу в Вятку, определение это нарушает закон о дворянстве, коим представлено право каждому дворянину служить или не служить. Закон сей помещен в Своде законов, изданном по велению Государя Императора. Насчет ссылки моей за издание книги, наипольнейшей для русского дворянства, покоряюсь без ропота воле Бога и Государя, и куда бы меня не заточили, в Вятку ли, в Нерчинск ли, в крепость ли, хотя на всю жизнь, я всякое несчастье приму с покорностью, как тяжкое испытание, ниспосланное мне Богом, а судить меня с Государем будут Бог и потомство» [7].

Это не просто вызывающее письмо, это открытое оскорбление. Князь играл с огнем. По горячности своей он не просто гаерничал, а определенно нарывался на неприязни. Кое не замедлили последовать немедленно. Доктору Рихтеру было дано приказание освидетельствовать в здравом ли уме князь Долгоруков. Царь, видимо, считал, что человек в здравом уме такого опасного для себя письма не напишет. Если мы вспомним судьбу П.Я. Чаадаева, объявленного по высочайшей воле помешанным (1836), то увидим реальную опасность для Долгорукова в такой

процедуре. Но доктор после освидетельствования признал генеалога в здравом уме. Возможно, деньги и влиятельная родня помогли замять скандал.

И 25 мая 1843 г. князь вместе с жандармом и вторым отношением III Отделения оправляется к месту ссылки. Дерзость не прошла даром, хотя от службы ссылку освободили. Вот текст этого второго отношения за подписью графа Бенкендорфа. «Государь Император в отмену распоряжения, о коем я сообщил вам, М.Г. от 21 числа сего мая № 827 Высочайше повелеть соизволил: коллежского секретаря князя Петра Долгорукова не считать в службе, а жить в Вятке под самым строгим полицейским надзором, с тем, что если он дозволит себе хотя наималейшее зловерное выражение или действие, то вы обязываетесь немедленно арестовать его, не допуская никаких сношений с другими, и в то же время донести мне о том, для всеподданнейшего доклада Государю Императору и ожидать новых по сему предмету повелений» [6, л. 2]. Ясно виден раздраженный и гневный тон второго послания, особенно в сравнении с первым. Царь даже желает какой-то формальной зацепки или повода, чтобы похотев расправиться со злоязычным Рюриковичем.

3 июня 1843 г. Долгоруков прибывает в Вятку. Дорога его продолжалась 9 дней. Что очень быстро по тем временам. В ту эпоху проезжающих в Вятке было мало. Путешествовали, в основном, по делам службы. Так, с 1 по 16 июня 1843 г. в Вятку приехало 13 чел., а выехало – 12. Как мы видим, своей персоной князь нарушил полное равновесие приезжающих и отъезжающих (списки таковых печатались в единственной местной газете «Вятские губернские ведомости», кою организовывал в недавние года другой ссылный – А.И. Герцен). В номере 24 от 19 июня 1843 г. читаем: «Приехавшие в город Вятку с 1 по 16 июня 1843 года. Корпуса жандармов подполковник Андреев, Советник Вятской Казенной палаты Макаров, князь Долгоруков...» [8].

Стоит вспомнить, что А.Х. Бенкендорф планировал послать с Долгоруковым жандармского унтер-офицера, а приехал вместе с князем целый подполковник. Этот высший жандармский чин Вятской губернии станет вскоре близким и задушевым другом князя. Его рапорты в III Отделение будут всегда благоприятны для Долгорукова. И в конце своей ссылки последний будет аттестовать его в частном благодарственном письме Бенкендорфу «как милого и честного человека, внушившего мне чувство уважения и дружбы, которые я сохранию навсегда» [7, с. 159]. Трогательная дружба... Но бескорыстная ли?

Во время ссылки все письма от князя и к князю проходили через III Отделение. Основным занятием ссылного, вероятно, являлось чтение книг. Багаж книг, привезенный из Парижа, был отобран при аресте и отдан в комитет иностранной цензуры. Очевидно, все они на французском языке. Из них – задержано 15 книг. Причем пять как недозволенные, а десять как еще нерассмотренные цензорами к июню. В начале июня список книг из багажа князя пришел в Вятку вместе с предписанием III Отделения выдать книги владельцу. Сами же книги не прибыли. Они задержались где-то в недрах III Отделения. Вятский губернатор терпеливо ждал и лишь 16 июля (скорее всего, по настойчивой просьбе князя) робко довел до сведения

Бенкендорфа, что книги так и не присланы в Вятку. Тот, видимо, отдал распоряжение, и лишь 2 августа 1843 г. «тюк обернутый в рогожу» с книгами прибыл в Вятку и вручен ссылке [6, л. 11–11 об.].

Для местных властей родовитый ссылный с большими связями при Дворе – источник постоянного беспокойства. Они, нам кажется, не знали, как себя с ним вести. С одной стороны, он сослан по личному приказу царя, с другой – он человек высшего общества и его родственники сильны при Дворе. Неизвестно, как ситуация повернется завтра. Следовало угодить III Отделению и не раздражать состоятельного князя, обладавшего непростоим характером самодура.

В Вятке князь заводит широкие знакомства в среде высших местных чиновников. Вятский полицмейстер обращается в связи с этим 17 октября 1843 г. с рапортом к губернатору. Он пишет: «... князь Долгоруков, заведя знакомство в некоторых домах в прошедшее воскресенье угощал знакомых у себя званым обедом и, как я стороною извещался, намеревается завести наряду с прочими званые вечера; а как сбор у него разных лиц, да и самое посещение его их может быть принято правительством за предосудительное и в последствии пасть нашу ответственность, то я вынужденным нахожусь довести о сем до сведения вашего высочородия и покорнейше просить <...> должно ли наперед дозволить князю Долгорукову продолжать заведенные им в городе знакомства с чиновниками и жителями, так равно и приглашать их к себе на угощения» [там же, л. 18].

Ответственности боялся не только полицмейстер, но и губернатор. Он боялся своей властью запретить это, боялся и разрешить. Поэтому 6 ноября он послал министру внутренних дел запрос. «Занимаясь с того времени и доселе преимущественно чтением книг, князь Долгоруков познакомился с местными высшими чинами: председателем Палаты, управляющим Палатой государственных имуществ и другими, всего до 7 человек и бывал у них по вечерам на вист, а некоторых лиц принимал у себя на квартире сперва на обед, а потом на вечер» [там же, л. 20]. Далее он спрашивает указаний начальства о том, должно ли разрешить князю продолжать знакомства или запретить.

В столице, между тем, гнев на Долгорукова, видимо, утих, и 4 декабря от министра внутренних дел приходит ответ: «Принимая во внимание, что князь Долгоруков вошел в круг знакомств в лучшем вятском благородном обществе, причем ведет себя весьма скромно и хорошо, и нет ничего предосудительного в приеме как к себе гостей, так и обычном времяпрепровождении <...> я по сношению с генерал-адъютантом графом Бенкендорфом, уведомляю вас, что высланному в Вятку под надзор полиции князю Долгорукову не следует запрещать иметь знакомство с тамошним обществом, тем более, что нигде и сам князь Долгоруков не может столько удерживаться от дурных поступков и нигде не может быть лучшего надзора за ним и лучших примеров ему, как в кругу высшего общества» [там же, л. 21]. Таким образом, Долгоруков получил право свободного общения с местными жителями.

По словам князя, еще с 1838 г. он начал собирать материалы и писать книгу «История России от воцарения Дома Романовых до кончины Александра I». Прежде всего он собрал много материалов об эпохе Петра I. Еще в Париже

до отъезда он использовал воспоминания иностранцев, хранящиеся в Парижской библиотеке, в том числе записки адъютанта Петра I – Вильбуа. После этого мнение князя о Петре I коренным образом изменилось.

В деле Долгорукова в архиве III Отделения сохранилась записка Л. Дубельта (правой руки Бенкендорфа), относящаяся ко времени следствия о нем весной 1843 г., следующего содержания: «Граф Бенкендорф приказал объявить князю Долгорукову по Высочайшему повелению, что невероятно, чтобы он сжег манускрипт "Истории Петра I", и чтобы не надеялся никакой перемены своей участи, доколе рукопись не будет представлена Государю» [7, с. 154]. Скорее всего, эту рукопись Долгоруков не сжег, но и царю не выдал. Николай I очень болезненно относился к любой негативной информации о Доме Романовых.

Видимо, и в Вятке генеалог продолжал свои исследования. Имея отличную память, он мог и без бумаг помнить свою рукопись. Скорее всего, большая работа «Воспоминания о Петре Великом», помещенная в №№ 18, 19, 23, 24 «Прибавлений к Вятским губернским ведомостям» за 1844 год, написана им. В № 15 за этот же год помещены в разделе «Смесь» «Анекдот о Петре Великом. Пророчество Екатерины о благословенном Александре. Достопамятный ответ Екатерины. Мудрый ответ боярина Шереметева». Эти небольшие, в несколько строчек рассказы являются историческими анекдотами.

Вместе с тем, по смыслу они не очень почтительны к царям, порой двусмысленны. В пользу авторства П. Долгорукова говорят следующие обстоятельства. Во-первых, работа «Воспоминания о Петре Великом» не подписана никем, тогда как основная часть материалов «Вятских губернских ведомостей» всегда подписывалась. Нередко это перепечатки из столичных изданий. Во-вторых, рукопись написана человеком очень глубоко изучавшим данную тему, причем изучавшим по воспоминаниям современников. Найти второго такого автора в Вятке было невозможно. В-третьих, автор критически относился к деятельности Петра I и в своей критике повторял некоторые моменты, уже высказанные Долгоруковым в книжке «Заметка о главных фамилиях России». Он выделял в русской истории двух «Могучих государей: Михаила Федоровича, избранного Собором всей Русской Земли, и Алексея Михайловича, издавшего Уложение».

Такое подчеркивание, что Михаил Федорович был избран Земским собором, что Алексей Михайлович также прибегал к их помощи и правил, руководствуясь законами, а не личными прихотями, очень характерно для Долгорукова. Одна из идей его сочинения, изданного в Вятке, такова: Петр I велик в своей деятельности, но, может быть, он принес больше вреда, чем пользы. «Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство <...>. Ему не нравилось прошедшее России» [9]. Для автора этой статьи, видимо, ясно, что царь Петр основал в России деспотизм. Именно к этой мысли он подводит читателя.

В своих записках, созданных за границей на склоне дней, будучи совершенно свободным в высказываниях, князь пытается совместить темную и светлую ипостаси в деятельности царя Петра: «Петр, дико жестокий в минуты гнева, необузданный во всем, был полон пороков. В душе

его не было ничего святого, кроме великой цели, которой он отдал всю свою могучую жизнь, – цели обратить Россию в культурное государство» [10].

Вместе с тем, в газетной статье ссыльного князя таких резких пассажей нет. Пером специалиста освещается быт Петра I, образ его жизни, праздники, кои он устраивал. Эта работа печатается в номерах вятской газеты от 29 апреля, 6 мая и, спустя длительный промежуток, от 3 июня и 10 июня. Долгоруков же был освобожден от ссылки еще 11 марта 1844 г. Но из-за весенней распутицы он выехал в Москву через Казань, получив подорожную, лишь 23 мая сего года. Задержка в печатании двух оставшихся частей работы может быть как раз объяснена отъездом автора.

Показательно, что об освобождении от ссылки П.В. Долгоруков вначале узнал из очень доброжелательного частного письма А.Х. Бенкендорфа к нему, а затем уже из официального источника. В скором освобождении от ссылки князю, вероятно, помогло то, что вызванный, подобно Долгорукову, другой знатный публицист (И.Г. Головин) предпочел остаться за границей.

11 марта 1844 г. А.Х. Бенкендорф писал Долгорукову: «Милостивый Государь, Петр Владимирович. По случаю неприбытия по сие время Головина из-за границы, он предан суду и при сем случае Государь Император изволил отозваться, что Его Величество не упускал и не упустит из памяти, с какой готовностью и поспешностью ваше сиятельство исполнили по тому же предмету волю Его Величества. В уважение сих верноподданнических чувств, как равно и в уважение вашего отличного поведения и скромной жизни в Вятке, Государь Император всемилостивейшее дозволяет вашему сиятельству жить в Москве, так и во всех губерниях, исключая Петербурга, и (сверх того) разрешить соизволил вступить вам в службу, ежели на это изъявите желание» [7, с. 158].

В ответном благодарственном письме Бенкендорфу, столь же радушном, князь, впрочем, вступать в службу отказался, ссылаясь на расстроенное здоровье. Мировоззрение его во время ссылки изменилось мало. Он полагал, что до высоких чинов сможет дослужиться лишь через много лет при нынешнем порядке производства в чины, тогда как деды его и дяди становились генералами, не достигнув и 30 лет. Кстати и само вроде бы частное письмо Бенкендорфа и ответ Долгорукова сохранились в его личном деле в недрах III Отделения [там же, с. 159].

Официальное письмо (об освобождении князя от ссылки) министра внутренних дел Вятскому губернатору от 14 марта 1844 г. содержало примерно те же пассажи, что и письмо Бенкендорфа, хотя было более сухим и официальным по тону. 28 марта вятский полицмейстер объявил его Долгорукову и взял с него подписку, в коей князь лично написал мелким корявым почерком: «Всемилоостивейшее повеление, коим дозволяется мне жить везде, кроме С. Петербурга, мне было уже известно чрез письмо, коим удостоил меня граф А.Х. Бенкендорф, от 11 марта. Вступить же в службу мне здоровье не позволяет. Коллежский секретарь князь Петр Долгоруков» [6, л. 126].

Память о вятской ссылке засела в его голове надолго. Возможно, единственный широко известный портрет молодого П.В. Долгорукова сделан был именно в Вятке мест-

ным художником-разночинцем Дмитрием Яковлевичем Чарушиным (1813-1900), обучавшемся рисунку и живописи у другого вятского ссыльного Александра Лаврентьевича Витберга в 1837-1840 гг. По стилю очень на то похоже. Но вопрос требует дальнейшего изучения.

В беседах с А.И. Герценом тема Вятки, вероятно, всплывала нередко. Герцен за два с половиной года вятской ссылки (1835-1837) узнал местных жителей достаточно хорошо. Именно князь потешил Герцена невероятным рассказом, о том, как перед отъездом из ссылки он дал званый обед местному чиновничеству, накормив их замечательно вкусным мясным пирогом, о чем Герцен вспомнил в «Былом и думах»: «Долгоруков обещал их накормить каким-то неслыханным пирогом. Пирог был, действительно, превосходен и исчезал с невероятной быстротой. Когда остались одни корки Долгоруков патетически обратился к гостям и сказал: "Не будет же сказано, что я, расставаясь с вами, что-нибудь пожалел. Я велел вчера убить моего Гарди для пирога". Чиновники с ужасом взглянули друг на друга и искали глазами знакомую всем датскую собаку: её не было. Князь догадался и велел слуге принести бренные остатки Гарди, его шкуру; внутренность была в пермских (Герцен ошибся – надо «вятских» – В.Б.) желудках. Полгорода занемогло от ужаса» [4, с. 262]. По Герцену, князь так начудил в Перми перед отъездом своим на новое место ссылки в Верхотурье.

Этот эпизод – чистой воды фейк, придуманный князем на склоне лет, чтоб потешить знакомых. Ни один вятский источник не подтверждает такое событие. Между тем, оно поразило бы современников, как гром среди ясного неба и помнилось бы долгие десятилетия после на фоне скудной на происшествия местной жизни. Почти все в этом рассказе перепутал и Герцен на склоне лет. Он перенес событие в Пермь, где Долгоруков ни разу в жизни не бывал, а также присочинил много вовсе невероятного (например, про отправку П. Долгорукова из Перми в Верхотурье).

Вероятно, в его памяти смешались рассказы про другого вятского ссыльного отставного гвардии капитана князя Михаила Михайловича Долгорукова, сосланного в Вятку в мае 1831 г. за жестокое обращение со своими дворовыми людьми. В августе того же года у него отобрали всех дворовых, а в апреле 1832 г. его перевели в Пермь, откуда сослали в 1841 г. в Екатеринбург. По дороге в Екатеринбург он и умер в Верхотурье [там же, с. 380, 381].

После ссылки П.В. Долгоруков жил в своем тульском имении, занимаясь генеалогическими трудами и изредка выезжая в Москву. В 1846 г. он женился и на свет появился сын Владимир. Брак не был удачным, но к сыну он относился хорошо, хотя взаимности тут, скорее всего, не было. Супруги не ладили друг с другом, а с 1859 г. жили раздельно, сына воспитывала мать. С большим трудом и не с первого раза князю удалось добиться права жить в Петербурге в 1852 г. Его либеральные проекты, кои он, будучи крайне честолюбив, предлагал реформаторам и царю Александру II, не пришлись ко двору. И в 1859 г. он тайно выехал за границу через Одессу, начав оттуда вместе с Герценом «дразнить гусей» новой эпохи с разоблачениями русских порядков в своих злоязычных изданиях. Личное

состояние (кроме поместий) он предусмотрительно перевел за границу.

Уже в мае 1859 г. ему предложили срочно вернуться в Россию под угрозой лишения гражданских прав и ссылки в Сибирь. Князь ответил издевательским отказом. Своему кузену, князю В.А. Долгорукову – шефу III Отделения, он послал фотографию с предложением сослать ее в Вятку или Нерчинск «по вашему выбору, а сам я – уж извините – в лапы вашей полиции не попадусь» [5, с. 28]. Имена его по распоряжению правительства были секвестированы, но вскоре переданы его сыну, на время малолетства коего над ними учреждена была опека. А в 1861 г. постановлением Сената П. Долгоруков был приговорен к лишению княжеского титула, прав состояния и вечному изгнанию.

Его генеалогические труды так же, как и частная история Дома Романовых, представляют и по сей день существенный научный интерес, поскольку в значительной мере основаны на личных архивах русской знати. Его взгляд на события русской жизни далек от официоза и очень широк по диапазону, хотя часто крайне субъективен.

В предисловии к своим запискам П.В. Долгоруков писал: «... записки мои вместе с тем будут интимной хроникой русского Двора и главных семейств и лиц, причастных к истории последних десяти царствований... Я знал очень много стариков, всегда старался вызвать их на разговор о прошлом и тщательно записывал их рассказы <...>. Я жил и в русских столицах и в губернских городах, жил и в деревне; был в ссылке, теперь объявлен изгнанным из России. Мне приходилось говорить с лицами всех общественных положений, с людьми государственными, влиявшими на ход исторических событий, и с простыми крестьянами. Мне удалось собрать о России XVIII века подробности еще неизданные, но полные интереса и значения» [10, с. 8]. И всё это, действительно, так!

Литература

1. Бахрушин, С.В. Республиканец – князь Петр Владимирович Долгоруков / С.В. Бахрушин // Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860–1867. – Москва, 1992. – С. 5-110.
2. Клейн, Л.С. Другая любовь: природа человека и гомосексуальность / Л.С. Клейн. – Москва, 2000. – С. 548.
3. Эйдельман, Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать / Н.Я. Эйдельман. – Москва, 1984. – С. 254–300. Раздел «Долгоруковские бумаги».
4. Герцен, А.И. Былое и думы. Часть вторая. Тюрма и ссылка / А.И. Герцен // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / под ред. М.К. Лемке. Т.12. – Пг., 1919. – С. 261, 262.
5. Долгоруков, П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860–1867 / П.В. Долгоруков. – Москва, 1992. – С. 28, 99.
6. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). – Ф. 582. – Оп. 128 б. – Д. 45. – 29 л. Дело по предписанию Господина Министра Внутренних дел о высылке в Вятку князя Долгорукова; Л. 1; Л. 2; Л. 11–11 об.; Л. 18, Л. 20; Л. 21; Л. 26.

7. Лемке, М.К. Князь П.В. Долгоруков в России / М.К. Лемке // Былое. – 1907. – № 2. – С. 154, 155, 158, 159.
8. Вятские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1843. – № 24. – 19 июня. – С. 116.
9. Воспоминания о Петре Великом // Прибавления к Вятским губернским ведомостям. – 1844. – №№ 18, 23, 24.
10. Долгоруков, П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: из записок князя П.В. Долгорукова / П.В. Долгоруков. – Москва, 1997. – С. 7, 8.
4. Herzen, A.I. Byloe i dmy. Chast vtoraya. Tyurma i ssylka [Past and thoughts. Part 2. Prison and exile] / A.I. Herzen // Herzen A.I. Complete Works and Letters. – Ed. M.K. Lemke. – Vol.12. – Pg., 1919. – P. 261, 262.
5. Dolgorukov, P.V. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta 1860–1867 [Petersburg essays. Pamphlets of an emigrant 1860–1867] / P.V.Dolgorukov. – Moscow, 1992. – P. 28, 99.
6. Centralnii gosudarstvennii arhiv Kirovskoi oblasti (TsGA-KO) [Central State Archive of the Kirov Region]. – F. 582. – Op. 128 b. – D. 45. – 29 l. The case under the order of the Minister of the Interior for the deportation of Prince Dolgorukov to Vyatka; L. 1; L. 2; L. 11–11 ob; l. 18, l. 20; l. 21; l. 26.
7. Lemke, M.K. Knyaz' P.V. Dolgorukov [Prince P.V.Dolgorukov in Russia] / M.K. Lemke // Past. – 1907. – No. 2. – P. 154, 155, 158, 159.
8. Vyatskie gubernskie vedomosti. Chast' neoficialnaya [Vyatka Provincial Gazette. Unofficial part]. – 1843. – No. 24. – June 19. – P.116.
9. Vospominaniya o Petre Velikom // Pribavleniya k Vyatskim gubernskim vedomostyam [Memories of Peter the Great //Additions to the Vyatka Provincial Gazette]. – 1844. – Nos. 18, 23, 24.
10. Dolgorukov, P.V. Vremya imperatora Petra II i imperatritsy Anny Ioannovny: iz zapisok knyazya P.V. Dolgorukova [Time of Emperor Peter II and Empress Anna Ioannovna: from the notes of Prince P.V. Dolgorukov] / P.V. Dolgorukov. – Moscow, 1997. – P. 7, 8.

References

1. Bakhrushin, S.V. Respublikanets – knyaz' Petr Vladimirovich Dolgorukov [Republican – Prince Pyotr Vladimirovich Dolgorukov] / S.V. Bakhrushin // Dolgorukov P.V. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta 1860–1867 [Petersburg essays. Pamphlets of an emigrant 1860–1867]. – Moscow, 1992. – P. 5–110.
2. Klein, L.S. Drugaya lyubov': priroda cheloveka i gomoseksualnost' [Another Love: Human Nature and Homosexuality] / L.S.Klein. – Moscow, 2000. – P.548
3. Eidelman, N.Ya. Herzen protiv samoderzhaviya. Sekret-naya politicheskaya istoriya Rossii XVIII-XIX vekov i Vol'naya pechat' [Herzen against autocracy. The Secret Political History of Russia in the XVIII-XIX centuries and the Free Press] / N.Ya. Eidelman. – Moscow, 1984. – P. 254–300. Section "Dolgorukov papers".

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (№ государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторе:

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Author:

Viktor A. Berdinskikh – Dr. Sci. (History), chief researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. e-mail: bva.prof@mail.ru).

Для цитирования:

Бердинских, В.А. Князь Петр Долгоруков в вятской ссылке (1843–1844 года) / В.А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 76–81.

For citation:

Berdinskikh, V.A. Prince Pyotr Dolgorukov in Vyatka exile (1843–1844) / V.A. Berdinskikh // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 76–81.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 09.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 09.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Предпринимательство купечества Европейского Севера России во второй трети XIX века: возможности и риски (на примере Вологодской губернии)

И.И. Лейман

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
irinaleyman@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются различные, помимо торговли и промышленности, формы предпринимательства купечества Европейского Севера России во второй трети XIX в. на примере Вологодской губернии. Основным источником стали публикации в «Вологодских губернских ведомостях» за 1838–1860 гг. По итогам анализа материалов можно выделить страховое дело, аренду недвижимости, кредитование частных лиц и др. Также были отмечены различные сопутствующие риски предпринимательской деятельности купцов, такие как порча оборудования на предприятиях вследствие пожара или стихийных бедствий, неплатежи за товары или по кредитам, гибель грузов при транспортировке и т.д. Следствием неэффективного обращения финансовых средств могли стать аукционная продажа движимого или недвижимого имущества купца для покрытия долгов; объявление купца «несостоятельным должником»; переход в мещанство. В случае совершения купцом преступления или проступка частью уголовного наказания являлось лишение доброго имени.

Ключевые слова:

предпринимательство, купечество, Европейский Север России, «Вологодские губернские ведомости»

Merchant entrepreneurship in the European North of Russia in the second third of the XIX century: opportunities and risks (case study of the Vologda province)

I.I. Leyman

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
irinaleyman@gmail.com

Abstract

The paper considers, in addition to trade and industry, various forms of entrepreneurship of the merchants in the European North of Russia in the second third of the XIX century, case study of the Vologda province. The main source was publications in the Vologda Provincial Gazette for 1838–1860. Based on the results of the analysis of materials, it is possible to single out: insurance business; rental property; private lending, etc. Various concomitant risks of entrepreneurial activity of merchants were also noted, such as: damage to equipment at enterprises due to fire or natural disasters; non-payments for goods or loans; loss of cargo during transportation, etc. The consequence of the inefficient circulation of financial resources could be the auction sale of the merchant's movable or immovable property to cover debts; declaring a merchant "an insolvent debtor"; transition to philistinism. If the merchant committed a crime or misdemeanor, the deprivation of a good name was part of the criminal punishment.

Keywords:

Entrepreneurship, merchants, European North of Russia, Vologda Provincial Gazette

Предпринимательство – это обращение финансовых средств ради получения прибыли и условие формирования торгового капитала [1, с. 223]. Вторая треть XIX в. во многом является рубежным периодом развития отечественного предпринимательства: с одной стороны, начался процесс общей модернизации экономики страны, связанный с промышленным переворотом, с другой – обнажился целый комплекс противоречий, тормозивший дальнейшее развитие данной сферы деятельности и требовавший серьезных структурных преобразований, которые будут осуществлены уже в эпоху Великих реформ в 1860–1870-е гг.

Если в первой половине XVIII в. развитие производительных сил и торговли существенно ограничивалось

состоянием транспортной инфраструктуры и наличием внутренних таможен, то уже во второй половине XVIII в. внутренние таможи были ликвидированы, набирала обороты протекционистская политика правительства, была осуществлена сословно-податная реформа, ставшая катализатором дальнейшего становления предпринимательства в Российской империи [1, с. 327; 2, с. 184]. В первой половине XIX в. формирование внутреннего и внешнего рынков, усиление товарно-денежных отношений, рост частного предпринимательства во многом были поддержаны реформами Александра I, а также рядом законодательных решений Николая I [3]. Однако в силу больших размеров территории и различной плотности населения

указанные тенденции оказались более заметны центральной части Российской империи. В общем же плане наблюдались дробность промышленного производства; малая специализация внутреннего рынка; множество посредников при переходе товара от производителя к потребителю; медлительность торгового оборота, обусловленная недостатками системы путей сообщений и несовершенством системы кредитования [4, с. 55; 5, с. 172; 6, с. 86]. Тем не менее для данного периода в целом характерны рост частного капитала и резкое повышение его активности, в том числе вложение в промышленное производство [7, с. 126, 173]. Центральной фигурой в этих процессах выступал «купец-скупщик продукции крестьянских и дворянских мануфактур, посредник между производителями и розничными торговцами» (что можно рассматривать в качестве инвестиционной функции) [7, с. 233]. Интересно отметить, что решение основных задач из области предпринимательства требовало от купечества работы и над вспомогательными, к примеру, развитием транспортной инфраструктуры.

Безусловно, торговля и промышленность являются одними из основных направлений предпринимательской деятельности купечества в дореформенной России. Однако уже во второй трети XIX в. начинают набирать обороты и другие направления, которые, в большинстве своем, хотя и не стали доминирующими в общем комплексе занятий купцов, но тем не менее продемонстрировали расширение возможностей предпринимательства, в том числе и в отдаленных регионах Российской империи, в числе которых – Европейский Север России (и, в частности, Вологодская губерния). В совокупности указанные явления можно рассматривать как дополнительное свидетельство дальнейшего перехода страны на рельсы капиталистической экономики.

Интересным источником для изучения предпринимательской активности регионального купечества выступают «Вологодские губернские ведомости» – популярное еженедельное издание, в неофициальной части которого публиковались частные объявления. Авторами проанализированы объявления «Вологодских губернских ведомостей» за период с 1838 (начало издания) по 1860 г. Содержание объявлений преимущественно касалось событий для губернии нетипичных или срочных (т.е. привязанных к определенному временному периоду), в связи с чем требовавших дополнительного информационного сопровождения. Среди таковых можно назвать открытие лавок, предложение новых видов товаров или услуг, распродажу «движимого имущества» за долги или в связи со смертью владельца и т.п. В исследуемом комплексе материалов можно выделить ряд направлений предпринимательской деятельности вологодского купечества, помимо собственно торговли и промышленности: услуги страхования, аренда недвижимости, кредитование и др.

Наибольшая доля объявлений об указанных выше дополнительных направлениях предпринимательства вологодских купцов во второй трети XIX в. относится к услугам страхования. Самое раннее объявление о страховых услугах в «Вологодских губернских ведомостях» опубликовано в 1846 г. от имени купца 2-й гильдии Василия Алексеевича

Колесова, уполномоченного агента «Российского Морского и Речного Страхового Общества» (профиль Общества – транспортное страхование) [8, с. 146]. Самым активным страхователем, согласно объявлениям «Губернских ведомостей», на протяжении 1840–1850-х гг. в Вологодской губернии был купец 2-й гильдии (до 1851 г. – купец 3-й гильдии) Иван Тихонович Бовыкин. С 1847 г. и вплоть до 1859 г. (до самой смерти) И.Т. Бовыкин единственный в Вологодской губернии оказывал услуги в сфере транспортного страхования, выступая в разные годы уполномоченным агентом Санкт-Петербургской коммерческой компании морского, речного и сухопутного страхования «Надежда», «Российского морского и речного страхового общества», «Архангельской морской и речной страховой компании». В сфере страхования от огня, несмотря на высокую конкуренцию со стороны других уполномоченных агентов различных страховых обществ, И.Т. Бовыкин был активен с 1848 по 1859 г., представляя интересы старейшего в стране страхового акционерного общества («Российского страхового от огня общества», учрежденного в 1827 г.). Наконец, в 1853–1856 гг. он был единственным в губернии агентом, специализировавшимся на страховании жизни (на протяжении всей второй трети XIX в. других подобных объявлений в «Вологодских губернских ведомостях» не публиковали). Более подробная характеристика деятельности купечества Вологодской губернии в сфере страхования в силу ее значительного объема – предмет отдельных научных публикаций.

Немалая часть объявлений посвящена услугам аренды недвижимости, принадлежавшей купечеству. Так, в 1847 г. в Вологде опекун «малолетних купеческих дочерей» купец Дмитрий Николаевич Серков отдавал в «кортонное содержание» (т.е. в аренду – И.Л.) лавку «во 2-й части города в кожевенной линии под № 4» [9, с. 284, 285]. Сдавалась и жилая недвижимость. В 1852 г. в Вологде отдавался «под постой» каменный дом «во 2-й части г. Вологда в приходе Пророка Илии на берегу р. Вологды», принадлежавший малолетней купеческой дочери Овсянниковой (объявление опубликовал ее опекун) [10, с. 390]. Было приведено довольно подробное описание дома: «... в бельэтаже этого дома 7 комнат, в антресолях 2 ком. и 1 кладовая; в нижнем этаже кухня с очагом и плитой, одна чистая комната и 1 теплая кладовая; надворные службы: каретник и сеновал, стойла для лошадей, кладовой амбар, ледник и дровяник» [10, с. 390]. Встречается интересная информация об арендаторах купеческой недвижимости. В 1857 г. в Вологде в доме купца Зайцева на Благовещенской улице «близ бульвара» проживал «артист императорских Московских театров и танцовщик балетной труппы Ушаков», который давал «уроки всем новейшим бальным и характерным танцам, за сходную цену» [11, с. 208]. В 1858 г. в Вологде в доме купца 3-й гильдии С.Я. Залуговского жил «фортепианный мастер» Вильгельм Бухмейр из Санкт-Петербурга, который «привез несколько пиано самого новейшего устройства и ноты разных сочинителей» и также принимал «всякого рода починки сих инструментов, равно и настраивание их за самые выгодные цены», ругаясь «за аккуратное исполнение» [12, с. 344].

Крупная недвижимость могла сдаваться в аренду для открытия гостиницы (например, один или несколько этажей дома). Так, 1 июля (по ст. стилю) 1853 г. в Вологде Дмитрий Кувардин открыл в доме купца Петра Гудкова-Белякова гостиницу «Лондон» «с лучшим против прежнего расположением, с отличною отделкою комнат и номеров для квартирования» [там же, с. 249]. Посетителям и приезжающим предлагался «обеденный стол, чай, кофе, шоколад и вина, по самой сходной цене и в самом лучшем вкусе». Как было указано, гостиница «возобновленная» – вероятно, после большого пожара в Вологде в 1848 г. Неизвестно, располагалась ли она ранее в том же здании, но тем не менее интересно привести описание гостиницы «Лондон» путешественников 1840-х гг. Посетивший Вологду в 1840 г. немецкий зоолог Иоганн-Генрих Блазиус писал, что после Санкт-Петербурга это была первая русская гостиница с названием «Лондон», однако оставил о пребывании в ней весьма нелестные воспоминания [14, р. 146, 147]. С ним не согласился и вступил в заочную дискуссию путешествовавший по Вологодской губернии в 1847 г. филолог и искусствовед С.П. Шевырев: «Утром на рассвете приехали мы в Вологду, где гостиница "Лондон", уже успевшая с тех пор сгореть, мирно приняла нас в свои стены. Скоро яркое солнце, светившее во все окна, не завешанные ничем, и воскресный звон некоторой части из четырехсот колоколов древнего города, считающего до пятидесяти церквей, разбудили усталых путников. Хотя гардин и не было на окнах гостиницы, но я не знаю, за что так немилосердно опорочил ее Блазиус» [15, с. 104, 105].

В целом, аренда купеческой недвижимости не ограничивалась торговыми лавками и включала также жилые помещения как для частного проживания, так и для общественного пользования (к примеру, для устройства гостиницы). Следует отметить, что сдача недвижимости в аренду в ряде случаев могла свидетельствовать, о нестабильном финансовом положении купца и необходимости дополнительного заработка. Так, уже в 1859 г. вологодский купец 3-й гильдии С.Я. Залуговский «по необъявлению им в 1859 году купеческих капиталов» был обращен в мещане [16, с. 63]. В 1860–1861 гг. С.Я. Залуговский, вероятно, вернулся в купечество, однако в 1862 г. вновь перешел в мещанское сословие [17, с. 60].

Во второй трети XIX в. ввиду пока еще недостаточно развитой в Российской империи кредитно-финансовой системы отдельным направлением предпринимательской деятельности купечества являлось кредитование (выдача денежных ссуд под расписки; вексельное обращение и др.). К примеру, в 1841 г. в Кадниковском уезде по решению суда было выставлено на продажу описанное имение титулярной советницы Анны Яковлевны Комаровской «за неплатеж пошехонскому 3 гильдии купцу Петру Шукалову по расписке 1000 руб. ассигнациями» [18, с. 127, 128].

Вексельное обращение было гораздо более формализованным. Вексель – документ, составленный с соблюдением предписанных форм и воплощающий в себе срочное денежное обязательство [19, с. 733]. Первый вексельный устав в Российской империи появился в 1729 г., следу-

ющий – более чем через 100 лет – в 1832 г. [19, с. 737, 738]. Несмотря на то, что вскоре после издания Устав о векселях 1832 г. «оказался неудовлетворительным», а в последующие десятилетия создавались различные проекты его нового текста, он просуществовал вплоть до 1902 г.

Вексельное обращение было весьма востребовано в купеческой среде. В «Указатель законов Российской империи для купечества», изданный в 1847 г. с целью «доставить купеческому сословию легчайший способ к приисканию законов и постановлений до них относящихся, собрав в одну книгу все то, что для них может быть когда-либо нужно» [20, с. 4], вексельный устав вошел в раздел первой части пятой «О торговых обязательствах и договорах, общих и разным родам торговли свойственных, а также об обязательствах по имуществам» (всего указатель включал семь частей) [там же, с. 246–277]. С одной стороны, купцы по векселям имели возможность получать недостающие для осуществления того или иного рода занятий денежные средства, с другой – сами могли ссужать деньги. По закону «право обязываться векселями» было предоставлено купцам всех трех гильдий; дворянам, записанным в гильдию; иностранным гостям; мещанам и иностранным цеховым в столицах; крестьянам, торгующим по свидетельствам [21, с. 94]. Вексель оформлялся на установленной правительством гербовой бумаге с указанием имен векселедателя и векселеполучателя, суммы и сроков платежа, факта получения денег векселедателем, места и даты подписания векселя [там же, с. 93]. В том случае, если платеж по векселю был просрочен, Управа благочиния накладывала арест на «наличное движимое имущество на сумму долга» и далее продавала это имущество с аукционного торга «на общем законном основании <...> в самый кратчайший срок» [там же, с. 110]. В том случае, если для покрытия долга данных действий было недостаточно, то взыскание обращалось и на недвижимое имущество, продажа которого проводилась «без послабления» [там же, с. 110]. К примеру, в 1856 г. в Сольвычегодском суде продавалось «описанное у крестьянина Леонтьевского общества Димитрия Исаева за иск купца Коротанова, недвижимое имение, заключающееся в пятой части сенокосной земли и скотского выпуска» [22, с. 452, 453]. Купцы и сами могли являться векселедателями; просроченный платеж по векселю в этом случае также имел следствием аукционную распродажу движимого и недвижимого имущества должника. Так, в 1842 г. в Сольвычегодске за неплатеж купцом 3-й гильдии Павлином Пьянковым «в опеку малолетних детей Паламодовых по двум векселям за уплатою достальных 2050 руб.» была назначена продажа участка принадлежавшей ему земли в окрестностях города [23, с. 98, 99].

Интересно выделить, хотя и более частные, но тоже в некотором роде формы предпринимательской деятельности купечества. К примеру, в 1847 г. вологодский купец 3-й гильдии Иван Степанович Нечаев принимал на лето «для сохранения от моли меховые платья за дешевую цену» в своей лавке «в меховом ряду под № 4» или в своем доме «в 3 части города» [24, с. 120]. Упомянутый ранее Самсон Яковлевич Залуговский в 1858 г., будучи душепри-

казчиком умершего надворного советника Ивана Груздева, проводил «вольный аукционный торг» его имущества (дома, мебели и т.п.) [25, с. 98].

Таким образом, торговля и промышленность были хотя и основными формами предпринимательства купечества, но далеко не единственными. Как следует из приведенных примеров, купечество использовало различные возможности накопления капиталов, в том числе и достаточно новые для рассматриваемого периода (к примеру, оказание страховых услуг).

Предпринимательство в любые времена сопряжено с рисками; не стал исключением и XIX век. Вологодская губерния посредством своих водных артерий являлась транзитным пунктом для доставки грузов до портов Архангельска и Санкт-Петербурга, специализировавшихся на заграничной торговле. Этим широко пользовалось местное купечество, отправляя по рекам большие партии товаров. Однако этот вид занятий мог приносить не только хорошую прибыль, но в ряде случаев и существенные убытки. Приведем несколько подобных примеров за апрель-май 1847 г., когда сразу с открытием навигации «множество судов устремилось к Архангельску, неся с собою богатый груз нашего купечества, составляющий его надежду» [26, с. 216]. В начале мая одна из барок орловского купца 2-й гильдии Филиппа Булычева, следовавшая от Ношульской пристани, села на мель на р. Юг недалеко от Великого Устюга; о нее, сорвавшись с якоря, ударились другая, принадлежавшая тому же купцу. В результате первая барка получила повреждение кормы и погрузилась в воду на одну сажень (около 2 м), что повлекло за собой порчу груза – овса объемом 4125 четвертей (или более 12 тыс. л) на сумму 14 027 руб. [там же]. Для сравнения: в середине XIX в. в Вологодской губернии каменный двухэтажный дом стоил в среднем 1500–2500 руб., хороший деревянный дом – 500–700 руб.

Особенно не повезло в навигацию 1847 г. николюскому купцу 1-й гильдии Илье Грибанову. В конце апреля на р. Юг столкнулись, а затем потонули его каяк и барка, груженные льном, паклею и рожью на сумму более 40 тыс. руб. серебром [26, с. 216]. В начале мая этого же года одна из барок Ильи Грибанова наплыла на севшую на мель недалеко от Устюга барку вятского купца 2-й гильдии Варфоломея Юрасова, которая в итоге затонула. Барка перевозила овес и льняное семя на сумму более 15 тыс. руб. серебром. Что интересно, обе барки были застрахованы Санкт-Петербургской коммерческой компанией морского, речного и сухопутного страхования «Надежда», уполномоченным агентом которой в Вологодской губернии с апреля 1847 г. (почти сразу после начала ее деятельности) был известный нам купец 3-й гильдии И.Т. Бовыкин [27, с. 163]. В мае 1847 г. «плывшая из Устюга по реке Двине барка с льняным семенем» орловской 2-й гильдии купеческой жены Анны Ивановны Шергиной была разбита баркой «компания купцов Грибанова, Фонтениса и Лерса», однако в этом случае большую часть груза удалось спасти [26, с. 216].

Риски предпринимательства были связаны не только с транспортировкой товаров, но и с промышленным производством. К примеру, в сентябре 1845 г. на солеваренном

заводе купца Кокорева в Тотьме «от неизвестной причины сгорела соляная варница», убыток составил 2 тыс. руб. [28, с. 17]. Необычный казус произошел в августе 1853 г. в Устюжском уезде: накопление дождевой воды в р. Силеге повредило шлюз при льнопрядильной фабрике архангельского купца Люрса, в результате чего «стремление воды разрушило угол каменного фабричного здания, сорвало вал водяного колеса и снесло каменную кузницу, деревянный амбар, баню и чугунный ящик водяного колеса». Обломки строений были прибиты к мосту, образовав тем самым плотину и спровоцировав выход реки из берегов, в результате чего были залиты поля государственных крестьян, уничтожено до 2 200 снопов хлеба и обрушено несколько крестьянских построек. Ущерб купца Люрса составил до 10 тыс. руб., крестьян – почти 586 руб. [29, с. 379].

Неприятности случались и в сфере торговли. К примеру, в 1849 г. кадниковский купец Иван Иванович Вшивков был вынужден обратиться в суд из-за неоплаты товаров, взятых в разное время из его лавки коллежским регистратором Никтополионом Верещагиным на сумму 80 руб. 84 коп. серебром (Н. Верещагин скончался, а его вдова отказывалась оплачивать счет) [30, с. 205].

Результатом подобных и других рисков, связанных с предпринимательской деятельностью, могла быть потеря капиталов и переход в мещанство. Право на торговлю, приобретенное вступлением в гильдию, согласно законодательству, терялось в случае «просрочки» (т.е. необъявления капитала в начале года и неуплаты соответствующей пошлины); «неоплатности» (т.е. несостоятельности по неосторожности или банкротства); совершенного преступления [21, с. 36, 37; 31, с. 25, 26]. Например, в 1842 г. краснотурецкий купец 3-й гильдии Егор Телятьев «по необъявлению им на 1841 и на сей 1842 годы капитала» перешел в мещане с запретом «производить торговлю, купечеству присвоенную» [32, с. 105]. Важно отметить, что большая часть опубликованных в 1840–1850-х гг. в «Вологодских губернских ведомостях» объявлений о запрете торговли по «необъявлению капитала» касалась купцов 3-й гильдии (по другим объявлениям гильдия не была указана).

Торговой несостоятельностью признавалось отсутствие «наличных денег на удовлетворение в срок своих долгов в важных суммах, более тысячи пятисот рублей серебром» [21, с. 299; 31, с. 246]. После установления судом факта несостоятельности, объявление об этом публиковалось в газетах [там же, с. 303, 304; там же, с. 250, 251]. В «Вологодских губернских ведомостях» в 1840-х гг. было опубликовано два объявления о торговой несостоятельности купцов; в первой половине 1850-х гг. – пять объявлений; во второй половине 1850-х гг. – уже 11. Большая часть из них касалась купцов 3-й гильдии; на купцов 1-й и 2-й гильдий приходилось по одному объявлению. При этом объявленная в отношении архангельского купца 1-й гильдии Петра Карловича Люрса в 1860 г. торговая несостоятельность была прекращена «по случаю учиненной им с кредиторами полюбовной мировой сделки» [33, с. 96]. А вологодский купец 2-й гильдии, почетный гражданин Алексей Петрович Мартынов в 1858 г. был признан «должником несостоятельным несчастным», т.е. пришедшим «в неоплатность не

собственной его виной, но стечением обстоятельств» (в их числе, согласно законодательству, могли быть наводнение, пожар, «нечаянный упадок должников» и др.) [21, с. 299, 300; 31, с. 246, 247; 34, с. 144].

Следует отметить, что кредитование частных лиц как вид предпринимательской деятельности купечества тоже несло определенные риски. К примеру, в апреле 1858 г. вологодский купец Николай Федорович Коноплев был назван в числе кредиторов несостоятельного должника купца 3-й гильдии Николая Васильевича Девяткова, задолжавшего разным лицам в совокупности 8378 руб., а уже в мае того же года сам был объявлен несостоятельным должником [35, с. 103; 36, с. 132]. Даже купцы 1-й гильдии не только являлись кредиторами, но и сами по необходимости брали в долг. Так, после смерти в 1851 г. вологодского купца 1-й гильдии Николая Ивановича Скулябина его вдова дала объявление в «Вологодских губернских ведомостях» с просьбой к кредиторам и должникам покойного – «первым с законными своими требованиями, вторым с платежом должных сумм, обращаться отныне к ней» [37, с. 401, 402].

Пожалуй, самым серьезным риском, связанным не только с сугубо предпринимательской деятельностью, но и с более широким кругом различных обстоятельств жизни, для купцов было лишение доброго имени (этот факт также объявлялся посредством газет). Потеря доброго имени сопровождала «лишение всех прав состояния» для почетных граждан и купцов 1-й и 2-й гильдий и являлась частью уголовного наказания вследствие совершенного преступления или проступка [38, с. 6]. Лишение прав состояния включало лишение почетных титулов, чинов, орденов и прочих знаков отличия, а также грамот, дипломов, патентов и аттестатов [там же]. Во второй трети XIX в. в «Вологодских губернских ведомостях» было опубликовано две заметки о лишении доброго имени; обе касались представителей торгового сословия иных губерний. В 1838 г. Волыньское губернское правление сообщало, что доброго имени был лишен житомирский купец 3-й гильдии Еврей Ауслендер «за самовольное распоряжение товарами, принадлежащими купцу Янкелю Равичу» [39, с. 316]. В 1842 г. Енисейское губернское правление писало о лишении доброго имени минусинского 3-й гильдии купеческого сына Василия Михайловича Лобанова «по делу о солдатской дочери» [40, с. 176].

Таким образом, предпринимательская деятельность купечества Вологодской губернии во второй трети XIX в. принимала довольно разнообразные формы. Помимо традиционных торговли и промышленности присутствовали такие ее направления, как страховое дело, аренда недвижимости, кредитование и др. (что в совокупности является дополнительным подтверждением начавшегося и на территории Европейского Севера России процесса модернизации экономики). Указанные направления предпринимательства способствовали накоплению капитала представителями торгового сословия. Однако в то же время они содержали и определенные финансовые риски, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств могли привести к «торговой несостоятельности», выходу из гильдии и перемещению в мещанство. В большей степени это было характерно

для купцов 3-й гильдии и особенно заметно проявилось в конце 1850-х гг.

Литература

1. История предпринимательства в России: в 2-х кн. Кн. 1. От средневековья до середины XIX века / В.И. Бовыкин, М.Л. Гавлин, Л.М. Епифанова [и др.]. – Москва, 2000.
2. Хромов, П.А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой октябрьской революции / П.А. Хромов. – Москва, 1967.
3. Барышников, М.Н. История делового мира России / М.Н. Барышников. – Москва, 1999.
4. Миронов, Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / Б.Н. Миронов. – Ленинград, 1981.
5. Судовиков, М.С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года / М.С. Судовиков. – Киров, 2018.
6. Хромов, П.А. Экономическое развитие России в 19 – начале 20 вв. (1800–1917) / П.А. Хромов. – Москва, 1950.
7. Никитина, С.К. История российского предпринимательства / С.К. Никитина. – Москва, 2001.
8. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1846. – № 13.
9. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1847. – № 29.
10. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1852. – № 34.
11. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1857. – № 30.
12. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1858. – № 36.
13. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1853. – № 29.
14. Blasius J. Reise im Europaischen Russland in den Jahren 1840 und 1841. Theil 1. Braunschweig, 1844.
15. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году: в двух частях: (с 25-ю литографированными рисунками) Ч. 1. – Москва, 1850.
16. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1859. – № 9.
17. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1862. – № 9.
18. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1841. № 19.
19. Вексель // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т5А(10). Санкт-Петербург, 1892.
20. Колоколов, Е. Указатель законов Российской империи для купечества / Е. Колоколов. – Москва, 1847.
21. Свод учреждений и уставов торговых // Свод законов Российской империи. Т.11. – Санкт-Петербург, 1857.
22. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1856. – № 42.
23. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1842. – № 14.
24. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1847. – № 12.

25. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1858. – № 12.
26. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1847. – № 22.
27. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1847. – № 16.
28. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1846. – № 2.
29. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1853. – № 43.
30. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1849. – № 28.
31. Учреждения и уставы торговые // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1842.
32. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1842. – № 15.
33. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1860. – № 10.
34. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1858. – № 21.
35. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1858. – № 15.
36. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1858. – № 19.
37. Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1851. – № 35.
38. Свод законов уголовных // Свод законов Российской империи. Т.15. – Санкт-Петербург, 1857.
39. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1838. – № 39.
40. Вологодские губернские ведомости. – Часть официальная. – 1842. – № 23.

References

1. Istoriya predprinimatel'stva v Rossii: v 2-kn. [The history of entrepreneurship in Russia: in 2 books]. Book 1. From the Middle Ages to the middle of the XIX century / V.I.Bovykin, M.L.Gavlin, L.M.Epifanova [et al.]. – Moscow, 2000.
2. Khromov, P.A. Ekonomicheskoye razvitiye Rossii. Ocherki ekonomiki Rossii s drevneyshikh vremen do Velikoy oktyabr'skoy revolyutsii [Economic development of Russia. Essays on the Russian Economy from Ancient Times to the Great October Revolution] / P.A.Khromov. – Moscow, 1967.
3. Baryshnikov, M.N. Istoriya delovogo mira Rossi [History of the Russian business world] / M.N. Baryshnikov. – Moscow, 1999.
4. Mironov, B.N. Vnutrenniy rynek Rossii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX v. [Domestic market of Russia in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries] / B.N.Mironov. – Leningrad, 1981.
5. Sudovikov, M.S. Kupechestvo Vyatskogo kraja: ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka region: from the origins to 1917] / M.S.Sudovikov. – Kirov, 2018.
6. Khromov, P.A. Ekonomicheskoye razvitiye Rossii v XIX – nachale XX vv. (1800-1917) [Economic development of Russia in the XIX – early XX centuries. (1800-1917)] / P.A.Khromov. – Moscow, 1950.
7. Nikitina, S.K. Istoriya rossiyskogo predprinimatel'stva [History of Russian entrepreneurship] / S.K.Nikitina. – Moscow, 2001.
8. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. – 1846. – No. 13.
9. Ibid. – 1847. No. 29.
10. Ibid. – 1852. No. 34.
11. Ibid. – 1857. No. 30.
12. Ibid. – 1858. No. 36.
13. Ibid. – 1853. No. 29.
14. Blasius, J. Reise im Europaischen Russland in den Jahren 1840 und 1841. Theil 1. – Braunschweig, 1844.
15. Poyezdka v Kirillo-Belozerskiy monastyr': vakatsionnyye dni professora S. Shevyreva v 1847 godu [A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery: vacation days of Professor S. Shevyrev in 1847]. in 2 parts (with 25 lithographed drawings). – Part 1. – Moscow, 1850.
16. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. – 1859. No. 9.
17. Ibid. – 1862. No. 9.
18. Ibid. – 1841. No. 19.
19. Veksel' [Bill]. Encyclopedic Dictionary / F.A. Brockhaus, I.A. Efron. T5A(10). – St.Petersburg, 1892.
20. Kolokolov, E. Ukazatel' zakonov Rossiyskoy imperii dlya kupechestva [Index of laws of the Russian Empire for merchants] / E. Kolokolov. – Moscow, 1847.
21. Svod uchrezhdeniy i ustavov torgovykh [Code of Institutions and Trade Charters] // Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. – St.Petersburg, 1857.
22. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. – 1856. No. 42.
23. Ibid. – 1842. No. 14.
24. Ibid. Unofficial part. – 1847. No. 12.
25. Ibid. – 1858. No. 12.
26. Ibid. – 1847. No. 22.
27. Ibid. – 1847. No. 16.
28. Ibid. – 1846. No. 2.
29. Ibid. – 1853. No. 43.
30. Ibid. Official part. – 1849. No. 28.
31. Uchrezhdeniya i ustavy torgovyye [Institutions and statutes of trade] // Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part II. – St.Petersburg, 1842.
32. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. – 1842. – No. 15.
33. Ibid. – 1860. No. 10.
34. Ibid. – 1858. No. 21.
35. Ibid. – 1858. No. 15.
36. Ibid. – 1858. No. 19.
37. Ibid. Unofficial part. – 1851. No. 35.
38. Svod zakonov ugovodnykh [Code of criminal laws] // Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XV. – St.Petersburg, 1857.
39. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. – 1838. – No. 39.
40. Ibid. – 1842. – No. 23.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: irinaleyman@gmail.com); старший научный сотрудник лаборатории археологии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул.Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Author:

Irina I. Leyman – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Public Relations and Advertising of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospect, Syktyvkar 167001, irinaleyman@gmail.com). Senior Researcher, Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of Exploration of the European North of Russia at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation. irinaleyman@gmail.com).

Для цитирования:

Лейман, И.И. Предпринимательство купечества Европейского Севера России во второй трети XIX века: возможности и риски (на примере Вологодской губернии) / И.И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 82–88.

For citation:

Leyman, I.I. Merchant entrepreneurship in the European North of Russia in the second third of the XIX century: opportunities and risks (case study of the Vologda province) / I.I. Leyman // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 82–88.

Дата поступления статьи: 22.05.2023

Прошла рецензирование: 01.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 22.05.2023

Reviewed: 01.06.2023

Accepted: 16.06.2023

В.В. Верещагин и «изобретение» Севера в литературе и публицистике конца XIX – начала XX века (часть первая)

А.В. Всеволодов

Череповецкий государственный университет,
г. Череповец
vsevolodov12@yandex.ru

Аннотация

В российском интеллектуальном пространстве последней четверти XIX – начала XX в. Север европейской части страны все больше осознавался как особый историко-культурный ареал. Оставаясь по-прежнему на положении колонизируемой, правда, все более и более интенсивно, окраины с огромным, но до сих пор не востребованным экономическим потенциалом, теперь Север стал вызывать интерес и другого рода. В царствование Александра III было осознано его политико-стратегическое значение; к тому же, с появлением в регионе первых железных дорог он стал гораздо более, чем прежде, доступен для путешествий. Как результат, в 1890-е гг. в публицистике формируется специфический северный дискурс. Ключевую роль в этом процессе сыграли путевые заметки архангельского губернатора А.П. Энгельгардта (1897), в которых впервые применительно к Северу была использована номинация «русский», хотя и не в этническом, а в политическом смысле. В конструировании образа региона использовались также представления о его «заброшенности», изолированности. Север изображался как территория, прошедшая пик своего развития в XVI–XVII вв., а далее все более обособлявшаяся от остальной России – прежде всего из-за смещения торговых и транспортных коммуникаций. К 1910-м гг. в числе дискурсивных доминант закрепилось и представление о социальной и культурной самобытности Севера и общенациональном значении памятников его старины – как наследия, находившегося под угрозой исчезновения.

Особую группу «северных» нарративов составляли свидетельства, оставленные художниками – в путевых заметках, рассказах, автобиографиях. В частности, о Севере писали А.А. Борисов, В.В. Переплетчиков, И.Э. Грабарь и ранее остальных – В.В. Верещагин. Очерк последнего «На Северной Двине. По деревянным церквям» (1895), рассматриваемый в статье, представляет собой пример авторского конструирования образа региона.

Ключевые слова:

В.В. Верещагин, Северная Двина, церкви, путешествие, Север, конструирование, образ, публицистика

V.V. Vereshchagin and the "invention" of the North in literature and journalism of the late XIX – early XX century (part one)

A.V. Vsevolodov

Cherepovets State University,
Cherepovets
vsevolodov12@yandex.ru

Abstract

In the Russian intellectual space of the last quarter of the XIX – early XX centuries the North of the European part of the country was increasingly recognized as a special historical and cultural area. Remaining as before in the position of colonized outskirts with a huge but still unclaimed economic potential, now the North has begun to arouse interest of a different kind. In the reign of Alexander III, its political and strategic importance was realized; moreover, with the advent of the first railways in the region, it became much more accessible for travel than before. As a result, in the 1890s a specific northern discourse was being formed in journalism. A key role in this process was played by the travel notes of the Arkhangelsk governor A.P. Engelhardt (1897), in which the nomination "Russian" was used for the first time in relation to the North, although not in an ethnic, but in a political sense. In constructing the image of the region, ideas about its "abandonment", isolation were also used. The North was portrayed as a territory that passed the peak of its development in the XVI–XVII centuries, and then became more and more isolated from the rest of Russia, primarily due to the shift in trade and transport communications. By the 1910s, among the discursive dominants, the notion of the social and cultural identity of the North and the national significance of the monuments of its antiquity, as a heritage that was under the threat of extinction, was also entrenched.

A special group of "Northern" narratives were evidence left by artists – in travel notes, short stories, autobiographies. In particular, A.A. Borisov, V.V. Perepletchikov, I.E. Grabar' and, earlier than the others, V.V. Vereshchagin wrote about the North. An essay of the latter "On the Northern Dvina. On the wooden churches" (1895), considered in the paper, is an example of the author's construction of the image of the region.

Keywords:

V.V. Vereshchagin, Northern Dvina, churches, journey, North, construction, image, journalism

О Верещагинских путешествиях – и как части биографии, и как особой творческой лаборатории – обычно принято рассуждать в парадигме «Восток – Запад», подчеркивая тем самым естественный космополитизм (и экзотизм) художественного мира Василия Васильевича [1]. Северный вектор в этом контексте гораздо менее заметен, поскольку связан прежде всего с интересом к русской истории и культуре, не проявлявшимся у Верещагина отчетливо вплоть до 1880–1890-х гг.

Вполне понятно, почему это запоздалое на первый взгляд обращение Верещагина к Северу объясняли патристическими соображениями. В популярной работе Л.М. Демина указывается на «горячее желание познакомиться с Русским Севером», возникшее после поездок в Вологду [2, с. 258]. А.К. Лебедев писал просто: «Художника тянули родные места, ему хотелось поближе познакомиться с жизнью родного народа. В начале 1893 года он посетил Вологду, в начале 1894 года несколько месяцев жил в ней, посещая близкие и отдаленные окрестности города, набрасывая этюды с местных типов. Вологодская губерния была родиной художника – этим и объяснял он свой особый интерес к ней» [3, с. 244]. Но такая тяга имела и чисто профессиональный аспект: на Севере «лучше сохранились памятники и обычаи старины», «меньше было внешних, иноземных влияний и наслоений в быту» [там же]. Так, поездка летом 1894 г. по Вычегде и Северной Двине была продиктована «стремлением лучше познакомиться с сохранившимися памятниками древней русской архитектуры» [там же]. Привезенные оттуда предметы долго хранились в подмосковном доме Верещагина, в самой его мастерской. О резных шкафах над лавками, в которых размещалась «коллекция старинных русских вещей (крестов, венцов с икон, кубков, серег и т.п.)», происходившая с Двины, смутно помнил и сын художника [4, с. 44, 45].

Ф.И. Булгаков отмечал, что увлечение Верещагина-коллекционера «русскими древностями» (т.е. прежде всего древностями *северными*) происходило из его общего умения «найти совершенно новый, никем до него не тронутый материал, темы культурного интереса»; задачей же коллекционирования и в широком смысле «археологии» виделась Василию Васильевичу «значительная и существенная помощь в национальном самосознании» [5, с. 6]. В таком ракурсе вояж на Двину представляется мероприятием почти пионерским. Но «Север» как пространство артистических путешествий, по Булгакову, не ограничивается Двиной и Вологодой: к нему относится и Ярославская губерния [там же, с. 5, 6]. Здесь автор следует историко-географическому обыкновению своего времени. Земли Ярославской губернии по многим признакам определялись как принадлежащие «к обширной лесной области Севера России, где жизнь ее населения сложилась совершенно иначе, чем на Юге России, который весь покрыт степью или полем» [6, с. XIV]. Невольная контаминация «северного» и «русского» также типична, но, принимая последнюю в виде культурного факта, следует поставить вопрос: а как тогда воспринимал Север сам Верещагин?

Между двумя описанными версиями этого восприятия (более простой и очевидной «патристической», объясня-

ющей все естественной любовью к родине, и «национальной», смещающей фокус из плоскости чувств и эмоций к проблемам изучения и защиты русской старины) нет противоречия. В обоих случаях регион предстает как *terra incognita*, наконец-то нашедшая своего первооткрывателя или же впервые за долгое время удостоившаяся внимания. Характерно, что в масштабе живописного и графического наследия Верещагина северная тематика занимает очень скромное место, а вот из 12 опубликованных им книг сразу две (шестая часть!) имеют региональную привязку. Это «Иллюстрированные автобиографии нескольких замечательных русских людей» и «На Северной Двине. По деревянным церквам». Таким образом, рефлексия по поводу Севера находит у Василия Васильевича преимущественно словесное, а не визуальное воплощение, хотя формально обе книги и представляют собой только приложения к каталогам выставок.

Определить жанр для верещагинской прозы тяжело в принципе, поскольку ей слишком часто сопоставлен авторский визуальный ряд, без связи с которым она утрачивает содержательную полноту. Там же, где текст не сопряжен с равноправным себе изображением, он оказывается тесно связан с биографией создателя, если вообще не определен ею. В.А. Кошелев, говоря о новизне подхода художника к литературной работе, относит «Иллюстрированные автобиографии...» к разряду мемуаров – экспериментальных по форме. Очерк «На Северной Двине...» исследователем упомянут, но не разобран и потому прямо не квалифицирован. В порядке экстраполяции к нему можно применить лишь тезис о нетрадиционности писательской техники [7, с. 29, 30]. Г.П. Андреевский в рукописной статье охарактеризовал книгу как продолжение художником «рассказа о своих путешествиях», т.е. авторский травелог [8, л. 6]. Но в первую очередь это произведение примечательно как персональный опыт литературно-публицистического «изобретения» Севера – один из многих подобных в российский интеллектуальный пространство рубежа XIX–XX вв.

Само речное путешествие от Сольвычегодска до Архангельска заняло у Верещагина чуть более полутора месяцев – с 25 мая по 12 июля 1894 г. Книга, посвященная ему, первый раз вышла в 1895 г., и уже в декабре автор отправил новинку П.М. Третьякову [9, с. 90]. Северные этюды выставлялись тогда в Историческом музее в Москве – и четыре из них («Главный вход в соборную церковь города Сольвычегодска», «Этюд колонны в Пучуге», «Иконостас Белослудской церкви» и «Прославленная икона св. Николая») Павел Михайлович пожелал приобрести для своей галереи, о чем сообщил художнику в феврале 1896 г. [там же, с. 92]. Вскоре Верещагин дал письменное обязательство предоставить этюды покупателю «по окончании моих выставок за границей» [там же, с. 93], однако и летом 1897 г. полотна в галерею не поступили. Третьяков, уплативший за них авансом более 2 тыс. руб., был раздражен проволочками: «Где Ваша выставка, ничего не слышать о ней, когда она кончится и когда получу я этюды? Очень желается поскорее иметь их», – писал он со сдержанным нетерпением своему незадачливому контрагенту [там же, с. 95]. Тот, удивляясь, отвечал, что картины «лежали летом и только

начали теперь путешествие по Европе, путешествие долгое – значит о присылке этюдов теперь не может быть и речи» [там же, с. 96].

Поведение Третьякова в данной ситуации показывает, что его интерес к злополучным этюдам был вполне осознанным. Причина крылась не только в громком имени Верещагина, но и в самой сюжетике, за разработку которой он принялся. Север в живописном отношении был тогда совершенно не обследован и не освоен, так что в двинских зарисовках, столь непохожих на то, что выходило из-под кисти Василия Васильевича прежде, проницательный галерист легко угадал эту многообещающую новизну. По-видимому, не случайно в 1897 г. Павел Михайлович приобрел сразу целую серию видов Новой Земли, писанных только выпускившимся из Академии художеств А.А. Борисовым [10, с. 6]. Еще раньше Верещагинские работы приоткрыли столичной публике неброскую красоту Севера. В.В. Стасов в статье для каталога посмертной выставки Василия Васильевича очень точно назвал ярославские и северо-двинские виды «тихими» [11]. Внимание Верещагина фокусировалось именно на русскости как визуально-семиотической характеристике северного пространства. Теперь же не всемирная знаменитость, а начинающий автор показывал Север в другой – самой пугающей, самой экзотичной ипостаси. Можно сказать, понимание Третьяковым того, что суровые арктические пейзажи станут вехой в отечественном искусстве, что собирать их – перспективно, было в какой-то степени заранее подготовлено. Полотна Борисова продемонстрировали, что у темы, о которой несколько раньше и на другом материале заявил Верещагин, есть еще одна достойная отображения грань.

По совпадению, в июне 1894 г. именно Борисов, «сын ... архангельского мужика» [12, с. 322], сопровождал министра финансов С.Ю. Витте и местного губернатора А.П. Энгельгардта в экспедиции на Мурманский берег. Ее маршрут на первом этапе пролегал как раз по Двине. Верещагин узнал об этом 11 июня, когда на ярмарке в Красноборске ему вдруг не продали стерлядь. Оказалось, что ценную рыбу по указанию городского головы приберегли для ожидаемых со дня на день высоких гостей, так что художнику и его семье пришлось довольствоваться менее «статусным» налимом. [Имеется в виду Девятковская ярмарка – проводившаяся в течение четырех дней, начиная с девятой пятницы по Пасхе. См.: 13, с. 45; 14, с. 91, 92].

Более важна для нас, конечно, не комическая одновременность двух путешествий, а их результаты. Вслед за очерком Верещагина «На Северной Двине...» были изданы записки А.П. Энгельгардта с симптоматичным названием «Русский Север» (1897). С 1907 г. одна за другой выходили книги А.А. Борисова. Параллельно, по мере того как нарастала текстуализация широкого общественного интереса к Северу, увеличивалось и разнообразие применявшихся к нему профессиональных оптик.

Травелог Верещагина может быть проанализирован в двух перспективах. Одна из них, соотносимая с травелогом Энгельгардта, касается политико-административного, территориального и экономико-географического конструирования региона. Вторая линия восприятия очерчивает

Север как природный, историко- и этнокультурный ландшафт. К ней, в частности, принадлежат разножанровые сочинения, созданные художниками, – А.А. Борисовым, И.Э. Грабарем, В.В. Переплетчиковым и др. В последнем типологическом ряду Верещагинский текст самый ранний и, безусловно, наиболее своеобразный.

Общеизвестно, что Энгельгардт, говоря о «русском Севере», использовал определение «русский» прежде всего в политическом, а уже потом в географическом смысле – маркируя им принадлежность Российской империи земель Архангельской губернии: «... от границ Норвегии до Тобольской губернии вдоль берегов Северного океана и Белого моря», о которых «нельзя не заметить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширного края находится в полном застое и как бы в летаргическом сне» [там же, с. 1]. Если Петр Великий оценил значение Севера для России и прилагал все силы к его развитию, то в дальнейшем более быстрое развитие коммуникаций в других частях государства и обращенность их преимущественно на запад привели Архангельск и возглавляемый им обширный регион от процветания к кризису. Север «остался без путей сообщения и совершенно обособленным», «капиталы отшатнулись от Белого моря, торговля и промыслы начали падать, а жители Севера, несмотря на окружающие их богатства, стали испытывать постоянную нужду» [15, с. 5]. Лишь в годы царствования Александра III и Николая II, при их «живом интересе» и «милостивом внимании». [Недаром Витте писал о «влечении к Северу» у Александра III. В этом чувстве, по мнению министра, соединялись этнически окрашенная симпатия к региону, жители которого «представляют собой тип чисто русских людей как по крови своей, так и по истории», а также личностно-биографическая близость императора к Северу, обусловленная его личным участием в борьбе с голодом 1867–1868 гг. в Архангельской губернии. См.: 12, с. 320]. Север снова стал объектом инфраструктурных усилий имперских властей. Началось сооружение сначала Вологодско-Архангельской, а позже – Вятско-Пермской железных дорог – призванных обеспечить «экономическое развитие и возрождение» Севера. По мысли губернатора, он таким образом будет обеспечен хлебом, усилится «эксплуатация» его природных богатств и «колонизация» его территорий [там же, с. 10, 11].

Энгельгардт рассматривает Север как пространство предстоящей геополитической инженерии, которое, хотя и принадлежит к государственной территории России, но совершенно не освоено, находится в состоянии хронического застоя и забвения – т.е. пережило когда-то пик в своем развитии (связываемый с Петровской эпохой). В итоге теперь оно нуждается в «возрождении» и, более того, в «колонизации». Те же тезисы представлены и в англоязычной версии записок Александра Платоновича, которая, в отличие от русского оригинала, является, скорее, памятником экономической публицистики. Здесь Север – это национально-административная конструкция: рамка, с помощью которой организуется подвластность конкретной территории известному политическому центру, создается управляемая им провинция.

В предисловии к книге, рекомендуя автора британским читателям, переводчик Генри Кук назвал Энгельгардта «...человеком с большими средствами и энергичным, придерживающимся передовых по своей сути взглядов, чье пребывание в должности уже отмечено мероприятиями широкого размаха, из которых одни уже осуществились, другие – сейчас осуществляются. Самыми заметными из них являются железная дорога, сооруженная между Архангельском и Москвой, и строящаяся линия от Перми до Котласа...». Упомянув ниже «превосходные сочинения о путешествиях по Северу России» Ф.Дж. Джексона и О.Б. Тревоора-Баттэ, Кук ставит свой перевод рядом с ними. По его мнению, записки Энгельгардта так же «должны послужить тому, чтобы привлечь внимание к той растущей области России, которая в скором будущем обретет немалое торговое и политическое значение». [Путешествия Джексона по Большеземельской тундре и Тревоора-Баттэ на остров Колгуев состоялись в 1893–1894 гг., совпав и с плаванием по Двине В.В. Верещагина, и с поездками по Архангельской губернии только получившего туда назначение А.П. Энгельгардта. Характерно, что Тревоор-Баттэ в книге благодарил губернатора за содействие, хотя упоминал, что ответа на вопрос о природных условиях Колгуева от него, все же, не добился: «Он (Энгельгардт – А.В.) был сама доброта, но признался, что ничего об этом не знает». Разговор этот состоялся осенью 1893 г., когда представления Александра Платоновича о подведомственной ему территории еще были весьма неполными. См: 16, с. XI–XII; 17, XII, XIX].

Железнодорожное строительство не просто способствовало выходу Севера из его прежнего застойного состояния, оно в какой-то степени породило на него «моду». В журналистской версии причиной резко выросшего интереса к региону оказывался, порой, не столько он сам, сколько внимание к нему со стороны иностранцев. «Всемирные путешественники англичане – все на Север хлынули. Швеция и Норвегия кишат ими. Они заглядывают в нашу Финляндию и даже через норвежский город Варде проникают к нам в Архангельск, делая на пароходах прогулки по Ледовитому океану и Белому морю», – писал об этом Н.А. Лейкин [18, с. 1]. В его устах эпитет «дикий» по отношению к Северу уже выглядит ироническим анахронизмом – но лишь отчасти. Несмотря на появление современных транспортных путей, сообщал Лейкин читателю, путешественники по-прежнему предпочитали добираться в Архангельск водой, по Двине. Слухи о Московской-Архангельской железной дороге утверждали, что по ней «под Архангельском поезд три версты в час идет», «Пассажиры выходят из вагонов и пешком около паровоза идут, хвощи и белый олений мох собирают». Неудобства передвижения иногда усиливались до крайности: «Говорят, что по осени шел-шел поезд и остановился. Нельзя дальше идти. Болото... Насыпь размыло, шпалы выперло». Впрочем, у привычного речного пути главным недостатком теперь становилась тоже медленность («Садитесь в Вологде на пароход и сами не знаете, когда приедете в Архангельск»), усугубляемая капризами двинского русла («Пароходы то

и дело на мель садятся, на пристанях неизвестно для чего по полдня стоят») [там же, с. 2].

Как бы то ни было, маркером роста общественного интереса к Северу для 1890–1910-х гг. стало увеличение количества и разнообразия его номинаций. В источниках этого времени встречаем уже не только «русский Север» (в том числе с частым написанием первого слова с заглавной буквы), но и более сложные конструкты: «Европейский Русский Север», «Европейский Север», «Северный край Европейской России», «Дальний Север» и «Крайний Север». Последний соотносился с Арктической зоной – прежде всего с островами Северного Ледовитого океана, со всем, что, по А.А. Борисову, простиралось «вверх, за пределы Архангельской губернии» [10, с. 1]. В административно-территориальном смысле Север вплоть до начала 1920-х гг. связывался с границами Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, иногда – с частичным включением сопредельных территорий Новгородской губернии (Череповецкого и Кирилловского уездов) [19, с. 18]. Определение «русский» со времен Энгельгардта не потеряло свой политико-дифференцирующий, сравнительный смысл (ср.: «И кто не полюбит, любя Россию, русский Север, так, как любят свой, более суровый, Север финляндцы...» [20, с. 12]). Но все больше оно получало этносоциальное наполнение, особенно – в работах историков [21, с. 9–12].

Неизменны оставались и содержательные доминанты дискурса о Севере. Он осмыслился как «Необъятная и еще мало исследованная окраина Европейской России»; «огромный забытый край», край «первобытного ландшафта», «мертвых земель», «мертвых миллиардов», «мертвого капитала»; край, миновавший свой расцвет в XVI–XVII вв., следующие два столетия «прозябал в некоторой заброшенности» [20, с. 3, 4, 12, 30; 22, с. 3, 65; 23, с. 3].

Постановка не востребуемых северных ресурсов на службу государственным интересам, начавшаяся с проведением к Архангельску железной дороги, высветила еще один аспект темы – о значении Севера как пространства «национального самоопределения». А.В. Журавский заметил в своем очерке, что прошлое Севера для этой цели – «необходимо», но его «останки и реликвии» «быстро и невозвратно исчезают». Это «реликвии этнографические, вещественные, реликвии того кочевого быта, который едва сохранился еще в Печорском крае, но от которого так глубоко, однако, психологические следы в бытовом укладе и русского народа, и русской интеллигенции, главное же – который налагает столь специфический отпечаток на сельскохозяйственный быт современного крестьянства нашего Севера» [20, с. 12, 13].

Мысль о быстрой потере Севером культурной самобытности была близка и Верещагину, хотя выражал он ее по-своему.

Литература и источники

1. В.В. Верещагин и Восток: в предчувствии евразийства: материалы Международной научной конференции (г. Череповец, 26–28 октября 2016 г.): сборник

- научных работ / ответственные редакторы: А.Н. Егоров, А.Е. Новиков [и др.]. – Череповец: ЧГУ, 2016. – 333 с.
2. Демин, Л.М. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина / Л.М. Демин. – Москва: Мысль, 1991. – 375 с.
 3. Лебедев, А.К. Василий Верещагин. Жизнь и творчество. 1842–1904 / под общей редакцией А.В. Солодовникова / А.К. Лебедев. – Москва: Государственное издательство «Искусство», 1958. – 427 с.
 4. Верещагин, В.В. Воспоминания сына художника / В.В. Верещагин. – Ленинград: Художник РСФСР, 1982. – 183 с.
 5. Булгаков, Ф.И. В.В. Верещагин и его произведения. Иллюстрированное издание / Ф.И. Булгаков. – Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1905. – 197 с.
 6. Канчаловский, П. От Москвы до Архангельска по Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге. Описание всех мест, лежащих на пути дороги и в ее окрестностях и имеющих историческое или промышленное значение. Выпуск первый. От Москвы до Александра / П. Канчаловский. – Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. – XVIII, 191 с.
 7. Кошелев, В.А. Мемуарная проза В.В. Верещагина: метод и мастерство / В.А. Кошелев // «Недаром помнит вся Россия...»: материалы Международной научной конференции, посвященной 160-летию В.В. Верещагина и 190-летию Бородинского сражения / Составитель Н.А. Бритвина. – Череповец: [б. и.], 2003. – С. 28–38.
 8. Андреевский, Г.П. О литературном творчестве художника В.В. Верещагина. Авторизованная машинопись. 1987, февраль // Череповецкое музейное объединение. – Ф. 38. – Б. инв. – 10 л.
 9. Переписка В.В. Верещагина и П.М. Третьякова / подготовка к печати и примечания Н.К. Галкиной. – Москва: Искусство, 1963. – 140 с.
 10. Борисов, А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова / А.А. Борисов. – Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1907. – 104 с.
 11. Каталог посмертной выставки картин и этюдов В.В. Верещагина. – Санкт-Петербург: Типография И. Усманова, 1904. – С. 7 // Российский государственный исторический архив. – Ф. 489. – Оп. 14. – Д. 29-В. – Л. 70.
 12. Витте, С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894) / С.Ю. Витте. – Ленинград: Государственное издательство, 1924. – Т. III. – 416 с.
 13. Верещагин, В.В. На Северной Двине. По деревянным церквам. III приложение к каталогу картин В.В. Верещагина / В.В. Верещагин. – Москва: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1896. – 121 с.
 14. Лейман, И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века / И.И. Лейман; ответственный редактор М.А. Мацук. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 232 с.
 15. Энгельгардт, А.П. Русский Север. Путевые записки / А.П. Энгельгардт. – Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1897. – 265 с.
 16. A Russian Province of the North by Alexander Platonovich Engelhardt, governor of the Province of Archangel. Translated from the Russian by Henry Cooke. – Westminster: Archibald Constable and Company, 1899. – 356 p.
 17. Trevor-Battye, A. Ice-bound on Kolguev. A Chapter in the Exploration of Arctic Europe to Which is Added a Record of the Natural History of the Island / A. Trevor-Battye. – Westminster: Archibald Constable and Company, 1895. – XXVIII, 458 p.
 18. Лейкин, Н.А. По Северу дикому. Путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач / Н.А. Лейкин. – Издание второе. – Санкт-Петербург: Товарищество «Печатня С.Н. Яковлева», 1899. – 243 с.
 19. Евдокимов, И.В. Север в истории русского искусства / И.В. Евдокимов. – Вологда: Издание Союза северных кооперативных союзов, 1921. – 224 с.
 20. Журавский, А.В. Европейский Русский Север (к вопросу о грядущем и прошлом его быта) / А.В. Журавский. – Архангельск: Губернская типография, 1911. – 36 с.
 21. Швейковская, Е.Н. Неожиданный инцидент при защите А.В. Камкиным докторской диссертации / Е.Н. Швейковская // Осмысляя региональное: российский регион XVI–XXI веков в фокусе междисциплинарных исследований: материалы Всероссийской научной конференции (чтений памяти А.В. Камкина), Вологда, 31 марта – 1 апреля 2022 г. / под ред. А.В. Всеволодова. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2022. – С. 8–21.
 22. Кизеветтер, А.А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Исторический очерк / А.А. Кизеветтер. – Вологда: Типография Союза северных кооперативных союзов, 1919. – 66 с.
 23. Крайний Север и его просветители. Издание Постоянной комиссии народных чтений. Издание второе. – Санкт-Петербург: Типография М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, 1902. – 30 с.

References

1. V.V. Vereshchagin i Vostok: v predchuvstvii evraziistva: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Cherepovets, 26–28 oktyabrya 2016 g.) [V.V. Vereshchagin and the East: in anticipation of Eurasianism: Materials of the Intern. Sci. Conf. (Cherepovets, October 26–28, 2016)]: Collected sci. papers / Eds. A.N. Egorov, A.E. Novikov et al. – Cherepovets: Cherepovets State Univ., 2016. – 333 p.
2. Demin, L.M. S mol'bertom po zemnomu sharu. Mir glazami V.V. Vereshchagina [With an easel around the globe. The world through the eyes of V.V. Vereshchagin] / L.M. Demin. – Moscow: "Mysl" Publ., 1991. – 375 p.
3. Lebedev, A.K. Vasily Vereshchagin. Zhizn' i tvorchestvo. 1842–1904 [Vasily Vereshchagin. Life and works. 1842–1904] / Ed. A.V. Solodovnikov / A.K. Lebedev. – Moscow: "Iskusstvo" State Publishing House, 1958. – 427 p.
4. Vereshchagin, V.V. Vospominaniya syna khudozhnika [Memoirs of the artist's son] / V.V. Vereshchagin. – Leningrad: "Khudozhnik RSFSR" ["Artist of the RSFSR" Publ. House], 1982. – 183 p.

5. Bulgakov, F.I. V.V. Vereshchagin i ego proizvedeniya. Illyustrirovannoe izdanie [V. V. Vereshchagin and his works. Illustrated edition] / F.I. Bulgakov. – St.Petersburg: Printing house of A.S. Suvorin, 1905. – 197 p.
6. Kanchalovsky, P. Ot Moskvy do Arkhangel'ska po Moskovsko-Yaroslavsko-Arkhangel'skoi zheleznoi doroge. Opisanie vsekhn mest, lezhashchikh na puti dorogi i v ee okrestnostyakh i imeyushchikh istoricheskoe ili promyshlennoe znachenie. Vypusk pervyi. Ot Moskvy do Aleksandrova [From Moscow to Arkhangelsk by the Moscow-Yaroslavl-Arkhangelsk railway. Description of all places lying on the way of the railway and in its vicinity and having historical or industrial significance. Issue one. From Moscow to Alexandrov] / P. Kanchalovsky. – Moscow: A.I. Mamontov Printing House Partnership, 1897. – XVIII. – 191 p.
7. Koshelev, V.A. Memuarnaya proza V. V. Vereshchagina: metod i masterstvo [V.V. Vereshchagin's Memoir prose: Method and skill] / V.A. Koshelev // "Nedarem pomnit vsya Rossiya...": Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 160-letiyu V. V. Vereshchagina i 190-letiyu Borodinskogo srazheniya ["No wonder the whole of Russia remembers...": Materials of Intern. Sci. Conf. dedicated to the 160th anniversary of V.V. Vereshchagin and the 190th anniversary of the Battle of Borodino] / Comp. N.A. Britvina. – Cherepovets, 2003. – P. 28–38.
8. Andreevsky, G.P. O literaturnom tvorchestve khudozhnika V. V. Vereshchagina. Avtorizovannaya mashinopis'. 1987, fevral' [About the literary work of the artist V. V. Vereshchagin. Authorized typewriting. 1987, February] / G.P. Andreevsky // Cherepovets Museum Association. – F. 38. – B. inv. – 10 l.
9. Perepiska V. V. Vereshchagina i P. M. Tret'yakova [Correspondence of V.V. Vereshchagin and P.M. Tret'yakov] / preparation for printing and notes by N.K. Galkina. – Moscow: "Iskusstvo" Publ., 1963. – 140 p.
10. Borisov, A.A. U samoedov. Ot Pinegi do Karskogo morya. Putevye ocherki khudozhnika Aleksandra Alekseevicha Borisova [At Samoyeds. From Pinega to the Kara Sea. Travel sketches of the artist Alexander Alekseevich Borisov] / A.A. Borisov. – St.Petersburg: A.F. Devrien Printing House, 1907. – 104 p.
11. Katalog posmertnoi vystavki kartin i etyudov V. V. Vereshchagina [Catalogue of the posthumous exhibition of paintings and sketches by V.V. Vereshchagin]. – St. Petersburg: I. Usmanov Printing House, 1904. – P. 7 // Russian State Historical Archive. – F. 489. – Op. 14. – D. 29-B. – L. 70.
12. Witte, S.Yu. Vospominaniya. Detstvo. Tsarstvovanie Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894) [Memoirs. Childhood. The Reign of Alexander II and Alexander III (1849–1894)] / S.Yu. Witte. – Leningrad: State Publishing House, 1924. – Vol. III. – 416 p.
13. Vereshchagin, V.V. Na Severnoi Dvine. Po derevyannym tserkvam. III prilozhenie k katalogu kartin V. V. Vereshchagina [On the Northern Dvina. On wooden churches. 3-rd Application to the catalog of paintings by V.V. Vereshchagin] / V.V. Vereshchagin. – Moscow: N. Kushnerev & Co Partnership Typolithography, 1896. – 121 p.
14. Leyman, I. I. Yarmarki na Evropeiskom Severe Rossii v XIX – nachale XX veka / Otvetstvennyi redaktor M. A. Matsuk [Fairs in the European North of Russia in the XIX – early XX century / I.I. Leyman. Ed. M.A. Matsuk. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 232 p.
15. Engelhardt, A.P. Russkii Sever. Putevye zapiski [The Russian North. Travel notes] / A.P. Engelhardt. – St.Petersburg: A.S. Suvorin Printing House, 1897. – 265 p.
16. A Russian Province of the North by Alexander Platonovich Engelhardt, governor of the Province of Archangel. Translated from Russian by Henry Cooke. – Westminster: Archibald Constable and Company, 1899. – 356 p.
17. Trevor-Battye, A. Ice-bound on Kolguev. A Chapter in the Exploration of Arctic Europe to Which is Added a Record of the Natural History of the Island. / A. Trevor-Battye. – Westminster: Archibald Constable and Company, 1895. – XXVIII, 458 p.
18. Leikin, N. A. Po Severu dikomu. Puteshestvie iz Peterburga v Arkhangel'sk i obratno. Poezdka na vodopad Kivach [In the wild North. Travel from St. Petersburg to Arkhangelsk and back. A trip to the Kivach waterfall] / N.A. Leikin. – 2nd edition. – St.Petersburg: Partnership "S.N. Yakovlev Printing House", 1899. – 243 p.
19. Evdokimov, I.V. Sever v istorii russkogo iskusstva [The North in the History of Russian art] / I.V. Evdokimov. – Vologda: Publication of the Union of Northern Cooperative Unions, 1921. – 224 p.
20. Zhuravsky, A.V. Evropeiskii Russkii Sever (k voprosu o gryadushchem i proshlom ego byta) [The European Russian North (on the question of the future and past of its life)] / A.V. Zhuravsky. – Arkhangelsk: Provincial Printing House, 1911. – 36 p.
21. Shveikovskaya, E.N. Neozhidanniy intsident pri zashchite A.V. Kamkinym doktorskoi dissertatsii [An unexpected incident during the defense of A.V. Kamkin's doctoral dissertation] / E.N. Shveikovskaya // Osmyslyaya regional'noe: rossiiskii region XVI–XXI vekov v fokuse mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Comprehending the regional: the Russian region of the XVI–XXI centuries in the focus of interdisciplinary research]: Materials of the All-Russian Sci. Conf. (readings in memory of A.V. Kamkin), Vologda, March 31 – April 1, 2022] / Ed. A.V. Vsevolodov. – Cherepovets: Cherepovets State Univ., 2022. – P. 8–21.
22. Kizevetter, A.A. Russkii Sever. Rol' Severnogo kraya Evropeiskoi Rossii v istorii Russkogo gosudarstva. Istoricheskii ocherk [The Russian North. The role of the Northern territory of European Russia in the history of the Russian state. Historical essay] / A.A. Kizevetter. – Vologda: Printing House of the Union of Northern Cooperative Unions, 1919. – 66 p.
23. Krainii Sever i ego prosvetiteli. Izdanie Postoyannoi komissii narodnykh chtenii. Izdanie vtoroe. [The Far North and its enlighteners. Publication of the Standing Commission of People's Readings. 2nd edition]. – St.Petersburg: M.I. Akinfiev and I.V. Leontyev Printing house, 1902. – 30 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01128, <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>.

Информация об авторе:

Всеволодов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329> (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр-кт Луначарского, д. 5; e-mail: vsevolodov12@yandex.ru).

Author:

Anton V. Vsevolodov, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Cherepovets State University, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329>. (5, Lunacharsky Ave., Cherepovets 162600, Russian Federation; e-mail: vsevolodov12@yandex.ru).

Для цитирования:

Всеволодов, А.В. В.В. Верещагин и «изобретение» Севера в литературе и публицистике конца XIX – начала XX века (часть первая) / А.В. Всеволодов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 89–95.

For citation:

Vsevolodov, A.V. V.V. Vereshchagin and the "invention" of the North in literature and journalism of the late XIX – early XX century (part one) / A.V. Vsevolodov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 89–95.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 09.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 09.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Организация мировых участков на Европейском Севере России в 1861 году

С.А. Попов

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу организации мировых участков в уездах Вологодской и Олонецкой губерний, населенных помещичьими крестьянами. Источниковую базу исследования составили делопроизводственные материалы, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива. Рассмотрение заявленной проблемы осуществлялось с позиции «центр – периферия», т.е. в рамках изучения взаимодействия правительства с губернской властью. Исследование показало, что процесс формирования мировых участков в уездах проживания помещичьих крестьян завершился к концу июня, а утверждение в них посредников – в начале августа 1861 г. Практически все они располагались на территориях концентрации основной массы крепостных. Реализуя поставленную задачу, губернаторы столкнулись с проблемой неравномерности расселения крепостных и преобладания мелкопоместных помещиков. При ее решении они постарались объединить селения временнообязанных крестьян так, чтобы уездные чиновники без лишних затруднений исполняли свои обязанности, и чтобы не требовалось значительных расходов на их содержание. Свою точку зрения местные власти аргументированно отстаивали перед правительственными учреждениями. В свою очередь министерство поддерживало их видение относительно наиболее эффективной структуры мировых участков.

Ключевые слова:

мировой посредник, губернатор, крестьянство, мелкопоместные имения, крестьянская реформа, Вологодская губерния, Олонецкая губерния, Европейский Север России

Введение

Правительственная программа отмены крепостного права, реализованная в законодательстве 19 февраля 1861 г., включала задачу учреждения в губерниях института мировых посредников. Ее решение было первоочередной целью начавшихся преобразований, так как на новый аппарат уездных чиновников возлагалось непосредственное осуществление крестьянской реформы на местах. Создание новой управленческой структуры было поручено губернатору и уездным дворянским собраниям.

Organization of administrative districts in the European North of Russia in 1861

S.A. Popov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper deals with the analysis of the organization of administrative districts in the Uyezds of the Vologda and Olonets provinces inhabited by landowner peasants. The source base of the study was made up of office materials identified in the funds of the Russian State Historical Archive. Consideration of the stated problem was carried out from the position of "center – periphery", i.e. within the framework of studying the interaction of the government with the provincial authorities. The study showed that the process of forming administrative districts in the Uyezds of residence of landowner peasants was completed by the end of June, and the approval of conciliators in them – in early August 1861. Almost all of them were located in the territories of concentration of the majority of serfs. Realizing the task, the governors faced the problem of uneven settlement of serfs and the predominance of small-scale landlords. In solving it, they tried to unite the villages of temporarily obligated peasants so that the Uyezd officials could perform their duties without unnecessary difficulties, and so that significant expenses for their maintenance were not required. The local authorities argued their point of view in front of government agencies. In turn, the Ministry supported their vision regarding the most effective structure of the administrative districts.

Keywords:

conciliator, governor, peasantry, small estates, peasant reform, Vologda province, Olonets province, European North of Russia

щицких крестьян по уезду и локализация основной части временнообязанных землепользователей на территории двух-трех уездов. В-третьих, в губерниях преобладали мелкопоместные имения. Поэтому затруднения, с которыми столкнулись губернаторы при решении поставленной задачи, оказались аналогичными.

Развитие института мировых посредников активно исследовалось с конца XIX в. В одних трудах он выступал объектом целенаправленного изучения [2], в других – к его анализу обращались в русле рассмотрения преобразований 1860-х гг., эволюции уездной власти и крестьянского самоуправления [3, 4]. В центре внимания авторов находились вопросы назначения новых чиновников и их функционал. Свой взгляд они обратили на характеристику размеров мировых участков и причин ликвидации этого института управления. В советское время его история анализировалась как в рамках направлений, выделенных на предыдущем этапе, так и при осмыслении процессов разработки проектов Великих реформ [5]; социально-экономического развития деревни и жизнедеятельности крестьянской общины в пореформенный период [6]. Специалистами подробно рассмотрена эволюция программы формирования учреждения. Дальнейшее развитие получило изучение компетенций мировых посредников. Отдельным вектором анализа стало раскрытие происходивших со стороны правительства и дворянского общества изменений в отношении к представителям уездной власти, в оценке их деятельности и полномочий. Правда, авторы не ставили цель изучение института мировых посредников в региональном аспекте. Всплеск интереса к указанным должностным лицам произошел в постсоветское время. Они вновь становятся объектом специализированного изучения, в том числе на материалах отдельных регионов Российской империи [7–9].

Определенные результаты достигнуты в изучении института мировых посредников на Европейском Севере России. Так, информация об истории его создания и деятельности содержится в обобщающих трудах [10, 11]. Отдельно выделим труд М.Е. Нееловой, в котором автор с использованием материалов республиканского национального архива представила общую картину функционирования института мировых посредников в Олонецкой губернии [12]. В диссертационной работе И.В. Савицкий раскрыл полномочия мировых учреждений на Европейском Севере, проанализировал роль местного дворянства в их деятельности [13, с. 174–183]. Ряд вопросов касаясь законодательства, регламентации их прав и полномочий затронуты в трудах, посвященных изучению отмены крепостного права, эволюции крестьянского самоуправления и жизнедеятельности северной общины [14; 15, с. 82, 83; 16]. Отдельные аспекты взаимоотношений крестьян Вологодской губернии с уездными чиновниками, а также функционал последних охарактеризованы в публикациях автора [17, 18]. При этом ряд моментов, по нашему мнению, нуждается в дополнительном анализе. К ним относятся: формирование мировых участков на территориях с соседским проживанием крепостных и государственных крестьян, а также с преобладанием мелкопоместных имений; взаи-

модействие региональных властей с правительственными учреждениями по вопросам устройства уездного управления. В предлагаемой статье проанализирован процесс организации мировых участков в уездах Вологодской и Олонецкой губерний, населенных помещичьими крестьянами.

Материалы и методы

Для реализации поставленной задачи использованы делопроизводственные материалы, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива (далее – РГИА). Они представлены циркулярами Министерства внутренних дел (далее – МВД), журналами заседаний Главного комитета об устройстве сельского состояния и Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия, отношениями губернаторов и иными документами. Заявленная проблема рассмотрена с позиции «центр – периферия», т.е. в рамках изучения взаимодействия высшей власти с губернскими органами управления. В исследовании применены общепринятые научные методы: аналитический, сравнительный и др.

Результаты и их обсуждение

По данным X ревизии (1858) на Европейском Севере России числилось 218 022 (104 149 муж. и 113 873 жен.) помещичьих крестьян¹. Из них 95,2 % находились в Вологодской губернии, и лишь 4,8 % – в Олонецкой. В Архангельской губернии значились только дворовые люди (6 муж. и 14 жен.). Основная масса крепостных проживала в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах Вологодской губернии и Вытегорском и Лодейнопольском уездах Олонецкой губернии. Так, в первых трех уездах числилось 202 389 душ обоего пола, что составляло 97,5 % от их общего количества в регионе. В двух других уездах – 9971 душа и 96 % соответственно. Остальные 2,5 и 4 % крепостных проживали в Никольском, Великоустюгском, Тотемском и Усть-Сысольском уездах Вологодской и в Каргопольском, Петрозаводском, Повенецком и Олонецком уездах Олонецкой губерний.

С обнаружением Манифеста 19 февраля 1861 г. началось формирование местных учреждений власти. 9 марта образовано Вологодское губернское по крестьянским делам присутствие. Ознакомившись на первых двух заседаниях с предметом своего ведомства, оно поставило первоочередную задачу – создание нового управления временнообязанных крестьян [20]. 17 марта предводителям дворянства Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов было поручено составить списки лиц, имевших право занимать должности мировых посредников; распорядиться об открытии уездных дворянских собраний для определения числа мировых участков и проверки означенных списков; заняться подготовительными работами к открытию сельских обществ. 23 марта присутствие по предложению губернатора В.Ф. Пфелера приступило к об-

¹ Здесь и далее по абзацу статистические расчеты произвел автор по данным труда А. Тройницкого [19, с. 26]. В показатели не включены дворовые люди.

суждению вопроса об образовании мировых учреждений в Великоустюгском, Никольском и Тотемском уездах. В Олонецкой губернии по крестьянским делам присутствие создано в день получения Высочайшего манифеста – 13 марта. Прежде всего оно обратилось к распределению селений помещичьих крестьян на сельские общества, волости и мировые участки и образованию крестьянского общественного управления [21].

Заметим, что три юго-западных уезда Вологодской губернии были единственными на Европейском Севере России, где институт мировых посредников формировало выборное дворянское представительство. На остальной территории размещения крепостных эта обязанность была возложена на губернские присутствия во главе с начальниками регионов. Причина этого – отсутствие здесь дворянских обществ, право на создание которых помещикам было предоставлено Жалованной грамотой 1785 г. [13, с. 154, 155; 22]. Так, в марте 1861 г. В.Ф. Пфелер в отношении, поданном министру С.С. Ланскому, указал на отсутствие в Никольском, Тотемском и Великоустюгском уездах помещиков, с которыми он должен был совещаться по вопросу образования мировых участков [23, л. 1 об.].

Правительство было заинтересовано в ускоренном создании института мировых посредников в стране. Однако, как отметил А.А. Корнилов, «несмотря на всю спешность этого дела», на процедуру по составлению списков, избранию и утверждению уездных чиновников в должности потребовалось не менее трех месяцев. Лишь к концу июня – началу июля 1861 г. они были открыты повсеместно [2, с. 239]. В процессе реализации описанных мероприятий губернаторы ряда регионов столкнулись с трудностями, разрешение которых требовало дополнительных разъяснений и согласований МВД и Главного комитета об устройстве сельского состояния. Среди них: возникновение разногласий между губернатором и уездными дворянскими собраниями по вопросу оптимального количества мировых участков в уездах; слишком продолжительная по времени процедура утверждения в Сенате кандидатов в посредники; неясность с перечнем документов, предоставляемых в Сенат вместе со списком кандидатов [24, л. 2–2об.; 25]. Определенные сложности возникли в регионах Европейского Севера России.

Процесс образования мировых участков в северных губерниях растянулся до июля, а утверждение в них посредников – до начала августа 1861 г. При этом по уездам он шел неравномерно. Уже к 29 апреля I Департаментом Правительствующего Сената были утверждены посредники: три – в Вологодском, два – в Лодейнопольском и по одному – в Вытегорском, Грязовецком и Кадниковском уездах [24, л. 15 об., 16]. В дальнейшем по мере поступления в Сенат представлений Вологодского губернатора были утверждены кандидатуры по уездам: с 30 апреля по 6 мая – один по Кадниковскому уезду; с 7 по 13 мая – один по Кадниковскому и два по Грязовецкому; с 25 мая по 1 июня – один по Кадниковскому уезду [24, л. 18, 21, 35].

20 мая Олонецкий губернатор А.А. Философов представил кандидатуры посредников по двум мировым участкам: коллежского асессора И.В. Янковского в Вытегорском уез-

де и титулярного советника А.П. Шеломова в Лодейнопольском уезде [23, л. 37]. Однако министр внутренних дел П.А. Валуев приостановил их утверждение в Сенате, потребовав провести новое распределение мировых учреждений. Причина – отсутствие, по его мнению, необходимости в дополнительных посредниках и увеличение обременения помещичьих имений значительным поземельным сбором на содержание мировых учреждений [23, л. 54]. Несмотря на это, кандидаты приступили к исполнению своих обязанностей [12].

В итоге, к 1 июня формирование мировых участков и утверждение в них посредников было завершено только в юго-западных уездах Вологодской губернии. Региональная власть здесь не столкнулась с явными препятствиями, так как помещичьи имения размещались компактно и являлись наиболее населенными в губернии, а площадь уездов была относительно невелика. На остальной территории проживания крепостных при осуществлении описываемых мероприятий у губернских присутствий возникли затруднения. Они были связаны с малым количеством помещичьих владений, которые не только были разбросаны по уездам на значительном расстоянии, но и являлись мелкопоместными. Последняя черта была характерна для большинства помещиков Русского Севера [13, с. 75].

В марте В.Ф. Пфелер информировал МВД о наличии 38 имений в Великоустюгском, Тотемском и Никольском уездах, располагавшихся следующим образом: «...имения Тотемского уезда находятся в двух противоположных сторонах; одни, с населением в 285 душ², близ границы Грязовецкого уезда, а другие, с населением в 880 душ, близ границы Никольского уезда и при том той части оно, в которой находятся помещичьи имения сего последнего уезда. Из 19 душ крестьян, водворенных на помещичьих землях в Устюгском уезде, только 12 душ проживают в двух деревнях, удаленных одна от другой и от помещичьих имений уездов Тотемского и Никольского на весьма значительное расстояние» [23, л. 1]. В свою очередь, А.А. Философов в отношении, направленном в то же министерство в апреле, указал: «... особенность местных условий губернии составляют сколько малочисленность временнообязанных крестьян, <...> столько же и обширность пространства, на котором расположены селения их, по большей части отдельными мелкими группами, разбросанными друг от друга на значительные расстояния» [23, л. 7 об.].

С учетом указанных обстоятельств губернаторы совместно с присутствиями составили проекты по образованию мировых участков и назначению в них посредников. Они были представлены на рассмотрение МВД в марте (по Вологодской губернии) и апреле (по Олонецкой губернии). Так, по Великоустюгскому уезду местная власть посчитала невозможным присоединение селений временнообязанных крестьян к мировым участкам соседних административно-территориальных единиц. Причина – отдаленность их места жительства от ближайших помещичьих имений.

² В использованных автором документах количество крепостных в уездах Вологодской и Олонецкой губерний приведено по X ревизии населения. Однако как в данном случае, так и далее по тексту эти показатели не всегда соответствуют цифрам, представленным в труде А. Троицкого [19].

Как следствие, было решено мирового посредника здесь не назначать, а крепостных передать в ведение земской полиции. Помещичьи имения Тотемского уезда, пограничные с Грязовецким уездом, предложено включить в состав ближайшего мирового участка последнего. Относительно владельческих земель, располагавшихся вблизи границы Тотемского и Никольского уездов, оптимальным решением виделось объединение их в один мировой участок. Однако губернатору это представлялось затруднительным по нескольким обстоятельствам: а) он состоял бы всего из 2245 душ, поселенных на весьма обширном пространстве; б) для его учреждения потребовались бы значительные расходы; в) предполагалось, что по малочисленности имений обязательные отношения между крестьянами и помещиками редко требовали бы участия посредника. В связи с этим, принятие окончательного решения по формированию данного участка губернское присутствие оставило за министром внутренних дел [23, л. 1 об.–2].

По сведениям А.А. Философова, в Повенецком уезде располагалось три имения, а в Петрозаводском – семь. В них числилось 228 душ помещичьих крестьян, что, по заключению губернатора, не составляло даже отдельной волости. Поэтому Олонецкое губернское присутствие предложило на этих территориях ни мирового участка, ни посредника не иметь, а обязанности последнего возложить на члена от правительства мировых съездов [23, л. 8].

Таким образом, местные власти обоих регионов считали нецелесообразным создание отдельных мировых участков в уездах с малым количеством крепостных. Представляя свои соображения, они учли востребованность в наличии участка, удобство исполнения посредником своих обязанностей и экономические затраты крестьян по обслуживанию мировых учреждений. Обратим внимание, что на заседаниях губернских присутствий не рассматривался вопрос о формировании участков в Усть-Сысольском, Каргопольском и Олонецком уездах, где также имелись крепостные.

Поступившие в Земский отдел МВД предложения рассмотрел министр П.А. Валуев. Он поддержал идею объединения нескольких уездов в один участок, где это было возможно, с назначением посредника. Одновременно он отклонил вариант передачи полномочий последнего уездным институтам управления там, где создание участков не предполагалось. Отдельно министр указал Олонецкому губернатору на отсутствие размышлений по Каргопольскому уезду, в котором числилось 30 душ помещичьих крестьян [26, л. 9 об.].

С заключением Петра Александровича согласились в Главном комитете на заседании 6 мая 1861 г., высказав свои соображения. Они включали пять пунктов, из которых два регламентировали вопросы образования мировых участков. Комитет отметил, что «несколько уездов, где мало временнообязанных крестьян, должны быть соединены в один мировой участок, если такое соединение, по местным условиям, представляется возможным». Одновременно позволялось не образовывать их посредством соединения уезда с малым количеством крепостных крестьян с другим уездом, если это невозможно «по дальности рас-

стояния или иным местным причинам». В данном случае обязанности посредника губернатор должен возложить на уездного судью или «кого-либо из местных чиновников» [26, л. 16 об.–17; 27, л. 62]. Также было одобрено создание единого участка с назначением посредника путем присоединения имений Тотемского уезда к граничившим с ним помещичьим владениям Никольского уезда. Высказанные В.Ф. Пфелером опасения в возможном возникновении затруднений в деятельности уездного чиновника в связи со значительным расстоянием данного участка его члены посчитали несущественными [26, л. 14 об.; 27, л. 61 об.]. Итогом заседания 6 мая стало предписание губернаторам представить новые соображения по разделению территорий на мировые участки с учетом высказанных оснований. С выводами высшего учреждения власти губернские присутствия были ознакомлены циркулярами министра внутренних дел, разосланными 16 мая [23, л. 27–29].

В начале июня начальники регионов представили в МВД очередные проекты формирования мировых участков. Олонецкое губернское присутствие объединило селения временнообязанных крестьян в Петрозаводском и Повенецком уездах в особый мировой участок. Присоединение их к одному из участков Вытегорского и Лодейнопольского уездов, в которых находились помещичьи владения, оно признало невозможным по причине их отдаленности. Исполнение должности посредника возложили на чиновника особых при губернаторе поручений коллежского секретаря М.П. Васильева. В августе его кандидатуру, в качестве временной меры, утвердил министр внутренних дел [23, л. 69–69 об., 72]. Относительно территорий Каргопольского и Олонецкого уездов региональные власти сообщили, что еще постановлением 22 мая губернское присутствие, на основании ст. 20 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений, причислило первые к первому участку Вытегорского уезда, а вторые – ко второму участку Лодейнопольского уезда [23, л. 33 об.].

В конце июня губернское присутствие вновь вернулось к вопросу формирования дополнительно второго участка в Вытегорском и третьего – в Лодейнопольском уездах. Власти были убеждены в необходимости наличия здесь пяти мировых участков. Защищая свою точку зрения перед министерством, они ссылались на местные условия расселения временнообязанных крестьян. Не составляя сплошной массы населения, они размещались небольшими группами, часто «отдельными сельбищами между крестьянами государственными и удельными, так что число их хотя не велико, но весьма значительны расстояния между их селениями» [23, л. 55]. В итоге, как утверждало присутствие, каждому посреднику для объезда своего участка придется преодолевать более 200 верст по дорогам, по которым в некоторые местности в весеннее и осеннее время часто невозможно проехать. Как следствие, попасть туда будет возможно только через смежные уезды. Помимо этого, значительная часть помещиков не проживала в своих имениях, поэтому региональные власти ожидали, что составление основной массы уставных грамот ляжет на плечи мировых посредников.

Таким образом, Олонецкое губернское присутствие, с одной стороны, пересмотрело свои взгляды по вопросу образования мирового участка в Повенецком и Петрозаводском уездах. Принимая решение, оно учло требования Главного комитета от 6 мая 1861 г. С другой стороны, оно настояло на своих убеждениях о необходимости двух мировых участков в Вытегорском и трех – в Лодейнопольском уездах. 30 июня А.А. Философов доложил П.А. Валуеву об окончательном образовании в уездах Лодейнопольском, Олонецком, Вытегорском и Каргопольском пяти мировых участков. Одновременно он напомнил министру, что еще в мае представил к утверждению в должности посредника второго участка Лодейнопольского уезда титулярного советника А.П. Шеломова и второго же участка Вытегорского уезда коллежского асессора И.В. Янковского [23, л. 58–58 об.]. На этот раз в министерстве согласовали данные кандидатуры, признав «неудобным отменить <...> распоряжение» губернатора, но с условием, что «при открывшихся вакансиях, они не должны быть замещаемы» [23, л. 60]. В начале августа их утвердил Сенат [24, л. 57 об.].

В июле 1862 г. должность третьего мирового посредника по Лодейнопольскому уезду освободилась. Губернатор подал в министерство прошение допустить назначение нового лица до окончания введения здесь в действие уставных грамот. На это получил ответ, в котором указывалось, что «в виду значительных расходов по крестьянскому делу по Олонецкой губернии оставление в Лодейнопольском уезде 3-х мировых участков признается неудобным», а значит вакансии не должна быть замещаемы [28]. С этого времени началась процедура ликвидации одного участка и распределения волостей временнообязанных крестьян по оставшимся двум участкам. Она длилась до апреля 1863 г., когда министр согласовал новое распределение участков и волостей в уезде [29]. В связи с описанным историческим фактом, автор обращает внимание на неточность умозаключения Р.В. Филиппова, который указал на существование в Лодейнопольском уезде двух мировых участков [15, с. 82]. Данное количество зафиксировано с 1863 г., а с июля 1861 г. по апрель 1863 г. их было три.

В отличие от соседей Вологодское губернское присутствие при повторном рассмотрении вопроса формирования мировых участков на заседании 31 мая осталось полностью верным своим убеждениям. Ознакомившись с прописанными Главным комитетом правилами образования мировых учреждений, оно по-прежнему считало, что «в уездах Тотемском, Устюжском, Никольском, Яренском³ и Устьсысольском не только не удобно образование особых мировых участков, но даже и соединение всех сих уездов или некоторых из них в один мировой участок не представляется возможным, потому что местности, населенные крестьянами, подлежащими ведению новых учреждений, разделены огромным пространством» [23, л. 41 об.–42].

³ По данным А. Тройницкого, в Яренском уезде не было помещичьих крестьян. Однако в журнале Вологодского губернского присутствия указано, что по X ревизии населения здесь числилось 495 душ, приписанных к Сереговскому солеваренному заводу. Обращение к этой территории в процессе заседания произошло, как объяснило само присутствие, по предписанию министра внутренних дел. Более подробно об этом [23, л. 41–42 об.].

Члены присутствия допускали возможность объединения в один участок селений Тотемского и Никольского уездов. Об этом, как было ранее указано, они сообщали в МВД в марте и даже получили одобрение в правительственных учреждениях. В конечном результате подобное соединение, в связи с незначительностью населения предполагаемого участка и потребностью больших расходов на содержание посредника, региональная власть признала неудобным. Окончательным решением присутствия стало: 1) имения Тотемского уезда, находившиеся в первом стане, присоединить к ближайшему третьему мировому участку Грязовецкого уезда; 2) по Великоустюжскому, Никольскому, Яренскому и Усть-Сысольскому уездам и в части Тотемского уезда, прилегавшей к Никольскому, особых мировых участков не иметь. Обязанности посредника здесь возложить на уездных судей или других местных чиновников, по усмотрению губернатора, с назначением им дополнительного содержания [20, л. 1]. Представленное заключение в конце июня одобрил П.А. Валуев, при этом второе условие – в качестве временной меры.

Заключение

Процесс формирования мировых участков в уездах Вологодской и Олонецкой губерний, населенных помещичьими крестьянами, завершился к концу июня, а утверждение в них посредников – в начале августа 1861 г. Основной проблемой губернаторов при реализации поставленной задачи стало неравномерное расселение крепостных крестьян и преобладание мелкопоместных помещиков. При ее решении они постарались объединить селения временнообязанных крестьян таким образом, чтобы уездные чиновники без лишних затруднений исполняли свои обязанности, и чтобы не требовалось значительных расходов на их содержание. Свою точку зрения местные власти аргументированно отстаивали перед правительственными учреждениями. Отметим, что министерство поддерживало их видение относительно наиболее эффективной структуры мировых участков. В итоге Олонецкое губернское присутствие изменило первоначальную точку зрения по Повенецкому и Петрозаводскому уездам. В то время как Вологодское присутствие последовательно отстояло изначально представленные на утверждение правительства соображения.

В 1861 г. на Европейском Севере России было организовано 16 мировых участков: 10 – в Вологодской и шесть – в Олонецкой губерниях. Практически все они размещались в уездах проживания основной массы крепостных: в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском, в первом регионе, и в Вытегорском и Лодейнопольском – во втором. Исключение составил «особый» участок, в который Олонецкое губернское присутствие объединило временнообязанных крестьян Повенецкого и Петрозаводского уездов. В остальных местностях с малым количеством помещичьих крестьян региональное руководство решило не создавать самостоятельных участков, а присоединить их селения, где это было возможно, к соседним участкам. Заметим, что в Олонецкой губернии три мировых участка, как и посредников в них, МВД согласовало в качестве временной меры.

Литература и источники

1. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. № 36660. 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. 36. Ч. 1. 1861. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1863.
2. Корнилов, А.А. Деятельность мировых посредников / А.А. Корнилов // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 5. – Москва: Товарищество И.Д. Сытина, 1911. – С. 237–252.
3. Муравьев, В.Н. Мелькая единица самоуправления в русском законодательстве / В.Н. Муравьев. – Новгород: Губернская тип., 1912. – С. 29–41.
4. Титов, А.А. К вопросу о преобразовании местного крестьянского управления / А.А. Титов. – Ярославль: Тип. губернской земской управы, 1881. – С. 4.
5. Захарова, Л.Г. Крестьянство России в буржуазных реформах 60-х годов XIX века / Л.Г. Захарова // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России / отв. ред. В.Т. Пашуто. – Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1983. – С. 194–207.
6. Дружинин, Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. / Н.М. Дружинин. – Москва: Наука, 1978. – С. 28–37.
7. Рыбков, А.Г. Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 г. (на материалах Саратовской губернии) / А.Г. Рыбков, М.М. Зинина. – Балаково, 2010. – 171 с.
8. Новикова, А.В. Деятельность мировых посредников в Орловской губернии / А.В. Новикова // История. Общество. Политика. – 2018. – № 2 (6). – С. 43–49.
9. Устьянцева, Н.Ф. Институт мировых посредников в крестьянской реформе / Н.Ф. Устьянцева // Великие реформы в России. 1856–1874: сб. / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бешнелла. – Москва: Издательство Московского ун-та, 1992. – С. 166–184.
10. История Карелии с древнейших времен до наших дней / науч. ред. Н.А. Кораблев [и др.]. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – С. 242, 243, 247.
11. История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1 / под. общ. ред.: И.Л. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. – С. 384, 385.
12. Неелова, М.Е. К истории института мировых посредников (на примере Олонецкой губернии) / М.Е. Неелова // Кижский вестник: сб. статей. Вып. 9. – Петрозаводск, 2004. – С. 65–78. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/314.html> (дата обращения: 25.04.2023).
13. Савицкий, И.В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX вв. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Иван Владимирович Савицкий; Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 1998. – 229 с.
14. Попов, С.А. Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начала XX века) / С.А. Попов. – Сыктывкар, 2016. – С. 75, 76, 129, 130.
15. Филиппов, Р.В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии / Р.В. Филиппов. – Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1961. – 224 с.
16. Чупров, В.И. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февр. 1917 гг.) / В.И. Чупров, В.В. Шаньгина. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2013. – С. 57, 65.
17. Попов, С.А. Взаимоотношения органов крестьянского самоуправления с представителями уездной власти Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века / С.А. Попов // STUDIA JUVENALIA: сборник статей молодых ученых ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН / науч. ред. И.Л. Жеребцов. Вып. 3. – Сыктывкар, 2015. – С. 34, 44.
18. Попов, С.А. Функционал мировых посредников в государственной деревне (на материалах Вологодской губернии) / С.А. Попов // Северный регион в условиях социальных и экономических трансформаций российского общества (Республика Коми. История и современность): сб. статей. – Сыктывкар, 2022. – С. 48–53.
19. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование А. Тройницкого. – Санкт-Петербург: Тип. Карла Вульфа, 1861. – 93 с.
20. РГИА. – Ф. 1181. – Оп. 2. – Д. 17. – Л. 1.
21. Булах, Ю.С. Краткий очерк хода крестьянского дела в Олонецкой губернии по 1 ноября 1863 года / Ю.С. Булах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. – Петрозаводск: Губернская тип., 1864. – С. 92.
22. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. / Б.Н. Миронов. Т. 2. – Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – С. 284–288.
23. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 36. 1861 г. – Д. 6.
24. РГИА. – Ф. 1181. – Оп. 1. 1861 г. – Д. 10.
25. РГИА. – Ф. 1181. – Оп. 1. 1861 г. – Д. 22.
26. РГИА. – Ф. 1181. – Оп. 1. 1861 г. – Д. 31.
27. РГИА. – Ф. 1181. – Оп. 2. – Д. 4.
28. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 36. 1861 г. – Д. 8а. – Л. 222–222 об.
29. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 36. 1861 г. – Д. 8б. – Л. 52.

References

1. Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o gubernskikh i uездnykh po krest'yanskim delam uchrezhdeniyakh [Provisions on provincial and district institutions for peasant affairs, approved by the highest order]. № 36660. February 19, 1861 // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. So-branie Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 2nd Collection of Laws. Vol. 36. Part. I. 1861. – St. Petersburg: Printing House of the II Dept. of Her Imperial Majesty's own Chancellory, 1863.
2. Kornilov, A.A. Deyatel'nost' mirovykh posrednikov [Activity of conciliators] / A.A. Kornilov // Velikaya reforma [19 fevralya 1861–1911]: Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vo-pros v proshlom i nastoyashchem. Yubileinoe izdanie [The Great Reform [February 19, 1861–1911]: Russian society and the peasant question in the past and present. Anniversary edition]. Vol. 5. – Moscow: Partnership of I.D. Sytin, 1911. – P. 237–252.

3. Muravyev, V.N. Mel'kaya edinitsa samoupravleniya v russkom zakonodatel'stve [Small unit of self-government in Russian legislation] / V.N. Muravyev. – Novgorod: Provincial Printing House, 1912. – P. 29–41.
4. Titov, A.A. K voprosu o preobrazovanii mestnogo krest'yanskogo upravleniya [On the transformation of local peasant administration] / A.A. Titov. – Yaroslavl: Printing House of the provincial Zemstvo Board, 1881. – P. 4.
5. Zakharova, L.G. Krest'yanstvo Rossii v burzhuaiznykh reformakh 60-kh godov XIX veka [The Russian peasantry in bourgeois reforms of the 1960s of the XIX century] / L.G. Zakharova // Sotsial'no-politicheskoe i pravovoe polozhenie krest'yanstva v dorevolutsionnoi Rossii [Social, political and legal status of the peasantry in pre-revolutionary Russia] / Ed. V.T. Pashuto. – Voronezh: Voronezh Univ. Publ., 1983. – P. 194–207.
6. Druzhinin, N.M. Russkaya derevnya na perelome 1861–1880 gg. [Russian village at the turn of 1861–1880] / N.M. Druzhinin. – Moscow: Nauka Publ., 1978. – P. 28–37.
7. Rybakov, A.G., Zinina, M.M. Mirovye posredniki v krest'yanskoi reforme 1861 g. (na materialakh Saratovskoi gubernii) [Conciliators in the peasant reform of 1861 (on the materials of Saratov province)] / A.G. Rybakov, M.M. Zinina. – Balakovo, 2010. – 171 p.
8. Novikova, A.V. Deyatel'nost' mirovykh posrednikov v Orlovskoi gubernii [Activity of conciliators in Orel province] / A.V. Novikova // Istoriya. Obshchestvo. Politika [History. Society. Politics]. – 2018. – № 2 (6). – P. 43–49.
9. Ustyantseva, N.F. Institut mirovykh posrednikov v krest'yanskoi reforme [The institution of conciliators in the peasant reform] / N.F. Ustyantseva // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 [The great reforms in Russia. 1856–1874]: collection / Ed. L.G. Zakharova, B. Eklof, J. Bashnell. – Moscow: Moscow Univ. Publ., 1992. – P. 166–184.
10. Istoriya Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Karelia from ancient times to the present] / Sci. Eds. N.A. Korablev [et al.]. – Petrozavodsk: Periodica Publ., 2001. – P. 242–243, 247.
11. Istoriya Komi s drevneishikh vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. 2nd edition, revised and updated. Vol. 1 / Eds. I.L. Zharebtsov, A.A. Popov, A.F. Smetanin. – Syktyvkar: OOO "Anbur" ["Anbur" Publ.], 2011. – P. 384–385.
12. Neelova, M.E. K istorii instituta mirovykh posrednikov (na primere Olonetskoi gubernii) [To the history of the institute of conciliators (on the example of Olonets province)] / M.E. Neelova // Kizhskii vestnik [Kizhi Bull.]: collection of papers. Issue 9. – Petrozavodsk, 2004. – P. 65–78. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/314.html> (accessed: 25.04.2023).
13. Savitsky, I.V. Dvoryanstvo Evropeiskogo Severa Rossii v sereдинe XIX – nachale XX vv. (Po materialam Olonetskoi, Vologodskoi i Arkhangel'skoi gubernii) [The nobility of the European North of Russia in the middle of the XIX – early XX centuries (On the materials of the Olonets, Vologda and Arkhangelsk provinces)]: diss. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02 / Ivan Vladimirovich Savitsky, Petrozavodsk State Univ. – Petrozavodsk, 1998. – 229 p.
14. Popov, S.A. Krest'yanskoe samoupravlenie v Vologodskoi gubernii (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka) [Peasant self-government in the Vologda province (second half of the XIX – early XX century)] / S.A. Popov. – Syktyvkar, 2016. – P. 75–76, 129–130.
15. Filippov, R.V. Reforma 1861 g. v Olonetskoi gubernii [The reform of 1861 in Olonets province] / R.V. Filippov. – Petrozavodsk: State Publ. House of Karelian ASSR, 1961. – 224 p.
16. Chuprov, V.I. Krest'yanskaya obshchina Komi kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (1861 – fev. 1917 gg.) [Peasant community of Komi Kray in the second half of the XIX – beginning of the XX century (1861 – February 1917)] / V.I. Chuprov, V.V. Shangina. – Syktyvkar: Kola Publ. House, 2013. – P. 57, 65.
17. Popov, S.A. Vzaimootnosheniya organov krest'yanskogo samoupravleniya s predstaviteleyami uездnoi vlasti Vologodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Relationship of peasant self-government bodies with representatives of the district authorities of the Vologda province in the second half of the XIX – early XX century] / S.A. Popov // STUDIA JUVENALIA. Collection of papers by young scientists of the Inst. of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS / Sci. Ed. I.L. Zharebtsov. Issue 3. – Syktyvkar, 2015. – P. 34–44.
18. Popov, S.A. Funktsional mirovykh posrednikov v gosudarstvennoi derevne (na materialakh Vologodskoi gubernii) [Functionality of conciliators in the state village (on the materials of the Vologda province)] / S.A. Popov // Severnyi region v usloviyakh sotsial'nykh i ekonomicheskikh transformatsii rossiiskogo obshchestva (Respublika Komi. Istoriya i sovremennost') [Northern region in the social and economic transformations of Russian society (Komi Republic. History and modernity)]: collection of papers. – Syktyvkar, 2022. – P. 48–53.
19. Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-i narodnoi perepisi. Statisticheskoe issledovanie A. Troinitskogo [Serf population in Russia according to the 10th population census. Statistical study by A. Troinitsky]. – St. Petersburg: Karl Wolfe Publ. House, 1861. – 93 p.
20. RGIA. – F. 1181. – Op. 2. – D. 17. – L. 1.
21. Bulakh, Yu.S. Kratkii ocherk khoda krest'yanskogo dela v Olonetskoi gubernii po 1 noyabrya 1863 goda [A brief sketch of the peasant affairs in the Olonets province as of November 1, 1863] / Yu.S. Bulakh // Pamyatnaya knizhka Olonetskoi gubernii na 1864 god [Memorial book of the Olonets province for 1864]. – Petrozavodsk: Provincial Printing House, 1864. – P. 92.
22. Mironov, B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian empire: from tradition to modernity]: in 3 vol. / B.N. Mironov. Vol. 2. – St. Petersburg: DMITRY BULANIN, 2015. – P. 284–288.
23. RGIA. – F. 1291. – Op. 36. 1861. – D. 6.
24. Ibid. – F. 1181. – Op. 1. 1861. – D. 10.
25. Ibid. – F. 1181. – Op. 1. 1861. – D. 22.
26. Ibid. – F. 1181. – Op. 1. 1861. – D. 31.
27. Ibid. – F. 1181. – Op. 2. – D. 4.
28. Ibid. – F. 1291. – Op. 36. 1861. – D. 8a. – L. 222–222 ob.
29. Ibid. – F. 1291. – Op. 36. 1861. – D. 8b. – L. 52.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторе:

Попов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID 0009-0009-4181-9577 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: serj_popov@mail. illhkomisc.ru).

Author:

Sergei A. Popov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, ORCID 0009-0009-4181-9577, (26, Kommunisticheskaya st., Syktывkar 167982, Komi Republic, Russian Federation, e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Попов, С.А. Организация мировых участков на Европейском Севере России в 1861 году / С.А. Попов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 96–103.

For citation:

Popov, S.A. Organization of administrative districts in the European North of Russia in 1861 / S.A. Popov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 96–103.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 09.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 09.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Организация ветеринарного дела в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века (по документам Государственного архива Вологодской области)

Н.А. Овчинникова*, В.А. Саблин**, С.В. Тимошина**

* Государственный архив Вологодской области,
г. Вологда

** Вологодский государственный университет,
г. Вологда

baraewa.n@yandex.ru
sablin@inbox.ru
timoshina68@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ организации ветеринарного дела в конце XIX–начале XX в. в Вологодской губернии – в одном из крупных аграрных регионов России с ярко выраженной молочной специализацией животноводства и развитой переработкой сырья.

Основу работы составил анализ источников Государственного архива Вологодской области. Большинство архивных документов вводятся в научный оборот впервые и позволяют выявить основные направления формирования ветеринарных структур, комплектования штатов и размеров заработной платы сотрудников.

В статье анализируется история создания в 1898 г. «Северного объединенного общества ветеринарных врачей», являвшегося достаточно инновационной мерой по координации ветеринарных сил не только для региона, но и для всей России. Сопоставление базовых проблем формирования ветеринарной отрасли в Вологодской губернии выявило проблемы, характерные для Европейского Севера в целом. Прежде всего это крайне медленные темпы развития отрасли, низкая технологическая грамотность населения, слабая финансовая поддержка со стороны губернской власти и органов самоуправления. В начале XX в. наметились определенные позитивные изменения в динамике отрасли, проявлявшие себя вплоть до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова:

губерния, уезд, ветеринария, фельдшерская служба, молочное животноводство, маслоделие, скот, земские учреждения, Северное объединенное общество ветеринарных врачей

Изучение организации и развития ветеринарного дела в государстве, где молочно-хозяйственная и животноводческая отрасли производства – это важнейшая сфера экономики, является актуальной задачей для исследователей. Появление новых, ранее неизвестных видов за-

Organization of veterinary service in the Vologda province in the late XIX – early XX centuries (according to the documents of the State Archive of the Vologda Region)

N.A. Ovchinnikova*, V.A. Sablin**, S.V. Timoshina**

* State Archive of the Vologda Region,
Vologda

** Vologda State University,
Vologda

baraewa.n@yandex.ru
sablin@inbox.ru
timoshina68@mail.ru

Abstract

The paper presents an analysis of the organization of veterinary service in the late XIX – early XX centuries in the Vologda province, one of the largest agrarian regions of Russia with a pronounced dairy specialization of animal husbandry and developed processing of raw materials. The basis of the work was the analysis of the sources of the State Archive of the Vologda region. Most archival documents are introduced into scientific circulation for the first time and allow us to identify the main directions in the formation of veterinary structures, staffing and salaries of employees. The paper analyzes the history of the creation in 1898 of the "Northern United Society of Veterinarians", which was quite an innovative measure to coordinate veterinary forces not only for the region, but also for the whole of Russia. Comparison of the basic problems of the formation of the veterinary branch in the Vologda province revealed the problems characteristic of the European North as a whole. These are, first of all, the extremely slow pace of development of the industry, low technological literacy of the population, weak financial support from the provincial authorities and self-government bodies. At the beginning of the XX century there were certain positive changes in the dynamics of the branch, which manifested themselves until the outbreak of the First World War.

Keywords:

province, Uyezd, veterinary medicine, paramedic service, dairy farming, butter-making, livestock, Zemstvo institutions, Northern United Society of Veterinarians.

болеваний у животных требует переосмысления и сохранения опыта по организации борьбы с ними. Вологодская губерния в конце XIX–начале XX в. представляла собой крупный аграрный локус на европейском севере страны, с ярко выраженной молочной специализацией животновод-

ства и развитой переработкой сырья, в том числе маслодельным производством. В этой связи большое значение приобретали выработанные технологии содержания скота, способы борьбы с заразными болезнями животных и методы взаимодействия ветеринарных служб с хозяйствующими субъектами.

Историография ветеринарного дела в Российской империи достаточно обширна и имеет два основных направления. Исследователи одного из них занимаются изучением истории земских учреждений и как одну из сфер деятельности органов самоуправления выделяют ветеринарную службу [1–6]. Историки другого направления рассматривают ее общую историю или борьбу с отдельными заболеваниями [7–9]. В то же время становление ветеринарной службы в Вологодской губернии в XIX–начале XX в. изучено крайне слабо. Имеющиеся исследования в основном посвящены более поздним периодам [10, 11].

Источники по истории ветеринарии на территории Вологодской губернии многообразны. Данная статья основывается на материалах Государственного архива Вологодской области. Основная масса документов, привлеченных к исследованию, содержится в фонде № 34 «Вологодская губернская земская управа». Это постановления управы, направленные на борьбу с заболеваниями и развитие ветеринарии в губернии, доклады земских управ о состоянии ветеринарно-санитарного дела в уездах, отчеты ветеринарных врачей, ведомости, в том числе о ходе эпизоотий, требовательные ведомости на выдачу заработной платы персоналу и др. Группа распорядительных источников находится в фонде № 14 «Вологодское губернское правление» и состоит из копий циркуляров Министерства внутренних дел, распоряжений Правления в адрес земских управ о санитарном надзоре. Кроме этого, в этом же фонде имеются ведомости о протекании эпизоотий в губернии, отчеты по ветеринарной части. Часть источников располагается в фондах уездных земских управ Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Тотемского и др. уездов. В основном это доклады, отчеты, сметы, ведомости.

Ветеринарным, или, точнее, ветеринарно-полицейским, делом в Российской империи руководило особое ветеринарное отделение, позднее – ветеринарный комитет в составе Министерства внутренних дел [12, с. 1]. Со второй половины XIX в. на местах общий контроль за реализацией этого направления принадлежал губернаторам. Непосредственное заведование общими ветеринарно-полицейскими мерами возлагалось на земские органы самоуправления. Кроме того, контроль над состоянием скота в губерниях несли и правительственные врачи. В конечном счете, структура ветеринарной службы и медицинской части оказалась довольно многослойной и включала в себя «земскую, правительственную, военную, конных заводов и частную ветеринарию» [13, с. 159].

В анализируемый период основную нагрузку по организации ветеринарного дела в Вологодской губернии выполняли земские управы, которые заключали соглашения с врачами и фельдшерами, следили за предупреждением, появлением и борьбой с эпизоотиями, вели учет домашнего скота, отчитывались перед губернским правлени-

ем о ветеринарно-санитарном состоянии каждого уезда. Соответственно расходы на борьбу с эпизоотиями также возлагались на уездные земские управы. В исключительно тяжелых случаях к финансированию кампаний подключалась губернская земская управа [14, л. 196–196 об.].

До 1871 г. в губернии работали семь ветеринарных фельдшеров: по одному в Вельском, Вологодском, Кадниковском, Усть-Сысольском уездах и два – в Сольвычегодском уезде [15, л. 1].

В июне 1871 г. в Вологодской губернии появился первый ветеринарный врач Л.К. Реймер. Во время его службы, в 1872 г., были открыты ветеринарное отделение при Вологодской губернской фельдшерской школе и лечебница для животных. Обучение являлось бесплатным. В этих целях Вологодское губернское земское собрание выделяло 150 руб. в год на каждого ученика. В школу принимали мальчиков младше 15 лет, уже обученных грамоте [16, л. 6–6 об., 9, 16–18, 64, 65, 82–84]. Ветеринарный врач стал преподавателем в школе, а с 1876 г. – смотрителем, за что получил право пользоваться казенной квартирой. Первый выпуск ветеринарных фельдшеров в количестве шести человек состоялся в 1875 г. Ветеринарное отделение просуществовало крайне непродолжительное время. Земству эти расходы представлялись весьма обременительными, и уже в 1880 г. постановлением губернского земского собрания прием учеников на 1 курс был прекращен. Всего за время существования школы окончили 19 чел. [15, л. 1 об. – 2 об.]. В 1888 г. здание губернской фельдшерской школы сгорело. Несмотря на многочисленные прошения уездных земств открыть учебное ветеринарное заведение с целью ликвидировать нехватку квалифицированного персонала, лишь в октябре 1916 г. Вологодский губернатор предписал Губернскому земскому собранию рассмотреть вопрос об открытии вновь ветеринарно-фельдшерской школы в Вологде [17, л. 62–63].

После Л.К. Реймера сменилось несколько врачей. В частности, в 1875 г. Вологодским губернским ветеринарным врачом являлся коллежский секретарь Фридрих Иванович Муман [18, с. 28]. В 1876 г. сложилась такая ситуация, что на должности губернского ветеринарного врача никого не оказалось. Земское собрание 21 января 1887 г. приняло решение не принимать нового сотрудника, ограничившись приемом на летние месяцы трех студентов ветеринарного института с окладом в 75 руб. в месяц каждому. Такое положение длилось в течение 1,5 лет, пока в губернии не вспыхнула новая эпизоотия сибирской язвы [15, л. 3–3 об.].

В 1898 г. должность губернского ветеринара занимал упоминаемый выше, но уже в чине статского советника, Ф.И. Муман [19, с. 150]. С его именем связана инициатива по созданию в 1898 г. «Северного объединенного общества ветеринарных врачей». Это событие являлось достаточно инновационной мерой по координации ветеринарных сил не только для региона, но и для всей России. Устав общества был утвержден 19 октября 1898 г., его полноправными участниками стали ветеринарные специалисты Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской и Ярославской губерний [20, л. 26 об., 57, 58].

По мере развития молочного животноводства в глазах населения значение ветеринарии и ветеринарной службы резко возрастало. Например, в 1910 г. в Вологодской губернии функционировало 83 маслодельных артели с общей доходностью свыше 500 тыс. руб. в год. Крестьяне стремились увеличить поголовье крупного рогатого скота, улучшить его породу и на этой основе максимально активно поставляли в артели молоко, зачастую для получения прибыли ограничивая себя в пище употреблением продукта его переработки – обрата. Крестьяне были заинтересованы в стабильном развитии отрасли, так как в случае эпизоотии вводился запрет или ограничение на прием молока из деревень, входивших в зону заражения, что наносило явный ущерб развитию хозяйства. При эпизоотии страдали не только крестьяне, но и производители сливочного масла [21, л. 84; 22, л. 280]. Крестьянам из зараженных деревень запрещалось приезжать на ярмарки, что отрицательно сказывалось на сбыте молока и мяса, которые поступали из ряда уездов губернии на рынки городов Архангельска, Вятки и Ярославля [23, л. 73]. В случае карантинных мер, помимо сельского хозяйства, страдала и лесная промышленность края из-за ограничений на использование тяглового скота. При любой серьезной эпизоотии вред наносился в первую очередь крестьянской экономике. В этой связи стоит отметить, что власти пытались помочь населению пострадавших районов. К примеру, 10 июня 1903 г. Министерство внутренних дел приняло постановление, предписывающее выдавать вознаграждение крестьянам за утилизированный скот, убитый в целях предотвращения эпизоотии, а также за павших после прививок животных [24, л. 18].

Штат ветеринарной службы губернии постепенно увеличивался. Как видно из данных, приведенных в табл. 1, если в 1898 г. работали один врач и 26 ветеринарных фельдшеров, то в 1913 г. уже 13 врачей и 76 фельдшеров.

С 15 сентября 1899 г. в Вологодское губернское земство был принят еще один ветеринарный врач, но проживал он в г. Великом Устюге. В обязанности последнего входили

инспектирование (разъезды) и организация ветеринарной службы в восточных уездах губернии: Великоустюгском, Никольском, Тотемском, Сольвычегодском и Яренском [21, л. 18; 26, л. 4 об., 7 об.]. Ветеринарный врач обязан был осуществлять общий надзор за состоянием ветеринарно-санитарного дела, прием больных животных, руководство и надзор за деятельностью ветеринарных фельдшеров, выдачу лекарств. Работали фельдшеры на специализированных (фельдшерских) пунктах [28, л. 53]. Многочисленным, по сравнению с другими уездами, составом персонала ветеринарной службы в губернии отличался Сольвычегодский уезд. Примечательно, что именно в нем практически не наблюдалось эпизоотий.

Земства сознательно делали ставку на расширение штата младшего врачебного персонала – фельдшеров. Оплата их труда была ниже оплаты врача, и это позволяло при одних и тех же расходах иметь в уезде большее число специалистов и, соответственно, оперативнее реагировать на вызовы.

Тем не менее при огромных площадях уездов и расстояниях между поселениями, растущий спрос на услуги фельдшера удовлетворить наличными силами персонала было уже невозможно. Об этом свидетельствовали многочисленные жалобы от уездных управ в губернскую. Некоторые волости полностью выпадали из зоны обслуживания ветеринарной службы. Например, в Никольском уезде не получал необходимую помощь скот шести волостей (Березниковской, Подболотной, Кемской, Аргуновской, Носковской и Леденгской) [29, л. 228].

С точки зрения профессиональных качеств ветеринарные фельдшеры по образованию делились на закончивших специализированную ветеринарную школу и ротных фельдшеров, получивших знания в военно-фельдшерских школах. Земства старались подбирать на службу первую категорию специалистов, однако из-за нехватки выпускников ветеринарных школ и отсутствия собственного подобного учреждения в Вологодской губернии работа в этом направлении протекала крайне медленно.

Таблица 1

Штат ветеринарной службы в уездах Вологодской губернии в 1898–1916 годах

Table 1

The staff of the veterinary service in the Uyezds of the Vologda province in 1898–1916

Название уезда	1898 г.		1905 г.		1913 г.		1916 г.
	Врачи	Фельдшера	Врачи	Фельдшера	Врачи	Фельдшера	Фельдшера
Великоустюгский	-	2	2	5	2	9	1
Вельский	-	3	-	1	1	7	4
Вологодский	-	4	2	3	2	6	5
Грязовецкий	-	2	-	2	1	4	3
Кадниковский	1	3	1	4	1	7	6
Никольский	-	3	-	3	1	7	7
Сольвычегодский	-	3	1	4	2	9	5
Тотемский	-	3	1	5	1	9	2
Усть-Сысольский	-	2	-	3	1	7	4
Яренский	-	1	1	3	1	11	2
ВСЕГО	1	26	8	33	13	76	39

Источники: [17; 25, л. 148; 26, л. 1–4 об.; 27, л. 2–17].

Sources: [17; 25, l. 148; 26, l. 1–4 ob.; 27. l. 2–17].

Образование ветеринарного персонала влияло на качество оказания услуг: неверные диагнозы приводили не к прекращению, а развитию эпизоотий. По этой причине крестьяне предпочитали обращаться к ветеринарному врачу, который в большинстве случаев был один на весь уезд и имел много других обязанностей по санитарной части. Кроме этого, наличие на службе ротных фельдшеров повлияло на снижение количества сотрудников ветеринарной службы во время Первой мировой войны, когда значительную часть из них призвали на военную службу. Данное обстоятельство привело к ухудшению ситуации в ветеринарной отрасли губернии.

В каждом уезде ветеринарная служба делилась на участки. Так, в 1898 г. Грязовецкий уезд был поделен на два участка: первый включал Авнегскую, Ведерниковскую, Гаврильцовскую, Ново-Никольскую, Оларевскую и Панфиловскую волости; второй – Жерновскую, Раменскую, Ростилловскую, Семенцевскую и Степуринскую. Сами фельдшера проживали в Грязовце. В Вельском уезде в 1901 г. насчитывалось три участка с центрами в г. Вельске, Верховажском посаде и с. Шангалы Камкинской волости. В Великоустюгском уезде также было три участка: в городах Великом Устюге, Лальске и Вострой волости. В Вологодском уезде в 1904 г. имелись участки в селах Куркино, где существовал государственный конезавод, Домшине, где работал племенной рассадник, и Кувшинове, где располагалась свиноферма. В 1907 г. ветеринарный врач Вологодского уездного земства предлагал перенести фельдшерский участок из с. Куркино в с. Кубенское по причине того, что последнее представляло собой крупный торговый центр и где, соответственно, наблюдалось постоянное скопление животных [21, л. 1, 7; 24, л. 120 об., 201; 26, л. 12 об.; 30, л. 179].

Увеличение штата фельдшеров позволило организовывать новые ветеринарные фельдшерские пункты в уездах. Если в 1909 г. насчитывалось 48 самостоятельных фельдшерских участков, то уже к 1911 г. их было 56. На 1911 г. в Тотемском, Яренском уездах их насчитывалось по девять, Великоустюгском, Вельском, Сольвычегодском – по шесть, Кадниковском и Усть-Сысольском – по пять, Вологодском и Никольском – по четыре, Грязовецком – два [29, л. 226].

Новым явлением в организации ветеринарной помощи населению в начале XX в. стало открытие специ-

ализированных амбулаторий с аптеками при них во всех уездных центрах Вологодской губернии: в 1903 г. – в Тотьме, в 1904 г. – в Вологде, в 1907 г. – в Великом Устюге, в 1908 г. – в Никольске, в 1909 г. – в Вельске и Яренске, в 1910 г. – в Сольвычегодске, в 1911 г. – в Грязовце и Усть-Сысольске [29, л. 226 об. – 227]. Схема одной из таких амбулаторий в г. Грязовце представлена на рисунке ниже. Отметим, что прием посетителей и выдача лекарств производились в амбулаториях бесплатно. До организации специализированных заведений, имевших оборудование для обследования заболевших животных, работники ветеринарной службы принимали «пациентов» у себя дома.

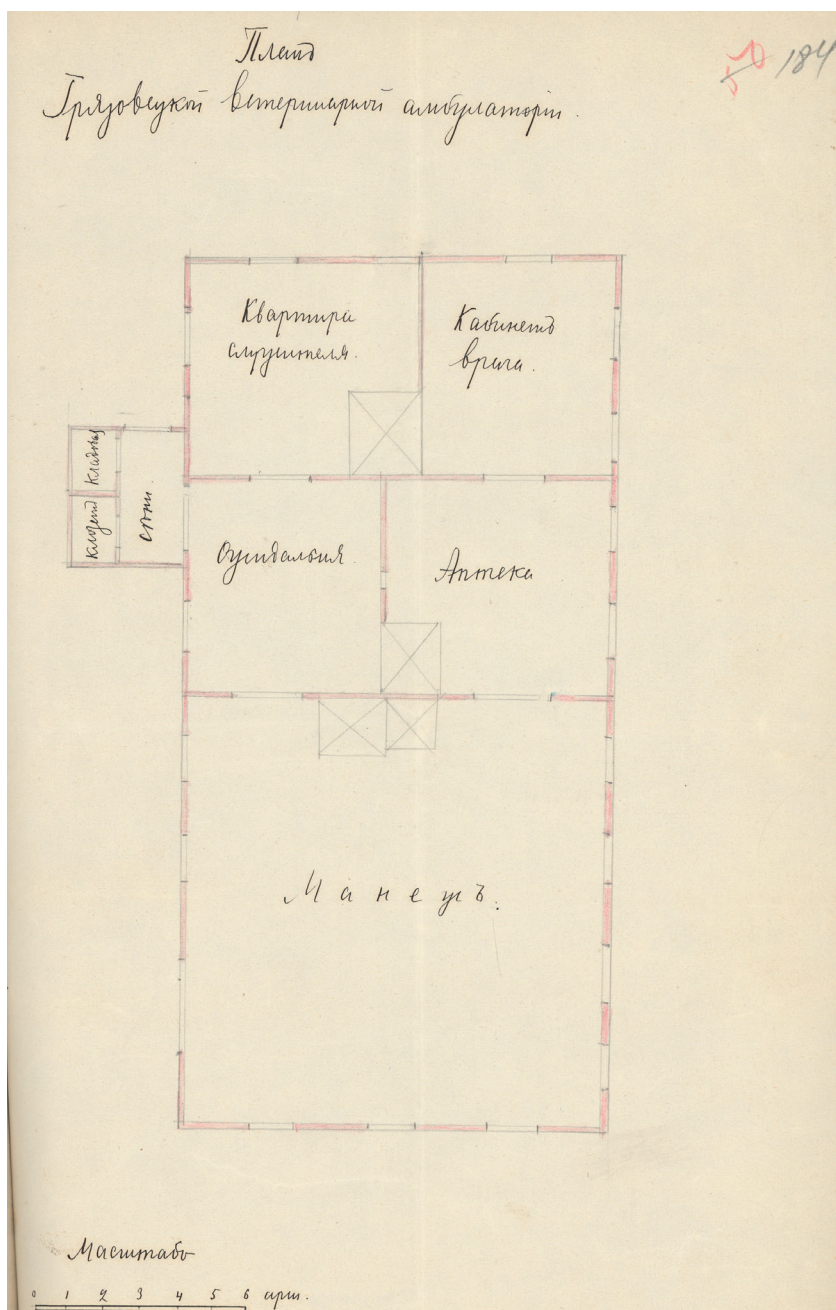

Рис. План ветеринарной амбулатории в г. Грязовце.

Fig. Plan of the veterinary outpatient clinic in Gryazovets.

Источник: [29, л. 184].

Source: [29, l. 184].

Обустройство амбулаторий зависело от финансовых возможностей земства. Так, в Тотме помещение представляло пятистенную избу, поделенную на две половины (аптеку и манеж), в Никольске аптека находилась внутри арестантского помещения, а манеж – на его дворе, в Усть-Сысольске помещение состояло из комнаты для персонала, аптеки и манежа [29, л. 226 об. – 227]. Однако ветеринарная служба столкнулась с нежеланием крестьян

приводить животных в амбулаторные пункты, – население предпочитало, чтобы специалисты приходили на дом. Особенно частые жалобы на подобное нежелание поступали от вельского ветеринарного врача [28, л. 53 об.].

С ростом значимости работы ветеринарной службы увеличивалось и жалование сотрудникам. Однако, как видно из табл. 2, размер его зависел от возможностей того или иного уездного земства.

Таблица 2

Жалование служащих ветеринарной службы Вологодской губернии за 1898–1912 года

Table 2

Salary of employees of the veterinary service of the Vologda province for 1898–1912

Название уезда	Название должности	1898 г.	1912 г.	Надбавки к жалованию
		Оклад в год, руб.	Оклад в год, руб.	
Великоустюгский	Ветеринарный врач	-	1500	Для ветеринарных фельдшеров через 3 года – 50 руб. к жалованию
	Ветеринарный фельдшер 1	350	600	
	Ветеринарный фельдшер 2	300	525	
	Ветеринарный фельдшер 3	-	455	
	Ветеринарный фельдшер 4	-	450	
	В среднем у фельдшеров	-	507	
Вельский	Ветеринарный врач	-	1420	Для всех служащих через 5, 10, 15 лет по 10 % к жалованию
	Ветеринарный фельдшер 1	300	440	
	Ветеринарный фельдшер 2	-	330	
	Ветеринарный фельдшер 3	-	300	
	В среднем у фельдшеров	-	357	
Вологодский	Ветеринарный врач	-	1200	Для ветеринарных фельдшеров через 3 года – 40 руб. к жалованию
	Ветеринарный фельдшер 1	550	720	
	Ветеринарный фельдшер 2	410	460	
	Ветеринарный фельдшер 3	350	420	
	Ветеринарный фельдшер 4	290	340	
	В среднем у фельдшеров	-	485	
Грязовецкий	Ветеринарный врач	-	1200	Для ветеринарных врачей через 3 года – 300 руб. к жалованию
	Ветеринарный фельдшер	-	360	
Кадниковский	Ветеринарный врач	1200	1800	Для всех служащих через каждые 5, 10 лет по 50 руб. к жалованию
	Ветеринарный фельдшер 1	300	532	
	Ветеринарный фельдшер 2	-	472	
	Ветеринарный фельдшер 3	-	432	
	Ветеринарный фельдшер 4	-	372	
	В среднем у фельдшеров	-	452	
Никольский	Ветеринарный врач	-	1500	Ветеринарным врачам через 5, 10 лет по 10%, к жалованию, для фельдшеров через 3 года – 24 руб., 5 лет – 36 руб.
	Ветеринарный фельдшер 1	400	420	
	Ветеринарный фельдшер 2	-	360	
	Ветеринарный фельдшер 3	-	324	
	Ветеринарный фельдшер 4	-	300	
	В среднем у фельдшеров	-	351	
Сольвычегодский	Ветеринарный врач 1	-	1333	Для всех служащих через 5 лет – 10 % к жалованию
	Ветеринарный врач 2	-	1320	
	Ветеринарный фельдшер 1	952	420	
Тотемский	Ветеринарный врач	-	1200	Ветеринарным врачам через 5 лет – 6 % к жалованию, фельдшерам – 50 руб.
	Ветеринарный фельдшер 1	360	432	
	Ветеринарный фельдшер 2	-	372	
	В среднем у фельдшеров	-	402	
Усть-Сысольский	Ветеринарный врач	-	1500	Ветеринарным врачам через 5 лет – 10 % к жалованию, 10 лет – 15 %, 15 лет – 25 %, фельдшерам – 60 руб.
	Ветеринарный фельдшер 1	420	600	
	Ветеринарный фельдшер 2	396	420	
	Ветеринарный фельдшер 3	-	360	
	В среднем у фельдшеров	-	460	
Яренский	Ветеринарный врач	-	1420	Для всех служащих через 2 года – 5 % к жалованию, 4 года – 10 %, 7 лет – 15 %, 10 лет – 20 %, 15 лет – 30 %, 20 лет – 50 %
	Ветеринарный фельдшер 1	356	470	
	Ветеринарный фельдшер 2	-	420	
	В среднем у фельдшеров	-	445	

Примечание. Надбавки к жалованию в большинстве случаев назначались уездными земскими собраниями в период с 1909 по 1911 г.

Note. Salary allowances in most cases were allocated by Uyezd Zemstvo assemblies in the period from 1909 to 1911.

Источники: [26, л. 1–4 об.; 29, л. 175–226; 31, л. 6 об. – 65].

Sources: [26, l. 1–4 ob.; 29, l. 175–226; 31, l. 6 ob. – 65].

Жалование складывалось из двух составляющих: оклада и надбавок за стаж работы. Кроме этого, персонал получал квартирные деньги, шедшие на оплату съемного жилья. Самые высокие выплаты на содержание были у ветеринарных врачей Кадниковской уездной земской управы – 1800 руб., Великоустюгской, Никольской, Усть-Сысольской уездных земских управ – 1500 руб. Ниже всего была зарплата у врача Вологодской уездной земской управы – 1200 руб., при этом ему не выплачивали квартирные деньги и он не получал надбавок.

Жалование ветеринарным фельдшерам также различалось по уездам и зависело от финансовых возможностей того или иного земства. Также в ряде случаев размер выплат персоналу зависел от стажа службы. Например, почти в два раза (с 350 до 600 руб.) выросло содержание фельдшера с 37-летним стажем в Великоустюгском уезде, с 420 до 600 руб. для сотрудника с 22-летним стажем в Усть-Сысольском уезде [31, л. 23 об. – 24, 26, 28 об. – 29]. В среднем по губернии жалование составляло 360–420 руб. в год. Немного выше оно было в Великоустюгском (в среднем 500 руб. в год) и Вологодском (в среднем 485 руб. в год) уездах, ниже средне-губернского уровня – в Вельском и Никольском (351 руб. в год) уездах.

С целью обмена опытом и выработки новых решений в борьбе с заболеваниями скота в начале XX в. Российской империей стали проводиться Всероссийские съезды ветеринарных врачей. Первый съезд состоялся с 3 по 12 января 1903 г. в Санкт-Петербурге, второй – с 3 по 10 января 1910 г. в Москве, третий – с 29 декабря 1913 по 14 января 1914 гг. в Харькове [32, с. 16–18]. Вологодскому делегату на съезде представилась возможность сравнить состояние ветеринарии в губернии с остальными губерниями страны. Выяснилось, что лидирующие позиции в организации ветеринарно-санитарного надзора занимали южные губернии России, в которых количество ветеринарного персонала превышало 100 чел.: Екатеринославская, Полтавская, Саратовская, Херсонская. В северо-западных губерниях уровень развития ветеринарного дела был на порядок ниже, в среднем количество служащих не превышало 40–60 чел. [17, л. 44; 33, л. 39 об.].

Оформившись к концу XIX в., ветеринарная служба в Вологодской губернии, как и в большинстве губерний Русского Севера, развивалась относительно медленными темпами. Тем не менее формирование ярко выраженной молочной специализации животноводства и развитой переработки сырья расширяло потребности населения в ветеринарной помощи скоту, предотвращении и быстрой ликвидации эпизоотий. Выполнение этих задач наталкивалось на проблему финансирования и пополнения штатов служащих ветеринарного ведомства, их профессиональной квалификации. В 1913 г. по сравнению с 1898 г. число ветеринарных врачей возросло с 1 штатной единицы до 13. Число фельдшеров увеличилось в три раза (с 26 до 76 чел.). Новым явлением в организации ветеринарной помощи населению в начале XX в. стало открытие специализированных амбулаторий с аптеками при них во всех уездных центрах Вологодской губернии. Достаточно инновационной мерой по координации ветеринарных сил не

только для региона, но и для всей России стало создание в 1898 г. «Северного объединенного общества ветеринарных врачей». Тем не менее, в сравнении с другими регионами страны, в первую очередь с южными губерниями, организация ветеринарно-санитарного надзора в Вологодской губернии нуждалась в дальнейшем совершенствовании. Это касалось как уровня образования ветеринарных фельдшеров и открытия губернского учебного ветеринарного учреждения, так и согласованности действий в этом вопросе губернских властей и органов самоуправления. Среди последних следует выделить земство Великоустюгского уезда, в котором штат служащих был самым многочисленным в губернии и получал более высокую заработную плату.

В конечном итоге в Вологодской губернии наметились определенные позитивные изменения в организации ветеринарной помощи населению, проявившие себя вплоть до начала Первой мировой войны.

Литература и источники

1. Артемьева, В.С. Деятельность земств по улучшению животноводства на рубеже XIX–XX вв. / В.С. Артемьева // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы национальной научно-практической конференции. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2022. – С. 3–6.
2. Корсун, В.П. Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX–начале XX в.: на материалах Владимирской и Костромской губерний: автореферат дис. ... кан. ист. наук / Владимир Павлович Корсун. – Иваново, 2007. – 23 с.
3. Кравцова, А.Р. Земская ветеринария Острогожского уезда Воронежской губернии / А.Р. Кравцова // Ветеринарная патология. – 2022. – № 4 (82). – С. 82–89.
4. Лукьянов, С.А. Земская ветеринария: становление и развитие во второй половине XIX–начале XX в. / С.А. Лукьянов, А.Г. Удодов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 4. – С. 86–90.
5. Прокофьева, А.М. Роль земств в развитии ветеринарии / А.М. Прокофьева, Д.А. Орехов // Знания молодых для развития ветеринарной медицины и АПК страны: материалы XI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, 2022. – С. 327–329.
6. Скворцов, В.Н. Земская ветеринария Острогожского уезда Воронежской губернии / В.Н. Скворцов, А.С. Горбанёва, В.Ю. Оскольская, А.С. Третьяк // Ветеринарная патология. – 2022. – № 4 (82). – С. 82–89.
7. Авилов, В.М. Из истории борьбы с особо опасными болезнями на территории России во второй половине XIX – начале XX веков / В.М. Авилов, В.В. Сочнев, А.А. Гусев, А.Г. Лучкин, Н.В. Баркова // Инновации и продовольственная безопасность. – 2020. – № 1 (27). – С. 97–104.
8. Алиев, А.А. История организации ветеринарных мероприятий по борьбе с бешенством в Санкт-Петербурге

во второй половине XIX–начале XX века / А.А. Алиев, В.Г. Шарпило, Д.А. Померанцев, М.В. Виноходова // Вопросы нормативно-правового регулирования в ветеринарии. – 2020. – № 1. – С. 342–349.

9. Кривонос, Р.А. История ветеринарной службы Кубани / Р.А. Кривонос, А.А. Сергеева, И.М. Калошкина // Ветеринария Кубани. – 2019. – № 6. – С. 4–9.
10. Кукушкин, В.Л. Развитие земской ветеринарии в Вологодской губернии в 1870–1890-х гг. / В.Л. Кукушкин // Окружающая среда и здоровье: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2011. – С. 67–71.
11. Саблин, В.А. Статистико-компетентные маркеры в исследовании животноводческой отрасли крестьянского двора на Европейском Севере России в годы революции и гражданской войны 1917–1921 гг. / В.А. Саблин, С.В. Тимошина // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 4 (27). – С. 33–37.
12. Фрейберг, Н.Г. Врачебно-санитарное законодательство в России: Узаконения и распоряжения правительства по гражданской медицинской части. Международные санитарные конвенции / Н.Г. Фрейберг // Практическая медицина. – VIII. – Санкт-Петербург, 1913. – 169 с.
13. Минеева, Т.И. История ветеринарии: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 310800 – Ветеринария / Т.И. Минеева. – Санкт-Петербург: «Лань», 2005. – 382 с.
14. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 7751.
15. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 832.
16. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 91.
17. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 2. – Д. 231.
18. Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 г. – Вологда: типография Вологодского губернского правления, 1875. – 74 с.
19. Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. – Вологда: типография Вологодского губернского правления, 1899. – 265 с.
20. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 4353.
21. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 1416.
22. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 2619.
23. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 751.
24. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 1759.
25. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 5493.
26. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 1336.
27. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 3001.
28. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 2014.
29. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 2845.
30. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 5671.
31. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 254.
32. Акмуллин, А.И. Съезды ветеринарных врачей России / А.И. Акмуллин, М.Ш. Алиев // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. – 2016. – Т. 226, № 2.
33. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 2991.

References

1. Artemyeva, V.S. Deyatel'nost' zemstv po uluchsheniyu zhivotnovodstva na rubezhe XIX–XX vv. [Activity of Zemstvos to improve animal husbandry at the turn of the XIX–XX centuries] / V.S. Artemyeva // Teoriya i praktika innovatsionnikh tekhnologii v APK. Materiali natsionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Theory and practice of innovative technologies in the agro-industrial complex. Materials of the national sci. pract. conf.]. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennii agrarnii universitet im. Imperatora Petra I [Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I], 2022. – P. 3–6.
2. Korsun, V.P. Razvitie zemskoi meditsini i veterinarii v kontse XIX–nachale XX vv.: na materialakh Vladimirovskoi i Kostromskoi gubernii [The development of Zemstvo medicine and veterinary medicine in the late XIX–early XX centuries: based on materials of the Vladimir and Kostroma provinces]: Abstract of diss....Cand. Sci. (History). / V.P. Korsun. – Ivanovo, 2007. – 23 p.
3. Kravtsova, A.R. Zemskaya veterinariya Ostrogozhskogo uezda Voronezhskoi gubernii [Zemstvo veterinary medicine of the Ostrogozhsk Uyezd of the Voronezh province] / A.R. Kravtsova // Veterinarnaya patologiya [Veterinary pathology]. – 2022. – № 4 (82). – P. 82–89.
4. Lukyanov, S.A. Zemskaya veterinariya: stanovlenie i razvitie vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Zemstvo veterinary medicine: formation and development in the second half of the XIX – early XX centuries] / S.A. Lukyanov, A.G. Udodov // Obrazovanie. Nauka. Nauchnie kadri [Education. Science. Scientific personnel]. – 2020. – № 4. – P. 86–90.
5. Prokofyeva, A.M. Rol zemstv v razvitiі veterinarii [The role of Zemstvos in the development of veterinary medicine] / A.M. Prokofyeva, D.A. Orekhov // Znaniya molodikh dlya razvitiya veterinarnoi meditsini i APK strani [Knowledge of the young for the development of veterinary medicine and the agro-industrial complex of the country]. Materials of XI Intern. Sci. Conf. of Students, Postgraduates and Young Scientists. – St.Petersburg: St. Petersburg State University of Veterinary Medicine, 2022. – P. 327–329.
6. Skvortsov, V.N. Zemskaya veterinariya Ostrogozhskogo uezda Voronezhskoi gubernii [Zemstvo veterinary medicine of the Ostrogozh Uyezd of the Voronezh province] / V.N. Skvortsov, A.S. Gorbanyova, V.Yu. Oskolskaya, A.S. Tretyak // Veterinarnaya patologiya [Veterinary pathology]. – 2022. – № 4 (82). – P. 82–89.
7. Avilov, V.M. Iz istorii borbi s osobo opasnimi boleznyami na territorii Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [From the history of the fight against especially dangerous diseases in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] / V.M. Avilov, V.V. Sochnev, A.A. Gusev, A.G. Luchkin, N.V. Barkova // Innovatsii i proizvodstvennaya bezopasnost [Innovations and food security]. – 2020. – № 1 (27). – P. 97–104.
8. Aliev, A.A. Istoriya organizatsii veterinarnikh meropriyatii po borbe s beshenstvom v Sankt-Peterburge vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The history of the

- organization of veterinary rabies control measures in St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries] / A.A. Aliev, V.G. Sharpilo, D.A. Pomerantsev, M.V. Vinokhodova // *Voprosi normativno-pravovogo regulirovaniya v veterinarii* [Questions of legal regulation in veterinary medicine]. – 2020. – № 1. – P. 342–349.
9. Krivonos, R.A. Istoriya veterinarnoi sluzhbi Kubani [History of the veterinary service of Kuban] / R.A. Krivonos, A.A. Sergeeva, I.M. Kaloshkina // *Veterinariya Kubani* [Veterinary medicine of Kuban]. – 2019. – № 6. – P. 4–9.
 10. Kukushkin, V.L. Razvitie zemskoi veterinarii v Vologodskoi gubernii v 1870–1890-kh gg. [Development of Zemstvo veterinary medicine in the Vologda province in the 1870s–1890s] / V.L. Kukushkin // *Okruzhayushchaya sreda i zdorovye* [Environment and health]. Collection of papers of VIII Intern. Sci. Pract. Conf.. – Penza: Penza State Agricultural Univ., 2011. – P. 67–71.
 11. Sablin, V.A. Statistiko-kompetentnie markeri v issledovanii zhivotnovodcheskoi otrasli krestyanskogo dvora na Yevropeiskom Severe Rossii v godi revolyutsii i grazhdanskoi voini 1917–1921 gg. [Statistically competent markers in the study of the livestock sector of a peasant household in the European North of Russia during the years of the revolution and civil war of 1917–1921] / V.A. Sablin, S.V. Timoshina // *Bull. of Vologda State Univ. Series: Historical and philological sciences*. – 2022. – № 4 (27). – P. 33–37.
 12. Freiberg, N.G. Vrachebno-sanitarnoe zakonodatelstvo v Rossii: Uzakoneniya i rasporyazheniya pravitelstva po grazhdanskoi meditsinskoi chasti. Mezhdunarodnie sanitarnie konventsii [Medical and sanitary legislation in Russia: Legislation and government orders for the civil medical part. International Sanitary Conventions] / N.G. Freiberg // *Prakticheskaya meditsina* [Practical Medicine]. – VIII. – St.Petersburg, 1913. – 169 p.
 13. Mineeva, T.I. Istoriya veterinarii: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti 310800 – Veterinariya [History of veterinary medicine: textbook for university students studying in the specialty 310800 – Veterinary Medicine]. / T.I. Mineeva. – St.Petersburg.: "Lan" Publ., 2005. – 382 p.
 14. State Archive of the Vologda Region. – F. 34. – Op.1. – D. 7751.
 15. Ibid. – F. 34. – Op. 1. – D. 832.
 16. Ibid. – F. 34. – Op. 1. – D. 91.
 17. Ibid. – F. 34. – Op. 2. – D. 231.
 18. Pamyatnaya knizhka Vologodskoi gubernii na 1875 i 1876 g. [Commemorative Book of the Vologda province for 1875 and 1876]. – Vologda: tipografiya Vologodskogo gubernskogo pravleniya [Printing house of the Vologda provincial government], 1875. – 74 p.
 19. Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar Vologodskoi gubernii na 1899–1900 gg. [Commemorative Book and address-calendar of the Vologda province for 1899–1900]. – Vologda: tipografiya Vologodskogo gubernskogo pravleniya [Printing house of the Vologda provincial government], 1899. – 265 p.
 20. State Archive of the Vologda Region. – F. 14. – Op. 1. – D. 4353.
 21. Ibid. – F. 34. – Op.1. – D. 1416.
 22. Ibid. – F. 34. – Op.1. – D. 2619.
 23. Ibid. – F. 34. – Op. 1. – D. 751.
 24. Ibid. – F. 34. – Op. 1. – D. 1759.
 25. Ibid. – F. 14. – Op.1. – D. 5493.
 26. Ibid. – F. 34. – Op.1. – D. 1336.
 27. Ibid. – F. 34. – Op. 1. – D. 3001.
 28. Ibid. – F. 34. – Op. 1. – D. 2014.
 29. Ibid. – F. 34. – Op. 1. – D. 2845.
 30. Ibid. – F. 14. – Op. 1. – D. 5671.
 31. Ibid. – F. 14. – Op. 2. – D. 254.
 32. Akmullin, A.I. S'ezdi veterinarnikh vrachei Rossii [Congresses of Russian veterinarians] / A.I. Akmullin, M.Sh. Aliev // *Uchenie zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi akademii veterinarnoi meditsini im. N.E. Bauman* [Scientific notes of N.E. Bauman Kazan State Academy of Veterinary Medicine]. – 2016. – Vol. 226. – № 2.
 33. State Archive of the Vologda Region. – F. 34. – Op. 1. – D. 2991.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23 – 28 – 00860 «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX–XXI веках».

Информация об авторах:

Овчинникова Наталья Андреевна – заведующий отделом информационно-поисковых систем Казенного архивного учреждения Вологодской области «Государственный архив Вологодской области» (160001, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 11; e-mail: baraewa.n@yandex.ru).

Саблин Василий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики ФГБУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: sablin@inbox.ru).

Тимошина Светлана Валентиновна – кандидат ветеринарных наук, младший научный сотрудник отдела организации и сопровождения научной деятельности ФГБУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: timohina68@mail.ru).

Authors:

Natalya A. Ovchinnikova – Head of the Department of Information Retrieval Systems of the State Archival Institution of the Vologda region "State Archive of the Vologda Region"; (11, Maltsev st., Vologda 160001, Russian Federation; e-mail: baraewa.n@yandex.ru).

Vasily A. Sablin – Dr. Sci. (History), Head of the Department of World History and World Politics, Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Vologda State University"; (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation; e-mail: sablin@inbox.ru).

Svetlana V. Timoshina – Cand. Sci. (Veterinary), Junior Researcher of the Department of Organization and Support of Scientific Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Vologda State University", (15, Lenin st., Vologda 160000, Vologda Region, Russian Federation; e-mail: timoshina68@mail.ru).

Для цитирования:

Овчинникова, Н.А. Организация ветеринарного дела в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века (по документам Государственного архива Вологодской области) / Н.А. Овчинникова, В.А. Саблин, С.В. Тимошина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 104–112.

For citation:

Ovchinnikova, N.A. Organization of veterinary service in the Vologda province in the late XIX-early XX centuries. (according to the documents of the State Archive of the Vologda Region) / N.A. Ovchinnikova, V.A. Sablin, S.V. Timoshina // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 104–112.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 09.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 09.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Взгляды Н.Н. Оглоблина на ситуацию в России после революции 1905 года

В.И. Силин

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются публикации известного архивиста, историка географии, Николая Николаевича Оглоблина, опубликованные после 1905 г. Делаются выводы о взглядах Н.Н. Оглоблина на постреволюционную ситуацию в России. Образно историк охарактеризовал ее как «затишье перед бурей». Н.Н. Оглоблин, путешествуя, ощущал неблагоприятные ситуации в обществе, отмечал неэффективность царской власти, полное разочарование населения в государственном управлении, видел растущее разочарование, особенно молодежи, в церковной жизни, падение авторитета церковнослужителей.

Ключевые слова:

Н.Н. Оглоблин, революция, провинция, церковь, самодержавие, Волга, Вычегода

Николай Николаевич Оглоблин (1852 – после 1919) – известный историк, архивист, литератор, очень много сделавший для истории и географии. Его жизни и творчеству посвящены многие работы [1–3 и др.].

Цель данной статьи – на основе публикаций Н.Н. Оглоблина в послереволюционные (1905) годы разобраться в его восприятии ситуации в России.

В начале XX в. Н.Н. Оглоблин совершает многочисленные поездки по рекам Волге, Каме, Белой и их притокам. Предельными пунктами были Рыбинск на средней Волге и Чердынь в предгорьях Урала. Пытливый ум исследователя, встреча со многими попутчиками разных социальных групп позволили автору сформировать представление о «текущем моменте» и выступить с рядом статей, в которых Николай Николаевич высказывает свое мнение о ситуации в обществе, возникшей после революции 1905 г. на Европейском Севере.

В 1909 г. выходит статья «Затишье» [4], в первом разделе которой «Крах революции» Н.Н. Оглоблин пишет: «Самое выдающееся явление описываемого момента нашей жизни – полное охлаждение российского обывателя к вопросам внутренней политики» [4, с. 1063]. Автор отмечает, что людей разных сословий волнуют вопросы повседневной жизни, и вместе с тем они возмущаются непомерным аппетитам чиновников и депутатов: «Особенно возмущает всех,

N.N. Ogloblin's views on the situation in Russia after the 1905 Revolution

V.I. Silin

Institute of Language, Literature and History of the Federal
Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
silinv@rambler.ru

Abstract

The paper considers the publications of the famous archivist, historian of geography, Nikolai Nikolaevich Ogloblin, published after 1905. Conclusions are made about N.N. Ogloblin's views on the post-revolutionary situation in Russia. Figuratively, the historian described it as "the calm before the storm". When travelling, N.N. Ogloblin felt the unfavorable situation in society. He noted the inefficiency of the tsarist government, the complete disillusionment of the population in public administration, saw the growing disillusionment, especially in young people, in church life, the decline in the authority of the clergy.

Keywords:

N.N. Ogloblin, revolution, province, church, autocracy, Volga, Vychegda

что дума, проработавшая кое-как без году неделю, дала себе отдыхать на 3.5 месяца <...> Еще более возмущали всех те жирные генеральские оклады, какие дума установила для членов президиума и постоянных комиссий, ровно как и решение ее дать "жалование" всем членам думы и также в крупном размере. Мужики только ахали, узнавая о разгравшихся аппетитах "выборных" людей» [4, с. 1064]. Мысли народа о прошедшей в 1905–1906 гг. революции автор приводит в записанных монологах встречных попутчиков. Эти рассуждения очень похожи на современные – они вечны. Народ от революции не получил ничего хорошего, только рост цен, сокращение рабочих мест и производства. Приведем следующий диалог двух пассажиров:

« – Вы правы, – заметил собеседник. – Никакой высокой идеи революционеры не принесли народу... Они поманили его на удочку материальных благ, да и к тем-то не могли указать других путей, кроме грабежа, насилия и неправды... А такие идеи не живучи.

– И потом... – продолжал волгарь, – какой деспотизм они обнаружили! Борются якобы во имя свободы, а сами не выносят ни малейшей свободы убеждения ... Кто "иначе мыслит" – это враг, которого надо всячески истреблять... только они "правовверные", должны жить, а всем остальным – смерть!

– Да, добейся они власти, мы увидели бы такие проявления самого варварского деспотизма, которые перещеголяли бы и варварство "великой революции"....» [4, с. 1073]. Если учесть, что очерк написан в 1909 г., то как-то страшно от такого пророчества.

Вторая часть статьи «Левые и правые» написана эмоционально, но порой очень субъективно. Автор показывает свое пренебрежение к «классовым» чуждым элементам. Достаточно примитивно звучат слова: «Нашу революцию "делали", главным образом, три элемента: неучащаяся "учащаяся" молодежь, фабричные рабочие и босы» [там же]. Конечно, все было не так просто, и спектр участников революции был значительно шире. И вторая часть заканчивается тревожно: «Развитые крестьяне прямо говорят:

– Пусть чиновники не мешают... Мы сами управимся со своими делами... Надоели нам их опека...

Видимо гг. бюрократы ничему не научились, словно проспали революцию... Этот печальный факт всего более заставляет опасаться, что наступившее после смуты затишье вряд ли обозначает наступление окончательного успокоения страны... Не все тучи еще рассеялись, и грозы возможны» [4, с. 1081].

Третья часть статьи «О хлебе едином...» посвящена отношению к земле крестьян. Сущность отношения крестьянства к революции выражена следующим абзацем: «Каково настроение главной основы русской жизни – крестьянской массы? О чем она сейчас думает, хлопочет, чем жива? Что она отвернулась от революции мы уже знаем. Но во что же теперь верят, гг. мужички и чего ждут для себя.

Кто о чем, а они все о том же... Как революция заинтересовала мужиков обещанием материальных благ, так и теперь они не идут дальше этой "платформы". Нарастание собственных "животов" (в смысле всякого имущества, начиная с земельного) – единственная задача их жизни... Естественно это стремление у бедноты, но оно становится противным, когда им заражены и состоятельные мужики. А таковых большинство в промышленном Приволжье и Прикамье» [там же].

Четвертая часть «Старые настроения» посвящена примерам, которые доказывают неизменность привычек и образа мышления русского народа. Приведем вновь слова Н.Н. Оглоблина, поскольку он сам подытожил свои наблюдения: «Итак, революция не вытравила в народе его религиозности... И ежели покопаться основательно в народной душе, то, вероятно, и другие устои народной жизни окажутся в сущности не поколебленными. Революция набросила на них как бы пелену, на время скрыла их из глаз, но <...> пелену так легко сбросить и снова увидеть под нею все те же устои, те же "киты", на коих лежит Русская земля...

Недвижным остался и наш вековечный девиз: "Земля наша велика и обильна" и д. Казалось бы, что другое, а уж наши "порядки" всего легче было бы спихнуть революции. Ведь вся земля вопиет против них, все сверху донизу настроены самым революционным образом против наших "порядков...", а воз и поныне там!.. Буквально ничего ни на йоту не изменилось в этом отношении. Как до революции, так и после нее все мы страдаем от наших "порядков" и по-прежнему благодушно переносим их. Конца краю нет

российскому благодушию!.. очень уж живучи все старые настроения» [4, с. 1091].

В начале мая 1910 г. Н.Н. Оглоблин отправляется по большой воде в путешествие на пароходе «Ломоносов» по маршруту Вологда – Архангельск [5]. «В половодье пароходы идут от Вологды до Архангельска около 3,5 суток, обратно около 5 суток, в малую же воду – вниз около недели, вверх гораздо больше» [5, с. 14]. Н. Оглоблин замечает, что, несмотря на то, что почти все пароходы работают на дровах, на реке много складов нефти и керосина, принадлежащие Нобелю и подчеркивает, что конкуренцию ему может составить только Ухтинская нефть. Понятно, что Нобелю разработка ухтинских промыслов была совершенно не нужна и неудивительно, что в литературе везде отмечается, что агенты Нобеля всегда стремились вставить палки в колеса бурению и разведке на Ухте. Значительная часть пассажиров парохода состояла из студентов, работавших в переселенческих организациях, при этом Оглоблин указывает на то, что работы по переселению идут очень неважно. Большую часть очерка автор уделил описанию берегов рек Сухоны, М. Двины и С. Двины. Во всех очерках Н.Н. Оглоблин фиксирует своеобразие сплава по рекам плотов. К сожалению, автор не сходил на берег, кроме Архангельска, поэтому практически нет описаний взаимоотношения людей, описания их образа жизни.

Интересно его описание погрузки на пароход множества рабочих, ехавших на заработки на Мурман: «Большинство их молодежь, много женщин и девушек, поражающих пестротой своих разноцветных платьев – красных, зеленых, оранжевых и т.д., с головными платками разных рисунков: по желтому полю рассыпаны красные цветы и т.п. Но мужчины в скромных черных костюмах. Среди них немало было пьяных, которых неохотно пускали на пароход. Много было провожатых, иные горько плакали, расставаясь надолго, а может быть и навсегда: мурманские промыслы берут не мало жертв... При прощании здесь не целуются, а только "милуются" по монашески – прикасаются щеками друг к другу. Это – один из старорусских обычаев, которых вообще сохранилось не мало на севере России, где также довольно чистыми уцелели древнерусские типы, говор, костюмы и проч» [5, с. 54]. 13 мая Н.Н. Оглоблин вернулся в Вологду на том же пароходе.

В 1911 г. Н.Н. Оглоблин путешествовал по Вычегде. Свои впечатления от этой поездки он издал в нескольких публикациях [6–8]. 28 мая на пароходе «Преподобный Зосима» он отошел от Вологды, в Устюге пересел на староватый «Сольвычегодск». Билет 1 класса от Вологды до Усть-Кулома стоил 15 руб. 50 коп (для сравнения, жалование матроса на пароходе составляло 13 руб.). «Пристаней на р. Вычегде очень мало – всего 18 на протяжении 670 верст, не говоря уже о том, что кроме трех (в Ульянове монастыре, в Усть-Выми и в Усть-Куломе), пароходы пристают прямо к берегу» [6]. Н. Оглоблин дает очень подробную гидрографическую характеристику Вычегды, описывает полезные ископаемые, которые встречаются в ее долине: «Берега Вычегды и рек ее бассейна богаты полезными ископаемыми, почти не тронутыми. Часто встречается железная руда – например, около г. Яренска,

у с. Гама, по р. Сыsole и ее притокам и др. <...> У пристани Гама несколько лет назад некто Галин (иностранец) делал разведки по берегам Вычегды и нашел богатейшие и превосходного качества железные и медные руды. Он сделал заявление об отводке, началась наша обычная канцелярская волокита, конца которой Галин не дождался и умер» [6]. Вот это по-нашему, по-русскому!

«Главное же богатство Вычегодского края – леса, местами еще девственные, куда не ступала человеческая нога» – с восхищением пишет автор. Очень подробно и со знанием дела Оглоблин рассматривает сплав леса по Вычегде, отмечая особенности плотов, строений и т.д. Собственно описаний селений у автора почти нет, несколько слов о Сольвычегодске (отмечает, что в городе 12 церквей), об Усть-Выми и Усть-Сысольске (большое количество учебных заведений и до семи церквей). Очень значительное место уделяется описанию путей с Вычегды на Ухту. Это и понятно, поскольку освоение Ухты было тогда чрезвычайно актуальной темой. В заключении статьи Н.Н. Оглоблин подробно описывает путь с Вычегды на Каму через старинный Екатерининский канал. Он пишет: «Будем надеяться, что Старый Екатерининский канал, проработавший более ста лет, несмотря на свое заброшенное состояние, скоро дожидется полного восстановления и в том виде, чтобы по нему круглое лето могли проходить, не одни лодки, тихвинки и шняки, но и пароходы с баржами. Тогда на Каму потянутся не одни вычегодские, но и печорские, и северо-двинские грузы. А о камских грузах, и теперь движущихся через канал на Вычегду, нечего и говорить» [там же].

В 1911 г. выходит статья Н.Н. Оглоблина «Не жизнь, а декорация» [9], в которой автор пишет, что реальная жизнь населения превращается в «показушную», на примере конкретных ситуаций он показывает русское «разгильдяйство», казнокрадство и т.д. По его мнению, жители не живут, а как бы играют в показушном театре, принимая за жизнь ситуации искусственные, «очковтирательские». Вот конкретный пример, где он описывает встречу с немцем – бароном, который по идейным соображениям пошел «в народ» и добился учительской практики. «Через два года после нашей встречи на Волге, т.е. в самом начале революции, я с прискорбием узнал, что милый барон покончил самоубийством где-то на Волыни, по каким именно причинам – мне не могли сообщить... Но во время нашей встречи на "Царе" (*корабль* – В.С.) нельзя было ожидать такого конца: барон был полон жизни, увлекался своим делом, восхищался поэзией Волги, которую видел в первый раз. Но любящее сердце идейного народолюбца, отдавшего жизнь на служение народу, обливалось кровью при поверхностном даже знакомстве с жизнью приволжского населения... Мягкий по натуре барон тут негодовал, возмущался, нервно хватал меня за руку и, указывая на попутные городки, села, деревни, с жаром говорил: – Посмотрите! Посмотрите!.. Что же это такое?! Разве так живут люди? Разве это настоящая жизнь?! Эти жалкие избы и домишки, полуразвалившиеся, ободранные... пустые дворы, без зелени садов... кривые улицы, все в навозе и всякой дряни... А как они одеваются во всякую рвань...

как едят невозможную дрянь – сходите-ка в третий класс и посмотрите!.. А как пьют, как они грубы и жестоки... даже молодежь – и она не дает отрады... Вздолбанный барон умолк. Я попробовал смягчить набросанные им краски и защитить волгарей, указывая на их значительную энергию, относительное развитие, на рост духовных запросов и т.д. Но барон прервал меня: – Нет! Нет, не говорите!.. Знаю, что есть прекрасные, здоровые, симпатичные явления в народе и у вас, на Волге, и у нас, на юге, и везде. Но, ведь это исключения – и такие ничтожные, жалкие для миллионных масс... А общий тон жизни народа? – один ужас!.. Это ведь не жизнь, а так что-то полуживое... Масса живет спустя рукава, кое-как, сегодня да завтра... Это не оседлый народ, способный к культуре, а какие-то кочевники, кое-как проживающие на бивуаке... вот снимутся и уйдут!.. Не оттого ли и погиб так рано этот несомненный народолюбец, что окончательно потерял веру в народ и не мог пережить своего горького разочарования?.. Во всяком случае, в его речах было много горькой правды... Если где у нас всего более нет настоящей жизни и всего более она напоминает самые плохие декорации, заменяющие жизнь, то именно в деревне. Безусловно, прав барон, называя жизнь мужика "кочевой" и "бивуачной": эти черты проникают всюду сверху донизу жизнь мужика. На "бивуаке" живет не только деревенская беднота, но и богачи-мужики» [9, с. 149].

Конкретных примеров создания декораций можно привести и сейчас миллионы. Вот что пишет Н.Н. Оглоблин про отношение к природе российских мужиков: «Кочевья наклонности русского мужика особенно резко сказываются в его отношении к месту: только кочевник способен так варварски истреблять леса, как истребляет их русское население. В этом грехе повинны уже не одни мужики, но и крупные лесовладельцы и лесопромышленники. Однако мужики всех перещеголяли и теперь "крестьянские леса" – большая редкость в русской деревне» [7, с. 154].

В области духовной жизни простого народа Н.Н. Оглоблин отмечает: «Всегда вообще серый и скучный тон жизни мужика в настоящий период успокоения сделался еще мрачнее, суровее. Полная апатия, безпредельное равнодушие к малейшим намекам на высшие запросы жизни, бьющее в глаза духовное оскудение народа – вот преобладающий тон современной провинциальной жизни вообще, и жизни мужика в особенности. Чем-то затхлым, душным, тошнотворным от всех проявлений его "духовной" жизни. Вот уже где следует сказать, что это "не жизнь, а декорация" и – самая жалкая, тоскливая». [9, с. 158].

Знаковой тирадой звучит монолог крестьянина «Ничего святого нет у русского человека!.. Он способен решительно все превратить в потеху... Как варвар, он не чувствует различия добра от зла...» [9, с. 161].

В 1913 г. Н.Н. Оглоблин печатает статью о ситуации с развитием старообрядчества на Севере [9], при этом опираясь на свои впечатления и отчет Стефано-Прокопиевского братства.

Религиозно-общественное Братство во имя Св. Стефана Великопермского было создано в Великом Устюге и Усть-Сысольске в 1896–1918 гг.; оно находилось в Воло-

годской епархии. В 1897 г. в нем насчитывалось 554 чел. [10]. Основная цель организации – руководство церковно-приходскими школами и борьба с расколом. Территория действия Братства – это Устюжский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский уезды. «Старообрядчество довольно значительно распространено в указанных пяти уездах, особенно по Северной Двине (в Устюжском уезде), в Удорском крае (Яренского уезда) и на Печоре (Усть-Сысольского уезда). По официальным данным, здесь числится около пяти тысяч старообрядцев, но в действительности их много больше, по крайней мере вдвое против приведенной цифры» [8, с. 594]. Н.Н. Оглоблин отмечает значительное количество старообрядцев среди местных зырян. Какие же направления старой веры преобладают в крае? Автор пишет: «Здесь преобладают беспоповцы разных толков: всего больше встречается "аароновцев", затем идут "федосеевцы", "филипповцы", "даниловцы", "странники" и др. более мелкие группы (восемь человек "крупкиных" и пр.). В Печорском крае в последнее время наблюдается усиленное тяготение к «австрийскому» согласию, с представителями коего в Москве печорцы уже завязали сношения» [там же].

Не обошел вниманием Н.Н. Оглоблин и помощника главного миссионера члена Третьей Государственной думы С.Н. Клочкова: «Еще бы!.. на Вычегде посмеивались, что депутат-миссионер нигде не проявил своей деятельности, ни в государственной думе, ни на месте, если не считать... сооружения им двух собственных домов в гор. Усть-Сысольске на остатки депутатского жалования» [там же, с. 595]. И в конце статьи автор делает вывод: «Несомненный рост старообрядчества на севере России, засвидетельствованный отчетом православного братства, служит ярким показателем упадка господствующей церкви» [там же, с. 597].

Кстати, на эту статью горячо отозвался упомянутый в статье депутат Думы С.Н. Клочков [11]. Трагической судьбе священника и депутата Степана Николаевича Клочкова посвящены некоторые исследования [12 и др.].

Критика публикации Н.Н. Оглоблина С.Н. Клочковым во многом справедлива, вряд ли путешественник в результате одного путешествия мог составить объективную картину жизни и развития старообрядчества на громадной территории: «В начале статьи своей г. Оглоблин сообщает, что он собирал сведения во время своей поездки на Вычегду. Надо полагать, почтенный исследователь не выходил с парохода на берег и потому не видел религиозной жизни северян. Он мог бы сообщить читателям Исторического вестника о величественных храмах, украшающих северные селения, о богатых иконостасах (еще недавно крестьяне двух отдаленных приходов зырянского края ассигновали на новые иконостасы по пяти с половиною тысяч рублей), о многолюдных крестных ходах, о паломничестве северян по монастырям и т.д. С целью весьма для нас понятною г. Оглоблин обо всем этом красноречиво умалчивает» [11, с. 217].

По нашему мнению, к статье Н.Н. Оглоблина надо относиться не как к историческому исследованию, а как к эмоциональным описаниям своих впечатлений от много-

численных путешествий. После выхода Указа Его Императорского Величества от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» положение староверов изменилось, и, конечно, они стали чувствовать себя увереннее во всех отношениях общественной жизни. И этот момент был отмечен Н.Н. Оглоблиным в статье.

Интересна еще одна работа Н.Н. Оглоблина о ссылке «политических» на Север [7]. Автор с сарказмом пишет: «Ни одному, кажется, уголку России не посчастливилось так в "политическом" отношении, как далекому Вычегодскому краю в наши дни. Три уезда Вологодской губернии – Сольвычегодский, Яренский и Устьсысольский, занимающие огромное пространство в бассейне реки Вычегды, от Северной Двины до Печоры, вдруг сразу политически оживились, благодаря мудрым мероприятиям администрации. Три больших уезда были наводнены массой политических ссыльных всевозможных партий, толков, направлений, оттенков, конечно, исключительно с "левого фланга"» [там же]. Автор указывает на значительное влияние ссыльных на культуру и политическое развитие местного населения и утверждает, что в этом виноваты власти: «Лет шесть назад в крошечном городке Яренске, имеющем всего восемьсот жителей, ссыльных было больше девяти сот человек!.. В гор. Сольвычегодск, при 1200 человек населения, ссыльных было тоже девять сот человек. А в гор. Устьсысольск, самом населенном на Вычегде (около пяти тысяч жителей), ссыльных было всего триста человек. Столько же их было и в Устюге, городе, еще больше населенном (до двенадцати тысяч). Очевидно, никакой системы тут не придерживались, а наводняли города ссыльными зря, как попало, до пресыщения, пока местная администрация не задерживала этот неудержимый поток.

Теперь число ссыльных в вычегодских городках уменьшилось до приличной нормы (в Яренске до пятидесяти человек и т.д.), частью за освобождением их и возвращением на родину, а также вследствие выселения ссыльных в села и деревни. Очевидно, администрация спохватилась, что города уже достаточно насыщены политикой, а деревни отстали от них... Скромный доселе край, совершенно чуждый прежде всякой политики, теперь насыщен ею достаточно, благодаря именно вольному и невольному влиянию ссыльных» [там же]. Н.Н. Оглоблин отмечает, что ссыльные вынуждены объединяться, так как им запрещено работать (при этом платят небольшие, но достаточные для проживания деньги), при этом в объединениях формируются некоторые нравственные каноны, которые перенимают и местные жители. Кажется, что автор немного симпатизирует «политическим»: «Понятно, что на нищенское пособие от казны ссыльным невозможно прожить даже в захолустном Вычегодском крае, при невозможности подрабатывать что-нибудь службою, уроками и т.п.» [там же]. Знал бы Н.Н. Оглоблин, как к заключенным будут относиться через 30–40 лет. Описывая негативные моменты жизни ссыльных: зависимость от исправников, заботность и темноту местного населения, он отмечает и положительные моменты местного населения: «Зато ссыльные с удовольствием констатируют, что в духовном отношении зыряне очень способный к развитию народ. Ряды зырян-

ской интеллигенции быстро растут. Духовенство из зырян насчитывает уже по два и по три поколения. Немало есть народных учителей и учительниц из зырян. Есть медики, чиновники и другие интеллигентные зыряне. Называли талантливого художника-зырянина, посланного недавно академией художеств за границу. На реке Выми (приток Вычегды, сближающийся с притоками нефтеносной реки Ухты) наблюдается любопытное явление, повторяющееся и в других местах (особенно в Сибири), где русские давно соприкасаются с инородцами: русские крестьяне на Выми значительно озырянились, говорят смешанным русско-зырянским наречием, переняли некоторые обычаи зырян и проч.

Разумеется, общение с зырянской интеллигенцией несколько скрашивает тяжелую подневольную жизнь ссыльных в разных медвежьих углах края. А здесь попадают такие глухие углы, о которых ссыльные не могут вспоминать без ужаса» [там же].

Рассмотрев несколько работ Н.Н. Оглоблина, написанных в послереволюционные годы (после 1905) на впечатлениях от своих многочисленных поездок, в том числе по Вычегодскому краю, можно сделать следующие выводы:

1. К этим статьям нужно относиться не как к историческим выверенным исследованиям, а как к путевым запискам, в которых автор высказывает «свои» впечатления от встреч с попутчиками и «свои» конкретные эмоциональные оценки ситуации.
2. Н.Н. Оглоблин, путешествуя, ощущал неблагополучие ситуации в обществе. Отмечал неэффективность царской власти, полное разочарование населения в государственном управлении.
3. Совершая вояж по провинции, он видел растущее разочарование, особенно молодежи, в церковной жизни, падение авторитета церковнослужителей.
4. Публикации Н.Н. Оглоблина служили на тот момент предупреждением неблагополучия в жизни общества и предвидением значительных потрясений в стране в будущем.

Литература

1. Силин, В.И. Н.Н. Оглоблин – историко-географ и путешественник / В.И. Силин, Л.Э. Рябина // Стратегическое развитие музея как центра науки, культуры, образования: сборник научных трудов / отв. редактор М.И. Бурлыкина. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 187–193; Силин В.И. Труды, жизнь и путешествия Николая Николаевича Оглоблина / В.И. Силин, Л.Э. Рябина // Дым Отечества. – 2017. – № 5–6. – С. 178–182.
2. Морохин, Н. Тень Николая Оглоблина / Н. Морохин // Оглоблин Н. Речные проселки / сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2010. – С. 3–9.
3. Силаева, И.А. Томские бунты XVII в. в оценках Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Вопросы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). – Москва: Ваш полиграфический партнер,

2012. – С. 25–28; Силаева, И.А. К оценке Н.Н. Оглоблина как сибиреоведа в отечественной историографии / И.А. Силаева // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – Т.1, № 4 (80). – С. 60–65; Силаева, И.А. Документы по истории воеводского управления и служилого люда Сибири XVII столетия в оценках Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография. Ч. 8 / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. – Нижневартовск: Издательство Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – Раздел 2. – Глава. 3. – С. 162–187; Силаева, И.А. Проблематика сибиреведческих публикаций Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т.16, № 3. – С. 221–226; Силаева, И.А. Н.Н. Оглоблин как исследователь Сибирской повседневности XVII – начала XVIII века / И.А. Силаева // Известия Самарского Научного центра Российской академии наук. – 2014. Т.16, № 3–2. – С. 562–565; Силаева, И.А. Н.Н. Оглоблин о первых сибирских библиотеках / И.А. Силаева // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 10–13; Силаева, И.А. Основы классификации документов в «Обзрении столбцов книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)» Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Омский научный вестник. – 2015. – № 3 (139). – С. 24–26; Силаева, И.А. Оглоблин Н.Н. как исследователь состава Тобольской администрации XVII в. / И.А. Силаева // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т.1, №4 (88). – С. 236–239; Силаева, И.А. Документы по истории воеводской администрации Тюмени, Тары, Омска и Кузнецка в исследованиях Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Научное мнение. – 2015. – № 5–3. – С. 17–21; Силаева, И.А. Проблемы истории Сибирской церкви в работах Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – Вып. 2 (69). – С. 7–21; Силаева, И.А. Н.Н. Оглоблин как исследователь мореплавания и географических открытий в Сибири XVII–XVIII вв. / И.А. Силаева // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4–7. – С. 203–209.
4. Оглоблин, Н.Н. Затишье (из провинциальных настроений) / Н.Н. Оглоблин // Исторический Вестник. – 1909. – Т. CXV, № 3. – С. 1062–1096. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book485087/#page/1228/mode/1up>.
5. Оглоблин, Н. На Сухоне и Северной Двине (Из путевых заметок) / Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1911. – № 7. – С. 14–31; № 8. – С. 45–60.
6. Оглоблин, Н.Н. На р. Вычегде: Из путевых заметок / Н.Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1912. – № 4. – С. 26–34. Перепечатано: Дым Отечества. – 2017. – № 5–6; 2018. – № 7–8. – С. 186–190.
7. Оглоблин, Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде // Исторический вестник. – 1913. – Т. 132, № 6. – С. 918–924. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuP_RLIB15000562?page=929&rotate=0&theme=white. Перепечатано: Оглоблин Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде // Молодежь Севера. – 1969. – 5 марта.

8. Оглоблин, Н.Н. Из жизни старообрядчества на севере России // Исторический вестник. – 1913. – № 8. – С. 593–598. – URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/872/Istoricheskii%20vestnik%20T133%201913.pdf>
9. Оглоблин, Н.Н. Не жизнь, а декорация (из провинциальных настроений) / Н.Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1911. – Т. 123, № 1. – С. 141–165; № 2. – С. 578–603. – URL: <https://www.booksite.ru/folk/data/ogloblin.pdf>
10. Носова, Т.А. Стефано-Прокопиевское православное братство в 1896–1901 годах: (К вопросу о статистических показателях членского состава миссионерской организации) / Т.А. Носова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 228–233.
11. Клочков, С. По поводу статьи г. Оглоблина «Из жизни старообрядчества на Севере» / С. Клочков // Вологодские епархиальные ведомости. – 1914. – № 8–9. – С. 211–218.
12. Сивкова, А. Первый думский депутат из Коми края / А. Сивкова // Республика. – № 236 (4633). – 2021. – 24 дек. – URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/44452>

References

1. Silin, V.I. N.N. Ogloblin – istoriko-geograf i puteshestvennik [N.N.Ogloblin – historical geographer and traveler] / V.I.Silin, L.E.Ryabinina // Strategicheskoe razvitie muzeya kak centra nauki, kul'tury, obrazovaniya: sbornik nauchnykh trudov [Strategic development of the museum as a center of science, culture, education: collection of sci. papers] / Ed. M.I. Burlykina. – Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ. Publ., 2017. – P. 187–193; Silin V.I. Trudy, zhizn' i puteshestviya Nikolaya Nikolaevicha Ogloblina [Works, life and travels of Nikolai Nikolaevich Ogloblin] / V.I.Silin. L.E.Ryabinina // Dym Otechestva [The Smoke of the Fatherland]. – 2017. № 5–6. – P. 178–182.
2. Morokhin, N. Ten' Nikolaya Ogloblina [The Shadow of Nikolai Ogloblin] / N. Morokhin // Ogloblin N. Rechnye proselki [River lanes] / Comp. N.V.Morokhin, D.G.Pavlov. – Nizhni Novgorod: izdatel'stvo «Knigi» ["Books" Publ.], 2010. – P. 3–9.
3. Silaeva, I.A. Tomskie bunty XVII v. v ocenkah N.N. Ogloblina [Tomsk riots of the XVII century in the estimates of N.N. Ogloblin] / I.A. Silaeva // Voprosy istoricheskoi nauki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. [Problems of historical science: materials of Intern. Sci. Conf. (Moscow, January 2012). – Moscow: Vash poligraficheskij partner [Your printing partner], 2012. – P. 25–28; Silaeva I.A. K ocenke N.N. Ogloblina kak sibireveda v otechestvennoj istoriografii / I.A.Silaeva // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [To the assessment of N.N. Ogloblin as a sibireved (studying Siberia) in Russian historiography] // Proc. of Altai State Univ.]. – 2013. – Vol.1. №4 (80). – P. 60–65; Silaeva I.A. Dokumenty po istorii voevodskogo upravleniya i sluzhilogo lyuda Sibiri XVII stoletiya v ocenkah N.N. Ogloblina // Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoj istorii: Kollektivnaya monografiya

- [Documents on the history of the voivodeship administration and the service people of Siberia of the XVII century in the estimates of N.N. Ogloblin] / I.A.Silaeva // Source studies and historiographical aspects of Siberian history: Collective monograph]. Part 8 / Ed. Ya.G. Solodkin. – Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Univ. Publ., 2013. – Section 2. – Chapter 3. – P. 162–187; Silaeva I.A. Problematika sibirevedcheskih publikacij N.N. Ogloblina [Problems of N.N. Ogloblin's Siberian publications] / I.A.Silaeva // Izvestiya Samarskogo Nauchnogo centra Rossijskoj Akademii Nauk [Proc. of Samara Sci. Centre, RAS]. – 2014. – Vol.16. – №3. – P. 221–226; Silaeva I.A. N.N. Ogloblin kak issledovatel' Sibirskoj povsednevnosti XVII – nachala XVIII veka [N.N.Ogloblin as a researcher of Siberian everyday life of the XVII – early XVIII century] / I.A.Silaeva // Izvestiya Samarskogo Nauchnogo centra Rossijskoj Akademii Nauk [Proc. of Samara Sci. Centre, RAS]. – 2014. – Vol.16. – №3–2. – P. 562–565; Silaeva I.A. N.N. Ogloblin o pervykh sibirskih bibliotekah [N.N.Ogloblin about the first Siberian libraries] / I.A.Silaeva // Omskij nauchnyj vestnik [Omsk Sci. Bull.]. – 2014. №3 (129). – P. 10–13; Silaeva I.A. Osnovy klassifikacii dokumentov v «Obozrenii stolbcov knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)» N.N. Ogloblina [Fundamentals of classification of documents in the "Review of columns of books of the Siberian Injunction (1592–1768)" by N.N. Ogloblin] / I.A.Silaeva // Omskij nauchnyj vestnik [Omsk Sci. Bull.]. – 2015. №3 (139). – P. 24–26; Silaeva I.A. Ogloblin N.N. kak issledovatel' sostava Tobol'skoj administracii XVII v. [N.N. Ogloblin as a researcher of the Tobolsk administration of the XVII century] / I.A.Silaeva // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Proc. of Altai State Univ.]. – 2015. Vol.1. №4 (88). – P. 236–239; Silaeva I.A. Dokumenty po istorii voevodskoj administracii Tyumeni, Tary, Omska i Kuznecka v issledovaniyah N.N. Ogloblina // Nauchnoe mnenie [Documents on the history of the voivodeship administration of Tyumen, Tara, Tomsk and Kuznetsk in the research of N.N.Ogloblin] / I.A.Silaeva // Scientific opinion]. – 2015. № 5–3. – P. 17–21; Silaeva I.A. Problemy istorii Sibirskoj cerkvi v rabotah N.N.Ogloblina [Problems of the History of the Siberian Church in the Works of N.N.Ogloblin] / I.A.Silaeva // Bull. of PSTGU. II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [History. The History of the Russian Orthodox Church]. – 2016. – Issue 2 (69). – P. 17–21; Silaeva I.A. N.N. Ogloblin kak issledovatel' moreplavaniya i geograficheskikh otkrytij v Sibiri XVII–XVIII vv. [N.N. Ogloblin as a researcher of navigation and geographical discoveries in Siberia of the XVII–XVIII centuries] / I.A.Silaeva // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo unversiteta [Proc. of Altai State Univ.]. – 2012. – №4–7. – P. 203–209
4. Ogloblin, N.N. Zatishe (iz provincial'nyh nastroyenij) [Quiet (From provincial moods)] / N.N. Ogloblin // Istoricheskij Vestnik [Historical Bull.]. – 1909. Vol. CXV. № 3. – P. 1062–1096. / <https://runivers.ru/bookreader/book485087/#page/1228/mode/1up>
 5. Ogloblin, N. Na Suhone i Severnoj Dvine (iz putevyh zametok) [On the Sukhona and the Northern Dvina (from trav-

- el notes)] / N. Ogloblin // Russkoe sudohodstvo [Russian shipping]. – 1911. – №7. – P. 14–31; – №8. – P. 45–60.
6. Ogloblin, N.N. Na r. Vychegde: Iz putevyh zametok [On the Vychegda river: From travel notes] / N.N. Ogloblin // Russkoe Sudohodstvo [Russian Shipping]. – 1912. – № 4. – P. 26 – 34. Perepechatano: Dym Otechestva [Reprinted: The Smoke of the Fatherland]. – 2017. – №5-6; – 2018. – №7-8. – P. 186–190.
 7. Ogloblin, N.N. Politicheskie ssyl'nye na Vychegde [Political exiles on the Vychegda River] / N.N. Ogloblin // Istoricheskij vestnik [Historical Bull.]. – 1913. – Vol.132, № 6. – P.918–924 / https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB15000562?page=929&rotate=0&theme=white Perepechatano: Ogloblin N.N. Politicheskie ssyl'nye na Vychegde [Political exiles on the Vychegda River] // Molodezh' Severa [Youth of the North newspaper]. – 1969. – March 5.
 8. Ogloblin, N.N. Iz zhizni staroobryadchestva na severe Rossii [From the life of the Old Believers in the North of Russia] / N.N.Ogloblin // Istoricheskij vestnik [Historical Bull.]. – 1913. – №8. – P. 593–598. / <https://runivers.ru/upload/iblock/872/Istoricheskii%20vestnik%20T133%201913.pdf>
 9. Ogloblin, N.N. Ne zhizn', a dekoraciya (iz provincial'nyh nastroyenij) [Not life, but a decoration (from provincial moods)] / N.N. Ogloblin // Istoricheskij vestnik [Historical Bull.]. – 1911. – Vol. 123, № 1. – P. 141–165; № 2. – P. 578–603. / <https://www.booksite.ru/folk/data/ogloblin.pdf>
 10. Nosova, T.A. Stefano-Prokopievskoe pravoslavnoe bratstvo v 1896–1901 godah: (K voprosu o statisticheskikh pokazatelyah chlenskogo sostava missiionerskoj organizacii) [The Stefano-Prokopiev Orthodox Brotherhood in 1896–1901: (On the question of statistical indicators of the membership of the missionary organization)] / T.A. Nosova // Russkaya kul'tura novogo stoletiya: Problemy izucheniya, sohraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya [Russian Culture of the New Century: Problems of studying, preserving and use of historical and cultural heritage]. – Vologda: Knizhnoe nasledie [Book heritage], 2007. – P. 228–233.
 11. Klochkov, S. Po povodu stat'i g. Ogloblina "Iz zhizni staroobryadchestva na Severe" [About the article by Ogloblin "From the life of the Old Believers in the North"] / S. Klochkov // [Vologodskie eparhialnye vedomosti [Vologda Diocesan Gazette]. – 1914. – No. 8–9. – P. 211–218.
 12. Sivkova, A. Pervyj dumskij deputat iz Komi kraja [The first Duma deputy from the Komi region] // Respublika newspaper. – №236 (4633). – 2021. December 24 / <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/44452>

Информация об авторе:

Силин Владимир Иванович – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: silinv@rambler.ru).

Author:

Vladimir I. Silin – Dr. Sci. (Geography), Chief researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. Tel. +7 904 220 7886; silinv@rambler.ru).

Для цитирования:

Силин, В.И. Взгляды Н.Н. Оглоблина на ситуацию в России после революции 1905 года / В.И. Силин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 113–119.

For citation:

Silin, V.I. N.N. Ogloblin's views on the situation in Russia after the 1905 Revolution / V.I. Silin // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 113–119.

Дата поступления статьи: 31.03.2023

Прошла рецензирование: 11.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 31.03.2023

Reviewed: 11.04.2023

Accepted: 16.06.2023

Система образования России в годы реформ С.Ю. Витте – П.А. Столыпина в оценках современной отечественной историографии

П.А. Сперанский

Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
pasperanskiy@mail.ru

Аннотация

В статье проведен историографический анализ точек зрения современных отечественных авторов, касающихся осмысления проблем реформации сферы образования в эпоху позднеимперской модернизации. Проанализированы варианты использования различных интерпретационных моделей, используемых при изучении последней в имперской истории попытки реорганизации системы образования. Сделаны выводы о неоднозначности трактовок трансформаций системы народного просвещения России конца XIX – начала XX в. и наличии значительных историографических лакун, вызывающих необходимость продолжения изучения обозначенной тематики с целью проведения более скрупулезного анализа преобразований правительств С.Ю. Витте и П.А. Столыпина в социокультурной сфере.

Ключевые слова:

историография, реформы, система образования, народное просвещение, модернизация, школа, училище, высшее учебное заведение

Введение

Великие реформы 1860–1870-х гг. запустили процесс модернизационных трансформаций, благодаря чему Российская империя в конце XIX – начале XX в. совершила индустриальный рывок. Бурный промышленный подъем этого периода стал важной фазой индустриализации страны, характеризовавшейся рекордно высокими темпами промышленного роста. Однако при этом на экономическом развитии страны негативным образом сказывалась серьезная малограмотность населения. К началу XX в. число неграмотных жителей России было колоссально, поэтому экономические, политические и социокультурные вызовы эпохи требовали скорейшего введения новаций в систему российского образования, дабы увеличить число грамотных подданных.

The education system of Russia in the years of S.Yu. Witte – P.A. Stolypin's reforms in the assessment of modern Russian historiography

P.A. Speransky

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg
pasperanskiy@mail.ru

Abstract

The paper provides a historiographical analysis of the points of view of modern Russian authors regarding the understanding of the problems of the reformation of the education sector in the era of late Imperial modernization. The variants of using various interpretive models used in the study of the last attempt in the Imperial history to reorganize the education system are analyzed. Conclusions are made about the ambiguity of interpretations of the transformations of the system of public education system in Russia in the late XIX – early XX centuries, and the presence of significant historiographical gaps necessitating further study of the identified topics in order to conduct a more thorough analysis of the transformations of the governments of S.Yu. Witte and P.A. Stolypin in the sociocultural sphere.

Keywords:

historiography, reforms, education system, public education, modernization, school, college, institution of higher education

Создаваемый усилиями государства современный промышленный комплекс остро нуждался в квалифицированных кадрах, обладавших глубокими знаниями и способных к их практическому применению. При этом сложившиеся формы народного просвещения не позволяли проводить подготовку специалистов на должном уровне, так как профессиональное образование в России конца XIX в. находилось на начальной стадии своего развития. Все эти обстоятельства вынуждали российские власти приступить к быстрой реорганизации старых и созданию новых учебных заведений, дающих профессиональное образование в соответствии с самыми современными образцами.

При С.Ю. Витте, отлично понимавшем потребности российской экономики в образованных людях, система народного просвещения России активно развивалась. Деятель-

ность Министерства финансов, долгие годы руководимого Витте, способствовала созданию 188 новых учебных заведений с общим контингентом учащихся численностью более 30 тыс. чел. Развитие системы профессионального и специального образования стало тем средством, благодаря которому можно было существенно способствовать экономическому развитию страны, повышая уровень благосостояния ее жителей [1, с. 320].

Также хорошо понимал зависимость экономического и политического прогресса России от общего уровня образованности населения П.А. Столыпин. Широко известен проект его кабинета министров о введении в стране всеобщего начального обучения, предполагавший бесплатное школьное образование для детей всех сословий и вероисповеданий в возрасте от 8 лет. Прогрессивно-либеральный характер имели идеи создания нового Университетского устава, предоставлявшего высшим учебным заведениям широкую автономию. Реформатор поддерживал частную инициативу в деле строительства целостной образовательной сети, выражавшуюся в открытии низших, средних, высших учебных заведений, отдельных классов и курсов земствами, городами, а также частными лицами и организациями [2, с. 76–81, 86, 87].

Данные структурные составляющие преобразований Витте – Столыпина в области просвещения являются важным этапом российского социокультурного модернизационного процесса, поэтому их исследование и анализ являются весьма популярными среди отечественных историков: как специалистов в области истории русской школы (историков образования, педагогов и т.д.), так и исследователей социокультурного облика общества времен поздней империи в целом.

Начальное и среднее образование

Многие российские авторы анализируют реформы в области народного просвещения в контексте общих преобразований, происходивших в России на рубеже XIX–XX вв. Интересные замечания на этот счет делает М.А. Давыдов. Ученый отмечает, что в отличие от западного мира в России всегда был велик дефицит профессиональных кадров, готовых для работы в различных сферах народного хозяйства страны. В связи с этим историк считает, что развитие системы профессионального образования было для С.Ю. Витте одним из тех важных и необходимых средств, которые бы смогли помочь вывести экономическую жизнь страны на уровень великой державы [1, с. 321].

Не упускает автор из виду и преобразование в системе специального образования, прежде всего сельскохозяйственного. Ученый отмечает, что в годы проведения аграрной реформы в стране началась активная кампания по подготовке агрономов и специалистов по сельскому хозяйству, основанная на подходах и методах, предложенных еще во времена преобразований С.Ю. Витте. Приводя довольно убедительную статистику, Давыдов приходит к выводу, что в годы аграрной реформы П.А. Столыпина сельскохозяйственное образование переживало в России настоящий бум [1, с. 601–607].

Повышение общего уровня образования населения является одной из важнейших черт современного общества. В связи с этим, историк Б.Н. Миронов считает, что изменения в сфере российского образования, произошедшие в конце XIX – начале XX в., активно способствовали модернизационному процессу. В работе «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в.» он отмечает, что в период с начала «Великих реформ» и до 1911 г. общая грамотность населения среди мужчин увеличилась с 21 до 36 %. В первую очередь подобный рост образованности был связан с трансформацией системы среднего образования Российской империи. Ее итогом стало создание полноценной училищно-гимназической системы по всей стране. Однако историк подчеркивает, что наиболее четкая положительная динамика роста уровня образования в конце XIX – начале XX в. наметилась в первую очередь в среде городского населения и рабочих, т.е. социальных страт, имевших возможность воспользоваться плодами преобразований С.Ю. Витте и П.А. Столыпина [3, с. 156].

Интересную оценку модернизационным трансформациям эпохи П.А. Столыпина в сфере образования дает А.В. Селютин в статье «Бремя модернизации». Автор отмечает, что проект столыпинских реформ в области образования преследовал две основные цели. По его мнению, первой выступала насущная потребность в стабилизации общественно-политической обстановки в стране. Ученый утверждает, что П.А. Столыпин видел в получении широкими слоями общества образования возможность преодоления политического экстремизма и национализма, проявлявшегося на национальных окраинах [4, с. 247]. Второй, не менее важной целью столыпинской реформации, как считает А.В. Селютин, было повышение уровня образования населения и ликвидация нехватки специалистов. Поэтому правительство П.А. Столыпина разрабатывало пакет законов в области подготовки учительских кадров, ассигновало значительные средства на переподготовку и улучшение материального положения учителей средней школы [там же, с. 250, 251].

Тема развития образования в России второй половины XIX – начала XX в. находится в центре внимания ученых, объединившихся вокруг «Фонда по изучению наследия П.А. Столыпина». Так, П.А. Пожигайло проводит скрупулезный анализ основных положений, а также этапов обсуждения Министерством народного просвещения, Правительством, Государственной Думой и Государственным советом всех столыпинских законопроектов, касающихся сферы народного просвещения. Исследователь отмечает, что многие из образовательных проектов получили дальнейшее законодательное утверждение, однако самая смелая идея П.А. Столыпина о введении обязательного всеобщего начального образования поддержки не нашла. В связи с этим, ученый обращает отдельное внимание на конкретные причины противодействия принятию данного законопроекта, утверждая что его реализация могла бы привести к постепенной ликвидации безграмотности населения еще в имперские времена [2, с. 76–93].

Подводя итоги, П.А. Пожигайло выделяет основные тенденции правительственной политики в области народного просвещения. Главными среди них, по мнению исследователя, были формирование единой образовательной системы в России, реорганизация подготовки учительских и преподавательских кадров, а также привлечение к делу совершенствования образовательной системы многочисленных ресурсов как со стороны государства, так и из общественной сферы, представленной частной и земской инициативами [2, с. 93].

Обозначенные идеи активно развивают известные исследователи реформационных процессов в России К.И. Могилевский и К.А. Соловьев. Подчеркивая, что системная модернизация без приобщения большинства населения к элементарным знаниям невозможна, ученые отмечают, что расширение и совершенствование системы образования было одним из важнейших направлений реформ П.А. Столыпина. Анализируя «Новый университетский устав» и не реализованный на практике законопроект «О введении всеобщего начального обучения», историки приходят к выводам, что, с одной стороны, столыпинская реформация в области народного просвещения была нацелена на решение стратегических задач экономического и политического развития страны. С другой – намеченные реформы решали насущные проблемы стабилизации политической обстановки, так как правильно поставленное образование должно было оградить высшую школу и студенчество от увлечения разрушительными революционными идеями [5, с. 79–83].

Заметим, что в работах исследователей, аффилированных с указанным выше фондом, прослеживается явная идеализация как самой программы, так и связанных с ней достижений. Действия кабинета П.А. Столыпина представляются авторами как последовательный комплекс мероприятий. Однако внимание в основном акцентируется на идеях и планах реформ, а вот оценка результатов выглядит декларативно и недостаточно аргументированно.

Продолжая историографический обзор, стоит отметить, что помимо вышеуказанных работ, затрагивающих проблемы развития системы народного просвещения в контексте общего анализа реформ Витте – Столыпина, в современной исторической науке имеется большое количество статей и монографий, посвященных конкретно проблематике развития образования в России позднеимперского периода.

Яркой историографической вехой в этой области стала монография «Государство и становление системы коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв.» А.А. Бессолицина. Ученый проводит комплексный анализ истории становления и развития коммерческого образования, начавшего функционировать, по его мнению, с конца XIX в., благодаря поддержке Министерства финансов и личному покровительству С.Ю. Витте. Исследователь утверждает, что главной особенностью российской системы образования на рубеже XIX–XX вв. являлся жесткий и постоянный государственный контроль, предполагавший возможность активного вмешательства во внутренние дела учебных заведений [6, с. 4, 5].

К интересным выводам относительно реформ народного просвещения приходит М.В. Богуславский. Ученый доказывает, что процессы становления системы российского образования завершились в начале XX в. Появились ее основные ступени, выросло количество образовательных учреждений, втянувших в процесс обучения миллионы людей разных социальных и возрастных категорий. Существенно повысилась грамотность населения. Однако, отмечает исследователь, общий уровень просвещения населения оставался низким, так как основная масса детей школьного возраста не имела даже начального образования, и остро стоял вопрос распространения грамотности среди национальных меньшинств [7, с. 15–22].

Позитивные результаты в развитии школьного образования находит автор фундаментальной монографии «Школа в России. XVIII – начало XX вв.: власть и общество» Е.К. Сысоева. Рассматривая развитие городской и сельской средней начальной школы в условиях общественно-политической модернизации конца XIX – начала XX в. исследовательница отмечает, что на данном этапе к проблеме ликвидации народной безграмотности государство начинает все более активно привлекать земские и общественные силы. Их непосредственная роль в деле народного просвещения и подготовки учительских кадров заметно повышается [8, с. 481–491].

На активную роль земств в процессе развития российского образования указывают Л.А. Жукова и О.И. Митяева. Отмечая, что работа земских органов в области народного просвещения была неотъемлемой частью общественного педагогического движения, исследовательницы указывают, что земские педагоги внесли неоценимый вклад в создание школы как образовательной системы демократического типа. По их мнению, эта школьная система отличалась преподаванием широкого круга светских учебных предметов, использованием новейших форм и методов обучения, воспитанием чувств гражданственности и патриотизма [9, с. 263]. Особо подчеркивается, что законом от 22 июня 1909 г. был образован специальный школьный строительный фонд, из которого к середине 1911 г. почти все существовавшие на тот момент в империи земские управы получили льготный кредит и использовали его для строительства новых школ [10, с. 17–25].

Высшее образование

Помимо модернизационных трансформаций, происходивших на уровне начальных и средних ступеней народного просвещения, отечественная историография привлекает в фокус своего внимания и процессы изменений в системе высшего образования позднеимперской России. Интересно в историографическом плане исследование «Высшая школа Российской империи начала XX века» А.Е. Иванова. Сравнивая между собой дореволюционную государственную и общественно-частную высшие школы, автор приходит к выводу о том, что к началу XX в. «вольные» университеты по темпам своего развития обгоняли государственные. Успех частных вузов, по мнению исследователя, заключался в том, что они были более воспри-

имчивы к организационно-методическим новациям и обеспечивали возможность обретения высшего образования тем социальным стратам, для которых поступление в государственные вузы было проблематичным [11, с. 265–274].

Историк университетского образования В.А. Змеев отмечает, что в начале XX в. высшая школа России вступила в этап активной трансформации и повышения своей общественной роли. По мнению исследователя, в результате коренных глубинных трансформаций она сумела освободиться от жесткого контроля со стороны государства и восстановить свою автономию. За счет создания ряда частных и общественных учебных заведений в сфере высшего образования расширился негосударственный сектор образовательных услуг. Значительно увеличилась численность студентов, количество преподаваемых дисциплин, специальностей, повысилось качество обучения. Серьезно изменился социальный, национальный, религиозно-конфессиональный, половой и возрастной составы студенчества.

В период с 1897 по 1917 г., утверждает В.А. Змеев, российские университеты превратились в крупнейшие центры образования, науки и культуры, вышли на мировой уровень по основным показателям. Их выпускники стали безоговорочно признаваться высококлассными специалистами как на родине, так и за рубежом [12].

Специалист в области истории высшего образования А.Ю. Андреев посвятил исследованию проблем социокультурной модернизации в области отечественного высшего образования статью «О “новом прочтении” истории российских университетов». В ней он последовательно доказывает, что развитие российских университетов на рубеже XIX–XX вв. шло в сторону их сближения с моделью классического «гумбольдтовского» университета. Автор указывает, что в рассматриваемый период протекали активные процессы интеграции российской университетской науки в европейскую, а главный принцип «гумбольдтовской» системы, заключавшийся в соединении преподавания и научной деятельности, находил воплощение в работе отечественных профессорско-преподавательских кадров [13, с. 156].

Однако помимо позитивных тенденций развития отечественной высшей школы исследователь указывает и на ряд серьезных неудач и упущений. В частности он говорит о том, что в России правительству так и не удалось сделать университеты надежной опорой своего политического курса. Произошло это, по мнению историка, потому, что при назначении на профессорские должности министерство народного просвещения так и не начало руководствоваться принципом научной эффективности, а следовало внеученым критериям лояльности власти. В результате, делает неутешительный вывод А.Ю. Андреев, некоторые отечественные видные университетские ученые уже в конце XIX–начале XX в. были вынуждены уехать за границу [13, с. 156, 157].

Весьма позитивно оценивает модернизационные трансформации в сфере высшего образования В.В. Шелохаев. Ученый отмечает, что законодательное обновление

страны невозможно без умения подданными осознавать и воспринимать новые законы. Поэтому важной задачей кабинета Столыпина было повысить образовательный, профессиональный и культурный уровни жителей Российской империи. Помимо описания несбывшихся в имперское время широкомасштабных планов Столыпина, историк отмечает и ряд важнейших шагов правительства, реально воплощенных в жизнь. Среди них, по мнению Шелохаева, наиболее важным было серьезное расширение льгот при поступлении в высшие и специальные учебные заведения, выделение значительных бюджетных средств на создание не только государственных, но и частных высших учебных заведений, а также принятие бюджетной программы, по которой наиболее талантливые ученики и учителя могли отправляться учиться за рубеж за государственный счет [14, с. 33].

Заключение

Подводя итоги отметим, что имеющиеся в багаже отечественной исторической науки работы в целом высоко оценивают потенциал и результативность социокультурных трансформаций в области образования в конце XIX – начале XX в. Большинство трудов содержат позитивные оценки развития системы просвещения на рубеже XIX–XX вв. и отмечают утилитарность, прогрессивность и огромное значение продолжения властью, заложенного еще Великими реформами Александра II курса на либерализацию и существенное расширение системы образования. Тем не менее существуют и точки зрения, указывающие на наличие серьезных минусов в этих преобразованиях. В частности, ученые указывают на наличие сильного давления государства на образовательный процесс, что, по их мнению, существенно тормозило процесс модернизации в России.

В целом история российского образования эпохи поздней империи в современной отечественной историографии освещена достаточно полно, однако отдельные аспекты данной тематики до сих пор являются «белыми пятнами». Остаются практически неизученными различные формы домашнего обучения, феномены гувернерства и наставничества. Все это также является важнейшими факторами социокультурной модернизации в области образования и требует обязательного дальнейшего изучения с целью ликвидации существующих историографических лакун.

Литература

1. Давыдов, М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина / М.А. Давыдов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 1080 с.
2. Пожигайло, П.А. Столыпинская программа преобразования России / П.А. Пожигайло. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 240 с.
3. Миронов, Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX в. / Б.Н. Миронов. – Москва: Весь Мир, 2010. – 848 с.
4. Селютин, А.В. Бремя модернизации / А.В. Селютин // Территория науки. – 2013. – № 6. – С. 243–256.

5. Могилевский, К.И. П.А. Столыпин: личность и реформы / К.И. Могилевский, К.А. Соловьев. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 143 с.
6. Бессолицын, А.А. Государство и становление системы коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв. / А.А. Бессолицын. – Москва: Институт российской истории РАН, 2014. – 224 с.
7. Богуславский, М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект / М.В. Богуславский // Вопросы образования. – 2006. – № 3. – С. 5–22.
8. Сысоева, Е.К. Школа в России. XVIII – начало XX в.: власть и общество / Е.К. Сысоева. – Москва: Новый хронограф, 2015. – 512 с.
9. Жукова, Л.А. Земства и социокультурная модернизация империи в начале XX в. / Л.А. Жукова // Вестник ГУУ. – 2013. – № 20. – С. 258–263.
10. Митяева, О.И. Столыпин и развитие земства / О.И. Митяева // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2015. – № 6. – С. 22–23.
11. Иванов, А.Е. Высшая школа Российской империи начала XX вв. / А.Е. Иванов // Вестник Российской Академии Наук. – 1997. – № 3. – С. 265–274.
12. Змеев, В.А. Эволюция высшей школы российской империи / В.А. Змеев. – Москва: ЛАТМЭС, 1998. – 242 с.
13. Андреев, А.Ю. О «Новом прочтении» истории российских университетов / А.Ю. Андреев // Высшее образование в России. – 2009. – № 3. – С. 149–159.
14. Шелохаев, В.В. Столыпинский тип модернизации России / В.В. Шелохаев // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 18–36.
4. Selyutin, A.V. Bremya modernizacii [The burden of modernization] / A.V. Selyutin // Territoriya nauki [Territory of Science]. – 2013. – № 6. – P. 243–256.
5. Mogilevsky, K.I. P.A. Stolypin: lichnost' i reformy [P.A. Stolypin: personality and reforms] / K.I. Mogilevsky, K.A. Solov'yev. – Moscow: ROSSPEN, 2011. – 143 p.
6. Bessolitsyn, A.A. Gosudarstvo i stanovlenie sistemy kommercheskogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The State and the formation of the system of commercial education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries] / A.A. Bessolitsyn. – Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN [Inst. of Russian History, RAS], 2014. – 224 p.
7. Boguslavsky, M.V. Reformy rossijskogo obrazovaniya XIX–XX vv. Kak global'nyj proekt [Reforms of Russian education in the XIX–XX centuries as a global project] / M.V. Boguslavsky // Voprosy obrazovaniya [Problems of education]. – 2006. – № 3. – P. 5–22.
8. Sysoeva, E.K. Shkola v Rossii. XVIII – nachalo XX vv.: vlast' i obshchestvo [School in Russia. XVIII – early XX centuries: power and society] / E.K. Sysoeva. – Moscow: Novyy khronograf [New chronograph], 2015. – 512 p.
9. Zhukova, L.A. Zemstva i sociokul'turnaya modernizaciya imperii v nachale XX v. [Zemstvos and socio-cultural modernization of the empire at the beginning of the XX century] / L.A. Zhukova // Vestnik GUU [Bull. of State Univ. of Management]. – 2013. – № 20. – P. 258–263.
10. Mityaeva, O.I. Stolypin i razvitie zemstva [Stolypin and the development of the Zemstvo] / O.I. Mityaeva // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bull. of Moscow Univ.]. Series 12. Political Sciences. – 2015. – № 6. – P. 22–23.
11. Ivanov, A.E. Vysshaya shkola Rossijskoj imperii nachala XX vv. [Higher school of the Russian empire at the beginning of the XX century] / A.E. Ivanov // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk [Bull. of the Acad. Sci. of Russia]. – 1997. – № 3. – P. 265–274.
12. Zmeev, V.A. Evolyuciya vysshej shkoly rossijskoj imperii [The evolution of the higher school of the Russian empire] / V.A. Zmeev. – Moscow: LATMES, 1998. – 242 p.
13. Andreev, A.Yu. O «Novom prochtenii» istorii rossijskih universitetov [On the "New reading" of the history of Russian universities] / A.Yu. Andreev // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. – 2009. – № 3. – P. 149–159.
14. Shelokhaev, V.V. Stolypinskij tip modernizacii Rossii [Stolypin's type of modernization of Russia] / V.V. Shelokhaev // Rossijskaya istoriya [Russian history]. – 2012. – № 2. – P. 18–36.

References

1. Davydov, M.A. Dvadcat' let do Velikoj vojny: rossijskaya modernizaciya Vitte-Stolypina [Twenty years before the Great War: Witte-Stolypin's modernization of Russia] / M.A. Davydov. – St. Petersburg: Aleteiya, 2016. – 1080 p.
2. Pozhigailo, P.A. Stolypinskaya programma preobrazovaniya Rossii [Stolypin's program for the transformation of Russia] / P.A. Pozhigailo. – Moscow: ROSSPEN, 2007. – 240 p.
3. Mironov, B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo XX v. [Welfare of the population and revolution in imperial Russia: XVIII – early XX century] / B.N. Mironov. – Moscow: Ves' Mir, 2010. – 848 p.

Информация об авторе:

Сперанский Петр Андреевич – младший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16); аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (620083, Российская Федерация; г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51, e-mail: pasperanskiy@mail.ru).

Author:

Petr A. Speransky – Junior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS; (16, S.Kovalevskaya st., Ekaterinburg, Russian Federation); post-graduate student of the Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B.N. Eltsin. (51, Lenin st., Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: pasperanskiy@mail.ru).

Для цитирования:

Сперанский, П.А. Система образования России в годы реформ С.Ю. Витте – П.А. Столыпина в оценках современной отечественной историографии / П.А. Сперанский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 120–125.

For citation:

Speransky, P.A. The education system of Russia in the years of S.Yu. Witte – P.A. Stolypin's reforms in the assessment of modern Russian historiography / P.A. Speransky // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 120–125.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 09.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 09.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Внутренние миграции населения Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX века

О.А. Куратов

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
olegkurov@mail.ru

Аннотация

В статье производится анализ внутренней миграции на территории Печорского уезда Архангельской губернии в конце XIX – начале XX в. на основе делопроизводственной документации Управления земледелия и государственных имуществ. Особое внимание уделено влиянию географического фактора на масштабы переселения в Печорский уезд. Автор приходит к выводу, что внутренняя миграция населения на территории Печорского уезда в конце XIX – начале XX в. носила характер эпизодического перемещения крестьян в районы, более пригодные для хозяйственной деятельности. Чаще всего такие районы находились недалеко от предыдущего места жительства. В большинстве случаев крестьяне брали расходы по переселению на себя. В то же время основным мотивом для переезда была, прежде всего, близость выбранного участка к местам, подходящим для традиционных ремесел. Климатические условия и состояние путей сообщения в уезде не способствовали привлечению переселенцев из других губерний, что подтверждается соотношением количества таких ходатайств о переселении по сравнению с ходатайствами о переселении крестьян внутри Печорского уезда.

Ключевые слова:

внутренние миграции, Печорский уезд, Европейский Север России, Архангельская губерния

Internal migrations of the population of the Pechora Uyezd of the Arkhangelsk Province at the beginning of the XX century

O.A. Kuratov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
olegkurov@mail.ru

Abstract

The paper analyzes internal migrations on the territory of the Pechora Uyezd in the late XIX – early XX centuries on the basis of official documentation of the Department of Agriculture and State Property of the Arkhangelsk Province. Particular attention is paid to the influence of the geographical factor on the scale of resettlement in the Pechora Uyezd. The author comes to the conclusion that the internal migration of the population on the territory of the Pechora Uyezd in the late XIX – early XX century was characterized by the episodic movement of peasants to areas that were considered more suitable for economic activity. Most often, these areas were not very far from the previous place of residence. In most cases, the peasants took the costs of resettlement on themselves. At the same time, the main motive for relocation was primarily the proximity of the chosen site to places suitable for traditional crafts. The climatic conditions and the state of the communication routes in the Uyezd obviously did not contribute to attracting migrants from other provinces, which is confirmed by the ratio of the number of such petitions for resettlement compared to petitions for the resettlement of peasants inside the Pechora Uyezd.

Keywords:

internal migration, Pechora Uyezd, European North of Russia, Arkhangelsk Province

После либеральных реформ середины XIX в. внутренняя миграция населения Российской империи начала регулироваться государством. Оно разработало новую политику в отношении миграционных перемещений, анализируя миграцию и поощряя миграцию в восточном направлении.

В связи с тем, что сегодня в Российской Федерации поставлена задача дальнейшего хозяйственного развития сибирских и дальневосточных территорий (в том числе при помощи стимулирования миграции населения из центральных областей), а также очень актуальна проблема оттока населения из регионов, изучение внутренних миграций в означенный исторический период представляется достаточно важным.

В конце XIX в. одним из наименее населенных регионов севера Российской империи был Печорский уезд Архангельской губернии, отделенный от Мезенской губернии в 1891 г. Эта территория соответствовала границам бывшего Пустозерского уезда (существовал с 1606 по 1780 г.) с площадью более 400 тыс. км² (1897). Население уезда, по данным первой переписи населения Российской империи 1897 г., составляло лишь 35 тыс. чел. [1, с. 34]. Климатические условия уезда были весьма суровыми, что непосредственно сказывалось на численности населения, а также на мотивации крестьян к переселению [2]. В целом ситуация с заселенностью большинства уездов Архангельской губернии оценивалась как нуждающаяся во внимании. Так, в 1910 г. лесничий Золотицкого лесничества

указывает, что населенные пункты при громадной площади губернии находятся исключительно по берегам значительных рек и моря. Вследствие этого междуречные пространства, тянувшиеся иногда на сотни верст и имеющие вполне пригодные для разработки в сельском хозяйстве угодья, представляют из себя «пустыню, лишенную человеческой жизни» [3]. Лесничий делает вывод, что «такого рода слабость населения губернии невыгодно отражается на интересах казны». Этот вывод в полной мере относится и к Печорскому уезду.

При этом мы имеем весьма скудное количество статистических источников, позволяющих оценить масштабы внутренней миграции населения Печорского уезда, что делает особенно ценным для нас управленческую документацию Управления государственных имуществ Архангельской губернии (далее – Управление). После аграрной реформы 1866 г. Управление занималось незаселенными землями, казенными, крестьянскими и другими лесами, их разработкой, учетом доходов и расходов, разведкой полезных ископаемых, учетом иностранных поселенцев, а также переселенческими мероприятиями. Находилось в ведении Министерства земледелия и госимуществ, с 1905 г. – Главного управления землеустройства и земледелия, с 1915 г. – Министерства земледелия. Упразднено в декабре 1917 г. [4]. Делопроизводственные документы, содержащие сведения о работе Управления, содержат ценные сведения о количестве населения, деревень, землевладений крестьян, их переселении.

Основной корпус документов Управления, отражающих количество переселенцев, – дела о переселениях крестьян из одной местности в другую. Содержание дел раскрывает управленческий механизм предоставления в пользование участка. Крестьянин должен был направить письменное прошение на имя губернатора с указанием фамилии, имени просителя (в случае коллективного прошения – всех заявителей), места проживания данных лиц на данный момент, описанием участка земли, желаемого для переселения, а также мотивов переселения. В качестве мест для переселения рассматривались свободные участки казенной земли. К прошению прилагалась докладная записка лесничего уезда, соответствующего пункту желаемого переселения, с экономическим обоснованием отказа либо же удовлетворения просьбы заявителя. В первую очередь указывалось, представляет ли данный участок интерес для казны. Одним из условий выделения участка казенной земли было обещание ее сельскохозяйственного использования, прошения с целью строительства только жилой усадьбы не получали одобрения. В случае благоприятного решения оформлялась расписка о принятии в пользование участка земли, с приложением подробного плана местности.

По инициативе Главногоуправляющего Землеустройством и Земледелием А.В. Кривошеина в 1911 г. в Архангельской губернии с помощью административных ресурсов Управления проводится исследование, направленное на выработку управленческих решений по вопросу образования переселенческих участков для крестьян из других губерний, а также участков для продажи. Было издано предписание о предоставлении информации о переселе-

нии крестьян губернии на казенные земли за период с 1901 по 1910 г. (как о переселении внутри уезда, так и извне), а также о количестве неразрешенных дел по прошениям крестьян. По этим данным были составлены сводные таблицы за указанное десятилетие, для нас они тоже являются ценным источником.

Экономический интерес казны в отношении Печорского уезда выражался, в первую очередь, в лесных богатствах края, которые и стали главной причиной выделения его в самостоятельную административную единицу. Поэтому при принятии решения о выделении крестьянам казенного участка незанятой земли учитывалось именно наличие на нем ценных пород леса, и лесничий, отвечая на запрос Управления, чаще всего делал акцент именно на этом. Лесничий Ижемского лесничества отмечает, что переселение имеет свое существенное значение лишь исключительно для самого населения, на лесном же хозяйстве оно отразиться не может, так как переселение «происходит в таких пределах, где лес не отличается добротностью своих качеств» [5].

Рассмотрим количество поданных прошений за период с 1901 по 1917 г.

Количество поданных за 18 лет прошений, как мы видим из таблицы, невелико, еще меньше число удовлетворительных решений по поданным прошениям. Стоит учитывать, однако, что количество прошений соответствует количеству заявителей – глав семейств, члены которых также перемещались на новое место проживания. Кроме того, не все случаи переселений могли быть зафиксирова-

Таблица
Количество поданных прошений крестьян о переселении
за период с 1900 по 1917 г., ед.

Table
Number of petitions submitted by peasants for resettlement for the
period from 1900 to 1917, units

Годы	Прошения о переселении внутри уезда	Прошения о переселении из других губерний	Положительные решения (внутри губернии/извне)	
1900	2	0	1	0
1901	1	0	1	0
1902	1	10	1	10
1903	4	1	1	0
1904	5	0	3	0
1905	15	0	15	0
1906	7	0	7	0
1907	5	0	5	0
1908	1	0	1	0
1909	9	0	9	0
1910	11	0	11	0
1911	1	0	1	0
1912	1	0	1	0
1913	0	1	0	1
1914	7	1	6	1
1915	3	0	3	0
1916	0	0	0	0
1917	0	0	0	0
Итого	73	13	66	12

Источники: [6–14].
Sources: [6–14].

ны в документах Управления, нередко были случаи самовольного переселения. Так, например, в докладной записке Лесного Ревизора Третьякова от 1915 г. о самовольном поселении группы самоедов (ненцев) в с. Усть-Усе упоминается, что они жили оседло на данной территории уже несколько лет, и сами обратились с прошением об уже официальном переселении на новую местность [15]. Итак, факт переселения стал очевидным лишь в результате самостоятельного обращения новых поселенцев в государственные органы, что говорит о несовершенстве системы учета переселенцев.

Обращает на себя внимание небольшое количество прошений на переселение в Печорский уезд от крестьян из других губерний. Заведующий Печорским лесничеством в 1910 г., оценивая перспективы заселения пустующих казенных земель иногубернскими крестьянами, пишет, что даже местное население Печорского края, знающее вполне климатические условия, и которое может получить выгоды от хозяйства на новом месте, часто отказывается от переселения. А если и переселяется, то исключительно надеясь на рыбные и лесные промыслы. Заведующий Печорским лесничеством заключает: «...еще не было опыта, чтобы кто-либо из прежнего элемента поселился в Печорском крае и с успехом бы вел сельское хозяйство» [16]. Действительно, традиционные промыслы играли важнейшую роль в жизни населения Печорского уезда, поэтому, оценивая пригодность того или иного нового участка земли для проживания своих семей, они искали в них удобства с точки зрения доступа к рыбным местам и охотничьим угодьям [17]. Основными причинами незначительного числа переселений иногубернских крестьян можно считать отсутствие свободных земель, готовых для сельскохозяйственного пользования; дороговизну мелиорации; отсутствие путей сообщения; часто – отсутствие доступа к питьевой воде [18].

Таким образом, внутренние миграции населения на территории Печорского уезда в конце XIX – начале XX в. носили характер эпизодического перемещения крестьян в местности, которые считали более пригодными для ведения хозяйственной деятельности. Чаще всего эти местности были не сильно удалены от предыдущего места жительства, а также близки к местам, пригодным для занятия традиционными промыслами. Климатические условия, проблемы с мелиорацией и состояние путей сообщения в уезде, очевидно, не способствовали привлечению переселенцев из других губерний, что подтверждается соотношением количества таких прошений о переселении в сравнении с прошеньями о переселении крестьян внутри Печорского уезда.

Литература и источники

1. Вишнякова, Д.В. Половозрастная структура населения Коми края (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) / Д.В. Вишнякова // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2020. – № 5 (45). – С. 33–41.
2. Куратов, О.А. Влияние географического фактора на внутреннюю миграцию населения территории Печорского уезда Архангельской губернии в пореформенный период / О.А. Куратов // Актуальные вопросы научных исследований: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Саратов: Цифровая наука, 2023. – С. 43–48.
3. Государственный архив Архангельской области (далее – ГАО). – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1026. – Л. 263.
4. Открытие Архангельской губернской палаты государственных имуществ // Архангельская областная летопись: (с древнейших времен до наших дней). – Архангельск: Государственный архив Архангельской области, 2014. – С. 206.
5. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1026. – Л. 233–233 об.
6. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1026. – Л. 11–23.
7. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1453.
8. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1582. – Л. 4.
9. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1536.
10. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1550.
11. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1561.
12. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1604–1606.
13. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1674.
14. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1678–1679.
15. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1679. – Л. 5 об.
16. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1026. – Л. 312–312 об.
17. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 462. – Л. 2–2 об.
18. ГАО. – Ф. 115. – Оп. 11. – Д. 1026. – Л. 8–8 об.

References

1. Vishnyakova, D.V. Polovozrastnaya struktura naseleniya Komi kraia (po materialam Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [Gender and age structure of the population of the Komi Territory (based on the materials of The first general population census of the Russian Empire in 1897)] / D.V. Vishnyakova // Proc. of Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. Series "History and Philology". No. 5. – Syktyvkar, 2020. – P. 33–41.
2. Kuratov, O.A. Vliyanie geograficheskogo faktora na vnutrennyuyu migratsiyu naseleniya territorii Pechorskogo uезда Arhangelskoi gubernii v poreformennii period [Influence of the geographical factor on the internal migration of the population of the Pechora Uyezd territory of the Arkhangelsk province in the post-reform period] / O.A. Kuratov // Current issues of scientific research: collection of papers of the IV Intern. Sci.-Pract. Conf. – Saratov: Cifrovaya nauka [Digital Science]. 2023. – P. 43–48.
3. Gosudarstvennii arhiv Arhangelskoi oblasti (dalee – GAAO) [State Archive of the Arkhangelsk region (further – GAAO)]. – F. 115. Op. 11. D. 1026. L. 263.
4. Otkritie Arhangelskoi gubernskoi palaty gosudarstvennih imuschestv [Opening of the Arkhangelsk Provincial Chamber of State Property // Arkhangelsk Regional Chronicle: (from ancient times to the present day)]. – Arkhangelsk: State Archive of the Arkhangelsk region, 2014. – P. 206.
5. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1026. – L. 233–233 ob.

6. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1026. – L. 11–23.
7. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1453.
8. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1582. – L. 4.
9. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1536.
10. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1550.
11. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1561.
12. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1604–1606.
13. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1674.
14. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1678–1679.
15. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1679. – L. 5 ob.
16. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1026. – L. 312–312 ob.
17. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 462. – L. 2–2 ob.
18. GAAO. – F. 115. – Op. 11. – D. 1026. – L. 8–8 ob.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: FUUU-2021-0011 «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России».

Информация об авторе:

Куратов Олег Александрович – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Author:

Oleg A. Kuratov – Junior Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre "Komi Science Centre, Ural Branch, RAS". (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Для цитирования:

Куратов, О.А. Внутренние миграции населения Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX века / О.А. Куратов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 126–129.

For citation:

Kuratov O.A. Internal migrations of the population of the Pechora Uyezd of the Arkhangelsk Province at the beginning of the XX century / O.A. Kuratov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – No. 5(63). P. 126–129.

Дата поступления статьи: 10.04.2023

Прошла рецензирование: 19.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 10.04.2023

Reviewed: 19.04.2023

Accepted: 16.06.2023

Некоторые данные, касающиеся просветительской деятельности Хайретдина Болганбаева

Н.Н. Елкей, Т.С. Садыков

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан
muzlife.nbek@mail.ru

Аннотация

В статье описывается деятельность видного представителя национально-просветительского движения «Алаш» Хайретдина Болганбаева. В начале XX в. деятели «Алаша» стремились к тому, чтобы казахский народ был образованным, по крайней мере, чтобы каждый казах получил начальное образование. Казахская интеллигенция начинала обучение в медресе, продолжала – в семинарии, университете. Студенты знакомились с произведениями мировой классики и расширяли кругозор. В конечном итоге придя к выводу, что «сознательное поколение – светлое будущее», поэтому одним из главных вопросов, поднятых алашской интеллигенцией, стало образование.

Представлена обширная информация о деятельности Х. Болганбаева, поддерживающего идеи «Алаша» и работающего вместе с интеллигенцией нации. В своих статьях Х. Болганбаев затрагивал проблемы, возникшие в сфере образования в казахском обществе в начале прошлого века. Также приведено его произведение, опубликованное в газете «Ак жол».

Ключевые слова:

национально-просветительское движение «Алаш», партия, политические соображения, просвещение, наука, нравственность, ученый, педагог

Введение

Из истории известно, что казахский народ – наследник Великой Степи в истории мировой цивилизации, в разные периоды пережил множество событий и явлений. Путь, пройденный казахским народом, определил нашу историю, которая рассказывает о прошлом и является направлением для его будущего. Отношение наших предков-кочевников к окружающей среде и миру, составлявшее основу мировоззрения казахского народа, их героическая борьба за сохранение независимости и территориальной целостности казахской земли, приверженность основным принципам боевого духа и нравственных качеств, заслуживают высокой оценки. «Самое великое и симпатичное слово – история», – утверждал о науке истории А. Байтурсинов. История своей семьи, родного города, села или края, родины важна для каждого. Поэтому знание и уважение истории – основа полноценного воспитания будущих поколений.

Some data concerning educational activities of Hairtdin Bolganbaev

N.N. Elkey, T.S. Sadykov

L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Astana
muzlife.nbek@mail.ru

Abstract

The paper describes the educational activities of Hairtdin Bolganbaev, prominent figure of the national educational movement "Alash". At the beginning of the XX century, the leaders of Alash wanted the people to be engaged in education, at least every Kazakh should receive primary education. The Kazakh intelligentsia first studied at a madrasah, then at a seminary, university. They got acquainted with the works of world classics and broadened their horizons. They realized that "a conscious generation is a bright future". Therefore, one of the main issues raised by the Alash intelligentsia was education. Extensive information is given about the activities of H. Bolganbaev who supports the ideas of Alash and works together with the intelligentsia of the nation. In his articles he touched upon the problems that arose in the field of education in Kazakh society at the beginning of the last century. His work published in the newspaper "Ak Zhol" is presented.

Keywords:

national educational movement "Alash", party, political considerations, educations, science, morality, scientist, teacher

Глава государства Касым-Жомарт Токаев в своей статье «Независимость дороже всего» писал: «Свобода далась нам нелегко. Наши предки боролись за освобождение. Многие пережили темные времена и трагедии. Все это люди должны помнить и передавать из поколения в поколение» [1, с. 2]. Ведь подвиги наших предков, борющихся за свободу, должны быть навсегда сохранены в памяти поколений. Как замечал Алихан Букейханов: «Если наш народ не разбирается в вопросах свободы, равноправия и политики, он будет собирать отбросы на пути истории». За 30 лет независимости история Казахстана обогатилась новыми данными, сформировался образ подлинной истории республики, возрос потенциал отечественной исторической науки. Со времен независимости ведется летопись истории Республики Казахстан, возрождаются имена павших на пути свободы, выявляются и изучаются «белые пятна» страницы исторической науки. Исходя из истори-

ческой достоверности, актуальной задачей современной науки и общества является изучение реальности некоторых искаженных сцен на научно-теоретической основе, их анализ и дополнение.

Также Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев подчеркнул: «Мы учимся у деятелей "Алаш-Орды", которые когда-то подали хороший пример служения стране. В начале прошлого века они много работали над продвижением идеи Независимости среди людей и пожертвовали своей жизнью за свободу. В рамках годовщины нашей независимости мы должны вспомнить таких выдающихся людей и показать их наследие нашей молодежи и миру. В то же время следует поддерживать и ценить работу ученых и писателей, изучающих эту тему. Развитие благородного наследия алашских деятелей должно продолжаться». Сегодня имена алашских деятелей присвоены населенным пунктам, улицам, учебным заведениям и школам, их юбилеи ежегодно отмечаются на национальном и международном уровнях. Однако имена национальных интеллектуалов до сих пор многим неизвестны. Например, в 2021 г. депутат Мажилиса Казыбек Иса поддержал идею «Алаш-Орды», он поднял вопрос о том, что имена местных деятелей, погибших на пути к свободе, до сих пор неизвестны. «Мероприятия по чествованию и увековечиванию великого духа алашских деятелей, отдавших свою жизнь за независимость страны (название улиц, школ, населенных пунктов, установка памятников и т.д.), должны быть проведены в столице и регионах в надлежащем объеме. Однако, когда говорят Алаш орда, на ум приходят только имена видных деятелей правительства Алашорды Алихана Букейхана, Ахмета Байтурсынулы, Миржакипа Дулатулы. На самом деле этот список гораздо больше.

Жаль, что мужество деятелей местного алашского движения, которые пропагандировали алашскую позицию во всех уголках страны и погибли за нее, не учитываются, а их имена до сих пор неизвестны» [2]. Сегодня одним из таких малоизвестных деятелей «Алаша» является Хайретдин Абдрахманулы Болганбаев. В настоящее время о нем мы имеем мало информации, и наша задача это исправить. Труд и богатое наследие Х. Болганбаева важны для будущих поколений казахского народа.

Материалы и методы

В ходе изучения просветительской деятельности Х. Болганбаева широко использовались исторические материалы, собранные в архивах. Например, архивные данные фонда № 652 Государственного архива г. Астаны. Он сохранился под названием «Семейный фонд общественного деятеля, журналиста, писателя, активного участника движения "Алаш" Болганбаева Хайретдина Абдрахманулы и Болганбаевой Гульнары Хайретдинкызы, отличника образования Казахской ССР» (1935–2018, 1945–2020). Всего в фонде находятся 59 документов.

Проблема персонификации личности в отечественной истории стала объектом исследования авторов. Поскольку выбранная тема близка как истории, так и литературе, необходимо упомянуть работы, посвященные этим обла-

стям науки. О выдающемся деятеле можно найти статьи и труды многих исследователей, в том числе известных ученых и филологов-журналистов, занимающихся исследованиями алашских деятелей. Особо можно отметить деятельность академика Д. Камзабекулы, исследовавшего и популяризовавшего честь идеи «Алаш» в стране в годы независимости. Его труды «Хайретдин Болганбаев. Шығармалары. Тағылымы» (Астана, 2005), «Хайретдин Болганбай. Иман куши» (Алматы, 2009) содержат много информации об этой исторической фигуре. Можно отметить книгу президента благотворительного фонда Х. Болганбаева Д.Т. Камелова «Хайретдин Болганбаев – свет неугасимой звезды» (Астана, 2020). Кроме того, имя Хайретдина упоминается в трудах таких авторов, как М. Козыбаев, М. Койгельдиев, К. Нурпеис, Г. Ахмедов, Т. Журтбай, Р. Бердыбаев, Д. Камзабекулы, Х. Есенкаракызы, С. Аккулы, К. Кеменгер. Также оно фигурировало в статьях писателей Н. Сапуанова, Т. Журтбая, Ж. Бектурова, С. Негимова, Б. Омарулы, Д. Асауова, Т. Борангалиулы, ежегодно публикуемых в печати. Эти работы и статьи очень ценны для знакомства с личностью Х. Болганбаева.

В ходе работы над статьей широко использовались методы исторического сравнения и анализа. В качестве письменных источников применялись материалы научных изданий и сборников документов с целью полного и всестороннего освещения темы исследования. Делались ссылки на материалы научных работ отечественных ученых и исследователей, относящиеся к теме.

Результаты и их обсуждение

В начале XX в. в казахском обществе формировались и развивались различные политические течения и взгляды. Представители национальной интеллигенции составляли политическую основу движений национально-демократического направления. Общественно-политическая деятельность национальной интеллигенции в это время отражалась в таких требованиях, как развитие политической печати, проведение петиционных движений, созыв общеказахских собраний, участие в мусульманских и общественных собраниях, а главное – защита интересов казахского народа.

В своей статье «Казахское общество и Алашское движение» Кенес Нурпеисулы сообщает об общественно-политической деятельности национальной интеллигенции: «после поражения Первой русской революции, особенно в 1908–1913 гг., наблюдались новые качественные изменения в общественно-политической деятельности казахской национально-демократической интеллигенции. В частности, к ним относятся:

В 1908–1913 гг. на смену некоторым деятелям общественно-политической жизни края пришли отдельные группы интеллигенции, знавшие насущные проблемы общества и умевшие определять пути и методы их решения.

Это новое поколение казахской интеллигенции, исследуя своим творчеством историческую значимость народа, неустанно работало над тем, чтобы пробудить национальное самосознание и энергию.

Ведущие представители казахской интеллигенции об-разовали общегосударственные и региональные органы печати, установили связи с мусульманскими движениями и партиями в стране, организовали всестороннее обсуж-дение вопросов реформирования социально-экономиче-ской, общественно-политической и духовно-религиозной жизни Казахстана» [3, с. 26, 27].

В начале XX в. под девизом «Оян, қазақ!» («Проснись, казах!») казахская интеллигенция совершала достойные уважения дела во благо нации с целью объединения ка-захского народа под флагом «Алаша». Среди предста-вителей интеллигенции был Хайретдин Болганбаев, из-вестный писатель, уроженец Акмолинской области. Когда вспоминают алашских деятелей, крайне редко упомина-ется это имя. Хайретдин Болганбаев, погибший во време-на советской власти на пути к идеалу «Алаша», остался в тени в силу политических условий того периода. Наша основная задача – пересмотреть состояние казахского общества в период правления движения «Алаша», а так-же различные политические и социальные события, про-исходившие в этом объединении, с точки зрения совре-менного общества.

В 2014 г. в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (г. Астана) состоялась конференция на тему «Национальные деятели и отечественная публици-стика», посвященная 120-летию со дня рождения таких известных поэтов и деятелей, как С. Сейфуллина, Б. Май-лина, И. Джансугурова, Т. Рыскулова, С. Кожанова, Х. Бол-ганбаева, С. Донентаева. В своем докладе вот что расска-зал о деде внук Х. Болганбаева Жамбыл Камелов: «Мой дед Хайретдин Болганбаев был членом комитета партии "Алаш Орда" в Акмолинске. Начиная свою трудовую ка-рьеру журналистом в газете "Казах", которая издавалось в Оренбурге, и работал с такими писателями, как Ахмет Байтурсинов и Миржакып Дулатов. Всю свою сознатель-ную жизнь он боролся за независимость страны и против экспроприации земель у казахов» [4].

Болганбаев Хайретдин Абдрахманулы – видный дея-тель национально-просветительского движения «Алаш». Родился в 1894 г. в Акмолинском уезде Акмолинской обла-сти (ныне – Коргалжинский район) [5, с. 118]. Окончил Ху-сайния (шестилетнее педагогическое училище) в Оренбур-ге, один из святых родов, распространяющих свет знаний в казахской степи [6, с. 5]. Медресе Хусайния считалось вы-сококласным учебным заведением. Это было одно из трех знаменитых медресе России того времени (Муханмадия в Казани, Галия в Уфе). В то же время Хусайния стало священ-ным местом, позволившим всем тюрко-мусульманам полу-чить мусульманское образование и давшим возможность быть опубликованными в казахской литературе. Оренбург, будучи духовным центром казахской интеллигенции, был местом образования, типографии, науки, развитой инфра-структуры и, конечно, способствовал формированию под-линной гражданской позиции Хайретдина Болганбаева. В Оренбурге работали национальные интеллектуалы, напри-мер, деятели движения «Алаш» А. Бокейханов, А. Байту-рсынов, М. Дулатулы. В этом городе прошли первый и второй

общекзахские съезды, на которых обсуждались казах-ские проблемы и перспективы развития. Во время учебы Х. Болганбаев начал писать статьи для газеты «Казах», из-даваемой под редакцией алашского деятеля Ахмета Бай-турсинова. Насущные проблемы казахского общества не ускользнули от пера молодого Хайретдина. Свою профес-сию он всегда называл «учителем и газетчиком». Хайретдин пишет, что он был учителем и журналистом как до 1917 г., так и между 1917 и 1919 гг. [6, с. 172].

Одной из главных просветительских задач казахских ученых в начале XX в. было стремление дать образование каждому казаху. Новые сведения о педагогической дея-тельности Хайретдина можно найти в истории созданного в Ташкенте Областного Казахского педагогического инсти-тута. Имя Хайретдина Болганбаева упоминается в книге авторов С. Тилеукулова, Ш. Оразымбетова «Первый казах-ский институт в Ташкенте (сборник документов и матери-алов)» [7].

Во второй половине XIX в. большинство казахов вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917), а после октябрьского переворота – в Туркестанскую АССР (1918–1924). История области с большой concentra-цией казахов тесно связана с г. Ташкентом – столицей Туркестанской АССР. Были сформированы представители казахской национальной интеллигенции, объединившие глав тюрко-мусульманской общины этого региона и воз-главившие организацию по общим интересам. В их числе можно назвать: Мустафу Чокая, С. Лапина, М. Тынышпаева, Т. Рыскулова, С. Кожанова, Н. Торекулова, С. Сейфуллина, С. Асфендиярова, М. Джумабаева, Ж. Аймаутова, И. Тохты-баева, Х. Досмухамедова, Д. Досмухамедова, Г. Муратбае-ва, Т. Жургунова, А. Сергазиева, С. Ескараева, Коныр-Ход-жа Ходжилова, А. Оразбаева, Э. Омарова, Х. Болганбаева и мн. др. Огромный труд вышеупомянутых представителей казахской интеллигенции на пути создания и становления Казахского института просвещения (Казинпрос). Истоки его становления относятся к октябрю 1918 г., когда реше-нием Народного Комиссариата просвещения Туркестан-ской республики при русском педагогическом училище было открыто Киргизское (Казахское) педагогическое отделение. С 1 июля 1919 г. педагогическое отделение пре-образовано в самостоятельное училище. С 1 октября 1920 г. училище реорганизовано в Краевой Казахский институт просвещения (Казинпрос). Затем, в 1925/26 учебном году на базе Казахского просветительского института в Ташкен-те открыто первое высшее учебное заведение Казахстана. В 1928 г. оно переехало в г. Алматы [7, с. 3, 4]. Например, можно обратить внимание на следующую информацию, связанную с преподавательской деятельностью Хайрет-дина. 20 ноября 1918 г. для казахских детей впервые были открыты краевые педагогические курсы на 30 слушателей. Его руководитель – Иса Тохтыбаев, преподаватели курса: Садык Отегенов, Хайретдин Болганбаев, Султанбек Кожанов, Райхан Лапина, Эмберген Табынбаев, Жагыпар Лапин, Хадиша Лапина, Сара Есова, Шамгали Сарыбаев, Танир-берген Отарбаев и др. [7, с. 5].

Вместе с казахскими учеными в борьбе с уничтожением тьмы и невежества, злейшего врага народа, Х. Болганбаев приглашает молодежь учиться: «Нужны люди, которые спасут народ и пробудят его. Эти люди посылают своих детей в сегодняшние медресе-школы, потому что здравомыслящие казахи не вправе холодно смотреть на учебу и преподавание» [8, с. 43].

С целью пропаганды образования и просветления Хайретдин написал обширную статью «Медресе Хасение казак балалары» («Казахские дети в медресе "Хусаниния"»), опубликованную в газете «Казах» в № 44 от 31 декабря 1913 г. и № 46 от 18 января 1914 г.: «Количество казахских детей, обучающихся в медресе Хасение, с каждым годом увеличивается. Три года назад их было не больше одного-двух, в прошлом году казахских детей было семеро. Сейчас в этом году оно удвоилось по сравнению с прошлым годом, а сегодня достигло 13, – начинает он. – Море состоит из капель». Он благодарен, что его братья и сестры год от года растут в стенах медресе. Он счастлив от предчувствия доброго знака. Мало того, он пишет, что многие казахские дети из других медресе приезжали в медресе Хусанинию в поисках образования, и что их «не приняли в других медресе, потому что они слишком поздно стали учениками медресе». Кроме того, Хайретдина огорчает тот факт, что сколько бы раз ученики ни приходили учиться, как в предыдущие медресе, в итоге, после опоздания, их не примут, а кропотливая работа и расходы будут потрачены впустую. Особенно его не устраивает то, что студенты, живущие далеко от города, не пришли вовремя, их небрежность показана в казахской поговорке «вот я, вот я иду». Как упоминалось выше, в тот период в основном стремились получить образование дети бедняков. Подтверждает наше мнение и Хайретдин: «Те, кто в наши дни пытаются найти науку среди нашего народа дети из бедных семей, богатые, из зажиточных семей дети часто даже не утруждают себя учебой. Как бы ни требовали эти богатые люди, жаждущие знаний, они остаются посреди дороги из-за короткости рук», – сердито заключает автор [6, с. 115, 116].

Следующий этап преподавательской деятельности Х. Болганбаева охватывает период с 1922 по 1928 г. В это время он работал заместителем начальника областного отдела народного образования в Петропавловске (Кызылжаре), преподавателем педучилища и совпартшколы, заведующим воспитательным отделом совпартшколы.

О педагогической деятельности Х. Болганбаева сведений немного. Информацию о его преподавательской деятельности в Кызылжаре можно найти в произведении Кайроллы Муканова «Жумагали Тлеулин. Документальная биография» [9]. В упомянутой книге говорится о Жумагали Тлеулине, одном из ведущих казахских интеллектуалов 20–30-х гг. XX в., а также Х. Болганбаеве, видном алашском деятеле, работавшим учителем в Петропавловске. Например, К. Муканов описывает следующую историю.

В начале 20-х гг. XX в. вопрос педагогических кадров стал актуальным по всей стране, в том числе и в Петропавловском уезде (впоследствии губернии) Акмолинской

области. В связи с этим в июне 1920 г. в г. Кызылжаре открыли краткосрочные курсы «Красных учителей», руководителем которых стал Магжан Жумабаев. Однако преподавателей, подготовленных на этих курсах, не хватало, и они не могли решить кадровую проблему. К тому же знаний, полученных за трехмесячный курс, было недостаточно. Такая же ситуация отмечалась и в других регионах страны. Поэтому 16 июня 1920 г. Наркомпрос РСФСР по инициативе заместителя Наркомпроса М.Н. Покровского и заведующего педагогическим отделом К.Н. Левина утверждает «Положение о трехгодичных педагогических курсах» [9, с. 32].

7 октября 1922 г. специальная комиссия Акмолинского губернского отдела просвещения приняла постановление об открытии губернаторских трехгодичных педагогических курсов в Кызылжаре.

«...Избрать заведующим губпедкурсами тов. Тлеулина Жумагалия, имеющего в организаторском деле достаточный опыт, с 1 октября, и предложить ему немедленно приступить к организаторской работе – составлению смет, подысканию помещения для курсов и общежития, приглашению лекторов и т.п.

В качестве лекторов на курсах наметить: Айбасова, Баржаксина, Болгамбаева, Муратова и по русскому языку тов. Растуллу. Ввиду того, что все они служат в совучреждениях, ходатайствовать перед губисполкомом об освобождении означенных товарищей на время чтения лекции от других служебных обязанностей.

Приемные испытания на курсах начать с 15 ноября. Не позднее этого срока должны явиться командированные с мест, о чем поставить в известность УОНО. Об организации в городе Петропавловске трехгодичных кирпедкурсов широко оповестить местное киргизское (казахское) население через киргизскую (казахскую) прессу.

Председатель: В. Кириков, секретарь: С. Канюка».

Это решение комиссии профобра было утверждено решением коллегии ГУБОНО от 10 октября 1922 г. (протокол № 28 от 10 октября 1922 г.) [9, с. 34].

3 ноября 1922 г. комиссия Акмолинского Губернского отдела народного образования (далее – ГУБОНО) приняла решение преобразовать трехгодичные курсы в педагогический техникум. А в 1930 г. техникум был переименован в педагогическое училище. Первым директором казахского педагогического техникума стал Жумагали Тлеулин, а русского – Ф.А. Стрижов.

В первом 1922/23 учебном году в русском педтехникуме насчитывалось 66 учащихся, в казахском – 47. В казахский техникум принимались дети, окончившие начальную школу. Для казахского техникума устанавливалось 2 года подготовительного обучения и 4 года основного, в каждом педтехникуме работало по 11 преподавателей.

На казахском отделении в то время преподавали: Тлеулин Жумагали, Жанибеков Жанузак, Мамаев Галауэтдин, Айбасов Бирмухамед, Бейсенов Мухамеджан, Кемелев Гали, Жандосов Садуакас, Болгамбаев Хайретдин, Ержанов Баимбет, Айтхожин Сабыр, Муратов [9, с. 36].

По данным академика Дихана Камзабекулы, Хайретдин был арестован по ложному обвинению в 1928 г., когда находился в Кызылжаре, и отправлен для следствия в Алматинскую тюрьму. В то время А. Байтурсынулы, М. Дулатулы и другие крупные деятели находились в Алматинской тюрьме по политическим обвинениям в «объединении против Советской власти». Так, в апреле 1930 г. ОГПУ этапом отправило Х. Болганбаева в Архангельск, а затем в Сыктывкар. После освобождения от политических репрессий Хайретдину не разрешили жить в своем районе, а отправили под надзор в Сарыагаш Шымкентской области, где он работал преподавателем зоотехнической школы «Капланбек». В 1937 г. Х. Болганбаев был повторно арестован по политическим обвинениям и расстрелян 21 ноября того же года по решению «тройки». Хайретдин Болганбаев был реабилитирован советскими властями лишь в 1957 г. К сожалению, его доброе имя долгое время упоминалось в отрицательном контексте деятельности националистов [6, с. 173].

Х. Болганбаев в народе не забыл о пропаганде казахской литературы во главе с алашскими деятелями Алиханом Букейхановым и Ахметом Байтурсынулы. Сначала публиковал свои работы в газете «Казах», а затем, в 1917–1918 гг. вместе с Мустафой Шокаем и Султанбеком Кожановым стали издавать газету «Бирлик туы» и принимать активное участие в ее работе. Как отмечено ранее, будущий журналист написал много статей о казахстанской прессе. Газета играла особую роль в казахском обществе. Газета должна служить народу, это инструмент, посредством которого население получает информацию, узнает правду, расширяет свои знания. Вместе с деятелями «Алаша» Х. Болганбаев поднимал вопросы, связанные с интересами и проблемами казахского народа, публиковал ценные статьи на страницах таких газет и журналов, как «Казах», «Бирлик Туы», «Акжол», «Сарыарка».

Так описал в своих стихах поэт Магжан Жумабаев личность Х. Болганбаева:

*Бортаң бала, Бүгін қара, Кәрі тай.
Бір кемі жоқ, Бір теңі жоқ Болғанбай*

*Сегодня смотришь, молодчик Бортан,
Гляди на завтра, Каритай Болғанбай,
Много повидавший на своем веку,
Без изъянов и не имеющий себе равных [10, с. 7].*

Есть одна общая характерная особенность, свойственная всей казахской журналистике и периодической печати начала XX в., – это публикация авторских статей под псевдонимами.

Историк Тилеккабыл Борангалиулы пишет: «И Бортан, и Молодчик Бортан, и Каритай, И Кайыркен, И Каралдин, и Келден – все это авторское псевдонимы крупного деятеля Алашского движения, публициста-журналиста Хайретдина Болганбаева» [10, с. 219].

Работы Хайретдина затрагивали насущные проблемы казахского общества. В настоящее время на счету публициста около 30 изданных произведений: «Казахские учащиеся медресе "Хусаиния", «Открытое письмо Габдолле Шокаеву», «Выборы», «Женитьба до рождения», «Аренда

земли», «Наш литературный долг», «Вечер литературы», «Годовщина смерти Исмагилбека Гаспринского», «Телеграмма», «Гражданину "Алаша"», «Туркестанский край», «Ученики учитывают мнение учителя», «В Ходжамкульской школе», «Сила веры», «Телеграмма. Туркестанская автономия», «Киргиз-казахи и Кокантский съезд», «Из Туркестана», «Алашская автономия», «Все пропало кровью», «Положение края», «Перемены в течение суток», «Ташкент 18 апреля (5-й)», «Перемены февраля», «Советское правительство и Восток (II)», «Советское правительство и Восток (III)», «Конференция коммунистов Туркестана», «Алтынколь» (рассказ), «Краткая сказка жизни» (с русского), «Мельница». Все эти работы перечислены в книге академика Дихана Камзабекулы [6].

Когда мы знакомимся с трудами Хайретдина Болганбаева и собирали материал о деятеле «Алаша», нам попалась статья «Қазақ-қырғыз білім комиссиясы» («Казахско-киргизская просветительская комиссия»), опубликованная в газете «Ак жол» под псевдонимом Келден. Данная статья представлена в многотомнике, состоящем из статей газеты «Ак жол», вышедшей в 2020 г. Как показано выше, сообщалось, что у Хайретдина был псевдоним Келден. Сведения об этом можно найти в трудах ученого У. Субханбердиной, составивших газету «Казах». Что касается имени Хайретдина, то академик Д. Камзабекулы в своих исследованиях пишет: «По нашему мнению, Келден является одним из псевдонимов публициста Хайретдина Болганбаева. Мы говорим так потому, что, во-первых, статьи Келдена были опубликованы только Хайретдином.

Во-вторых, в газете "Казах" № 254 за 1917 год была опубликована статья "Келдена" под названием "В Ходжамкульской школе". В этом же номере газеты была опубликована статья Хайретдина "Туркестанская автономия" за подписью "Х. Болганбаев". Если принять во внимание тот факт, что две одинаковые статьи одного и того же автора в одной издании нужно подписывать псевдонимом, то вышеизложенное предположение о наличии у Хайретдина псевдонимов верно» [6, с. 131, 132].

С 7 декабря 1920 по 1926 г. газета «Ак жол» издавалась в Ташкенте три раза в неделю от имени ЦИК Туркестанской Республики и ЦК ВКП(б). С 19 июня 1925 г., в последний год присоединения Республики Туркестан к Казахстану, начиная с 577 номера газета издавалась в городе Шымкенте и представляла Сырдарьинский исполком и партийный комитет. Однако речь алашских деятелей, не вписывавшихся в узкий круг советской идеологии, была намеренно стерта из сознания следующего поколения. Таким образом, наш алфавит был переведен с арабского письма на латиницу, а затем и на кириллицу [11, с. 23].

«Казахско-киргизская просветительская комиссия» – статья, опубликованная Келденом как автором в газете «Ак жол» от 23 декабря 1921 г., № 122, 25 декабря, № 123 и 12 января 1922 г., № 129, 14 января, № 130. «Сегодня, в отличие от прошлого, в стране открылись школы. Вышли учителя. Люди начали понимать необходимость учиться и учить. Но даже несмотря на то, что количество школ увеличилось, вышли учителя, и люди отдали своих детей на об-

разование, этого было недостаточно. Не было таких вещей, как школьные инструменты и школьная форма. Учебных пособий не было. К тому же не нашлось достаточно хороших учителей» [12, с. 112], – поднимает актуальные вопросы в сфере образования. Далее будет описана деятельность Образовательной комиссии.

В начале 2021 г. правительство создало комиссию по образованию казахско-киргизского, узбекского, туркменского народов при областном народном комиссариате просвещения. Иса Тохтибаев был избран главой казахско-киргизской комиссии по образованию, а А. Диваев – ее членом [там же, с. 113]. Тем не менее отмечается нехватка людей, которые должны будут выполнять работу вновь созданной комиссии по образованию. В казахских школах существует проблема снабжения школ новыми, а также переизданными учебниками. Такая ситуация возникает из-за несвоевременного выхода из печати учебной литературы. Например, комиссия по образованию передает ранее изданные книги в главное государственное издательство (Государственное издательство) для переиздания.

1. А. Байтурсынов. Азбука.
2. А. Байтурсынов. Пособие по языку. 1 часть.
3. А. Байтурсынов. Пособие по языку. 2 часть.
4. А. Байтурсынов. «Баяншы».
5. М. Дулатов. Учебное пособие.
6. М. Дулатов. «Есеп құрал» на год.
7. М. Дулатов. «Есеп құрал» на два года.

Недавно опубликованные книги были переизданы комиссией, основным учреждением, управляющим государственными публикациями:

1. Доктор Х. Досмухамедов. Естествознание.
2. И. Тохтыбаев. География для начинающих. География Туркестана.
3. Ж. Басыгарина. «Что такое гром и молния?».

Указанные книги, кроме «Баяншы», – единственной книги, которая была издана ранее, до сих пор остаются неопубликованными. И пока неизвестно, будут ли они изданы вообще [там же, с. 113, 114].

Из вышеизложенного следует, что национальная интеллигенция стала активно заниматься написанием книг и учебников, необходимых для казахских школ.

Позже состав комиссии по образованию изменился, ее главой стал Халел Досмухамедов, штат увеличился до 5 чел., расширился и объем будущей работы: «...со времени революции 17-го года новой национальной книги для чтения на казахском языке не было. Хотя и раньше существовали литература, сборники стихов, школьные принадлежности, они не могли свободно распространяться среди казахско-киргизского народа Туркестана» [там же, с. 130]. Чтобы восполнить эти пробелы, комиссии необходимо подготовить и издать книги и учебники, особенно учебные пособия для школьников.

Казахско-киргизская комиссия по образованию поручила разработать учебные материалы для начальной и средней школ:

- 1) Х. Досмухамедов. Животные. Части 1-2 (готовы к изданию);

- 2) К. Жаленов. Физика;
- 3) К. Жаленов. «Есеп құралы» вторая часть;
- 4) И. Табынбаев. Педагогика;
- 5) И. Табынбаев. Психология;
- 6) Ф. Няжанов. Методы расчета;
- 7) С. Кожанов. «Есеп құралы» первая часть;
- 8) С. Кожанов. Правила расчета (теория, арифметика) [там же, с. 132].

В статье автор пишет о недостаточности государственной финансовой поддержки производства учебных материалов. «Когда правительство сообщило, что открыта казахско-киргизская комиссия по образованию, мы думали, что будут напечатаны учебные материалы, и школа станет единым целым, но мы подумали, что этого недостаточно. Они не только купили школьные принадлежности, за которые хотели много денег, но и забрали полумесячные (вторая половина ноября) гонорары комиссионеров и деньги на топливо. Это, вероятно, "новая экономическая политика" [там же, с. 203].

В своей работе он пишет: «...людям, которые занимаются книгописанием, что не созданы социальные и семейные условия». Например: «В доме холодно, дров нет. Все писцы являются студентами Казахско-киргизского института. Днем они учатся, а ночью пишут. Нужна свечка на ночь, керосин на свечку...» [там же, с. 223].

Поднимая вопросы в сфере образования, автор беспокоится о судьбе казахско-киргизской комиссии по образованию и заключает, что «нет правительства, которое подумало бы об этом и предусмотрело».

Сегодня рано говорить о том, что личность и творчество Х. Болганбаева достаточно изучены. Значительная часть его биографии остается неизвестной для народа. Кроме того, его опубликованные работы требуют полноценного исследования.

Заключение

В своем труде «Алаш и Алашорда» известный алашовец Кенес Нурпеисулы пишет: «Самоуважение любого народа, зная его национальные качества, начинается с признания и почитания своих благородных граждан, неустанно трудившихся для своей страны. Доказанный жизнью факт, что люди, не признающие таких благородных или знатных людей, в конце концов не будут равны другим народам». Сегодня изучение биографии наших исторических деятелей, повлиявших на будущее нации своими знаниями и конкретными делами, анализ их вклада в жизнь общества, выявление и оценка преподнесенных уроков, являются актуальными.

На данный момент пишутся работы с целью формирования исторической личности Хайретдина Болганбаева. Однако полноценного, многостороннего исследования жизни, деятельности и наследия выдающегося деятеля «Алаша» до сих пор нет. В будущем, если изучения, написанное на основе обширных документальных материалов, связанных с ярким представителем «Алаша», будет опубликовано, оно, несомненно, принесет огромную пользу

казахскому народу. Принимая во внимание тот факт, что историческая наука постоянно развивается и идет вперед, мы должны анализировать историческую личность Хайретдина Болганбаева в соответствии с принципами историчности и объективности, дать справедливую оценку его жизни и деятельности на благо нации и правильно представить его будущим поколениям.

Литература и источники

1. Токаев, К.-Ж. Независимость дороже всего / К.-Ж. Токаев // «Егемен Казахстан». – 2021. № 2, 5 января. – 2 с.
2. Казыбек, И.: Забыть деятелей Алаша – несправедливо! – URL: <https://qazdauiri.kz/news/qazybek-isa-alas-qairatkerlerin-umyt-qaldyru-adiletsizdik?ysclid=lfuoca1ot5627103418> (дата обращения: 11.03.2023).
3. Алаш-таным. Сборник научных статей. Т. 1. – Семей, 2012. – 420 с.
4. Государственный архив города Астаны. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 5.
5. Тилешов, Е. Алашское движение. Энциклопедический справочник / Е. Тилешов, Д. Камзабекулы. – Алматы: Сардар, 2014. – 528 с.
6. Болганбаев, Х. Шығармалары. Тағылымы (под редакцией Д. Камзабекулы) / Х. Болганбаев. – Астана: Издательство «Парасат алемы», 2005. – 256 с.
7. Тилеукулов, С. Первый казахский институт в Ташкенте (сборник документов и материалов) / С. Тилеукулов, Ш. Оразымбетов. – Ташкент: ТГПУ им. Низами, 2005. – 160 с.
8. Болганбай, Х. Иман куши / Х. Болганбай; составитель и редактор проф. Д. Камзабекулы. – Алматы: Арыс, 2009. – 288 с.
9. Муканов, К. Джумагали Тлеулин. Документальная биография / К. Муканов. – Алматы: Издательство «Шелковый путь», 2005. – 216 с.
10. Камелов, Д.Т. Хайретдин Болганбаев – свет неугасимой звезды / Д.Т. Камелов. – Алматы: Дәуір, 2020. – 288 с.
11. Есенкарақызы Х. Сочинения / Х. Есенкарақызы. – Астана: Фолиант, 2018. – Т. VII. – 368 с.

12. «Ак жол». Т. 5 / сост. Х. Есенкарақызы. – Нур-Султан: ОФ «Алашорда», 2020. – 384 с.

References

1. Tokaev, K.-Zh. Nezavisimost' dorozhe vsego [Independence is most expensive] / K.-Zh. Tokaev. – "Egemen Kazakhstan". – 2021. – No. 2, January 5. – 2 p.
2. Kazybek, I. Zabyt' deyatelei Alasha – nespravedlivo! [It is unfair to forget the figures of Alash!] / I. Kazybek. – URL: <https://qazdauiri.kz/news/qazybek-isa-alas-qairatkerlerin-umyt-qaldyru-adiletsizdik?ysclid=lfuoca1ot5627103418> (accessed: 11.03.2023).
3. Alash-tanym. Sbornik nauchnih statei [Collection of scientific papers]. – Vol. 1, 2012. – 420 p.
4. Gosudarstvennii arhiv goroda Astana [State Archive of Astana city]. – F. 652. – Op. 1. – D. 8. – L. 5.
5. Tileshev, E. Alashskoe dvizhenie. Enciklopedicheskii spravochnik [Alash movement. Encyclopedic reference] / E. Tileshev, D. Kamzabekuly. – Almaty: Sardar, 2014. – 528 p.
6. Bolganbaev, H. Shygarmalary. Tagylymy (Ed. D. Kamzabekuly) / H. Bolganbaev. – Astana: "Parasat Alemi" Publ., 2005. – 256 p.
7. Tileukulov, S. Pervii kazahskii institut v Tashkente [The first Kazakh Institute in Tashkent (collection of documents and materials)] / S.Tileukulov, Sh.Orazymbetov. – Tashkent: TSPU im. Nizami [Tashkent State Pedagog. Univ. named after Nizami], 2005. – 160 p.
8. Bolganbai, H. Iman kushi / H. Bolganbaev / Comp. and Ed. Prof. D. Kamzabekuly. – Almaty: Arys, 2009. – 288 p.
9. Mukanov, K. Dzhumagali Tleulin. Dokumentalnaya biografiya [Documentary biography] / K.Mukanov. – Almaty: Izd-vo "Shelkovii put'" ["Silk Road" Publ.], 2005. – 216 p.
10. Kamelov, D.T. Hairetdin Bolganbaev – svet neugasimoi zvezdy [Khayretdin Bolganbaev – light of the unknown star] / D.T.Kamelov. – Almaty: «Era», 2020. – 288 p.
11. Esenkarakyzy, Kh. Sochineniya [Essays] / Kh. Esenkarakyzy. – Astana: Foliant, 2018. – Vol. VII. – 368 p.
12. «Ak Zhol». Vol. 5 / Comp. Kh.Esenkarakyzy. – Nur-Sultan: «Alashorda», 2020. – 384 p.

Информация об авторах:

Елкей Нурлыбек Нурланулы – докторант кафедры «История Казахстана» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, <https://orcid.org/0000-0003-2504-3587> (Республика Казахстан, г. Астана, ул. Е-117/42; e-mail: muzlife.nbek@mail.ru).

Садыков Тлеген Садыкович – доктор исторических наук, профессор кафедры «История Казахстана» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина, д. 11; e-mail: atashka54@list.ru).

Author:

Nurlybek N. Elkey – Doctoral student of the Department of «History of Kazakhstan» of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, <https://orcid.org/0000-0003-2504-3587>. E-117/42 st., Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: muzlife.nbek@mail.ru).

Sadykov Tlegen – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of "History of Kazakhstan" L.N. Gumilyov Eurasian National University (11, Pushkin st., Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: atashka54@list.ru).

Для цитирования:

Елкей, Н.Н. Некоторые данные, касающиеся просветительской деятельности Хайретдина Болганбаева / Н.Н. Елкей, Т.С. Садыков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 130–137.

For citation:

Elkey, N.N. Some data concerning educational activities of Hairetdin Bolganbaev / N.N.Elkey, T.S.Sadykov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 130–137.

Дата поступления статьи: 07.04.2023

Прошла рецензирование: 17.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 07.04.2023

Reviewed: 17.04.2023

Accepted: 16.06.2023

Из опыта оперативно-служебной деятельности политбюро при начальниках уездных управлений милиции в 1920–1921 годах (по материалам Нижнего Поволжья и Донской области)

А.Е. Епифанов

Отдел по изучению проблем истории МВД России
Научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
г. Москва
mvd_djaty@mail.ru

Аннотация

В статье с историко-правовых позиций раскрываются организационные и правовые основы деятельности политических бюро при начальниках уездных управлений милиции в 1920–1921 гг. На основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала, относящегося к пределам Нижнего Поволжья и Донской области, автором анализируются основные принципы и содержание оперативно-служебной деятельности политбюро, показаны их результаты применительно к территории отдельных уездов.

Ключевые слова:

политическое бюро, уездное управление милиции, чрезвычайная комиссия

Организационные и правовые основы деятельности политических бюро при начальниках уездных управлений милиции являлись темой для многих исследований по истории отечественных органов внутренних дел. В основанных на архивных документах работах М.Ю. Гутмана [1], Е.А. Кобелева [2], А.В. Кожина [3], Е.А. Шаталова [4], С.А. Иванова [5] и др. детально раскрываются организация и деятельность названных политических бюро как в пределах Советской России в целом, так и их особенности применительно к некоторым губерниям РСФСР. Вместе с тем исследователями отмечается дефицит материалов, характеризующих практическую деятельность политбюро и ее результаты [1, с. 31].

Проведенные исследования показали, что многие принципиальные вопросы, связанные с организацией и деятельностью политбюро, были отнесены к компетенции губернских чрезвычайных комиссий (далее – ЧК) и управлений региональной координационной мастерской (далее – РКМ), соответственно, к местному нормотворчеству. В этой связи имеются основания предположить, что значительное количество эмпирических источников в этой

From the experience of operational and service activities of the Political Bureau under the Heads of District militia departments in 1920–1921 (based on the materials of the Lower Volga and Don regions)

A.E. Epifanov

Department for the Study of the Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow
mvd_djaty@mail.ru

Abstract

The paper reveals the organizational and legal foundations of the activities of Political Bureaus under the Heads of the District militia departments in 1920–1921 from the historical and legal positions. On the basis of archival material introduced into scientific circulation for the first time, relating to the limits of the Lower Volga and Don regions, the author analyzes the basic principles and content of the operational and service activities of the Political Bureau, shows their results in relation to the territory of individual districts.

Keywords:

Political Bureau, District militia department, emergency commission

сфере до настоящего времени остаются без внимания на местах. В статье с использованием архивных материалов, касающихся правового регулирования и практики деятельности политических бюро при начальниках уездных управлений милиции Нижнего Поволжья и Донской области в 1920–1921 гг., предпринята попытка скорректировать и дополнить представления, уже сложившиеся в изучаемой сфере.

Деятельность политических бюро регулировалась инструкциями губернской ЧК и Всероссийской чрезвычайной комиссией (далее – ВЧК). Они обязаны были выполнять все задания последних и регулярно информировать их и вышестоящее милицмейское руководство о политическом состоянии уезда, а также своей работе. Ответственность за качество работы политических бюро перед губернской чрезвычайной комиссией (далее – губЧК) возлагалась на начальников уездной милиции [6, л. 2].

К компетенции последних было отнесено общее руководство вверенными политическими бюро. Их непосредственными руководителями являлись особые помощники начальника уездной милиции. На них возлагалась вся

ответственность за правильность, законность, своевременность и «строгость» исполнения задач губЧК, а также ведение порученного им следствия.

31 марта 1920 г., согласно распоряжению ВЧК в Царицыне состоялось заседание губЧК, куда были приглашены представители ревкома, комитета РКП(б), отдела управления и начальник милиции губернии. Названное совещание посвящалось вопросам проведения в жизнь положений об организации политических бюро при начальниках уездных управлений милиции. В частности, на нем были определены штаты политбюро, назначены новые начальники уездных управлений милиции (там, где прежние оказались беспартийными или не соответствовали предъявляемым требованиям), а также уполномоченные и секретари политических бюро [7, л. 89]. В ходе совещания штат секретных агентов и информаторов политбюро по каждому уезду был определен в количестве 10 чел.

Как оказалось, не все начальники уездной милиции поняли точный смысл и положения посвященных политбюро инструкций. Поэтому уже 15 июня 1920 г. президиум Царицынской губЧК вынужден был выступить в отношении них с необходимыми разъяснениями, содержащимися в особом приказе № 75 [8, л. 27–29]. Прежде всего, в нем подчеркивалось, что политбюро работают исключительно по поручениям, под непосредственным наблюдением, руководством и по инструкции губЧК, отчитываясь о выполнении оперативных заданий только перед ней. Поставленные во главе политбюро начальники уездных управлений милиции в части общего руководства ими, а также успешного выполнения поставленных задач несли ответственность также только перед губернской ЧК.

Так, согласно приказу ее председателя Зиновьева № 78 от 9 апреля 1921 г., все политбюро и милиция уездов обязаны были наблюдать за сдачей населением в 5-дневный срок награбленных бандитами материальных ценностей, а также всего оружия; обязательным осуществлением крестьянами полевых работ – под угрозой расстрела на месте за неисполнение, как соучастников бандитов [9, л. 59].

Практика показала, что формирование агентурно-осведомительного аппарата политбюро на местах происходило с большим трудом. Так, в феврале 1920 г. политбюро было образовано при управлении милиции 2-го Донского округа Донской области во главе с его начальником. В его составе числились пять ответственных работников, а также осведомители и секретные агенты [10, л. 3]. К ноябрю того же года работа названного политбюро была признана неудовлетворительной, в основном, по причине кризиса кадров. Как оказалось, подобрать необходимый контингент не только опытных чекистов, но и просто «политически развитых» сотрудников, не представилось возможным. Поручить отбор, вербовку и инструктирование осведомителей оказалось некому. По мысли начальника политбюро, для формирования осведомительной сети в округе, в каждом из пяти районов необходимо было иметь хотя бы одного уполномоченного по информации. Точное и своевременное информирование о политическом и экономическом состоянии округа представлялось возможным лишь

при такой постановке дела. В захолустных хуторах и станицах оперативно-служебные возможности милиции были крайне слабыми, поэтому агентам политбюро приходилось выполнять возложенные на них задачи по осведомлению самостоятельно.

Политбюро были взяты на учет и под негласный надзор – все служащие советских учреждений. Кроме того, издан приказ о регистрации буржуазии и духовенства, представителям которых предлагалось заполнить специальную анкету [11, с. 15].

По результатам проделанной работы по негласному освещению округа, его политическое состояние политбюро было оценено как неудовлетворительное. В основном это было вызвано его недавним освобождением от белых, а также контрреволюционной агитацией со стороны казачества. Негативное влияние на настроение населения оказывали подрывная и направленная против нее агитация кулачества. Примечательно, что сотрудники политбюро активно содействовали подрывной агитации, в основном путем «самого горячего участия» в изъятии недовольных и агитаторов против нее. За отсутствием необходимого количества сотрудников и обмундирования для имеющихся, политбюро было крайне затруднительно осуществлять соответствующие мероприятия, которые требовали постоянных разъездов по районам округа в зимнее время. По мысли начальника окружного политбюро, с тем чтобы поднять его работу на должную высоту, необходимо было увеличить штат сотрудников как минимум втрое [10, л. 58].

В зависимости от степени важности материалы о политическом состоянии уезда передавались стоящим во главе политбюро начальником милиции своему помощнику на предмет их дальнейшей проработки и движения. В случае необходимости для «осведомления» мог привлекаться весь аппарат уездной и волостной милиции. В целом недостатки в секретно-осведомительной работе политбюро были вызваны слабой работой разведки и отсутствием необходимых для ее проведения агентов.

Как правило, составляемые политбюро информационные сводки по вверенной территории включали разделы, посвященные общему политическому состоянию, забастовкам, политическим партиям и группам, духовенству, контрреволюционным организациям, заговорам, восстаниям, военному состоянию, спекуляции, недостаткам в советской работе, продовольственному вопросу, безработным, профессиональному движению, военному обучению граждан, работе самого политбюро и бандитизму, а также содержали общие положения. В свою очередь, структура названных сводок позволяет определить основные направления деятельности политбюро. Каждая из сводок завершалась заключением, в котором акцентировалось внимание руководства на наиболее актуальных вопросах. Так, в адресованной секретному отделу ДонЧК сводке политбюро Хоперского округа за период с 16 по 28 апреля 1921 г. прежде всего обращалось внимание на мародерство и иные серьезные злоупотребления, допускавшиеся продовольственными агентами. Последние, располагая

практически неограниченными полномочиями, по данным политбюро, отказывались признавать кого бы то ни было из числа функционеров органов советской власти. Обращалось внимание на отсутствие политической работы и слабую партийную дисциплину среди коммунистов в регионе, что в условиях разгула бандитизма являлось недопустимым [12, л. 131].

Названное политбюро основное внимание уделяло борьбе с контрреволюционными элементами. В этой связи при поддержке бедноты его сотрудниками были арестованы 48 заложников из числа потенциальных контрреволюционеров. Большинство из них ранее занимали ответственные посты в органах советской власти. В связи с их отстранением от должности и арестами политбюро подверглось жесткой критике со стороны соответствующих учреждений.

Особые задачи, требующие «напряжения всех сил», возлагались на политбюро как на «органы губчрезкома в уездах» в связи с имевшей место в изучаемый период советско-польской военной кампанией [13, с. 95]. По имевшимся данным, польское командование отдало находящимся на территории РСФСР своим агентам и шпионам секретное распоряжение о взрыве в тылу Красной армии артиллерийских складов, фабрик, заводов, мостов и иных объектов оборонного значения, находившихся под охраной чрезвычайных комиссий. Для осуществления поставленных задач от политбюро потребовалось установить тесную связь с партийными организациями на местах, а также «верной идеям советской власти частью городского и деревенского пролетариата». Руководству уездной РКМ и политбюро президиумом губЧК было предписано незамедлительно войти с соответствующими представлениями в уездные комитеты партии на предмет привлечения через президиумы ячеек всех коммунистов к осведомительной работе в отношении названных оборонных объектов. При этом политбюро призвали всех членов партии уездов стать их секретными сотрудниками, утверждая, что благодаря этому удастся разгромить врагов и одержать победу над капиталистической Польшей. Залогом успеха борьбы с польскими и иными контрреволюционерами, их агентами и шпионами объявлялось неразглашение коммунистами сведений о полученных ими от политбюро заданий по осведомительной и наблюдательной работе. Предание их гласности было объявлено тягчайшим преступлением перед Республикой.

Негласная слежка за оборонными объектами предусматривала ведение за ними внутреннего и наружного наблюдения уполномоченными политбюро, включая их учет; изучение места расположения; осведомление и разведку в пределах объектов охраны. Путем секретного осведомления, наблюдения и разведки проверялся весь личный состав администрации, беспартийных рабочих и служащих охраняемых объектов, устанавливалось строгое наружное и внутреннее наблюдение за специалистами.

Особое внимание уделялось персоналу караульных команд, из которых под разными предлогами в служебном порядке экстренно удалялись все «кулацкие и польские

элементы». В аналогичном порядке под строгий надзор в «более безопасные» учреждения переводились с охраняемых объектов вызывающие подозрение служащие. Политбюро следили за состоянием охраны оборонных объектов, в необходимых случаях принимали меры к ее усилению, регулярной дневной и ночной проверке постов, пресечению «разгильдяйства и кумовства» в караульных войсках. Пропускная система оборонных объектов также находилась в центре внимания политбюро.

Особенно тщательному контролю со стороны политбюро подлежала противопожарная охрана оборонных объектов. С этой целью их уполномоченные обязаны были лично проверять наличие противопожарного инвентаря, знакомиться с порядком и техническим состоянием отопления.

В прилегающих к оборонным объектам селениях политбюро расставляли посты разведчиков – коммунистов из ячеек. Им был поручен тщательный надзор за вновь прибывающими лицами, связями местного населения с охраняемыми объектами. Все жители польской национальности, кулацкие элементы и подозрительные подлежали незамедлительному отселению в другие районы при помощи жилищных отделов.

По заданию губЧК политотделы занимались проверкой регистрационных данных лиц польской национальности. Уклонявшиеся от регистрации граждане этой категории, а также их пособники подлежали аресту и преданию суду как «шпионы польского правительства». Все обвиняемые вместе с возбужденными уголовными делами при этом подлежали передаче в губЧК.

О состоянии охраны оборонных объектов, а также мерах, принятых политбюро к ее усилению, была введена особая еженедельная отчетность в губЧК. За их целостность и сохранность устанавливалась персональная ответственность руководства как уездной милиции, так и политбюро. Неисполнительность и халатность в данной сфере влекли для их представителей «беспощадную кару».

Некоторые адресованные политбюро поручения губЧК отличались оригинальностью. Так, президиум последней направил политическим бюро задание по сбору документов и материалов, относящихся к эпохе царизма, в том числе альбомов чиновников, царских слуг, свидетельств «удушения» социалистов, фотографий и иных артефактов участников и жертв Гражданской войны, белого террора и белогвардейских зверств. Учитывая их огромное историческое, научное и практическое значение, при ВЧК был открыт музей, в котором собиралась коллекция подобных документов и материалов. Предварительно названные артефакты концентрировались в секретно-оперативном отделе губернской ЧК.

Следует признать, что компетенция сотрудников политбюро выходила далеко за рамки оперативного наблюдения за политической обстановкой. Как это станет видно далее, они наделялись правом производства по делам о государственных и некоторых других преступлениях. Характерным в этом отношении является случай сотрудника политбюро Царицынской уездной милиции Дмитриевского, направленного на расследование обстоятельств «бунтов»

в с. Лозном в сентябре 1920 г. После того, как он вызвал на допрос несколько местных жителей, собралась агрессивная толпа женщин с требованием прекратить аресты. Лишь после прибытия команды милиционеров с оружием наизготовку, Дмитриевскому удалось арестовать 15 женщин как зачинщиц бунта и произвести расследование хищений излишков хлебных запасов [14, л. 157].

Между тем, 15 февраля 1920 г. президиумом ВЧК была издана инструкция политбюро при уездной милиции, в соответствии с которой все дела «контрреволюционного свойства» для дальнейшего рассмотрения подлежали передаче в губЧК. В аналогичном порядке реализовывались и подготовленные по специально разработанной форме еженедельные доклады о результатах агентурно-осведомительной работы. Малозначительные дела, а также дела в отношении спекулянтов направлялись для производства в управления уездной милиции для последующего разбирательства в трибунале или местном суде по принадлежности.

Так, с 15 сентября по 1 ноября 1920 г. в производстве политбюро 2-го Донского округа находилось 86 уголовных дел. В порядке внесудебной репрессии с рекомендацией применения высшей меры наказания на рассмотрение губЧК было направлено 10 дел на 14 чел.; для заключения в лагерь принудительных работ («контрреволюционный лагерь») – шесть дел на девять человек. В тюрьму на срок от 1 месяца до 5 лет (с применением принудительных работ) было заключено 14 чел., проходивших по восьми делам. В ревтрибунал с рекомендацией применения высшей меры наказания политбюро направило три дела на троих человек. Десять подсудимых, ввиду преклонного возраста, были освобождены, 20 чел., проходивших по 12 делам, освобождены «под условную подписку» [10, л. 3].

Названным приказом № 78 от 9 апреля 1921 г. указывалось на недопустимость использования политбюро по мелким и спекулятивным делам, не имеющим первостепенного значения, в результате чего они отвлекались от возложенной на них серьезной работы. На предмет устранения этого явления под личную ответственность начальников уездной милиции политбюро было предписано немедленно передать в управления РКМ для направления в местный народный суд все дела о преступлениях и проступках уголовного характера, о спорах, имущественных и личных правах, а также бесспорных производства. От президиума губернской ЧК последовало указание относительно продуктов питания, реквизированных политбюро в ходе производства по имевшимся у них делам, очевидно, на предмет недопущения каких-либо злоупотреблений на этот счет. Таковые подлежали незамедлительной сдаче по актам в местные продовольственные комитеты, копии которых хранились в уездных управлениях РКМ.

Несмотря на высокие требования, которые предъявлялись к начальствующему и рядовому составу политбюро, с их стороны были нередки случаи злоупотреблений служебным положением, подчас принимавшие крайние формы. Например, 6 февраля 1922 г. Саратовский революцион-

ный трибунал приговорил к расстрелу бывших начальника Дергачевской уездной милиции Филимова и находившегося в его подчинении начальника политбюро Фомина, обвинявшихся в превышении власти, самочинных расстрелах и расхищении вещественных доказательств. В ходе разбирательства установлено, что, будучи начальником политбюро, летом 1921 г. Фомин в пьяном виде являлся в местный арестный дом, где убивал заключенных. Зная о пытках и расстрелах арестованных, совершавшихся некоторыми уполномоченными вверенного политбюро, он не только не предотвращал, но, напротив, поощрял их. Находясь в составе оперативной тройки и исполняя обязанности по наблюдению за ее следственными действиями, он также своей властью производил расстрелы находившихся в ее производстве лиц. При исполнении служебных обязанностей начальника политбюро Фомин привел книгу учета вещественных доказательств в хаотическое состояние, выбрасывал их списки в мусорный ящик. Благодаря этому, он и его подчиненные получили возможность присваивать ценные вещи, изъятые у арестованных.

Филимов, являясь начальником уездной милиции и осуществляя общее руководство входящим в его состав политбюро, был не только в курсе всех преступных деяний Фомина, но и принимал в них непосредственное участие. При этом он не только пьянствовал вместе с ним, но и присваивал вещественные доказательства, расстреливал заключенных арестного дома и арестованных оперативной тройкой. При этом расстрелы оформлялись Филимовым фиктивными актами под предлогом попытки к побегу, причем исполнителям расстрелов от управления уездной милиции выносилась благодарность. Учитывая тяжесть совершенных Филимовым и Фоминым деяний, трибунал не считал возможным применить к ним амнистию по случаю четвертой годовщины Октябрьской революции [15, л. 16 об.].

Свои коррективы в деятельность политбюро по борьбе с преступностью внес разгул бандитизма. В создавшихся экстраординарных условиях порой выдвигались инициативы о придании политбюро полномочий по внесудебной расправе с бандитами. С ходатайством именно такого свойства обратились члены Усть-Медведицкого ревкома в губисполком. В частности, в связи с развившимся бандитизмом и отсутствием ревтрибунала, они просили утвердить при политбюро коллегию с правами ЧК [12, л. 133].

Нередко сотрудники политбюро принимали активное участие в боевых действиях по противодействию бандитизму и карательных операциях по искоренению дезертизма. Так, уполномоченный политбюро в Ленинском уезде Игнатьев был включен в «особый отдел по производству обысков и арестов» отряда коммунистов, направленного на борьбу с бандами дезертиров 22 июля 1920 г. Помимо исполнения непосредственных обязанностей, Дмитриеву была поручена «общеполитическая работа» отряда, в частности, пропаганда среди крестьян, организация митингов, распространение и читка пропагандистской литературы. Его основной задачей при этом было завоевание среди крестьян «симпатий» к отряду и его действиям.

Характерно, что при производстве одного из обысков, Игнатьевым было задержано командование отряда за хищением обнаруженных денег [16, л. 7].

Политбюро принимало активное участие в местном нормотворчестве, направленном на решение актуальных задач по борьбе с контрреволюцией и наиболее опасными уголовными преступлениями. Так, 9 апреля 1921 г. политбюро совместно с ревтрибуналом было поручено в 2-дневный срок разработать план мероприятий по борьбе с бандитизмом в Усть-Медведицком округе и представить его на утверждение объединенного заседания местных ревкома и комитета партии [12, л. 131].

Несмотря на всю их жестокость, направленные против бандитов репрессивные меры выглядят вполне адекватными по сравнению с теми чудовищными злодеяниями, которые чинили бандиты на территории округа. На массовые кровавые расправы с представителями партийного и советского актива по сути был дан ответ в форме «красного террора» по отношению к бандитам и членам их семей. По инициативе начальника политбюро Куприянова названным планом предусматривалось незамедлительное взятие заложников в тех местностях, где имели место убийства бандитами партийных или советских работников. При наступлении подобных случаев заложники подлежали расстрелу. Было выдвинуто предложение предоставить любому гражданину право расстреливать на месте не только застигнутых с оружием бандитов, но и их активных пособников. Имущество осужденных за бандитизм подлежало конфискации. Все трудоспособные члены семей бандитов выселялись либо направлялись в лагеря принудительных работ, а их имущество полностью конфисковывалось. Предусматривалось установление круговой поруки среди населения в местностях, где укрывались дезертиры и бандиты. Укрывательство последних также было чревато конфискацией имущества [там же].

Кроме того, наряду с представителями ревкома и военкома, начальник политбюро был включен в состав комиссии по выработке плана по изъятию из воинских и гражданских учреждений представителей буржуазии и нетрудового элемента [там же].

В заключение необходимо отметить условия, в которых происходила работа политбюро, а также их материально-техническое обеспечение. Так, 25 июля 1920 г. начальник политбюро в Ленинском уезде сообщал губЧК, что его сотрудники работают добросовестно, однако жалуются на недостаток продовольствия, а также полное отсутствие одежды и обуви. Несмотря на огромную следственную нагрузку, ни канцелярских принадлежностей, ни регистрационных материалов, ни бланков у них не имелось [16, л. 5]. Отсутствие канцелярских принадлежностей и обмундирования серьезно тормозило работу Хоперского политбюро. Ввиду отсутствия бумаги осведомители лишались возможности направить в политбюро необходимые для составления информационных сводок сведения [17, л. 26–29].

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что политические бюро при начальниках уездных управлений милиции не ограничивались политическим

осведомлением на вверенной территории. Они принимали самое активное участие в уголовном судопроизводстве, в основном, по делам о государственных преступлениях. Законченные производством в политбюро уголовные дела находили свое разрешение как в судебном порядке, так и во внесудебном. В своей деятельности сотрудники политбюро оказывали противодействие нарушениям законности со стороны иных органов борьбы с преступностью. Наряду с этим необходимо признать, что в своей деятельности политические бюро сами нередко испытывали значительные пережитки нарушений социалистической законности, имевших место в практике их предшественников – уездных чрезвычайных комиссий, и послуживших одной из причин их ликвидации. Выявленные архивные источники убедительно показывают, что с подобными проявлениями руководящими органами ЧК, РКМ, а также трибуналами велась непримиримая борьба.

Литература

1. Гутман, М.Ю. К вопросу о политических бюро при начальниках уездных управлений милиции (1919–1922 гг.) / М.Ю. Гутман // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С. 28–32.
2. Кобелева, Е.А. Создание уездных политических бюро на Западном Урале (начало 1920 г.) / Е.А. Кобелева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6, Ч. 1. – С. 74–76.
3. Кожин, А.В. Политические бюро как учреждения ВЧК для получения конфиденциальной информации о местной жизнедеятельности / А.В. Кожин // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 70. – С. 195–198.
4. Шаталов, Е.А. Политические бюро уездных управлений рабоче-крестьянской милиции: организационно-правовой и региональный аспекты становления и функционирования / Е.А. Шаталов // История государства и права. – 2011. – № 18. – С. 109–112.
5. Иванов, С.А. Специфика взаимодействия учреждений милиции и ВЧК периода становления советской правоохранительной системы / С.А. Иванов, С.Н. Рубцов // Силовые структуры: история и современность: сборник статей Восточно-Сибирского института МВД РФ. – Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2002. – С. 47.
6. Ашихмина, А.В. Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / А.В. Ашихмина, А.Е. Епифанов, В.М. Абдрашитов. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2008. – 222 с.
7. Бурьянов, С.А. Свобода совести в Российской Федерации: современное состояние, тенденции, перспективы / С.А. Бурьянов // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2. – С. 15–16.

8. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 78.
9. ГАВО. – Ф. 342. – Оп. 1. – Д. 72.
10. ГАВО. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 153.
11. ГАВО. – Ф. 97. – Оп. 1. – Д. 111.
12. ГАВО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 3.
13. ГАВО. – Ф. 1717. – Оп. 1. – Д. 180.
14. ГАВО. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 24.
15. ГАВО. – Ф. 5701. – Оп. 1. – Д. 23.
16. ГАВО. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 26/6.
17. ГАВО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 16.

References

1. Gutman, M.Yu. K voprosu o politicheskikh byuro pri nachalnikah uездных управлений milicii (1919–1922 gg.) [On the Question of political bureaus under the Heads of District militia departments (1919–1922)] / M.Yu.Gutman // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bull. of St.Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. – 2011. № 1 (49). – P. 28–32.
2. Kobeleva, E.A. Sozdanіe uездных politicheskikh byuro na Zapadnom Urale (nachalo 1920 g.) [Establishment of District political bureaus in the Western Urals (early 1920)] / E.A.Kobeleva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvo-vedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. – Tambov: Gramota, 2017. – № 6. – Part 1. – P. 74–76.
3. Kozhin, A.V. Politicheskie byuro kak uchrezhdeniya VChK dlya polucheniya konfidentialnoj informacii o mestnoj zhiznedeyatel'nosti [Political Bureaus as institutions of the All-Russian Emergency Commission for obtaining confidential information about local life activities] / A.V.Kozhin // Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Proc. of A.I. Herzen Russian State Pedagogical Univ.]. – 2008. – № 70. – P. 195–198.
4. Shatalov, E.A. Politicheskie byuro uездных управлений raboche-krestyanskoj milicii: organizacionno-pravovoj i regionalnyj aspekty stanovleniya i funkcionirovaniya [Political Bureaus of District Departments of the Workers' and Peasants' Militia: organizational, legal and regional aspects of the formation and functioning] / E.A.Shatalov // Istoriya gosudarstva i prava [History of state and law]. – 2011. – № 18. – P. 109–112.
5. Ivanov, S.A. Specifika vzaimodejstviya uchrezhdenij milicii i VChK perioda stanovleniya sovetsoj pravoohranitel'noj sistemy [Specifics of interaction between militia institutions and All-Russian Emergency Commission during the formation of the Soviet law enforcement system] / S.A.Ivanov, S.N.Rubtsov // Silovye struktury: istoriya i sovremennost. Sbornik statej Vostochno-Sibirskogo instituta MVD RF [Power structures: history and modernity. Collection of papers of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskij in-t MVD Rossii [East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2002. – P. 47.
6. Ashikhmina, A.V. Mehanizm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii. [Mechanism for restricting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation] / A.V.Ashikhmina, A.E.Epifanov, V.M.Abdrashitov. – Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Volgograd State Univ. Publ., 2008. – 222 p.
7. Buryanov, S.A. Svoboda sovesti v Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie, tendencii, perspektivy [Freedom of conscience in the Russian Federation: current status, trends, prospects] / S.A.Buryanov // Konstitucionnoe i municipalnoe pravo [Constitutional and municipal law]. – 2004. – № 2. – P. 15–16.
8. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO) [State Archives of the Volgograd Region (GAVO)]. – F. 59. – Op. 1. – D. 78.
9. GAVO. – F. 342. – Op. 1. – D. 72.
10. GAVO. – F. 122. – Op. 1. – D. 153.
11. GAVO. – F. 97. – Op. 1. – D. 111.
12. GAVO. – F. 161. – Op. 1. – D. 3.
13. GAVO. – F. 1717. – Op. 1. – D. 180.
14. GAVO. – F. 37. – Op. 1. – D. 24.
15. GAVO. – F. 5701. – Op. 1. – D. 23.
16. GAVO. – F. 249. – Op. 1. – D. 26/b.
17. GAVO. – F. 12. – Op. 1. – D. 16.

Информация об авторе:

Епифанов Александр Егорович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57216007693>, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770> (125171), Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; e-mail: mvd_djaty@mail.ru).

Author:

Alexander E. Epifanov – Prof., Doctor of Law, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of In-

ternal Affairs of Russia, Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57216007693>, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>; (8, Zoya and Alexander Kosmodemyansky st., Moscow 125171, Russian Federation, mvd_djaty@mail.ru).

Для цитирования:

Епифанов, А.Е. Из опыта оперативно-служебной деятельности политбюро при начальниках уездных управлений милиции в 1920–1921 годах (по материалам Нижнего Поволжья и Донской области) / А.Е. Епифанов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 138–144.

For citation:

Epifanov, A.E. From the experience of operational and service activities of the Political Bureau under the Heads of District militia departments in 1920–1921 (based on the materials of the Lower Volga and Don regions) / A.E. Epifanov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 138–144.

Дата поступления статьи: 22.03.2023

Прошла рецензирование: 30.03.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 22.03.2023

Reviewed: 30.03.2023

Accepted: 16.06.2023

Чувство хозяина в российской экономической системе конца 1920-х – начала 1950-х годов (по материалам воспоминаний участников производственных процессов)

К.О. Димони

Вологодский государственный университет,
г. Вологда
feodosypriest@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается важнейший индикатор изменения отношений собственности – ментальное представление о ней участников производственных процессов. Ключевое значение в этом сюжете имеет формирование чувства хозяина, которое возникает при фактической возможности владения и распоряжения производственным капиталом и продуктом труда и крепнет при отсутствии юридической ответственности за свои действия. В статье рассматриваются такие категории советского населения, как директора заводов, председатели колхозов, бригадиры и рабочие. На материалах воспоминаний, фольклорно-этнографических записей показана динамика формирования чувства хозяина, его основные черты.

Автор приходит к выводам о наиболее отчетливо сформированном чувстве хозяина у директоров государственных промышленных предприятий, что связано с назначением их на должности сверху и внедренным в практику управления принципом единоначалия. Более латентным выглядело хозяйское чувство у председателей колхозов, бывших выборными и опасавшихся осуждения рядовых колхозников. Определенный рост хозяйского чувства наблюдался у бригадиров, что было связано с управленческой функцией, и передовиков производства, являвшихся непосредственными производителями продукта.

Ключевые слова:

собственность, чувство хозяина, директор, председатель колхоза, Советская Россия

Формирование различных ментальных представлений сегодня довольно часто является объектом исследований историков. Гораздо реже, однако, изучается область экономических представлений, в том числе представлений о собственности и связанных с ней отношениях. В этом смысле научный интерес представляет формирование хозяйского чувства у субъектов экономической деятельности, особенно в период крупной трансформации экономической системы, когда массово ликвидировалась частная

A sense of ownership in the Russian economic system of the late 1920s-early 1950s (based on the memoirs of participants in production processes)

K.O. Dimoni

Vologda State University,
Vologda
feodosypriest@gmail.com

Abstract

The paper considers the most important indicator of changes in property relations – the mental vision of participants in production processes about it. The key importance in this plot is the formation of a sense of ownership, which arises when it is actually possible to own and dispose of production capital and the product of labor, and grows stronger in the absence of legal responsibility for their actions. The paper examines such categories of the Soviet population as factory directors, collective farm chairmen, foremen and workers. Based on the materials of memoirs, folklore and ethnographic records, the dynamics of the formation of the sense of ownership, its main features are shown.

As a result, the author comes to conclusions about the most clearly formed sense of ownership among the directors of state industrial enterprises, which is associated with their appointment to positions from above and the principle of unity of command introduced into management practice. The sense of ownership seemed more latent among the chairmen of collective farms, who were elected and feared the condemnation of ordinary collective farmers. A certain increase in the sense of ownership was observed among the foremen, which was associated with the managerial function, and the leaders of production, who were the direct producers of the product.

Keywords:

ownership, sense of ownership, director, chairman of the collective farm, Soviet Russia

собственность. Речь идет о периоде конца 1920-х–начала 1930-х гг. и последовавших за ними трендах нарастания роли государственной собственности или огосударствления кооперативной.

Имеющийся историографический обзор данной темы освобождает автора от обязанности давать полный очерк мнений историков по данному вопросу [1]. Следует, однако, отметить, что данная тематика довольно редко становится объектом исследования. Еще одним важным мето-

логическим моментом данной статьи является признание наличия коллективного собственника в Советской России периода сталинской экономической системы [2].

В представленной работе рассматривается формирование чувства хозяина у руководителей советских предприятий конца 1920-х-начала 1950-х гг. (промышленных и сельскохозяйственных), а также непосредственно подчиненных им менеджеров, руководящих работников (прежде всего бригадиров) и ударников производства, у которых также возникало выраженное чувство хозяина, главным образом в отношении результатов своего труда. Чувство хозяина предполагало желание действий в отношении экономических объектов, как своей собственности. Оно возникало исходя как из фактических, так и юридических оснований. Фактическое владение и распоряжение объектами собственности без юридического закрепления являлось рудиментом обычного права, имевшего в России сильные традиции, что осложняло открытое выражение хозяйского чувства, а следовательно, и исследование данных процессов.

Советская власть испытывала большие колебания по поводу направленности развития отношений собственности. В дореволюционной России были сформированы отношения частной и индивидуальной собственности, когда субъект выступал как фактический и юридический владелец земли, живого и мертвого капитала, иной частной собственности и имел выраженное хозяйское чувство. При поэтапной отмене после 1917 г. частной собственности в отношении наиболее крупных ее объектов и введении коллективной и государственной собственности, прежде всего, на средства производства, чувство хозяина в его классическом варианте постепенно отмирало.

Субъекты формирования чувства хозяина представляют собой спорный вопрос: в современном общественном сознании преобладает убеждение, что в советский период коллективная собственность воспринималась как бессубъектная, т.е. ничья (доказательством тому служит большой перечень присказок, например, «тащи с завода каждый гвоздь: ты здесь – хозяин, а не гость»), что, как показывает обстоятельное изучение темы, не вполне соответствует действительности. Согласно материалам воспоминаний, чувство хозяина по отношению к коллективной собственности в той или иной мере было присуще практически всем участникам производственной деятельности – как председателям колхозов и директорам заводов, так и рабочим и менеджерам. Данная статья рассматривает вопросы специфики формирования чувства хозяина у разных категорий участников производства и ментальные ограничения, испытываемые руководителями советских предприятий, препятствующие их оформлению в полноценных собственниках.

Логика рассуждений позволяет предположить, что в наибольшей степени чувство хозяина в конце 1920-х-начале 1950-х гг. сохранялось у представителей кооперативной формы собственности, в частности – у колхозников. Этому способствовал паевой характер колхозного имущества, что давало представление о сопричастности к титульным правам собственника, особенно выраженное

у колхозной верхушки. В воспоминаниях Ильи Эренбурга одна из участниц Съезда советских писателей 1934 г., женщина – председатель колхоза из Московской области, поясняла свою позицию: «У меня самой муж. Я четвертый год – председателем колхоза. Вы знаете, ведь председателя колхоза можно приравнять к директору фабрики, а муж – рядовой колхозник. Но он терпения набрался. Ему дают наряд – изволь его выполнить. Если не так делаешь, то я на правлении скажу. Не исправишься – трудодней не дам. Если еще не исправишься – из колхоза выгоню. Покажу пример остальным мужчинам: скажут – расправилась с мужем, и нам не легче будет...» [3]. Из описания, приведенного И. Эренбургом, видно, что чувство хозяина в отношении колхоза у женщины-председателя присутствует, но выражается это завуалированно, через сравнение себя с директором завода и указание на возможность высокой распорядительской функции в решении трудовых судебных колхозников, яркой иллюстрацией чего стали действия в отношении мужа.

Чувство хозяина формируется у председателей колхозов скрытно, председатель не склонен называть себя «хозяином» и считать колхозное имущество «своим» напрямую. Собственность и колхозная работа в воспоминаниях обычно представляются общим делом, тенденции к формированию чувства хозяина в отношении себя прямо не показываются. П.И. Ажирков, председатель подмосковного передового колхоза «Борец», Герой Социалистического Труда, так писал о первых послевоенных годах: «Победа достигается трудом, опытом, дерзанием <...> Колхозное дело – это дело наше общее. И если мы сумели крепко поставить свое хозяйство, добились высокой доходности и хорошей обеспеченности, то надо помочь и тем, кто этого пока сделать не сумел» [4, с. 103]. Еще ярче проявляется латентное чувство хозяина в других описаниях – так, комментируя деятельность других председателей колхозов из разных частей страны, П.И. Ажирков практически всегда оперирует термином «хозяйствует» [4, с. 126]. Важно, что взгляд «со стороны» также без сомнений отмечает хозяйский статус председателя колхоза – уже в 1932 г. алтайский колхозник К.Ф. Измайлов записал в дневнике: «Он здесь работает в колхозе "Армия Ленина" в должности председателя (хозяин колхоза)» [5].

Открыто признавать себя хозяином колхоза председателям мешали обычная человеческая осторожность и советская этика. В оправдание своего стиля руководства они часто ссылались на волю коллектива. В частности тот же П.И. Ажирков писал: «Иногда я слышу замечания относительно того, что я слишком строг. Нет, это не строгость, это стремление к дисциплине и требовательность. Без дисциплины у нас не было бы того, что мы имеем сейчас – крепкого, богатого колхоза, зажиточной и культурной жизни колхозников. Обязан ли я быть требовательным? Да, обязан. На то я и выбран колхозниками» [4, с. 185].

Оправдывая хозяйские чувства в отношении колхоза, председатели часто описывают момент избрания на должность. Обстоятельства этих событий были, конечно, разными. Например, председателя колхоза «Верный путь», находящегося в Кирилловском районе Северного

края, в начале 1930-х гг. выбрали «заочно», он узнал об этом уже после события. Новоиспеченный председатель в рассказе об избрании этнографам, собиравшим деревенский фольклор, говорил, что с утра он работал в поле, где его и начали поздравлять с новой должностью. «А я им: – "Ну вас к лешему, какой я председатель, я ведь неграмотный человек". А они твердят мне одно – председатель и председатель. Я не верю – как это так? Вот смотрю в обед приходят ко мне из правления и зовут <...> Галдят: "Сядь ты, да и вот". Ну, я вижу, делать нечего. Согласился – против общества не пойдешь. Сейчас дело у меня идет хорошо, и, думаю, пойдет еще лучше» [6]. Уже здесь, несмотря на внешнюю скромность рассказчика, чувствуется, что колхоз отождествляется им с его управленческой деятельностью («дело у меня идет хорошо»).

Несмотря на более высокий статус, председателями колхоза сельские жители чаще всего становиться не стремились – особенно свойственно это для северных небольших колхозов. Вот характерное воспоминание сельского учителя из Ленинградской области В.С. Савельева от 1933 г. «Мою кандидатуру выставили в правление, куда и прошел, а потом при выборах председателя колхоза меня также хотели впересть туда. Но я запротестовал, выставил все мотивы против избрания меня в председатели, и только после большого обсуждения я был отклонен» [7, с. 241–282]. В чем же причина такого опасения? Вероятно, связано это с формальными и ментальными ограничениями распоряжения собственностью, а также начавшимся в 1930-х гг. ужесточением ответственности за растраты и неэффективную деятельность на местах. Колхозное правление, особенно в малых северных коллективах, побаивалось и своих односельчан, и ответственности сверху. Бывший редактор газеты и партийный работник А.В. Кириллов, находясь в красноярской ссылке, в 1935 г. сделал дневниковую запись, отмечавшую повсеместность данного явления: «Здесь новости: и в Тюльковке, и в Ерзовке сняли председателей колхозов. У обоих – растрата...» [8]. Растраты – довольно симптоматичный индикатор развивающихся собственнических отношений. Обычно связано оно было с присвоением части колхозной кассы, продуктов, горюче-смазочных или стройматериалов, что говорит о выраженности хозяйского потенциала в отношении имущества колхоза. Попастись на растрате председатели боялись ввиду уголовной ответственности и общественного осуждения. Сельский пролетариат, кстати, очень негативно воспринимал «превышение» хозяйских полномочий. В дневнике того же А.В. Кириллова отмечалось: «Здесь, да и в Тюльковке полный разброд. Руководителей никто не слушает. На днях в Тюльковке колхозница публично и громкогласно послала председателя "туда" ... Надо бы все же с таким покончить... Председателя колхоза в Тюльковке бабы чуть не побили за то, что он "своей Салтычихе легкую работу дает"! А жена председателя при мне чуть ли не выпорола его за то, что он снялся на карточку рядом с какой-то колхозницей» [8].

Таким образом, председатели колхозов уже в начале 1930-х гг. сформировали хозяйское отношение к колхозному имуществу и отчасти рабочей силе, которое оставалось

во многом латентным: прямо признаться в своем желании быть «хозяином» они боялись. В то же время термин «хозяин колхоза» все больше входил в повседневный оборот, материалы газет, политическую практику.

Довольно высокую концентрацию чувства хозяина в колхозах демонстрируют, по материалам воспоминаний, ударники колхозных производств. Кирилловский конефермер (так в документе) в рассказе этнографам о себе в 1937 г. с гордостью называл конеферму и лошадей «своими»: «Помню – строили мы скотный двор. Нужно было сплотить по заданию 3 метра, а я по 6 метров сплавивал. Район меня как лучшего ударника послал в Ленинград на совещание. Там мне часы подарили. Потом я стал работать конефермером и еще более стараться лучше оправдать звание ударника. Всего сейчас у меня на ферме 41 конь. Воспитывать их стараюсь как можно лучше. Знаю, что и стране, и армии нужны хорошие лошади, и хочу с честью выполнить порученное мне задание» [9]. Герой рассказа явно чувствует себя фактическим хозяином результатов своего труда, называет лошадей и конеферму «своими».

В ряде воспоминаний и иных архивных и фольклорных материалов бригадир, как менеджер, выступает в качестве статусной фигуры системы собственнических координат, над которым стоят только председатель колхоза и государство. К колхозному бригадиру прежде всего обращаются по поводу трудодней, просят о чем-либо для подсобного хозяйства. Довольно часто рассказы содержат описание того, как по блату, а то и через мелкую коррупцию («магарыч»), бригадир решает интересующий вопрос [10]. Председатель колхоза, в отличие от бригадира, с позиции «снизу», обычно был не столь досягаем для просьб рядового колхозника. Видимо, как человек, непосредственно руководящий работами в колхозе, чувствуя возможность распоряжаться трудом, бригадир начинает испытывать чувство хозяина. Отсюда и многочисленные характерные злоупотребления. Подтверждает эту тенденцию в своем дневнике в записи от 1934 г. писатель Михаил Пришвин: «Презрение к такому труду помимо неправильного понимания ученья привело к неправильному пониманию власти, даже какой-нибудь бригадир – это уже "начальник", значит, открытый или откровенный враг того, что называется трудом и работой» [11].

В воспоминаниях образ бригадира может сильно разниться в зависимости от времени: в мемуарах 1920-х – середины 1930-х гг. бригадир нередко предстает как малограмотный деспотичный самодур, облеченный неограниченной властью над работниками. И. Чистяков, охранник участка гугаговской железнодорожной стройки, писал о доведенной до абсурда власти бригадира: «Тут бригадир – атаман, пахан, мама. Мама заправляет всем и всеми, мама бьет, мама милует, мама не пускает на работу, мама кормит или заставляет голодать. Мама все» [12]. У участников производственных процессов складывается впечатление, что большое знание дела бригадиру не очень-то и нужно, главное – умение командовать сельским и городским пролетариатом, «гнуть свою линию». С 1935 г. начинается некоторый перелом в этом процессе. С появлением колхозников-ударников, не намеренных мириться с произ-

волом (и имеющих свое чувство хозяина, возникающее из чувства трудовой собственности), в колхозах складываются новые отношения. А.В. Кириллов в 1935 г. зафиксировал в дневниковых записях: «Даже некоторые лучшие ударники выходят из колхоза. Виноват якобы бригадир Томиловской бригады Татаев, который грубо обходится с колхозниками <...>. Говорят, работала она всю посевную, как вол. А бригадир крыл ее матом <...>. Однажды премировали ее пимами, а бригадир сказал: "Теперь уж тебя всюду погоним, раз пимы тебе дали"» [8]. В то же время от менеджерской должности бригадира, несмотря на притягательность, пытались отказаться в колхозах так же, как и от должности председателя колхоза, особенно в конце 1930-х гг. В рассказах этнографом зафиксирован, например, такой рассказ жителя Кирилловского района Северного края (1935): «Потом вдруг – заворожка у нас: председателя сняли – и сам он просил, и порекания на него были. Бригадир-то и поставили председателем. Ну, тут собрание ко мне – быть тебе бригадиром, поработал уже, ладно все. Я отказываюсь: не могу, не могу, помоложе меня есть. Все смеются – и опять ко мне безотвязно – никуда! Так и остался» (сохранена орфография источника) [13].

В конце 1940-х–1950-х гг. прослеживается смягчение политики в отношении рабочих, чувствуется «усталость» бригадиров от груза ответственности, из которой истекает фиксируемая источниками халатность, нежелание командовать. Бригадир в этом случае уже зачастую воспринимается, не как деспот, но как «нормальный мужик». Бригадир все так же может вести себя по-хозяйски, произвольно назначая трудовые, однако бригадиров все чаще меняют, даже штрафуют за самовольные смены рабочих на местах. По всей видимости, возможность бесконтрольного распоряжения собственностью и желание эксплуатировать пролетариат у бригадира постепенно пропадают. Связано это, прежде всего, с ростом полномочий собственника у руководителей производства, правосознания у колхозников и заводских рабочих, высокой частотой сменяемости бригадиров. Следовательно, у бригадира уменьшается оперативный простор в плане бесконтрольного распоряжения трудом подчиненных. А.А. Алаксаян в дневнике, повествующем о сибирской послевоенной ссылке, отметила в записи от 24 августа 1949 г.: «Явился бригадир, но мы сказали, что никто не пойдет на работу, пока не решится вопрос с квартирой» [14]. Эта позиция требовательности в отношении бригадира весьма показательна.

В целом, в источниках прослеживается, как к началу 1950-х гг. с ростом уровня образования населения, в результате усиления собственнических позиций руководителей предприятий менеджеры колхозов и заводов теряют возможность бесконтрольного распоряжения имуществом, утрачивают часть хозяйского чувства, изживается коррупция. В воспоминаниях председателя колхоза, опубликованных О.В. Горбачевым, отмечалось: «В сороковые годы и до 1956–1958 гг. руководители колхоза всех уровней были не ахти грамотные, часто 4–5 классов образования, редко 7. Дело доходило до того, что, если надо привезти дрова с леса или съездить на рынок, нужно было поставить брига-

диру бутылочку, а если получить какую справку в сельском совете – также позолотить ручку исполнителям. Все эти безобразия были ликвидированы с приходом нового руководства колхоза в 1958 г. Эти действия глубоко и положительно восприняты были всеми колхозниками, но недовольны были руководители сельсовета: отпадала их возможность порезвиться свободно за счет рядового колхозника» [15].

Наиболее выпукло чувство хозяина прослеживается в характеристиках деятельности директоров промышленных предприятий 1930-х–начала 1950-х гг., особенно тех, что были связаны с металлургией и металлообработкой. Связано это, прежде всего, с тем, что на государственных промышленных предприятиях с конца 1920-х гг. действовал принцип единоначалия. Назначенный государством директор предприятия зависимость от коллектива испытывал в разы меньшую, чем председатели колхозов, разумеется. В воспоминаниях о директоре Уралвагонзавода с 1949 по 1969 г. И.В. Окунева все эти моменты показаны очень ярко. Рассказчиками подчеркивается, что И.В. Окунев имел весьма характерные именно для хозяина, а не для администратора, привычки: идеальный порядок на рабочем столе, придерживался строгого расписания (с утра первым делом обходил все цеха завода, по расписанию проверял почту, отдавал распоряжения). Доклады от подчиненных принимал по установленной форме – не более минуты на пояснения, затем, обычно, проводил совещания и уезжал с работы в 17:30 вечера. Крайне любил чистоту на рабочем месте, заставлял рабочих красить помещения белой эмалью, тщательно очищать обувь. Однажды рабочие сорвали несколько яблок с деревьев, расположенных на территории завода, что было замечено вахтером. На следующий день на всех проходных были развешены приказы об их увольнении. Также не признавал И.В. Окунев распоряжений городских властей, организовывал самострой в направлениях, противоположных городскому плану застройки и т.д. [16]. Из указанного выше очевидно, что государственный завод Иван Васильевич Окунев воспринимал, как свою вотчину, над которой он имел полную власть, несмотря на то, что де-юре являлся лишь администратором-управленцем. Чувствуя себя полноценным хозяином, к своей «собственности» он относился трепетно: был склонен к чрезмерному порядку, перфекционизму, пунктуальности, авторитарности и сверхтребовательности к рабочим.

Другой яркий «хозяин» – глава военного танкограда, депутат Верховного Совета СССР И.М. Зальцман, отличался не просто укорененным «чувством хозяина» и желанием держать на предприятии идеальный порядок, выполнять план и карать рабочих, но умением быстро построить собственную империю влияния во второй половине 40-х гг. XX в. Запомнился современникам он, в частности, тем, что жаловался на сковывавшие его советские законы, а также проявлял жесткость, вызванную тем, что завод не выполняет спущенный сверху план. Запомнился Зальцман и тем, что продавал (самостоятельно и через начальников цехов) станки и детали, занимался также иными финансовыми махинациями, за что в итоге был привлечен к ответственности [17]. В периодической печати Исаак Зальцман пред-

стает, как человек с крайне деспотичными замашками и взрывным характером.

Мелочность и требовательность по отношению к подчиненным, перфекционизм, пунктуальность, склонность к присвоению и эксплуатации – являются одними из основных свойств советского руководителя государственного промышленного предприятия, продолжающих быть таковыми как в период индустриализации, так и в послевоенные годы.

В воспоминаниях о первых послевоенных годах директора завода «Красный Октябрь» Владимирской области Бориса Тимофеевича Лакути содержится показательный случай: «Как-то на завод пришли цыгане и попросили у меня упаковочного железа <...> я отказался отпускать цыганам этот лист. Однако, кто-то на заводе или вне его сказал им, что директор очень любит детей и его можно взять только этим. На следующий день на завод пришли трое цыганят. <...> Придя туда, они хором начали кричать: "Товарищ директор, пихай революция"! Я вынужден был спуститься к ним и подписать указание об отпуске упаковочного железа» [18]. В воспоминаниях Б.Т. Лакути описывает себя предельно аккуратным, пишет, что нужно быть требовательным, прежде всего, к себе и подчиненным, не путать свой карман с государственным. Но из любви к детям все же отдает «на сторону» железный лист, превышая свои полномочия, что говорит о внутреннем ощущении себя хозяином в своем праве.

Исходя из указанного выше, можно прийти к ряду выводов. Во-первых, чувство хозяина при формальной социалистической форме собственности на средства производства (кооперативной и государственной) формируется, исходя из следующих общих правил: хозяином чего-либо чувствует себя тот, кто вложил больше труда в создание продукта при условии его неотчуждения (трудовое обоснование собственности). Во-вторых, чувство хозяина обычно прямо пропорционально ответственности перед коллективом, и потому избранные коллективом председатели колхоза и бригадиры не спешили открыто признавать себя хозяевами, хотя и вели (а значит, и чувствовали) себя в ряде случаев, как таковые, и, по всей видимости, воспринимали себя хозяевами в отношении труда и производственного капитала. Директора заводов назначались сверху и поэтому не так боялись ответственности перед коллективом. Проявления хозяйского чувства на практике, выразившиеся в примате собственных волевых действий, были довольно частными. В целом можно сделать вывод, что наиболее рафинированно чувство хозяина в отношении реализации права собственности было выражено в СССР в 1920-х – 1950-х гг. у руководителей фабрик и заводов.

Литература и источники

1. Безнин, М.А. Обзор подходов к изучению модели власть-собственность в советской России сталинского периода / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 3. – С. 49–60.
2. Безнин, М.А. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – № 4 (13). – С. 186–201.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). – Ф. 1204. – Оп. 2. – Д. 386–390, 392, 393. Записные книжки с дневниковыми записями и пр. (1918–1945 гг.).
4. Ажирков, П.И. Родной колхоз. Записки председателя колхоза / П.И. Ажирков. – Москва: Московский рабочий, 1954. – 216 с.
5. Измайлов, К.Ф. Дневник. Запись от 3 июня 1932 г. / К.Ф. Измайлов. – URL: [https://prozhito.org/note/317557]. (дата обращения: 20.04.2023).
6. РГАЛИ. – Ф. 1415. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 30. Сказки, сказы, песни, частушки, записанные в г. Кириллове, Вологодской области.
7. Савельев, В.С. Тяжкие дни оккупации / В.С. Савельев // За блокадным кольцом / сост. И.А. Иванова. – Санкт-Петербург: Вести, 2010. – С. 241–282.
8. Кириллов, А. В середине тридцатых: Дневники ссыльного редактора / А.В. Кириллов; публ. и послесл. Л. Кирилловой // Наш современник. – 1988. – № 11. – С. 109–142.
9. РГАЛИ. – Ф. 1415. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 57. Сказки, сказы, песни, частушки, записанные в г. Кириллове Северного края.
10. Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е.М. Ковалев. – Москва: Моск. высш. шк. социал. и экон. наук, 1996. – 411 с.
11. Пришвин, М.М. Дневники 1905–1947 гг. (Публикации 1991–2013 гг.) / М.М. Пришвин. – URL: https://prozhito.org/note/97278. (дата обращения: 20.04.2023).
12. Чистяков, И. Сибирской дальней стороны. Дневник охранника БАМа, 1935–1936 / И. Чистяков. – Москва: АСТ: CORPUS, 2014. – 288 с.
13. РГАЛИ. – Ф. 1415. – Оп. 1 – Д. 18. – Л. 60. Сказки, сказы, песни, частушки, записанные в г. Кириллове Вологодской области.
14. Алексанян, А.А. Сибирский дневник 1949–1954 гг. / А.А. Алексанян. – Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2007. – 408 с.
15. Горбачев, О.В. Воспоминания председателя колхоза / О.В. Горбачев // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 7. – Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2007. – С. 483–489.
16. Карцев, Л.Н. Воспоминания Главного конструктора танков / Л.Н. Карцев // Техника и вооружение. – 2008. – № 1–5, 8, 9, 11.
17. Сушков, Н.А. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы». Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов / Н.А. Сушков, А.В. Михалев // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 22 (351). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaltsmanu-zakony-ne-pisany-u-zaltsmana-svoi-zakony-korrupsiya-na-chelyabinsk-kirovskom-zavode-vo-vtoroy-polovine-1940-h-godov (дата обращения: 16.01.2023).

18. Лакути, Б.Т. Записки директора завода / Б.Т. Лакути. – Москва: ГУП Эксперим. тип., 2003. – 160 с.

References

1. Beznin, M.A. Obzor podhodov k izucheniyu modeli vlast'-sobstvennost' v sovetskoj Rossii stalinskogo perioda [Review of approaches to the study of the power-property model in Soviet Russia of the Stalinist period] / M.A. Beznin, T.M. Dimoni // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [J. of Belarusian State Univ. History]. – 2022. – № 3. – P. 49–60.
2. Beznin, M.A. Kollektivnaya kapitalisticheskaya sobstvennost' v institucionalnom ustroystve Rossii 1930–1980-x gg. [Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s] / M.A. Beznin, T.M. Dimoni // Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast] – 2020. – № 4 (13). – P. 186–201.
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Art (hereinafter – RGALI)]. F. 1204. – Op. 2. – D. 386–390, 392–393. Zapisnye knizhki s dnevnikovymi zapisyami i pr. (1918–1945 gg.) [Notebooks with diary entries, etc. (1918–1945)].
4. Azhirkov, P.I. Rodnoj kolhoz. Zapiski predsedatelya kolhoza [Native collective farm. Notes of the chairman of the collective farm] / P.I. Azhirkov. – Moscow: Moskovskij rabochij [Moscow worker]. – 1954. – 216 p.
5. Izmailov, K.F. Dnevnik. Zapis' ot 3 iyunya 1932 g. [Diary. Entry of June 3, 1932] / K.F. Izmailov. <https://prozhito.org/note/317557>. (accessed: 20.04.2023).
6. RGALI. – F. 1415. – Op. 1. – D. 18. – L. 30. Skazki, skazy, pesni, chastushki, zapisannye v g. Kirillove, Vologodskoj oblasti [Fairy tales, songs, ditties recorded in Kirillov, Vologda region].
7. Savelyev, V.S. Tyazhkie dni okkupacii [The hard days of occupation] / V.S. Savelyev // Za blokadnym kolzom [Behind the blockade ring] / Comp. I.A. Ivanova. – St. Petersburg: Vesti, 2010. – P. 241–282.
8. Kirillov, A. V seredine tridzatyh: Dnevniky ssyl'nogo redaktora [In the mid-thirties: Diaries of an exiled editor] / A. Kirillov; Publ. and afterword by L. Kirillova // Nash sovremennik // Our contemporary]. – 1988. – № 11. – P. 109 – 142.
9. RGALI. F. 1415. – Op. 1. – D. 18. – L. 57. Skazki, skazy, pesni, chastushki, zapisannye v g. Kirillove Severnogo kraya [Fairy tales, songs, ditties recorded in the town of Kirillov of the Northern Territory].
10. Golosa krestyan. Selskaya Rossiya XX veka v krestyanskih memuarah [The voices of the peasants. Rural Russia of the XX century in peasant memoirs]. – Moscow: Moskovskaya vysshaya shkola socialnyh i ekonomicheskikh nauk [Moscow higher school of social. and economic sciences], 1996. – 411 p.
11. Prishvin, M.M. Dnevnik 1905–1947 gg. (Publikacii 1991–2013 gg.) [Diaries of 1905–1947 (Publications of 1991–2013)] / M.M. Prishvin. <https://prozhito.org/note/97278>. (accessed: 20.04.2023).
12. Chistyakov, I. Sibirskoj dal'nej storonoj. Dnevnik ohrannika BAMA, 1935–1936 [By the Siberian far side. Diary of a guard of the Baikal-Amur Mainline, 1935–1936] / I. Chistyakov. – Moscow: AST: CORPUS, 2014. – 288 p.
13. RGALI. – F. 1415. – Op. 1 – D. 18. – L. 60. Skazki, skazy, pesni, chastushki, zapisannye v g. Kirillove Vologodskoj oblasti [Fairy tales, songs, ditties recorded in Kirillov, Vologda region].
14. Aleksanyan, A.A. Sibirskij dnevnik 1949–1954 gg. [Siberian Diary 1949–1954] / A.A. Aleksanyan. – Erevan: Izdatelstvo "Gitutyun" NAN RA ["Gitutyun" Publ.], 2007. – 408 p.
15. Gorbachev, O.V. Vospominaniya predsedatelya kolhoza [Memoirs of the chairman of the collective farm] / O.V. Gorbachev // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost [Document. Archive. History. Modernity]. – Issue 7. – Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta [Ural Univ. Publ.], 2007. – P. 483–489.
16. Kartsev, L.N. Vospominaniya Glavnogo konstruktora tankov [Memoirs of the Chief designer of tanks] / L.N. Kartsev // Tehnika i voozruhenie [Equipment and armament]. – 2008. – № 1–5, 8, 9, 11.
17. Sushkov, N.A. «Zaltsmanu zakony ne pisany, u Zaltsmana svoi zakony». Korruptsiya na Chelyabinskom Kirovskom zavode vo vtoroj polovine 1940-x godov ["Laws are not written for Zaltsman, Zaltsman has his own laws." Corruption at the Chelyabinsk Kirov Plant in the second half of the 1940s] / N.A. Sushkov, A.V. Mikhalev // Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bull. of Chelyabinsk State Univ.]. – 2014. – №22 (351). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaltsmanu-zakony-ne-pisany-u-zaltsmana-svoi-zakony-korruptsiya-na-chelyabinskom-kirovskom-zavode-vo-vtoroy-polovine-1940-h-godov> (accessed: 16.01.2023).
18. Lakuti, B.T. Zapiski direktora zavoda [Notes of the plant director] / B.T. Lakuti – Moscow: Eksperimental'naya tipografiya [Experimental Printing House], 2003. – 160 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 22-28-00325, <https://rscf.ru/project/22-28-00325/>.

Информация об авторе:

Димони Кирилл Олегович – преподаватель кафедры Отечественной истории Вологодского государственного университета (160001, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д.15; e-mail: feodosypriest@gmail.com).

Author:

Kirill O. Dimoni – Lecturer of the Department of National History of Vologda State University, (15, Lenin st., Vologda 160001, Russian Federation. e-mail: feodosypriest@gmail.com)

Для цитирования:

Димони, К.О. Чувство хозяина в российской экономической системе конца 1920х – начала 1950-х годов (по материалам воспоминаний участников производственных процессов) / К.О. Димони // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 145–151.

For citation:

Dimoni, K.O. A sense of ownership in the Russian economic system of the late 1920s - early 1950s (based on the memoirs of participants in production processes) / K.O. Dimoni // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 145–151.

Дата поступления статьи: 29.03.2023

Прошла рецензирование: 21.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 29.03.2023

Reviewed: 21.04.2023

Accepted: 16.06.2023

От Сталинграда до Ростова: наступление 2-й гвардейской армии (январь – февраль 1943 года)

Д.Н. Санин

Ростовский государственный экономический университет,
Егорлыкский историко-краеведческий музей,
г. Ростов-на-Дону, ст. Егорлыкская,
Ростовская область,
rajonmusej@mail.ru

Аннотация

В работе рассмотрены недостаточно изученные события конца декабря 1942 г. – начала 1943 г. – боевые действия частей Красной армии, которые после окружения войск противника под Сталинградом вели наступление на ростовском направлении.

Использованы документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, часть которых впервые вводится в научный оборот. Наряду с историческими источниками использованы историографические данные – материалы международных конференций, сборников научных трудов, полевые материалы, позволяющие более глубоко и полно изучить события, связанные с продвижением 2-й гвардейской армии, захватом ею рубежей Маныча и дальнейшего продвижения в направлении Ростова-на-Дону. Предприняты попытки определить роль и место сражений 2-й гвардейской армии в сдерживании войск вермахта, контратакующих на ростовском направлении, и выявить значение боевых действий в районе Батайска в масштабе событий наступлений Красной армии.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Южный фронт, Сталинградский фронт, Маныч, Батайск, Ростов-на-Дону, 2-я гвардейская армия

В 2023 г. исполнилось 80 лет важнейшим сражениям коренного перелома в Великой Отечественной войне – победам под Сталинградом, Курском и на Кавказе, освобождению Донбасса, прорыву блокады Ленинграда. Интерес исследователей к изучению Великой Отечественной войны не ослабевает. Но, несмотря на издание множества трудов, все еще остаются слабо изученными многие события войны. Роль отдельных сражений в общей Победе еще только предстоит оценить.

Немало исследований посвящено анализу боевых действий на сталинградском и ростовском направлениях. В советской историографии боевые действия армий Южного фронта, в частности 2-й гвардейской армии, рассматривались в общем контексте событий Великой Отечественной войны [1, с. 930; 2, с. 638]. В современной историографии они

From Stalingrad to Rostov: the offensive of the 2nd Guards Army (January – February 1943)

D.N. Sanin

Rostov State University of Economics,
Egorlyk Museum of Local History,
Rostov-on-Don, Egorlyk village,
Rostov region
rajonmusej@mail.ru

Abstract

The paper considers the insufficiently studied events of late December 1942 – early 1943 – the fighting of the Red Army units, which, after encircling enemy troops near Stalingrad, conducted an offensive in the Rostov direction.

The author used documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time. Along with historical sources, historiographical sources were used – materials of international conferences, collections of scientific papers, field materials, that allow for a deeper and more complete study of events related to the advance of the 2nd Guards Army, its capture of the Mancy lines and further advance towards Rostov-on-Don. Attempts have been made to determine the role and place of the battles of the 2nd Guards Army in deterring the Wehrmacht troops counterattacking in the Rostov direction, and to identify the significance of the fighting in the Bataisk area on the scale of the events of the entire Red Army offensive.

Keywords:

Great Patriotic War, southern front, Stalingrad front, Mancy, Bataisk, Rostov-on-Don, 2nd Guards Army

представлены более детально. Так, в работе М.В. Медведева рассмотрена роль частей и соединений Южного фронта в освобождении части территории Ростовской области в январе 1943 г. [3]. Труд В.Н. Конюхова ярко повествует о личностях героев-освободителей Ростовской области [4]. В коллективной монографии военных историков Южного научного центра РАН охарактеризованы особенности и результаты советско-германского противостояния в большой излучине Дона (лето 1942 г. – зима 1943 г.) [5]. Интересны также материалы, представленные в книге бывшего офицера вермахта В. Хаупта [6, с. 492], на основе документов и воспоминаний очевидцев содержательно описавшего ход боевых действий группы армий «Юг», захватившей в ходе войны всю Украину и южные районы РСФСР (в частности, Сталинград и Кубань, Крым и Северный Кавказ).

В данной статье впервые вводятся в оборот новые документы из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), которые рассказывают о боевых действиях 2-й гвардейской армии при обороне Сталинграда и в ходе последующего наступления на ростовском направлении. Кроме того, благодаря новым источникам (воспоминаниям участников событий, полевым материалам и отчетам поисковых экспедиций Егорлыкского поискового отряда «Поиск») удалось документально подтвердить данные о потерях советских солдат и офицеров при наступлении 2-й гвардейской армии.

Сражения января–февраля 1943 г. на советско-германском фронте озаменовали начало массового изгнания оккупантов из Сталинградской (в настоящее время Волгоградской) и Ростовской областей, Северного Кавказа. Перелому сил предшествовали военные события у берегов Волги.

Второй гвардейской армии, сформированной в г. Тамбове, выпала решающая роль в сдерживании наступления войск вермахта на сталинградском направлении. На рубеже р. Мышкова она отразила важный удар котельниковской группировки противника [7, с. 77]. Изначально она формировалась как 1-я резервная армия. Командующим армией был назначен генерал-майор К.Н. Галицкий. Членом Военного совета – дивизионный комиссар И.И. Ларин, начальником штаба – полковник А.И. Толстов. Первоначально в состав армии входили 387-я, 350-я, 18-я стрелковые дивизии, 129-я стрелковая бригада.

19 сентября 1942 г. во временное командование армии вступил Герой Советского Союза генерал-майор Я.Г. Крейзер, начальником штаба был назначен гвардии полковник М.Д. Грецов. К 1 октября 1942 г. в боевых частях армии насчитывалось 5758 чел. начальствующего состава, 13 597 чел. младшего начальствующего, 38 629 чел. рядового [8, л. 1–3] составов.

23 октября 1942 г. в соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 994 276 на базе 1-й резервной армии была создана 2-я гвардейская армия, в состав которой включили: управление 1-й резервной армии с частями обеспечения, 1-й гвардейский стрелковый корпус, в него входили 24-я, 33-я гвардейские и 98-я стрелковая дивизии, 13-й гвардейский стрелковый корпус с 49-й, 3-й гвардейскими и 387-й стрелковой дивизиями. 2-й гвардейский механизированный корпус был образован на базе 22-й гвардейской дивизии. Полностью обеспечена вооружением была лишь 387-я стрелковая дивизия, остальные дивизии ожидали доставки [там же, л. 4–4 об.].

К 28 ноября с пополнением численный состав армии достиг 50 564 чел. Бронетанковым вооружением армия была снабжена полностью. В командование 2-й гвардейской армией вступил генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский [там же, л. 8–8 об.].

13 декабря 1942 г., согласно боевому распоряжению № 00 225 штаба Донского фронта, части 2-й гвардейской армии должны были занять западные склоны волго-донского водораздела к юго-востоку от р. Дон [там же, л. 13]. Заняв оборону на обозначенном участке, части армии с 20 декабря вели боевые действия с наступавшей группировкой генерала-полковника Г. Гота, в состав которой входили

6-я танковая дивизия генерала Э. Рауса, располагавшая 136 танками, и 23-я танковая дивизия, насчитывавшая 96 танков [9, с. 492].

Танковая группировка противника, прорвав оборону войск 51-й армии на узком участке фронта на р. Аксай, вышла на р. Мышкова, где встретила организованную оборону передовых частей 2-й гвардейской армии [2, с. 185]. П. Карель так описывал эти события: «Почти безо всяких усилий 11-й танковый полк 6-й танковой дивизии под командованием полковника фон Хюнерсдорфа сумел отбросить силы Советов на восток. Русские оставили южный берег Аксая» [там же, с. 492].

В тяжелых оборонительных боях было много примеров массового и индивидуального героизма бойцов и командиров 2-й гвардейской армии. Бессмертный подвиг совершил рядовой 4-го полка 98-й стрелковой дивизии И.М. Каплунов: «21 декабря, находясь на позиции у реки Мышкова в районе хутора Нижнекумского, огнем из своего противотанкового ружья он вывел из строя девять немецких танков. Будучи дважды раненым в бою, продолжал сражаться с противником» [10]. И.М. Каплунову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

С 19 по 23 декабря 1942 г. противник пытался прорвать оборону 2-й гвардейской армии, но все его атаки были безуспешны. Расстояние в 40 км до окруженной группировки Ф. Паулюса танкам Э. Манштейна так и не удалось преодолеть. Большую помощь в отражении сил противника оказала авиация 8-й воздушной армии генерала-майора Т.Т. Хрюкина. В эти дни она сделала более 1600 самолетовылетов [2, с. 186]. С 24 декабря 2-я гвардейская армия перешла в наступление и нанесла удар на г. Котельниково с севера. К концу декабря он был освобожден. Армия продолжала наступление. Противник поспешно оттягивал котельниковскую группировку за р. Маныч с задачей организовать оборону по южному берегу.

В декабре окончательно утратившая наступательные возможности группа армий «А» на Кавказе оказалась под угрозой окружения в случае быстрого продвижения советских войск от Калача до Ростова. Целью советского командования было уничтожение всей северокавказской группировки врага и освобождение Ростова-на-Дону. Советское командование разработало наступательную операцию Южного (бывшего Сталинградского) фронта по освобождению городов Батайск и Ростова-на-Дону. Главную роль в этой операции отвели 2-й гвардейской армии генерала-лейтенанта Р.Я. Малиновского, состоявшей из 11 стрелковых дивизий, 13 механизированных и трех танковых бригад, девяти танковых полков, 18 артиллерийских и минометных полков и шести отдельных дивизионов [5, с. 230, 231].

К 1 января 1943 г. армия состояла из 129 003 чел. Но впечатляющими эти данные были лишь на бумаге. На деле снабжение армии отстало на многие километры, что впоследствии негативно повлияло на выполнение поставленной задачи. Большая часть военной техники – танков, автомашин – во время боев вышла из строя, а передвижные танко- и авторемонтные заводы отсутствовали. В этой ситуации быстрый подвоз боеприпасов и ГСМ был невозмо-

жен, что затрудняло продвижение армии на ростовском направлении. Противник оказывал упорное сопротивление силами 17-й и 23-й танковых дивизий, 218-й пехотной дивизии румын, дивизии СС «Викинг», переходя в контратаки пехотой при поддержке танков [11, л. 51]. Однако части 2-й гвардейской армии не только давали отпор врагу, но и наносили ему значительный урон. Так, воинами 33-й гвардейской дивизии было подбито 13 танков. Советским бойцам удалось отбить у фашистов 300 голов скота и зерновой склад. Кроме того, было уничтожено до двух батальонов немцев и румын, захвачены 191 винтовка, 14 орудий, 121 станковый пулемет, 6 танков, по 26 минометов, 1 броневик, 26 автомашин.

Тем не менее части 2-й гвардейской армии тоже несли потери. С момента наступления армии, с 25 декабря 1942 г. по 7 января 1943 г., только 6-й механизированный корпус лишился 23 танков Т-34 и 22 – Т-70-22. Капитального ремонта требовали 19, текущего – 40 танков [12, л. 59, 66].

К середине января 1943 г., ломая сопротивление частей вермахта, четыре армии Южного фронта, в том числе и 2-я гвардейская, вышли к берегам р. Маныч. К 18 января с манычского рубежа до Ростова-на-Дону и Батайска оставалось около 50 км. Противник, понимая, что ситуация могла фатально сказаться на отступлении частей 1-й танковой армии с Кавказа, удерживал этот участок двумя дивизиями – 17-й танковой и 16-й моторизованной.

Командующий Южным фронтом генерал-полковник А.И. Ерёменко поставил основной задачей своим соединениям отрезать пути отхода частям противника с Северного Кавказа и уничтожить при взаимодействии с войсками Закавказского фронта вражескую группировку, не дав ей прорваться к Дону.

Механизированной группе 2-й гвардейской армии в составе 3-го гвардейского танкового корпуса, 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов, 98-й стрелковой дивизии под общим командованием командира 3-го гвардейского танкового корпуса генерала-лейтенанта П.А. Ротмистрова было приказано утром 17 января с линии станицы Багаевская – хутор Веселый нанести удар в направлении г. Батайска. К утру 18 января силами одного механизированного корпуса освободить г. Ростов, а остальными силами – Батайск. Прочно закрепить за собой Ростов, Батайск, Койсуг, «обеспечивая себя с юга» до подхода 13-го гвардейского стрелкового корпуса [там же, л. 79].

Танковый рейд на г. Батайск начался с переправы через р. Маныч. Под непрерывной бомбардировкой отважные саперы 126-го отдельного понтонного мостового батальона навели переправу. 19 января 1943 г. передовой отряд под командованием гвардии подполковника А.В. Егорова двинулся на Батайск. Не ввязываясь в бой с отдельными группами противника, обходя занятые ими населенные пункты, к 20 января он достиг колхозов им. Ленина и им. ОГПУ. Передовому отряду удалось атаковать аэродром и уничтожить 10 самолетов, ангар и склад [13, с. 296, 298].

Противник, оправившись от растерянности [там же, с. 299], молниеносно нанес ответный удар 11-й танковой дивизией из района станицы Ольгинской в направлении

станции Манычской и района пос. Веселого по хутору Тузлукову, пытаясь сорвать наступление группы Ротмистрова. В течение двух суток передовой отряд под командованием гвардии подполковника А.В. Егорова, заняв круговую оборону в районе колхоза им. Ленина, вел тяжелый бой. Другая группа под командованием подполковника Д.К. Гуменюка в составе 12 танков, девяти бронетранспортеров и другой техники, ворвалась в г. Батайск, атаковала железнодорожную станцию, уничтожив при этом несколько паровозов, десятки вагонов и батарею противотанковых орудий. Но, отброшенная противником, заняла круговую оборону в районе колхоза им. Ленина. Противник постоянно атаковал группу с воздуха. Основные силы механизированной группы не смогли подойти, вели бои с немцами в районе станицы Манычской – хутора Малая Западенка [там же, с. 295, 296, 302].

После тяжелых боев с участием 80 танков и около четырех полков мотопехоты противника механизированная группа Ротмистрова, потерявшая в 5-м гвардейском механизированном корпусе всех командиров бригад, почти все танки КВ-1 и артиллерию, отошла на северный берег р. Маныч, на участке между устьем р. Маныч и оз. Красный Лиман [12, л. 104].

О действиях советских войск в противостоянии на Маныче и в районе Батайска в немецких документах говорится следующее: «С 23 января сосредоточившийся на Манычском плацдарме 3-й гвардейский корпус генерал-майора Ротмистрова должен был взять мосты у Батайска, фон Манштейн его опередил. Во время первой атаки передовой отряд Ротмистрова под командованием полковника Егерова (*Егорова – Д.С.*) был разгромлен у колхоза имени Ленина. Пять Т-34 и два Т-70 остались гореть, три Т-34 и один Т-70 ушли в Манычскую. Русский передовой отряд был разгромлен в 4 километрах восточнее Батайска» [14, с. 331, 332]. 98-я гвардейская стрелковая дивизия, находившаяся в составе механизированной группы, не поддержала и не оказала помощи наступавшим советским танкам. Под натиском немецких танков она самовольно оставила занимаемый рубеж. Из журнала боевых действий 13-го гвардейского корпуса, который на тот момент вместе с 98-й стрелковой дивизией входил в механизированную группу генерала-майора Ротмистрова, следует: «23 января 1943 года имел место позорнейший случай, когда части 98 сд, не выдержав удара танков противника, без приказа оставили Красный и отошли за реку Маныч, а командир дивизии полковник Серегин не принял всех мер к тому, чтобы отбить танки противника и удержать Красный в своих руках, а находившийся там со своим КП командир 5 гвардейского механизированного корпуса генерал-майор Богданов, как старший начальник, также не принял всех мер к удержанию в своих руках хутор Красный» [15, л. 9]. Командир 13-го гвардейского корпуса объявил строгий выговор командиру 98-й стрелковой дивизии полковнику Серегину и предупредил, «что впредь за подобное преступление отстраню от должности и отдам под суд военного трибунала. Ограничиваюсь этим только потому, что в предыдущих боях 98-я стрелковая дивизия дралась упорно и стойко» [там же].

По мнению генерала-лейтенанта П.А. Ротмистрова, причинами невыполнения приказа командования по освобождению Батайска и Ростова-на-Дону механизированной группой стали отсутствие авиационной и слабая наземная разведки в полосе действия группы, несвоевременный подвоз горючего. Все это не позволило добиться ликвидации частей противника в районе населенных пунктов Самодуровка, Манычская, Чеканов, Новоселовка. Отсутствовала работа авиации по прикрытию района сосредоточения механизированной группы [11, л. 99].

О сложности обстановки свидетельствуют и записи в журнале боевых действий 8-й воздушной армии: «20 января 268-я истребительная авиационная дивизия не вела боевую работу вследствие отсутствия горючего, 272-я ночная бомбардировочная авиационная дивизия в течение всего месяца не имела горючего и боеприпасов. 270-я бомбардировочная авиационная дивизия с 14 по 29 января 1943 г. совсем не имела горючего. Недостаточное количество транспортных самолетов не смогло полностью обеспечить боевую работу. Даже в хорошие летные дни авиация простаивала» [16, л. 8]. В том же архивном документе об авиации противника говорится следующее: «Особенно выросла деятельность бомбардировочной авиации противника с 20 января с выходом наших наземных частей к последнему коридору для выхода кавказской группировки противника в Ростовском направлении. В это время противник на Ростовском направлении предпринял ряд контратак механизированными частями и, обеспечивая эти контратаки, усилил действия бомбардировочной авиации. С этого времени бомбардировщики фашистов летали группами по 9 Ю-87 и Ю-88, бомбя боевые порядки Красной армии» [там же, л. 2].

Стрелковые подразделения армии при поддержке артиллерии и танков продолжали наступление на ростовском направлении. Противник, понимая, что это кратчайший путь выхода наших войск к Батайску и Ростову, упорно сопротивлялся и пытался постоянно контратаковать. 19 января 1943 г. подразделения врага при помощи минометного и артиллерийского огня оказывали яростное сопротивление 1-му гвардейскому стрелковому корпусу, о чем свидетельствуют записи в журнале боевых действий 2-й гвардейской армии [12, л. 84, 85].

20 января оказался тяжелым днем для наступавших частей 2-й гвардейской армии. Противник постоянно атаковал отходившие части 98-й стрелковой дивизии в районе Манычской, но был приостановлен огнем трех танков 22-го танкового полка и орудиями 54-го отдельного гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона. 24 танка и 15 автомашин противника атаковали позиции 2-й батареи 54-го отдельного гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона. Подпустив танки на близкое расстояние, батарея начала их расстреливать, уничтожив семь машин. В бою показали себя героями командир 2-й батареи Дроздов, командиры орудий Деркач, Жеребчиков, Крикунов [11, л. 98].

Четвертая гвардейская механизированная бригада была атакована в районе населенного пункта Красный Ловец и понесла большие потери в личном составе и матери-

альной части. Противник 10 танками с автоматчиками контратаковал и нанес значительные потери 2-му батальону 5-й гвардейской механизированной бригады. 49-я стрелковая дивизия вела бой за хутора Красный Кут и Веселый. Части 13-го гвардейского корпуса подвергались непрерывным бомбежкам со стороны авиации противника. 3-я гвардейская и 98-я стрелковые дивизии в ожесточенных боях после 20 января 1943 г. понесли большие потери – до 40 % личного состава [16, л. 85–87].

27 января 1943 г. противник силою до 25 танков с мотопехотой в районе пос. Веселого атаковал части 49-й стрелковой дивизии. Атака была отбита, но в последующие дни противник продолжал контратаковать наши части на других направлениях наступления 2-й гвардейской армии. 33-я гвардейская дивизия, перейдя в наступление, была контратакована противником из хутора Самодуровки и станицы Манычской и не смогла продвинуться далее р. Маныч. 13-й стрелковый корпус был атакован танками в районе хутора Малая Западенка. В результате уничтожено три танка противника [17, л. 134, 137].

О больших потерях личного состава 2-й гвардейской армии свидетельствуют находки останков советских солдат, обнаруженные в ходе экспедиций поисковых отрядов Ростовской области в места боевых действий. Так, в 2014 г. в хуторе Красный Багаевского района было обнаружено массовое захоронение бойцов Красной армии, погибших в январе 1943 г. Интересными находками оказались солдатская фляжка, подписанная «Гуков И.А. 2-й взвод» и солдатский смертный медальон на имя Ежунова Николая Григорьевича, красноармейца, 1922 г. рождения, уроженца станицы Бекетовской. По данным сайта «Память народа», числится Ежунов Николай Георгиевич, 1922 г. рождения, красноармеец 71-го гвардейского стрелкового полка 24-й гвардейской стрелковой дивизии, погибший в ноябре 1943 г. [18]. Данная дивизия в январе 1943 г. вела боевые действия с противником в районе хутора Красного [19]. По другим сведениям, на том же сайте числится Ежунов Николай Григорьевич, 1923 г. рождения, уроженец Сталинградской области, станицы Бекетовка, пропавший без вести с апреля 1943 г. [20]. Скорее всего, речь идет об одном и том же человеке. Можно предположить, что именно списки безвозвратных потерь Кировского РВК г. Сталинграда не были сверены со сведениями о потерях 71-го гвардейского стрелкового полка 24-й гвардейской стрелковой дивизии. В 2015 г. в том же хуторе в ходе поисковых работ обнаружено захоронение 76 погибших солдат Красной армии. Среди останков найден смертный медальон, переданный на экспертизу. К настоящему времени вложить к медальону прочесть не удалось.

Несмотря на все трудности в продвижении на ростовском направлении, танкисты и пехотинцы 2-й гвардейской армии пытались отрезать отступавшие части 1-й танковой армии противника с Кавказа, приложив все усилия, но конечной цели на тот момент не достигли. Однако действия 2-й гвардейской армии в ходе наступления советских войск на ростовском направлении нанесли немалый урон противнику и заставили его отступить с Кавказа. Наступление 2-й гвардейской армии имело важное значение

как в обороне Сталинграда, так и на всем направлении наступления Южного и Северо-Кавказского фронтов. Согласно поставленным задачам Южного фронта, части армии в дальнейшем вели боевые действия правее от г. Ростова, на правом фланге фронта [21, л. 28 об.]. Освободить города Ростов и Батайск удалось 14 февраля 1943 г. частям 28-й армии.

Литература

1. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк / под ред. С.П. Платонова. – Москва: Воениздат, 1958. – 930 с.
2. Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк / под ред. П.А. Жилина. – Москва: Политиздат, 1970. – 638 с.
3. Медведев, М.В. На ростовском направлении. Южный фронт в боях на Миусе. Январь – август 1943 г. / М.В. Медведев. – Москва: Центрполиграф, 2022. – 191 с.
4. Конюхов, В.Н. На цимлянском направлении / В.Н. Конюхов. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2012. – 192 с.
5. Матишов, Г.Г. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. – 456 с.
6. Хаупт, В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта / В. Хаупт. – Москва: Яуза, Эксмо, 2006. – 448 с.
7. Щербанов, В.К. Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Энциклопедический словарь-справочник / В.К. Щербанов. – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2016. – 478 с.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). – Ф. 64. – Оп. 505. – Д. 16.
9. Карель, П. Дорога в никуда: вермахт и Восточный фронт в 1942 г. / П. Карель; пер. с нем. А.Л. Уткина. – Смоленск: Русич, 2003. – 492 с.
10. Документы о награждении. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero104099203> (дата обращения: 24.03.2023).
11. ЦАМО РФ. – Ф. 346. – Оп. 5755. – Д. 76.
12. ЦАМО РФ. – Ф. 303. – Оп. 4005. – Д. 60.
13. Копылов, А.И. 18-я гвардейская танковая бригада в боях за Родину (1942–1945 гг.): люди, события, факты / А.И. Копылов. – Москва: Дирижабль, 2021. – 712 с.
14. Тике, В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943 / В. Тике. – Москва: Издательство Эксмо, 2005. – 444 с.
15. ЦАМО РФ. – Ф. 841. – Оп. 1. – Д. 23.
16. ЦАМО РФ. – Ф. 3426. – Оп. 1. – Д. 8.
17. ЦАМО РФ. – Ф. 64. – Оп. 505. – Д. 16.
18. ЦАМО РФ. – Ф. 64. – Оп. 505. – Д. 82.
19. Именной список части. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero104099203> (дата обращения: 26.03.2023).
20. ЦАМО РФ. – Ф. 303. – Оп. 4005. – Д. 208.
21. Именной список потерь. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donenie58231896 (дата обращения: 26.03.2023).
22. ЦАМО РФ. – Ф. 64. – Оп. 505. – Д. 217.

References

1. Vtoraya mirovaya voina 1939–1945 gg. Voenno-istoricheskii ocherk [World War II 1939–1945. Military-historical essay] / Ed. S.P. Platonov. – Moscow: Voenizdat, 1958. – 930 p.
2. Velikaya Otechestvennaya voyna. Kratkiy nauchno-populyarnyy ocherk [Great Patriotic War. Brief popular science essay] / Ed. P.A. Zhilina. – Moscow: Politizdat, 1970. – 638 p.
3. Medvedev, M.V. Na rostovskom napravlenii. Yuzhnyy front v boyakh na Miuse. Yanvar'–avgust 1943 g. [On the Rostov direction. Southern front in the battles on the Mius. January–August 1943] / M.V. Medvedev. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2022. – 191 p.
4. Konyukhov, V.N. Na tsimlyanskom napravlenii. [On the Tsimlyansk direction] / V.N. Konyukhov. – Rostov-on-Don: ZAO "Kniga" ["Book" company], 2012. – 192 p.
5. Matishov, G.G. Bol'shaya izluchina Dona – mesto reshayushchikh srazheniy Velikoy Otechestvennoy voyny (1942–1943 gg.) [The Great Bend of the Don is the site of the decisive battles of the Great Patriotic War (1942–1943)] / G.G. Matishov, V.I. Afanasenko, E.F. Krinko, M.V. Medvedev. – Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN [Southern Sci. Centre, RAS, Publishing House], 2016. – 456 p.
6. Khaup, V. Srazheniya gruppy armiy «Yug». Vzgl'yad ofitsera vermakhta [Battles of "South" Army Group. View of a Wehrmacht officer] / V. Khaup. – Moscow: Yauza, Eksmo. 2006. – 448 p.
7. Shcherbanov, V.K. Rostovskaya oblast' v Velikoy Otechestvennoy voine 1941–1945 gg. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik [Rostov region in the Great Patriotic War 1941–1945. Encyclopedic dictionary-reference book] / V.K. Shcherbanov. – Rostov-on-Don: Pechatnaya lavka [Printing shop], 2016. – 478 p.
8. Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (TsAMO RF) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMD RF)]. – F. 64. – Op. 505. – D. 16.
9. Karel', P. Doroga v nikuda: vermakht i Vostochnyy front v 1942 g [Road to nowhere: the Wehrmacht and the Eastern Front in 1942] / P. Karel' / Transl. A.L. Utkin. – Smolensk: Rusich, 2003. – 492 p.
10. Dokumenty o nagrazhdenii [Award Documents]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero104099203>. (accessed: 24.03.2023).
11. TsAMO RS [CAMD]. – F. 346. – Op. 5755. – D. 76.
12. TsAMO RF [CAMD RF]. – F. 303. – Op. 4005. – D. 60.
13. Kopylov, A.I. 18-ya gvardeyskaya tankovaya brigada v boyakh za Rodinu (1942–1945 gg.): lyudi, sobytiya, fakty [18th Guards Tank Brigade in the battles for the Motherland (1942–1945): people, events, facts] / A.I. Kopylov. – Moscow: Dirizhabl' [Airship], 2021. – 712 p.

14. Tike, V. Marsh na Kavkaz. Bitva za neft'. 1942/1943 [March to the Caucasus. Battle for oil. 1942/1943] / V.Tike. – Moscow: Eksmo Publ., 2005. – 444 p.
15. TsAMO RF [CAMD RF]. – F. 841. – Op.1. – D. 23.
16. TsAMO RF [CAMD RF]. – F. 3426. – Op. 1. – D. 8.
17. TsAMO RF [CAMD RF]. – F. 64. – Op. 505. – D. 16.
18. TsAMO RF [CAMD RF]. – F. 64. – Op. 505. – D. 82.
19. Imennoi spisok chasti [Nominal list of division]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero104099203> (accessed: 26.03.2023).
20. TsAMO RF [CAMD RF]. – F. 303. – Op. 4005. – D. 208.
21. Nominal list of losses. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie_58231896 (accessed: 26.03.2023).
22. TsAMO RF [CAMD RF]. – F. 64. – Op. 505. – D. 217.

Информация об авторе:

Санин Дмитрий Николаевич – директор Егорлыкского историко-краеведческого музея, аспирант Ростовского государственного экономического университета (347660, Российская Федерация, Ростовская область, ст. Егорлыкская, пер. Грицика, д. 119; 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69; e-mail: rajonmusej@mail.ru).

Author:

Dmitry N. Sanin – Director of the Egorlyk Museum of Local History, postgraduate student of Rostov State University of Economics (119, Gritsik lane, Egorlykskaya village 347660, Rosrov Region; 69, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation. e-mail: rajonmusej@mail.ru).

Для цитирования:

Санин, Д.Н. От Сталинграда до Ростова: наступление 2-й гвардейской армии (январь – февраль 1943 года) / Д.Н. Санин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 152–157.

For citation:

Sanin, D.N. From Stalingrad to Rostov: the offensive of the 2nd Guards Army (January– February 1943) / D.N. Sanin // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 152–157.

Дата поступления статьи: 07.04.2023

Прошла рецензирование: 28.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 07.04.2023

Reviewed: 28.04.2023

Accepted: 16.06.2023

Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики

В.А. Агеева, Н.А. Трапш

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ «РИНХ»,
г. Таганрог
ageewa.75@mail.ru

Аннотация

Представленное исследование опирается на обширную источниковую базу, включающую материалы управленческой деятельности немецкой оккупационной администрации и коллаборационистских структур, характеризующие насильственную отправку таганрогских жителей на принудительные работы в Германию, в том числе из фондов Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области. В рамках предложенной статьи осуществлена системная реконструкция социально-управленческого механизма, созданного в оккупированном г. Таганроге нацистской администрацией, направленная на постоянное осуществление насильственного перемещения гражданского населения в Германию для последующей работы, локализуемой в дифференцированной системе местных экономических институтов. Последовательное отражение получили системные процессы, связанные с официальной регистрацией советских граждан на бирже труда, формированием групповых списков перемещаемых лиц, предварительным их распределением по заявленным запросам потенциальных работодателей. В рамках исследования также были выявлены конкретные представители оккупационной администрации и коллаборационистских структур, непосредственно причастные к насильственному перемещению гражданского населения г. Таганрога в Третий рейх.

Ключевые слова:

остарбайтеры, нацистская оккупация, Третий рейх, принудительный труд, насильственное перемещение, коллаборационисты

Проблема насильственного перемещения гражданского населения СССР на принудительные работы в Третий рейх до настоящего времени не получила полного отражения в отечественной науке, а реальные масштабы и конкретные методы морально-нравственного унижения и физического уничтожения советских людей в годы Великой Отечественной войны требуют консолидированной правовой, исторической и этической оценки. В современной зарубежной научной литературе, посвященной комплексной характеристике принудительного труда

Forced displacement of the civilian population of Taganrog for forced labor in the Third Reich: experience of complex characteristics

V.A. Ageeva, N.A. Trapsh

A.P.Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University
of Economics,
Taganrog
ageewa.75@mail.ru

Abstract

The presented research is based on an extensive source base, including materials of the management activities of the German occupation administration and collaborationist structures, characterizing the forced sending of Taganrog residents to forced labor in Germany, including those from the funds of the Taganrog Branch of the State Archive of the Rostov Region. Within the framework of the proposed paper, a systemic reconstruction of the social and managerial mechanism created by the Nazi administration in occupied Taganrog was carried out, aimed at the constant implementation of the forced displacement of the civilian population to Germany for subsequent work, localized in a differentiated system of local economic institutions. Systemic processes related to the official registration of Soviet citizens at the labor exchange, the formation of group lists of displaced persons, their preliminary distribution according to the stated requests of potential employers were consistently reflected. The study also identified specific representatives of the occupation administration and collaborationist structures directly involved in the forced displacement of the civilian population of Taganrog to the Third Reich.

Keywords:

ostarbeiters, Nazi occupation, Third Reich, forced labor, forced displacement, collaborators

в нацистской Германии, преобладают немецкоязычные исследования [1–3 и др.]. Однако в последние десятилетия фиксируется существенный рост исследовательского интереса отечественного профессионального сообщества к целенаправленной деятельности оккупационных властей Третьего рейха, связанной с насильственным перемещением гражданского населения для последующей трудовой деятельности в немецком хозяйственном комплексе [4–9 и др.]. Вместе с тем, следует заметить, что на локальном уровне эпистемологической практики существует широкий

спектр дифференцированных задач, не получивших все-стороннего решения в предшествующий период. В частности, одним из недостаточно изученных сюжетов является массовое насильственное перемещение гражданского населения г. Таганрога, осуществлявшееся в период нацистской оккупации (продолжавшейся с 17 октября 1941 г. по 30 августа 1943 г.). Оккупация Таганрога была самой продолжительной по времени в Ростовской области и на юге РСФСР в целом и нашла соответствующее отражение в источниках: вследствие быстрого освобождения города советскими войсками оккупанты не смогли вывезти значительное количество документов. В связи с этим, выводы о трансформации политики руководства Третьего рейха в отношении привлечения советского населения к принудительному труду и обобщение работы административных органов по вербовке и угону местных жителей в Германию, сделанные на основе материалов г. Таганрога, возможно экстраполировать на другие территории юга страны, при изучении оккупации которых исследователи не располагают подобным кругом источников.

Представленное исследование опирается на обширную источниковую базу, включающую, прежде всего, дифференцированные материалы управленческой деятельности немецкой оккупационной администрации и коллаборационистских структур, характеризующие принудительную отправку таганрогских жителей на принудительные работы в Германию и сохранившиеся в профильных фондах Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Отдельные документальные комплексы впервые вводятся в научный оборот и характеризуют повседневное взаимодействие нацистских властей и местных коллаборационистов, направленное на практическую реализацию основных целей имперской политики в области системной эксплуатации трудовых ресурсов регионального населения. Значимую роль в изучении избранной проблемы играют сохранившиеся документы личного происхождения, а также устные источники. В данном контексте необходимо выделить дневник Николая Саенко, относящийся к рассматриваемому периоду немецко-фашистской оккупации Таганрога в 1941–1943 гг. [10].

Во время работы одного из авторов статьи в фондах архива г. Люденшайда (Германия) удалось выявить транскрипции нарративно-биографических интервью с жителями г. Таганрога, угнанными на принудительные работы. Документы составлены на немецком языке и записаны предположительно в конце 1990–начале 2000-х гг. К сожалению, мы не располагаем личными данными этих людей и можем только представить выдержки из нарративов под номерами. Всего их 15.

Интегрированная цель представленной работы предполагает системную реконструкцию социально-управленческого механизма, созданного в оккупированном Таганроге нацистской администрацией и направленного на постоянное осуществление насильственного перемещения гражданского населения в Германию для последующей работы, локализуемой в дифференцированной системе местных экономических институтов.

Комплексный характер предлагаемого исследования определяется как широким спектром привлеченных исторических свидетельств, так и системной оценкой различных аспектов практической деятельности нацистских оккупационных властей, направленной на последовательное формирование неоплачиваемых трудовых ресурсов, принудительно депортируемых в отдельные районы Третьего рейха.

Трансформация отношения к принудительному труду советских граждан в Третьем рейхе в годы войны по существу определялась двумя факторами: во-первых, классификацией подневольных рабочих, согласно нацистской расовой иерархии, в которую входила и необходимость уничтожения определенных групп: во-вторых, ходом войны, которая с 1941/42 г. вынуждала к прагматически и экономически мотивированным уступкам идеологических предписаний.

После первого крупного поражения в декабре 1941 г. под Москвой, означившего провал фашистской стратегии молниеносной войны, германское командование изменило методы набора и использования принудительного труда советских граждан. В конце 1941 г. Гитлер снял запрет на использование советских военнопленных и гражданских рабочих в рейхе. В приказе Геринга от 10 января 1942 г. отмечалось, что «в течение ближайших месяцев использование рабочей силы приобретает еще большее значение. С одной стороны, военная обстановка обуславливает необходимость передачи армии всех мужчин молодых возрастов для выполнения стоящих перед ней задач. С другой стороны, в военную промышленность и в другие отрасли военного хозяйства, а также в сельское хозяйство должна быть направлена рабочая сила, в которой они испытывают острую необходимость» [11, с. 69].

В связи с возникшей необходимостью организации бесперебойной доставки рабочей силы, интенсификации принудительного труда и унифицированному контролю «использования всей наличной рабочей силы, включая иностранных рабочих и военнопленных» [12, с. 371], указом А. Гитлера 21 марта 1942 г. было создано специальное ведомство генерального уполномоченного по использованию рабочей силы во главе с Фрицем Заукелем, гаулейтером Тюрингии. В его ведение было передано все управление рабочей силой в Третьем рейхе и на оккупированных территориях.

После назначения на пост Ф. Заукель отдал распоряжение руководящим инстанциям в различных оккупированных областях издать распоряжения о введении трудовой повинности с отбытием ее в Германии. В соответствии с этими декретами сотрудники ведомства генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, поддерживаемые военными и полицейскими властями оккупированных территорий, рекрутировали и посылали в Германию рабочих, согласно полученным из центра разверстам.

На оккупированных территориях первичными звеньями в цепочки организации рекрутирования/вербовки/угона населения на принудительные работы в рейх были

биржи/бюро труда, которые выполняли указания исполнительной власти военного командования в захваченных городах и районных центрах – военных комендатур. В оккупированном 17 октября 1941 г. Таганроге была создана ортскомендатура (местная комендатура) под руководством капитана Альберти [8, с. 478].

Другим органом в структуре оккупационной администрации стал городской бургомистрат, непосредственно подчиняющийся ортскомендатуре. Бургомистрат состоял из основных отделов и подотделов. В эту структуру вошел и отдел труда. Фактически он выполнял указания городской ортскомендатуры, получаемые ею от хозяйственной команды, расположенной в г. Сталино (ныне – г. Донецк Донецкой Народной Республики) [13, л. 2, 6].

Как свидетельствуют документы, хранящиеся в фондах ТФ ГАРО, с момента учреждения в Третьем рейхе ведомства под руководством Заукеля, организация угона населения с оккупированных территорий приобретает более планомерный и жестокий характер.

В марте 1942 г. за подписью руководителя хозяйственной команды г. Сталино подполковника Лютера по городу были распространены объявления об обязательной явке на биржу труда всех безработных мужчин и женщин (кроме евреев) от 14 до 50 лет для регистрации. Учет безработных планировали начать 30 марта в алфавитном порядке и закончить 21 апреля. Далее в документе указывалось: «Регистрация безработных производится ежедневно с 7 до 13 часов по Берлинскому времени. При явке должны представляться документы о работе (трудовая книжка и паспорт). Каждый безработный, принятый после регистрации на работу, обязан в течение 24-х часов сообщить свою фамилию, имя и отчество, адрес, специальность, место работы и день принятия на работу Бирже Труда. Каждый безработный, кто не будет выполнять это распоряжение об обязательной явке или же не сообщит на Биржу Труда о поступлении на работу, подлежит наказанию...» [14, л. 50].

В итоге сотрудники отдела труда провели регистрацию трудоспособного населения города. На каждого жителя заводилась карточка, которая включала в себя сведения: ФИО, год рождения, место рождения и жительства, национальность, профессию. Эта информация позволяла оперативно реагировать на поступающие запросы немецко-фашистских властей о предоставлении рабочей силы. В зависимости от возраста и семейного положения люди направлялись на работы в Германию или местные предприятия. Отправке на нацистскую каторгу в первую очередь подлежали незамужние женщины и холостые мужчины в возрасте от 17 до 45 лет, а также необремененные большими семьями, и граждане, не устроившиеся на полезную для оккупационных властей работу в городе.

В апреле 1942 г. разворачивается первая широкомаштабная компания по подготовке к отправке в Германию трудоспособного населения города. Отдел труда издает 29 апреля 1942 г. распоряжение, утвержденное немецким комендантом: «...имеющиеся еще в г. Таганроге безработные не смогут получить в ближайшее время здесь работу, т.к. большая часть заводских предприятий разрушена коммунистами...». Далее указывалось, что все холостые безра-

ботные в возрасте от 17 до 45 лет и все незамужние женщины в возрасте от 17 до 35 лет призываются еще раз, для получения работы в Германии, и поэтому им необходимо явиться в отдел труда г. Таганрога. Для повышения привлекательности данной акции, рассчитывая на массовую добровольную вербовку, в распоряжение внесли заведомо ложную информацию о том, что «прибывшие на работы в Германию обеспечиваются хорошим и бесплатным жилищем»: «Продовольствие для прибывающих хорошее и достаточное, ничем не отличается от получаемого всем населением Германии<...>. Врачебная помощь при всех заболеваниях и несчастных случаях обеспечивается<...>. Для личных расходов выплачивается вознаграждение также наличными деньгами<...>. Все другие слухи, распространяемые большевистскими элементами, являются наглой ложью. Рабочие и работницы! Регистрируйтесь немедленно в Отделе Труда. Отправляясь на работу в Великое Германское государство, вы избавляетесь от вашей нужды и несчастья, принесенных вам большевизмом» [там же, л. 11].

Объявление отдела труда, вышедшее через месяц, уже не носило такого заигрывающего характера с населением, в нем с угрозами доводилось до сведения горожан, что они «до 23-го мая должны явиться <...> для отправки в Германию <...>. Все мужчины и женщины, регистрировавшиеся, прошедшие врачебный осмотр и признанные годными для работы в Германии<...>все холостые мужчины в возрасте от 17 до 45 лет и незамужние женщины в возрасте от 17 до 35 лет, не имеющие до сих пор постоянной работы. К тем, кто не подчинится вышеуказанным требованиям, будут применены строжайшие меры; в частности, такие лодыри не будут больше в будущем получать никаких продуктов. Контроль и проверка работоспособных мужчин и женщин будут производиться с 25 мая в усиленной мере с помощью всех немецких учреждений. Могущие возникнуть последствия каждый должен будет тогда приписать самому себе» [там же, л. 49].

В интервью из архива г. Люденшайда содержится информация о том, как происходила организация отправки горожан в Германию, какие немецкие и коллаборационистские учреждения были задействованы в этих процессах, а также о возникающих последствиях, которые «каждый должен будет тогда приписать самому себе». Из воспоминаний информантов: «[Биография № 1] <...> Я родилась в 1926 году <...> к нам пришли немецкие солдаты, фронт проходил у нас. В 1942 году они начали вербовать людей. Сначала они начали с девочек постарше, которым было около двадцати лет. Это продолжалось до 1943 года». «[Биография № 9] <...> Как только немцы пришли в Таганрог, начался насильственный угон молодежи <...>. В бывшей школе рядом с рынком была учреждена служба по трудоустройству (биржа труда), там собирали молодежь <...> нас несколько раз вызывали, чтобы мы поехали в Германию. Мне назначили встречу, а потом мы ушли. Немцы нас вызвали и тогда нас увезли как узников» [15].

Родители и родственники не могли открыто противостоять насилию оккупантов в отношении своих детей и близких: «[Биография № 6] <...> Родилась в Таганроге в 1927. Мать и бабушка жили со мной в Таганроге. Меня за-

брали в Германию, когда мне было 18 лет. Я хотела стать учительницей. Меня отправили на биржу труда. Там они забрали мои документы и сказали мне, что я должна уехать в Германию. Моя мать не хотела меня отпускать. Тогда ей сказали, что она должна молчать, иначе ей придется поехать со мной» [там же].

На трудоспособное население г. Таганрога, преимущественно молодежь, регулярно устраивали облавы, например, информант № 4 вспоминает: «Я родился в 1923 году. 17 октября 1941 года немецкие войска окружили Таганрог <...>. Меня где-то задержали немцы. Наступила холодная зима. Был один рынок. Так как Таганрог был закрыт, немцам нужно было показывать документы, если хочешь уехать из города. Я был большой и крепкий <...> показал немцам свое удостоверение личности из Таганрога, и они задержали меня и отправили в Германию» [там же].

С целью психологического давления на беззащитное и лишенное легальных средств к существованию население города оккупанты распространяли объявления подобного содержания: «[Биография № 9] <...> либо ты умрешь в Таганроге от голода, либо отправишься в Германию, где у тебя все будет хорошо» [там же].

Активное участие в доставке повесток, облавах и проведении карательных операций против «отказников» принимали сотрудники русской вспомогательной полиции – коллаборанты. Бывшие остоуцы рассказывали: «[Биография № 8] <...> Русские полицейские с переводчиками заходили от дома к дому и говорили, кто должен ехать в Германию. Кто сопротивлялся им, того арестовывали и расстреливали» [там же].

Осенью 1942 г. отдел труда г. Таганрога был переименован в биржу труда, которая находилась в территориально-административном подчинении руководства 6-й армии и хозяйственной команды г. Сталино [16, л. 6, 6 об.].

В апреле 1943 г. в ортскомендатуру поступил ряд писем из хозяйственной команды г. Сталино о срочной отправке в рейх в качестве рабочей силы женщин 1924 и 1925 гг. рождения. Первое – от 6 апреля 1943 г. за подписью капитана Нагеля – было копией распоряжения хозяйственной инспектуры «Юг» командиру хозкоманды Сталино с ориентирами на ближайшие мероприятия по вербовке рабочей силы для Германии: «Положение с рабочей силой в империи за последнее время до того обострилось, что необходимо в связи с настоятельным требованием <...> генерального уполномоченного Заукеля, в срочном порядке подготовить в качестве пополнения всю пригодную для империи рабочую силу для отправки ее туда на работу. Наряду с проведенными уже некоторыми биржами труда подготовительными работами по распределению контингента, а также наряду с отданными бургомистрам и старостам указаниями по данному вопросу, надлежит немедленно направить всех женщин, русскоподанных, рождения 1924 и 1925 гг. на освидетельствование и возможно быстрее переотправить их в империю <...>. Ввиду того, что каждый день имеет большое значение, необходимо выполнение этой кампании обеспечить всеми доступными средствами <...>. Всю работу по вербовке необходимо ускорить с тем, чтобы, начиная с 15-го этого м-ца можно было бы еже-

дневно отправлять из округа Хозкоманды Сталино по 600 человек всех рабочих» [там же].

К реализации этого распоряжения предписывалось привлечь все отделы труда, а военному командованию необходимо было выделить соответствующее количество «офицеров, чиновников и рядового состава, а также автотранспорт и другие требуемые вспомогательные средства». О ходе работы следовало «информировать ежедневно, в первый раз 15.4.43 г.». В тот же день на основе данного документа хозкоманда издала распоряжение: «Всем биржам труда. Всем подобным пунктам / Мариуполь, Таганрог, Константиновка, Артемовск / Всем областным агрономам...», в котором указывалось, что к приказу хозяйственного инспектора генерала Нагеля от 6 апреля 1943 г. следует добавить:

«1. Явке и освидетельствованию подлежат все без исключения женщины, русскоподанные, рождения 1924 г. и 1925 г., независимо от рода их занятия в настоящее время. Биржи труда несут полную ответственность за проведение вербовки рабсилы для империи.

2. Биржи труда должны через бургомистров и старост обеспечить явку на биржу труда всех женщин, русскоподанных, рождения 1924 и 1925 г. Кроме того на расклеенных на стенах объявлениях в газетах и по радио следует указать на то особо важное значение, какое придается в настоящее время трудовой повинности 1924 и 1925 годов» [15, л. 7]. Ответственность за исполнение данного распоряжения возлагалась на все воинские части хозкоманды, руководителей местных промышленных предприятий, а также и других работодателей, которые должны со своей стороны немедленно направить всех находящихся под их подчинением русскоподанных женщин указанного возраста на освидетельствование в местные биржи труда. Освидетельствование – медицинский осмотр – должны были проводить местные врачи. Только совершенно больные люди после этого осмотра могли быть освобождены от депортации в Германию. При временной нетрудоспособности на выдаваемой справке ставилась дата намечаемого переосвидетельствования.

В распоряжении также указывалось: «Первый транспорт должен быть отправлен из Сталино уже 15.4.1943 г. Освобождение от трудовой повинности в принципе не допускается, но если начальник биржи труда считает в виде исключения такое освобождение необходимым, то об этом следует поставить меня в известность в письменной форме. Но даже и в этом случае освобождение может последовать только на время / до 6-ти месяцев / 6. Отсортировка 1924 и 1925 годов должна одновременно привести к сокращению численности рабочих, занятых в прифронтовой полосе, однако замена уволенных может последовать через биржи труда только в исключительных случаях. Этот приказ надлежит довести до сведения всех офицеров, чиновников, зондерфюреров, унтерофицеров и рядового состава, а также германской свиты главного командования хозкоманды. Каждый в отдельности должен включиться и поддерживать проведение этого мероприятия» [16, л. 7 об.].

И в заключение приказа была сделана важная приписка: «Каждая рабочая единица, приобретенная таким образом для пополнения рабочей силы в империи, помогает нашей военной промышленности и разгружает наших жен, матерей и сестер на родине» [там же].

С весенне-летней компанией мобилизации женской рабочей силы на территории, подведомственной 6-й армии и хозяйственной команды г. Сталино, связан и приказ главнокомандующего и начальника штаба хозяйственного управления от 10 апреля 1943 г., в котором указывалось: «Для того, чтоб покрыть неотложную крайнюю нужду военной промышленности и сельского хозяйства, необходимо немедленно направить в Германию всех женщин русско-поданных, рождения 1924/25 г. района 6-й армии после предварительного их освидетельствования, для направления и на работы в Германию. Исключаются лица, которые по заключению военного врача признаны негодными для работы: для этого необходимо иметь на руках соответствующую справку. 2. Проведение освидетельствования проводится через биржи труда, которые в данном вопросе пользуются широкой поддержкой войскового отделения» [там же].

Воинские подразделения и части, согласно этому приказу, должны были сообщить соответствующей бирже труда обо всех работающих у них или знакомым им женщинах указанного возраста. При этом в письме не был обойден насущный вопрос о том, как быть с теми, кто выполнял трудовую повинность в воинских частях: «Поскольку при освидетельствовании происходят пререкания по вопросу о потребности в рабсиле между армией и биржей труда, то разъясняется, что потребности военного характера имеют преимущество. Здесь идет речь только о работах по защите данного района или заготовке продовольствия. Необходимо установить строгий масштаб. Биржа Труда предоставляется также право замены более старшими возрастами подданных рождения 1924 и 1925 г. Пока нет полной ясности по данному вопросу на местах – это решают Управления местных комендатур» [там же].

Подобный приказ «О вербовке 500 женщин в качестве рабочей силы из города Таганрога для Рейха» 2 июля 1943 г. издала местная комендатура I/455. В нем отмечалось: «Для работы в кухне, по дому, стирки и других частных видов услуг воинские части и прочие военные учреждения задействуют преимущественно молодых женщин, пригодных для работы в Рейхе в качестве рабочей силы». В этой связи комендант приказал указанных подсобных работниц 1908–1925 годов рождения, не состоявших в браке, «немедленно отпустить для транспортировки для работы в Рейх. Все воинские части и другие военные подразделения обязаны до 6.7.43 г. оповестить службу по трудоустройству в г. Таганроге о количестве задействованной в городе Таганроге женской рабочей силе с указанием фамилий и имен, дат рождения и адресов мест жительства указанной категории лиц. По вопросам замены рабочей силы обращаться в службу по трудоустройству» [17, л. 57].

Следует отметить, что после поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом в отношении угона

местного населения в Германию и оккупированные тыловые районы используется новое понятие «эвакуация». А. Гитлер 14 февраля 1943 г. издает приказ об эвакуации, уничтожении и угоне населения при отступлении вермахта: «<...> 3) При эвакуации войска увозят с собой всех мужчин в возрасте от 15 до 65 лет. Таким образом, войска будут всегда при себе рабочую силу для рытья окопов, а также можно будет высвободить военнопленных для использования в другом месте (передача военно-воздушным силам для замены взятых у них подразделений). В таком случае враг не будет иметь возможности призывать в армию все мужское население, как он это делает в массовых масштабах сейчас <...> 4) При планомерной эвакуации крупных территорий следует по возможности забирать с собой массу гражданского населения и использовать его позже в качестве рабочей силы. Деревни должны быть после этого уничтожены» [18, с. 319].

Немецкое командование 10 июня 1943 г. в коллаборационистской газете г. Таганрога «Новое слово» объявило, что в связи с приближением фронта из города будут эвакуироваться граждане. Кто добровольно не подчинится этому постановлению, к тому будут применены строгие меры наказания [там же].

В документообороте ортскомендатуры и бургомистра г. Таганрога с весны 1943 г. все чаще встречаются слова и выражения: «эвакуированный», «прошу отложить мою эвакуацию», «список эвакуированных» и т.д. [19, л.13, 21, 35]. Подлежащие высылке получали извещение управления бургомистра, в котором указывалось: «Г-ну (г-же) <...> Адрес ... Вам необходимо прибыть (дата) 1943 г. (время) на сборный пункт отъезжающих из города Таганрога по адресу Владимирская площадь, помещение школы. В случае неявки в указанный срок и место к Вам будут применены принудительные меры. При явке требуется сдать хлебную карточку» [20, л. 31].

Подготовленные в срочном порядке сотрудниками биржи труда «нуждающихся» в эвакуации были разбиты на партии. 11 июня 1943 г. была отправлена в Германию «1-я партия немецких рабов с детьми – 452 человек» [там же]. Таганрожец Н. Саенко в своем личном дневнике так описывал эти события: «По городу происходит ужасная беготня, люди мечутся по всем учреждениям, ищут, где бы поступить на работу. Ходят упорные слухи, что из города будут выселять всех неработающих, а останутся только те, кто работает и его иждивенцы, да у кого взяты из семьи в Германию. На бирже людей полно, не протолкнуться. Есть несчастные случаи – одна женщина повесилась, когда услышала, что ее выселяют. Утром отправлена первая партия – 72 машины с людьми» [10, л. 131, 132].

Согласно акту № 1 комиссии «Об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» по г. Таганрогу от 1 сентября 1943 г. только за 40 дней, с 11 июня по 20 июля 1943 г., из города было вывезено в Германию, Польшу и другие оккупированные государства 6762 чел. [18, л.13]. Всего за период оккупации вывезено в рейх около 27 тыс. таганрожцев [8, с. 479].

В заключение следует подчеркнуть, что принудительный труд в ходе затянувшейся войны получал в Третьем

рейхе все более важную экономическую функцию. В результате постоянных мобилизаций в немецкой экономике ощущалась постоянная нехватка рабочей силы, поэтому для замещения вакантных должностей, в основном низких рангов, и выполнения различных работ в больших масштабах начали привлекать советских граждан. Как уже упоминалось выше в их число попало более 27 тыс. жителей Таганрога.

Таганрогская ортскомендатура и отдел труда (с 1943 г. – биржа труда) находились в административно-территориальном подчинении командования 6-й армии и хозяйственной команды г. Сталино. От этих ведомств они получали приказы по организации угона местного населения на принудительные работы в рейх. Первоначально все трудоспособное население прошло регистрацию, которая позволила в дальнейшем оккупационным властям эффективно использовать его трудовой ресурс как на месте в городе, так и планомерно подбирать партии для отправки в рейх в соответствии с получаемыми разнарядками сверху.

Оккупанты не исключали методы пропаганды при вербовке/угоне жителей в Германию, однако доминировали в этом процессе прежде всего сила и принуждение. В оккупированном Таганроге облавы были обычным явлением, особенно в районе местного рынка. При этом следует подчеркнуть, что именно с момента назначения в Третьем рейхе в марте 1942 г. на должность генерального уполномоченного по трудовым ресурсам Ф. Заукеля рекрутирование рабочей силы превращается в настоящую охоту на людей и сопровождается суровыми наказаниями. В этой преступной деятельности оккупантам оказывали активную поддержку коллаборанты.

После поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом вывоз местного населения в Германию и оккупированные тыловые районы приобретает интенсивный характер, и для его обозначения появляется новое понятие «эвакуация», не меняющее самой сути процесса угона в рабство тысяч таганрожцев.

Таким образом, комплексный анализ принудительного перемещения таганрогского населения, оказавшегося на оккупированной территории и используемого в качестве трудовых ресурсов нацистской экономики, отчетливо иллюстрирует интегрированную модель социальной эксплуатации, реализованную гитлеровским руководством по отношению к советским гражданам.

Литература и источники

1. Herbert U. Fremdarbeiter: Politik und Praxis des „Ausländer-Einsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin-Bonn. Verlag Dietz. 1985. 494 s.
2. Hoffmann K. Zwangsarbeit in der Landwirtschaft // Stiftengehen. NS-Zwangsarbeit und Entschädigungsdebatte / Hrsg. U. Winkler. Köln. 2000. S. 130–147.
3. Wagner M. Geschichte Lütendenscheids in der Zeit der Weltkriege, Demokratie und Diktatur 1914–1949 Herausgegeben von Ge-Denk-Zellen Altes Rathaus Lütendenscheid e.V. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte. 2020. 677s.
4. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбай-

теров на чужбине и на родине / П.М. Полян. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 818 с.

5. Данченко, Е.Л. Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941–1945) / Е.Л. Данченко. – Воронеж: Издательство Воронеж. гос. пед. ун-та, 2012. – 168 с.
6. Принудительный труд 1939–1945. Опыт международного проекта / сост., отв. ред. Н.П. Тимофеева. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – 228 с.
7. Кринко, Е.Ф. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России / Е.Ф. Кринко, Е.А. Захарина // Наследие веков. – 2020. – № 2. – С. 45–56.
8. Агеева, В.А. Использование жителей г. Таганрога на принудительных работах в Германии в 1942–1945 гг. (на материалах дневников, писем, устных источников) / В.А. Агеева // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 476–484.
9. Захарина, Е.А. Травматический опыт оstarбайтеров и способы его преодоления в советской и постсоветской культуре памяти / Е.А. Захарина, Е.Ф. Кринко // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 1. – С. 11–29.
10. Государственный архив Ростовской области. – Ф.Р-3613. – Оп. 1. – Д. 447.
11. Максимов, К.Н. Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы Великой Отечественной войны / К.Н. Максимов // Oriental Studies. – 2018. – Т. 36, № 2. – С. 68–78.
12. Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками в двух томах / под редакцией К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. – Москва: Государственное издательство Юридической литературы, 1954. – Т. 2. – 543 с.
13. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). – Р-619. – Оп.1. – Д.6.
14. Биографическая коллекция принудительных рабочих (перевод – В. Куликов) // Городской архив г. Люденшайда (Федеративная Республика Германия).
15. ТФ ГАРО. – Ф.Р-619. – Оп. 1. – Д. 220.
16. ТФ ГАРО. – Ф.Р-619. – Оп. 1. – Д. 250.
17. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Н. Мюллер; пер. с нем. – Москва: Воениздат, 1974. – 387 с.
18. ТФ ГАРО. – Ф.Р-619. – Оп. 5. – Д. 4.
19. ТФ ГАРО. – Ф.Р-619. – Оп. 1. – Д. 255.

References

1. Herbert, U. Fremdarbeiter: Politik und Praxis des „Ausländer-Einsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches / U. Herbert. – Berlin-Bonn. Verlag Dietz. – 1985. – 494 s.
2. Hoffmann, K. Zwangsarbeit in der Landwirtschaft // Stiftengehen. NS-Zwangsarbeit und Entschädigungsdebatte

- / K. Hoffmann / Hrsg. U. – Winkler. Köln. – 2000. – S. 130–147.
3. Wagner, M. Geschichte Litdenscheids in der Zeit der Weltkriege, Demokratie und Diktatur 1914–1949 Herausgegeben von Ge-Denk-Zellen Altes Rathaus Ludenscheid e.V. / M.Wagner. – Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte. – 2020. – 677s.
 4. Polyan, P.M. Zhertvy dvuh diktatur. Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennyykh i ostarbajterov na chuzhbine i na rodine [Victims of two dictatorships. The life, labor, humiliation and death of Soviet prisoners of war and ostarbeiters in a foreign land and in their homeland] / P.M. Polyan. 2nd edition, revised and updated. – Moscow: ROSSPEN. – 2002. – 818 p.
 5. Danchenko, E.L. Batraki ponevole. Prinuditel'nyj trud «vostochnykh rabochih» v sel'skom hozyajstve nacist-skoy Germanii (1941–1945) [Forced laborers. Forced labor of "Eastern workers" in the agriculture of Nazi Germany (1941–1945)] / E.L. Danchenko. – Voronezh: Voronezh. State Pedag. Univ. Publ. – 2012. – 168 p.
 6. Prinuditel'nyj trud 1939–1945. Opyt mezhdunarodnogo proekta [Forced labor 1939–1945. International project experience] / Comp., Ed. N.P. Timofeeva. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr "Nauchnaya kniga" [Publishing and printing Center "Scientific Book"]. – 2020. – 228 p.
 7. Krinko, E.F. «Vostochnye rabochie»: dinamika predstavlenij i obrazov v SSSR i sovremennoj Rossii ["Eastern Workers": dynamics of ideas and images in the USSR and modern Russia] / E.F. Krinko, E.A. Zakharina // Nasledie vekov [The legacy of centuries]. – 2020. – № 2. – P. 45–56.
 8. Ageeva, V.A. Ispolzovanie zhitelej g. Taganroga na prinuditel'nyh rabotah v germanii v 1942–1945 gg. (na materialah dnevnikov, pisem, ustnykh istochnikov) [The use of residents of Taganrog in forced labor in Germany in 1942–1945 (based on the materials of diaries, letters, oral sources)] / V.A. Ageeva // Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytija, uchastniki, simvoly. Materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii [The Great Patriotic War in the history and memory of the peoples of the South of Russia: events, participants, symbols. Materials of the III All-Russian Sci. Conf.]. – Rostov-on-Don, 2022. – P. 476–484.
 9. Zakharina, E.A. Travmaticheskij opyt ostarbajterov i sposoby ego preodoleniya v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture pamyati [Traumatic experience of ostarbeiters and ways to overcome it in the Soviet and post-Soviet culture of memory] / E.A. Zakharina, E.F. Krinko // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 2023. – № 1. – P. 11–29.
 10. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State Archive of the Rostov Region]. – F. P-3613. – Op. 1. – D. 447.
 11. Maksimov, K.N. Repatriaciya sovetskikh grazhdan, ugnannykh fashistami v rabstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Repatriation of Soviet citizens taken by fascists into slavery during the Great Patriotic War] / K.N. Maksimov // Oriental Studies. – 2018. Vol.36, № 2. – P. 68–78.
 12. Sbornik materialov Nyurnbergskogo processa nad glavnymi nemeckimi voennymi prestupnikami v dvuh tomah [Collection of materials of the Nuremberg Trials of the main German war criminals in two volumes] / Eds. K.P. Gorshenin, R.A. Rudenko, I.T. Nikitchenko. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Yuidicheskoy iteratury [State Publishing House of Legal Literature]. – 1954. – Vol. 2 – 543 p.
 13. Taganrogskij filial Gosudarstvennogo arhiva Rostovskoj oblasti (dalee – TF GARO) [Taganrog Branch of the State Archive of the Rostov Region (further – TF GARO)]. – P-619. – Op.1. – D.6.
 14. Biograficheskaya kollekciya prinuditel'nykh rabochih (perevod – V. Kulikov) // Gorodskoj arhiv g. Lyudenshaida (Federativnaya Respublika Germaniya) [Biographical collection of forced workers (translated by V. Kulikov) // City Archive of Ludenscheid (Federal Republic of Germany)].
 15. TF GARO. – F. P-619. – Op.1. – D.220.
 16. Ibid. – F. P-619. – Op.1. – D.250.
 17. Myuller, N. Vermaht i okkupaciya (1941–1944). O roli vermahta i ego rukovodyashchih organov v osushchestvlenii okkupacionnogo rezhima na sovetskoj territorii [The Wehrmacht and the occupation (1941–1944). On the role of the Wehrmacht and its governing bodies in the implementation of the occupation regime on Soviet territory] / N. Myuller. – Moscow: Voenizdat. – 1974. – 387 p.
 18. TF GARO. – F. P-165. – Op.5. – D.4.
 19. Ibid. – F. P-619. – Op.1. – D. 255.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>.

Информация об авторах:

Агеева Валентина Анатольевна – кандидат исторических наук, декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ «РИНХ» (347936, Российская Федерация, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Инициативная, д. 48; e-mail: ageewa.75@mail.ru).

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории факультета истории и филологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ «РИНХ» (347936, Российская Федерация, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Инициативная, д. 48; e-mail: tirpizn@rambler.ru).

Authors:

Valentina A. Ageeva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology of A.P. Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State Univ. of Economics, (48, Initsiativnaya st., Taganrog 347936, Rostov Region, Russian Federation; e-mail: ageewa.75@mail.ru).

Nikolai A. Trapsh – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology of A.P. Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State Univ. of Economics, (48, Initsiativnaya st., Taganrog 347936, Rostov Region, Russian Federation; e-mail: tirpizn@rambler).

Для цитирования:

Агеева, В.А. Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики / В.А. Агеева, Н.А. Трапш // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 158–165.

For citation:

Ageeva, V.A. Forced displacement of the civilian population of Taganrog to forced labor in the Third Reich: experience of complex characteristics / V.A. Ageeva, N.A. Trapsh // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 158–165.

Дата поступления статьи: 29.05.2023

Прошла рецензирование: 01.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 29.05.2023

Reviewed: 01.06.2023

Accepted: 16.06.2023

«Воображаемые» финно-угорские народы СССР в проектах американского центра урало-алтайских исследований (1940–1950-е годы)

В.Э. Шарапов*, А.Е. Загребин*, Т.Ю. Луцина**

* Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

** Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва

sharapov.valerij@gmail.com

zagreb72@izh.com

lutsina_t@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена истории создания и функционирования Центра урало-алтайских исследований в Индианском университете, ставшем в 1940-е–1950-е гг. лидирующим учреждением в США, занимающимся прикладными разработками и фундаментальными исследованиями в области политической истории, языков и традиционной культуры финно-угорских народов СССР. В условиях нарастающей конфронтации между североатлантическим блоком и странами социалистической ориентации во главе с Советским Союзом особую роль в идеологической борьбе приобретает этнологическое знание, в том числе продуцируемое Центром урало-алтайских исследований. Ведущие позиции в профильном университетском подразделении занимали ученые-эмигранты, при разных обстоятельствах прибывшие в США, что часто предопределяло сущностное содержание и назначение текстов.

Ключевые слова:

финно-угорские народы СССР, Центр урало-алтайских исследований Индианского университета, советология

В конце 1940-х гг. в советской этнографии формализуется строгий «канон» для описания народов СССР (Народное хозяйство и материальная культура; Семейная и общественная жизнь; Духовная культура и т.д.), в котором акцентируется внимание на этнической истории и социалистических преобразованиях в традиционной культуре. Приоритетной проблематикой историко-этнографических исследований становится тема этногенеза, в частности, финно-угорских народов СССР [1, с. 178]. Эта модель описания в полной мере была представлена в академической серии коллективных монографий «Народы мира. Этнографические очерки», которая начинает издаваться во вто-

"Imaginary" Finno-Ugric peoples of the USSR in the projects of the American Center for Uralic–Altaic Studies (1940–1950s)

V.E. Sharapov*, A.E. Zagrebina*, T.YU. Lutsina*

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

** Russian State University for Humanities,
Moscow

sharapov.valerij@gmail.com

zagreb72@izh.com

lutsina_t@mail.ru

Abstract

The paper deals with the history of the creation and functioning of the Center for Uralic–Altaic Studies at Indiana University, which in the 1940s and 1950s became the leading institution in the United States engaged in applied and fundamental research in the field of political history, languages and traditional culture of the Finno-Ugric peoples of the USSR. In the context of the growing confrontation between the North Atlantic bloc and the socialist-oriented countries led by the Soviet Union, ethnological knowledge, including that produced by the Center for Uralic–Altaic Studies, is gaining a special role in the ideological struggle. The emigrant scientists who arrived in the USA under different circumstances, which often predetermined the essential content and purpose of texts, occupy the leading positions in the profile university division.

Keywords:

Finno-Ugric peoples of the USSR, Center for Uralic–Altaic Studies at Indiana University, Sovietology

рой половине 1950-х гг. Институтом этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР¹.

¹ В научной деятельности советских этнографов 1940–1950-х гг. центральное место заняла подготовка академического издания (13 томов в 18 книгах, 1954–1966 гг.), выходившего под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С.П. Толстова. Историко-этнографические материалы по финно-угорским народам СССР были представлены в 2-х томах: Народы Сибири / под ред.: М.Г. Левина, Л.П. Потапова. – Москва: Издательство АН СССР, 1956. – 1084 с. Сер. «Народы мира. Этнографические очерки» и Народы Европейской части СССР. Т. 2 / под ред.: В.Н. Белицер, Н.И. Воробьева, Л.Н. Терентьевой, Н.Н. Чебоксарова, Н.В. Шлыгиной. – Москва: Издательство АН СССР, 1964. – 918 с. Сер. «Народы мира. Этнографические очерки». В коллективные монографии вошли материалы, ранее подготовленные для несостоявшегося в

По факту в этих томах были сформулированы научные подходы, ставшие характерными для зарождавшейся в тот период «социалистической теории этноса». Комплексная историко-этнографическая характеристика народов Европейского Севера и Сибири конструировала представления об истории и уникальных этнографических образах финно-угров в союзе советских народов.

Во многом симметричный проект по описанию финно-угорских народов СССР был реализован в конце 1940–1950-х гг. в рамках советологических исследований в США. В этом плане интерес представляет история подготовки цикла публикаций по этнической истории, фольклору и этнографии финно-угорских народов СССР, изданных Центром урало-алтайских исследований (далее – Центр) Индианского университета в г. Блумингтон [3, р. 244]. Данный научно-методический центр первоначально связывался со Специализированной армейской учебной программой (далее – Программа), открытой по инициативе генерала Дж.К. Маршалла и при финансовой поддержке военного ведомства США. В качестве одного из руководителей Центра был приглашен молодой лингвист венгерского происхождения Томас А. Себеок (1920–2001), работавший в области финского, венгерского и марийского языкознания.

В послевоенные годы под руководством Т.А. Себеока и участия эстонских эмигрантов в США – фольклориста Феликса Иоганнеса Ойнаса (1911–2004) и лингвиста Алексея Рейсманна / Ало Раун (1905–2004), шла работа по Программе уральских и алтайских исследований (Program in Uralic and Altaic Studies, 1956–1965). В 1965 г. по инициативе Себеока Программа была преобразована в полноценную кафедру урало-алтайских исследований во главе с Д. Сином [4, р. 291, 292]. А. Раун и Ф. Ойнас читали в Индианском университете курсы «Традиционная культура балтийских народов» и «Народы СССР и их культура». В те же годы с Центром сотрудничал шведский религиовед эстонского происхождения Ивар Паульсон (1922–1966) – специалист по мифологии финно-угорских народов, в частности, автор цикла публикаций о мифологических представлениях коми-зырян и монографии «Представления о душе народов северной Евразии» [5]. В научных мероприятиях и изданиях Центра принимал участие лингвист-тюрколог, профессор Н.Н. Поппе (1897–1991), эмигрировавший из СССР в начале 1940-х гг. в Германию, а в 1949 г. переехавший в США [6]. Следует отметить, что Н.Н. Поппе принадлежат одни из первых историографических работ по советскому финно-угроведению [7].

Помимо сравнительно-лингвистического изучения тюркских и финно-угорских народов, подготовки словарей и учебно-методических разработок, Центром в 1950-е гг. была опубликована серия книг по языкам, фольклору и этнографии финно-угорских народов СССР. В частности, речь идет о цикле этнополитических справочников, из-

1930-е гг. издания «Народы СССР», а также сведения, собранные советскими этнографами в 1940-е гг. на вновь присоединенных к СССР территориях. В преамбуле издания отмечается, что значительная часть сведений по народам Сибири, в частности по ханты и манси, была почерпнута авторами-составителями из полевых материалов исследователей, погибших в годы Великой Отечественной войны (Г.Д. Вербова, Н.П. Никулыпина, С.М. Стебницкого, Н.Б. Шнакенбурга, Н.А. Липской, Г.Н. Прокофьева) [2].

данных в рамках проектов: «Area and Ethnic Analyses» и «Graduate Program in Uralic and Asian Studies» [8]. Издания вышли под общей редакцией Т.А. Себеока и были подготовлены специалистами, в разное время эмигрировавшими в США. Некоторые из авторов монографической серии стали впоследствии известными исследователями не только в области этнологии, но и советологии [9].

Публикации Центра урало-алтаистики были выпущены в составе антропологической серии «Human Relations Area Files» (основана в 1949 г.) по программе кросс-культурных и этнополитических исследований для информационной поддержки ВВС США, чье командование было заинтересовано в сведениях практического характера о состоянии советского общества, его сильных и слабых сторонах и вероятной реакции на войну с Соединенными Штатами, если таковая произойдет. Показательны в этом плане методические руководства 1950–1960-х гг. по народам Северо-Запада СССР. Участники исследовательского проекта понимали свои задачи шире, чем те цели, что им были поставлены. Результаты их работы имели не только прикладное, но и познавательное значение: был собран значительный материал, затрагивающий разные стороны общественно-экономического и политического устройства СССР. По структуре справочные издания были стереотипны и включали следующие разделы: социология (история, этнография, язык, социальная структура, религия), политика (политическая динамика, сельское хозяйство, экономический потенциал), карты (исторические, этнографические, диалектные, демографические, геологические). Сам Т.А. Себеок стал автором справочника, посвященного Марийской АССР [10]. Он же был составителем сборника по фольклору марийцев, снабженных аналитическими комментариями о повериях, связанных с толкованием сновидений в марийской культурной традиции [11]. Впоследствии, будучи известным специалистом в области семиотики, он слегка иронично описывал этот период научной карьеры как «моя короткая счастливая жизнь в финно-угристике» [12].

Американские этнополитические справочники во многом перекликались с описаниями народов Севера и Сибири, представленными в многотомной серии АН СССР «Народы мира». С той разницей, что американские исследователи опирались на достаточно ограниченный круг источников (ранее опубликованные данные и СМИ). В то же время они были предельно практико-ориентированы, в силу актуальности изучения Советского Союза, как главного потенциального противника [13]. Работы Центра урало-алтаистики использовали методы, подобные современной этносоциологической экспертизе, при этом основываясь не на данных полевых исследований, а давая характеристики и этнополитические прогнозы, скорее о «воображаемых» этносах.

Советологические финно-угроведческие проекты в США стали продолжением антропологических времен Второй мировой войны – это была так называемая «антропология на расстоянии». Тем более, что такой опыт был уже распространен в североамериканской антропологической традиции. Достаточно вспомнить, что ставшая классикой культурной антропологии книга «Хризантема и меч» была

написана, минуя этап полевого исследования. Ее автор, декан факультета антропологии Колумбийского университета Р. Бенедикт, не владела японским языком, не являлась японоведом, не была в Японии, и при этом описывала японский национальный характер, обращаясь к японской литературе, кино, наблюдая за поведением японцев, живущих в США [14].

Обращение к методике изучения культуры на расстоянии определялось скорее внешними факторами, нежели личными интересами ученых. Еще в годы Второй мировой войны военная разведка США увидела в антропологии ресурс для изучения противника. В 1943–1945 гг. Р. Бенедикт, сотрудничая со Службой военной информации в Вашингтоне, изучала народную культуру Японии, Румынии и Таиланда. В условиях «холодной войны» приоритетным объектом внимания стали страны социалистического лагеря.

В 1947–1951 гг. Колумбийский университет объединил более 100 исследователей в рамках проекта по изучению современных культур, который находился под эгидой Управления военно-морских исследований США и получил высокую оценку Правительства США. Предметом интереса ученых была культура Китая, Чехословакии, Восточно-европейской еврейской общины, Франции, Польши, дореволюционной России и Сирии. Дополнительные сессии были посвящены Германии, Великобритании, Италии, Румынии, Таиланду и США. Проект возглавляла Р. Бенедикт, а после ее смерти в 1948 г. управление взяла на себя М. Мид, выступив не просто администратором, но и идеологом исследования [15, р. XIV]. В 1953 г. была опубликована книга «Изучение культуры на расстоянии», которую М. Мид посвятила описанию нового подхода. Теоретические разделы издания включали в себя лекции, прочитанные ею в 1949 г. в Бирмингемском университете. В целом работа показывает, как шла реализация проекта по изучению современных культур, включая описание самой методики, принципы организации группового исследования и его результаты. Дистанционное изучение культур, не доступных для непосредственного наблюдения предполагало изучение материалов, которые содержали в себе ее проявления: книги, кино, газеты, журналы, произведения популярного и изобразительного искусства, дневники и письма. Анализ этих источников выступил альтернативой интервьюирования, позволяя получить ответы на вопросы гендерных, семейных отношений, интеллекта и т.п. [16, р. 3–60]. Такой подход дал основание оригинальным выводам об особенностях современных обществ и открыл новые возможности американским научным центрам, ориентированным на проведение этнологических исследований.

Научно-справочные издания Центра урало-алтайских исследований Индианского университета, ранее не востребованные (по идеологическим, языковым и др. причинам) в советском/российском научном дискурсе, в настоящее время представляют несомненный историографический интерес в понимании характера взаимосвязей между «субъектами» и «объектами» финно-угорских исследований во второй половине XX в.

Литература

1. Загребин, А.Е. Из истории советского этнографического финно-угроведения 1940–1950-х гг. / А.Е. Загребин // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1. – С. 176–184.
2. Решетов, А.М. Институт антропологии и этнографии АН СССР – Институт антропологии и этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (К 70-летию института. Страницы истории). Часть I. 1933–1943 гг. / А.М. Решетов // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 5. – С. 24–53.
3. Sinor, D. The Establishment of Hungarian Studies at Indiana University. A personal memoir / D. Sinor // Hungarian Studies. – 2005. – Vol. 19. – № 2. – P. 243–253.
4. Romsics, I. Hungarian Studies at Indiana University / I. Romsics // Hungarian Studies. – 1996. – Vol. 11. – № 2. – P. 291–297.
5. Paulson, I. Die primitiven Seelenvorstellungen der nord-eurasischen Völker / I. Paulson / The Ethnographical Museum of Sweden. Monographic Series. – Vol. 5. – Stockholm, 1958. – 407 s.
6. Poppe, N. Altaic Studies in the United States / N. Poppe // American Studies in Altaic Linguistics. Uralic and Altaic Series-13 / Ed. N.N. Poppe. – Bloomington: Indiana University Publications, 1962. – P. 1–14; Алпатов, В.М. Николай – Николас Поппе / В.М. Алпатов. – Москва: Восточная литература, 1996. – 144 с.
7. Поппе, Н.Н. Финно-угорские народы. Очерк / Н.Н. Поппе, Г.А. Старцев. – Москва: ЛОИКФУН, 1927. – 47 с.; Поппе, Н.Н. Этнографическое изучение финноугорских народов в СССР / Н.Н. Поппе // Финноугорский сборник. Труды по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. – Ленинград: Издательство АН СССР, 1928. – С. 27–76.
8. Oinas, F.J. The Karelians / F.J. Oinas / Ed. Ruth C. Heffner. – New Haven, 1955. – 199 p.; Ishimoto, K. / K. Ishimoto, J. Strmecki. The Votyak (Udmurt). – New Haven, 1955. – 147 p.; Sebeok, Th.A. The Cheremis / Th.A. Sebeok / Ed. Ruth C. Heffner. – New Haven, 1955. – 151 p.; Oinas, F.J. The Votes / F.J. Oinas / Ed. Ruth C. Heffner. – New Haven, 1955. – 104 p.; Strmecki, J. The Zyryans (Komi) / J. Strmecki / Ed. Ruth C. Heffner, Th.A. Sebeok. – New Haven, 1955. – 157 p.; Oinas, F.J. The Vepsians / F.J. Oinas. – New Haven, 1955. – 61 p.; Raun, A. The Mordva / A. Raun. – New Haven, 1955. – 134 p.; Oinas, F.J. The Livonians / F.J. Oinas. – New Haven, 1955. – 122 p.; Raun L. The Estonians / L. Raun. – New Haven, 1955. – 392 p.
9. Folklore, nationalism, and politics / Ed. by Felix J. Oinas. Indiana University Folklore Institute Monograph Series. Vol. 30. – Columbus, Ohio: Slavica Publishers Inc., 1978. – 189 p.; Tomasic, D.A. National Communism and Soviet Strategy / D.A. Tomasic, J. Strmecki. – Washington D.C.: Public Affairs Press, 1957. – 222 p.; Oinas, F.J. Folklore and Politics in the Soviet Union / F.J. Oinas // Slavic Review. – 1973. – Vol. 32. – № 1. – P. 45–58.
10. Sebeok, Th.A. The Mari Region, USSR (Area and Ethnic Analyses) / Th.A. Sebeok. ADTIC Publication G-109. – Max-

well AFB, AL: Artic, Desert, Tropic Information center, Research Studies Institute, Air University, 1959. – 31 p.

11. Sebeok, Th.A. *Studies in Cheremis. The supernatural* / Th.A. Sebeok, F.J. Ingemann. – New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956. – 360 p.
 12. Sebeok, Th.A. *My "Short Happy Life" in Finno-Ugric Studies* / Th.A. Sebeok // *Hungarian Studies*. – 1997. – Vol. 12. – № 1-2. – P. 27–36.
 13. Engerman, D.C. *The rise and fall of the America's Soviet experts* / D.C. Engerman. – New York: Oxford university press, 2009. – 459 p.
 14. Бенедикт, Р. *Хризантема и меч. Модели японской культуры* / Р. Бенедикт. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 357 с.
 15. Beeman, W.O. *Introduction* / W.O. Beeman // *The study of Culture at a Distance* / Ed. by M. Mead and Rh. Metraux. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – P. XIV–XXXI.
 16. *The study of Culture at a Distance* / Ed. by M. Mead and Rh. Metraux. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – 541 p.
- ## References
1. Zagrebin, A.E. *Iz istorii sovetskogo etnograficheskogo finno-ugrovedeniya 1940–1950-h godov* [From the history of Soviet Ethnographic Finno-Ugric Studies of the 1940–1950s] / A.E. Zagrebin // *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN* [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. Series "History and Philology". – 2023. – № 1. – P. 176–184.
 2. Reshetov, A.M. *Institut antropologii i etnografii AN SSSR – Institut antropologii i etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN (K 70-letiyu instituta. Stranitsy istorii). Chast' I. 1933–1943 gg.* [Institute of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences – N.N. Miklukho-Maklay Institute of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (On the 70th anniversary of the Institute. Pages of history). Part I. 1933–1943] / A.M. Reshetov // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 2003. – № 5. – P. 24–53.
 3. Sinor, D. *The Establishment of Hungarian Studies at Indiana University. A personal memoir* / D. Sinor // *Hungarian Studies*. – 2005. – Vol. 19. – № 2. – P. 243–253.
 4. Romsics, I. *Hungarian Studies at Indiana University* / I. Romsics // *Hungarian Studies*. – 1996. – Vol. 11. – № 2. – P. 291–297.
 5. Paulson, I. *Die primitiven Seelenvorstellungen der nord-eurasischen Völker* / I. Paulson // *The Ethnographical Museum of Sweden. Monographic Series*. – Vol. 5. – Stockholm, 1958. – 407 s.
 6. Poppe, N. *Altaic Studies in the United States* / N. Poppe // *American Studies in Altaic Linguistics. Uralic and Altaic Series-13* / Ed. N.N. Poppe. – Bloomington: Indiana University Publications, 1962. – P. 1–14; Alpatov, V.M. Nikolai – Nikolas Poppe / V.M. Alpatov. – Moscow: Oriental Literature, 1996. – 144 p.
 7. Poppe, N.N. *Finno-ugorskie narody. Ocherk* [Finno-Ugric Peoples. Essay] / N.N. Poppe, G.A. Startsev. – Moscow: LOIKFUN, 1927. – 47 p.; Poppe, N.N. *Etnograficheskoe izuchenie finnougorskikh narodov v SSSR* [The ethnographic studies of the Finno-Ugric Peoples in the USSR] / N.N. Poppe // *Finnougorskii sbornik. Trudy po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya SSSR i sopredel'nykh stran* [Finno-Ugric collection. Works on the study of the tribal composition of the population of the USSR and neighboring countries]. – Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1928. – P. 27–76.
 8. Oinas, F.J. *The Karelians* / F.J. Oinas / Ed. Ruth C. Heffner. – New Haven, 1955. – 199 p.; Ishimoto, K. / K. Ishimoto, J. Strmecki. *The Votyak (Udmurt)*. – New Haven, 1955. – 147 p.; Sebeok, Th.A. *The Cheremis* / Th.A. Sebeok / Ed. Ruth C. Heffner. – New Haven, 1955. – 151 p.; Oinas, F.J. *The Votes* / F.J. Oinas / Ed. Ruth C. Heffner. – New Haven, 1955. – 104 p.; Strmecki, J. *The Zyryans (Komi)* / J. Strmecki / Ed. Ruth C. Heffner, Th.A. Sebeok. – New Haven, 1955. – 157 p.; Oinas, F.J. *The Vepsians* / F.J. Oinas. – New Haven, 1955. – 61 p.; Raun, A. *The Mordva* / A. Raun. – New Haven, 1955. – 134 p.; Oinas, F.J. *The Livonians* / F.J. Oinas. – New Haven, 1955. – 122 p.; Raun L. *The Estonians* / L. Raun. – New Haven, 1955. – 392 p.
 9. *Folklore, nationalism, and politics* / Ed. by Felix J. Oinas. Indiana University Folklore Institute Monograph Series. Vol. 30. – Columbus, Ohio: Slavica Publishers Inc., 1978. – 189 p.; Tomasic, D.A. *National Communism and Soviet Strategy* / D.A. Tomasic, J. Strmecki. – Washington D.C.: Public Affairs Press, 1957. – 222 p.; Oinas, F.J. *Folklore and Politics in the Soviet Union* / F.J. Oinas // *Slavic Review*. – 1973. – Vol. 32. – № 1. – P. 45–58.
 10. Sebeok, Th.A. *The Mari Region, USSR (Area and Ethnic Analyses)* / Th.A. Sebeok. ADIC Publication G-109. – Maxwell AFB, AL: Artic, Desert, Tropic Information center, Research Studies Institute, Air University, 1959. – 31 p.
 11. Sebeok, Th.A. *Studies in Cheremis. The supernatural* / Th.A. Sebeok, F.J. Ingemann. – New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956. – 360 p.
 12. Sebeok, Th.A. *My "Short Happy Life" in Finno-Ugric Studies* / Th.A. Sebeok // *Hungarian Studies*. – 1997. – Vol. 12. – № 1-2. – P. 27–36.
 13. Engerman, D.C. *The rise and fall of the America's Soviet experts* / D.C. Engerman. – New York: Oxford university press, 2009. – 459 p.
 14. Бенедикт, Р. *Хризантема и меч. Модели японской культуры* [The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture] / Р. Бенедикт. – St.Petersburg: Nauka, 2004. – 357 p.
 15. Beeman, W.O. *Introduction* / W.O. Beeman // *The study of Culture at a Distance* / Ed. by M. Mead and Rh. Metraux. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – P. XIV–XXXI.
 16. *The study of Culture at a Distance* / Ed. by M. Mead and Rh. Metraux. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – 541 p.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторах:

Шарапов Валерий Энгельсович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-0003-0032-7081> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: sharapov.valerij@gmail.com).

Загребин Алексей Егорович – профессор РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zagreb72@izh.com).

Луцина Татьяна Юрьевна – доцент, кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России», ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», <https://orcid.org/0009-0008-5316-1787> (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: lutsina_t@mail.ru).

Authors:

Valery E. Sharapov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-0032-7081>, (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: sharapov.valerij@gmail.com).

Aleksei E. Zagrebin – RAS Professor, Dr..Sci. (History), Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zagreb72@izh.com).

Tatiana Yu. Lutsina – Docent, Cand. Sci.(History), Associate Professor of the Educational and Scientific Center "New Russia. History of Post-Soviet Russia", Russian State University for Humanities, <https://orcid.org/0009-0008-5316-1787> (6, Miusskaya sq., Moscow 125047, Russian Federation, e-mail: lutsina_t@mail.ru).

Для цитирования:

Шарапов, В.Э. «Воображаемые» финно-угорские народы СССР в проектах американского Центра урало-алтайских исследований (1940–1950-е годы) / В.Э. Шарапов, А.Е. Загребин, Т.Ю. Луцина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 5 (63). – С. 166–170.

For citation:

Sharapov, V.E. "Imaginary" Finno-Ugric Peoples of the USSR in the projects of the American Center for Uralic–Altaic Studies (1940–1950s) / V.E. Sharapov, A.E. Zagrebin, T.Yu. Lutsina // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 166–170.

Дата поступления статьи: 07.06.2023

Прошла рецензирование: 14.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 07.06.2023

Reviewed: 14.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Структура производственного социума в Советской России второй половины XX века: к постановке проблемы

К.А. Гулин

Вологодский научный центр РАН,
г. Вологда
gulin_k@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования связана с необходимостью решения научной проблемы системного понимания социальной структуры российского общества 1950–1980-х гг. В этом контексте тематика социальной структуры производственных коллективов, являвшихся важнейшим институтом экономической системы СССР, в настоящее время практически не исследована.

Цель работы – постановка основных проблемных вопросов, связанных с изучением исторических процессов формирования и развития социальной структуры производственных коллективов в России в указанный период. Производственные коллективы рассматриваются в качестве производственных социумов, характеризующихся присущей им системой внутренних отношений и включенных в системы отношений более высокого порядка. В качестве источниковой базы исследования используется широкий корпус источников, в том числе архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. В результате работы сформулирован ряд тезисов, дальнейшее развитие которых представляется важным для изучения поставленной проблемы: о полиструктурном характере социальной структуры производственных единиц, влиянии на нее неформальной системы сдержек и противовесов в партийно-хозяйственном руководстве предприятия, особенностей функционирования советской экономической системы, неоднородности промышленных предприятий по различным критериям.

Ключевые слова:

социальная структура, предприятие, производственный коллектив, производственный социум

Введение

Активное изучение социальной структуры советского общества и происходящих в ней изменений началось в отечественной науке с конца 1960-х гг. В течение последующих двух десятилетий издано большое количество работ представителей различных общественных наук, посвященных изучению тех или иных аспектов данной проблемы. Не вдаваясь в перипетии существовавшей тогда дискуссии между сторонниками официальной доктрины классовой структуры

Structure of industrial society in Soviet Russia in the second half of the XX century: to the problem statement

K.A. Gulin

Vologda Science Centre, RAS
Vologda
gulin_k@mail.ru

Abstract

The relevance of the research is connected with the need to solve the scientific problem of a systematic understanding of the social structure of Russian society in the 1950s–1980s. In this context, the topic of the social structure of production teams, which were the most important institution of the economic system of the USSR, is currently practically unexplored. The aim of the research is to formulate the main problematic issues related to the study of the historical processes of formation and development of the social structure of production teams in Russia during this period. Production teams are considered as production societies, characterized by their inherent system of internal relations and included in higher-order systems of relations. A wide body of sources is used as the source base of the research, including archival materials introduced into scientific circulation for the first time. As a result, a number of theses have been formulated, further development of which is important for studying the problem posed: on the polystructural nature of the social structure of production units, the influence of the informal system of checks and balances in the party-economic management of enterprises, the peculiarities of the functioning of the Soviet economic system, the heterogeneity of industrial enterprises according to various criteria.

Keywords:

social structure, enterprise, production team, industrial society

советского общества (два класса – рабочие и колхозное крестьянство, и один слой («прослойка») – интеллигенция), с одной стороны, и сторонниками стратификационного подхода – с другой [подробно об этом, например: 1. С. 222–264], следует отметить, что предметом подавляющего большинства исследований были социальная структура общества на макроуровне, т.е. уровне крупных групп социума, и процессы их взаимодействия.

Исследованиями социальных процессов на уровне отдельных производственных единиц занимались представители так называемой «заводской социологии» [2], но проблематика социальной структуры предприятий и организаций, как правило, находилась вне фокуса их внимания. То же самое можно сказать и о корпусе литературы, посвященной актуальной в 1970–1980-е гг. тематике производственных (трудовых) коллективов, основное место в которых уделялось проблемам управления, планирования, социального развития, социальных отношений, организации социалистического соревнования и т.п. [3–7]. На данный момент труд О.И. Шкаратана, опубликованный в 1978 г., является, по-видимому, единственной работой, где сделана попытка системного подхода к изучению структуры промышленного производственного коллектива позднесоветского периода [8].

В исторической литературе постсоветского времени проблематика социальной структуры российского общества второй половины XX в. пока не является предметом активного обсуждения. Посвященные ей работы (написанные с разных методологических позиций) довольно редки и затрагивают вопросы или структурирования советского социума в целом [например, 9–13], или положения отдельных макросоциальных групп [например, 14–16]. Несмотря на возможности широкого доступа к архивным источникам, по-прежнему отсутствуют исследования, связанные с комплексным изучением исторической динамики социальной структуры российского общества второй половины XX в. на уровне производственных единиц.

Между тем, системное изучение социальной структуры на уровне производственных единиц, на наш взгляд, могло бы существенно расширить границы научного знания о реалиях социальной структуры российского общества советского периода и, в частности, этапа его развития в 1950–1980-е гг.

Цель предпринятой нами работы – изучение исторических процессов социальной структуры производственных коллективов в Советской России второй половины XX в., понимаемых в качестве производственных социумов, характеризующихся присущей им системой внутренних отношений и включенных в системы отношений более высокого порядка. Формулируя гипотезу исследования, мы предположили, что производственные социумы в советской России второй половины XX в. имели сложную структуру, содержание которой определялось, с одной стороны, специфической ролью производственных единиц в системе централизованно-управляемой экономики, с другой – их местом в системе неформальных административных и экономических отношений.

Настоящая публикация представляет собой первую попытку осветить ряд моментов, возникших в ходе научного поиска на начальном этапе исследования, и включает отдельные элементы источниковедческого анализа и наблюдений, полученных на основе изучения выявленных источников.

Материалы и методы

В качестве широкого объекта исследования изначально была определена совокупность производственных коллективов предприятий и организаций в сфере материального производства, включая полный воспроизводственный цикл (промышленное и сельскохозяйственное производство, строительство, транспорт, связь, снабжение и сбыт). Предметом исследования выступает социальная структура производственных коллективов как систем, входящих в системы более высокого порядка и состоящих, в свою очередь, из составляющих их подсистем.

В качестве изучения источниковой базы исследования определен широкий корпус источников, значительная часть которых (а именно архивные материалы) впервые вводятся в научный оборот. Основной комплекс источников составили шесть групп документов и материалов.

1. Архивные документы.

1.1. Материалы статистического учета (первичные по предприятиям и организациям, сводные по отраслям, регионам, в целом по РСФСР): отчеты о численности работников аппарата управления и распределении всех работающих по занимаемым должностям – ежегодно по состоянию на 15 сентября; единовременные отчеты о численности рабочих по профессиям, тарифным разрядам, формам и системам оплаты труда – раз в три-четыре года по состоянию на 1 августа; отчеты о распределении рабочих и служащих (с выделением категорий персонала) по размерам заработной платы, раз в три-четыре года за март / апрель.

1.2. Аналитические материалы органов статистики (территориальных, республиканских, союзных) по итогам актов статистического учета, направлявшихся в партийные и советские органы власти.

1.3. Внутренняя документация политических и общественных органов предприятий и организаций: материалы заседаний партийных бюро (партбюро) и партийных комитетов (парткомов); материалы заседаний заводских / фабричных комитетов профсоюзов (завкомы, фабкомы); материалы собраний партийных организаций, профсоюзных конференций, партийно-хозяйственных активов, постоянно действующих производственных совещаний, советов трудовых коллективов и т.п. Это пока еще слабо используемый, но весьма ценный источник, позволяющий судить как о формальной социальной структуре производственных коллективов, так и о неформальных взаимоотношениях внутри них.

1.4. Внутренняя документация предприятий и организаций: штатные расписания (линейно-функциональная и профессионально-должностная структуры, размеры окладов и премий); документы по делопроизводству: приказы, распоряжения, материалы совещаний и т.п.

2. Тексты нормативно-правовых актов: постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР; законы Верховного Совета СССР, ведомственные акты и т.п.

3. Данные социологических исследований, опубликованные в монографиях и периодической научной печати в советский период.

4. Материалы средств массовой информации.

5. Опубликованные статистические материалы (сборники «Народное хозяйство СССР в ... году», «Народное хозяйство РСФСР в ... году» и др.).

6. Источники личного происхождения, дающие представление о формальных и неформальных отношениях внутри производственных коллективов, взаимоотношениях руководителей предприятий с вышестоящим руководством, местными партийно-хозяйственными органами и т.п. (интервью, мемуары руководителей предприятий и т.д.).

Учитывая сложность и неоднородность объекта, а также широту источниковой базы, на начальном этапе ставится задача изучить социальную структуру предприятий и их объединений в промышленности.

Результаты и их обсуждение

1. Изучая особенности социальной структуры производственного социума советского периода, необходимо учитывать особенности роли предприятий в существовавшей тогда модели централизованно управляемой экономики. В отличие от свободной рыночной экономики, в которой цель предприятия заключается в получении прибыли путем наиболее эффективной организации производства и сбыта продукции (услуг), основной задачей производственных единиц в системе централизованного управления экономикой в СССР было выполнение утвержденных им плановых заданий (месячных, квартальных, годовых), связанных с производством продукции (услуг). В связи с этим, изучение социальной структуры советских предприятий только в контексте их производственной деятельности (административно-управленческий состав, инженерно-технический персонал, служащие, рабочие) не способно дать полного представления о сути изучаемой проблемы.

Вплоть до конца 1980-х гг. для производственных единиц в советской экономике была характерна сложная система организации и управления, основы которой были заложены еще в послереволюционный период и закрепились в период индустриализации 1920–1930-х гг. В этой системе администрация предприятия непосредственно отвечала за выполнение плана и производственных заданий, партийная ячейка (партбюро, партком) должна была осуществлять руководство общественно-политической и хозяйственной жизнью предприятия с целью обеспечения выполнения директив партии, а основной функцией профессиональной организации (фабричный или заводской комитет профсоюза) стимулирование производственной активности и самостоятельности работников с целью выполнения и перевыполнения планов.

Несмотря на имевшуюся критику практики непосредственного вмешательства партийных и профсоюзных органов в оперативно-производственную работу администраций предприятий и на попытки разграничить их полномочия [17], в действительности основным критерием оценки результативности деятельности партийной и профсоюзной вертикалей управления было выполнение производственных планов и иных плановых заданий. Это приводило к разрастанию соответствующих организа-

ционных структур, созданию партийных и профсоюзных структурных единиц на уровне структурных единиц предприятий (вплоть до самых низовых). Сформировался полиструктурный характер социальной структуры предприятий. При этом базовая структура производственного социума включала в себя линейно-функциональную, партийно-организационную и профсоюзно-организационную подструктуры.

Линейно-функциональная подструктура включала: руководителя (директора); заместителей руководителя и главных специалистов (инженеров, механиков, экономистов и т.п.); руководителей структурных подразделений (управлений, цехов, бюро, отделов и т.п.); средний управленческий персонал (заместители руководителей структурных подразделений, начальники смен и т.д.); нижний управленческий персонал (мастера, бригадиры); рабочую «элиту» (рабочие высших разрядов, передовики производства); исполнителей среднего уровня; исполнителей нижнего уровня.

Партийно-организационная подструктура состояла из: секретаря партийного комитета (парткома) / партийного бюро (партбюро); членов парткома (партбюро); руководителей комиссий парткома (партбюро); секретарей партийных организаций структурных подразделений; членов партийных организаций структурных подразделений предприятий.

Профсоюзно-организационная подструктура охватывала: председателя заводского / фабричного комитета; членов заводского / фабричного комитета; руководителей комиссий заводского / фабричного комитета; профгруппов; руководителей профсоюзных организаций структурных подразделений; членов профсоюзных организаций структурных подразделений.

Работник предприятия, занимавший определенную должность в линейно-функциональной структуре, мог одновременно занимать статусную позицию и в партийной и (или) профсоюзной иерархии. Теоретически это давало возможность, в частности, рабочим, которые провозглашались «ведущим классом социалистического общества», посредством участия в работе парткома (партбюро) оказывать влияние на решения в сфере производственно-хозяйственной деятельности предприятий. Однако в действительности представительство рабочих в парткомах было невелико и с течением времени сокращалось. Так, например, при том, что удельный вес рабочих в составе членов КПСС в 1980-е гг. превышал 40 %, а в советах различных уровней – 60 % [18, с. 28, 59], на уровне предприятий их доля была существенно меньшей. Так, анализ состава парткомов (партбюро) некоторых машиностроительных предприятий г. Вологды (например, Вологодского станкостроительного объединения завода «Мясомолмаш») в середине 1980-х гг. показал, что доля рабочих в них составляла порядка 20 % [19, 20], а основную роль в них играли представители административно-управленческого персонала.

2. Существенное влияние на специфику социальной структуры предприятий оказывала также поддерживавшаяся посредством формальных и неформальных про-

цедур система сдержек и противовесов в управлении производственными коллективами. Несмотря на декларируемый принцип «единоначалия», директора предприятий, по крайней мере, до конца 1980-х гг., не являлись «полновластными хозяевами» вверенных им производственных единиц. Помимо подчиненности вышестоящим руководителям по хозяйственной (министерство, ведомство) и партийной (обком, горком, райком) части, на уровне непосредственно предприятия их полномочия ограничивались наличием интересов прочих «сторон» так называемого «треугольника»: директор – секретарь парткома – председатель фабрично-заводского комитета профсоюза.

В том что касалось производственной и финансово-хозяйственной деятельности предприятия, значительную роль могли играть представители группы должностей, которой мы дали определение «номенклатурного пула» предприятия. В него входили лица, замещавшие должности, назначение на которые производилось не директором, а вышестоящим органом хозяйственного управления: главный инженер; заместитель директора по производству; заместитель директора по общим вопросам; заместитель директора по экономическим вопросам (главный экономист); начальник отдела технического контроля; главный бухгалтер.

Наконец, в более широком контексте необходимо учитывать фактор наличия такого неформального института социальной структуры предприятия, как его партийно-хозяйственный актив, в который входили верхний управленческий персонал предприятий, руководители структурных единиц, партийные и профсоюзные функционеры, наиболее авторитетные представители рабочих и инженерно-технических работников.

Социальная структура производственного микросоциума складывалась и трансформировалась под влиянием различных особенностей советской экономической системы. Одной из них был процесс автаркизации предприятий в условиях низкой степени специализации производства, дефицита ресурсов и неустойчивого материально-технического снабжения. Это обуславливало стремление предприятий к созданию замкнутого цикла производства с большим количеством вспомогательных подразделений, непрофильных по отношению к основной номенклатуре производимой продукции. Так, например, если в 1965 г. доля рабочих промышленных предприятий, занятых в основных производствах, составляла 57 % общего количества рабочих, то в 1985 г. – только 47 %, а удельный вес тех, кто был занят в различных вспомогательных производствах, напротив, возрос с 43 до 53 % [рассчитано по: 21, 22].

Кроме того, помимо выполнения непосредственно производственных задач, на предприятия возлагался широкий перечень непроизводственных функций. Это приводило, среди прочего, к образованию того, что можно назвать «социальным навесом» – наличию в штате значительного количества работников, не занятых непосредственно в производственной деятельности (медицинские работники, воспитатели, обслуживающий персонал и т.д.). Близким к этому был также процесс «капитализации» предприятий, выражавшийся в делегировании руководству предприятий

прав распоряжения частью финансовых ресурсов (прибыли) на цели реконструкции и расширения производственных фондов. Результатом этого являлось, в частности, создание предприятиями собственных строительных участков, отвлечение штатных работников на участие в строительных работах, осуществлявшихся хозяйственным способом. Все это в конечном итоге вело к расширению в рамках промышленных предприятий непромышленного сектора, который составлял существенную часть их социальной структуры. В целом на примере Вологодской области можно видеть, что численность рабочих промышленности, занятых в непромышленных организациях, в период с 1959 по 1989 г. возросла с 4.7 до 13.4 % [рассчитано по: 23, 24]. В 1984 г. среди персонала промышленных предприятий области, не относящегося к категории рабочих, 48 % работников было занято в непромышленных организациях предприятий, либо осуществляло деятельность, не связанную непосредственно с циклом производства и реализации продукции [рассчитано по: 25].

Вовлеченность предприятия в неформальные административные и экономические отношения также было фактором, оказывавшим влияние на их социальную структуру. Стремление руководства предприятий обойти установленные сверху правила и нормы приводило к тому, что формальная и неформальная должностные структуры не всегда в полной мере соответствовали друг другу. Так, контрольные органы периодически фиксировали факты, когда номинальные штатные должности рабочих занимали специалисты, административно-управленческий, обслуживающий персонал [26, 27]. Часть работников выполняла функциональные задачи, не предусмотренные официальными инструкциями и штатными расписаниями, но необходимые для устойчивого функционирования предприятий и выполнения плановых заданий. В качестве одного из ярких примеров подобного рода можно привести феномен «толкачей» – штатных и внештатных работников предприятий, занимавшихся решением вопросов материально-технического снабжения, функции которых мог выполнять широкий круг работников не только профильных отделов, но и иных служащих, инженеров, рабочих. Проведенный нами анализ материалов проверок контрольных органов СССР показал масштабное расширение подобной практики в советской экономике в послевоенные десятилетия [28].

3. Специфика социальной структуры производственных единиц обуславливалась также их неоднородностью, определявшейся местом предприятий в системе централизованного управления экономикой, воспроизводства и разделения труда. Важную роль здесь играли такие факторы, как различия предприятий по уровню подчиненности (они могли иметь статус союзного, республиканского, местного подчинения), масштабы производственных единиц (малые, средние, крупные предприятия; производственные и научно-производственные объединения), отраслевой принадлежности (в наиболее привилегированном положении находились отрасли, принадлежавшие к так называемому «ведущему звену» – ВПК, тяжелая промышленность, в наименее значимом – предприятия местной промышленности), уровень сложности производимой продукции

(различались категории предприятий, выпускающих особо сложную продукцию, продукцию производственно-технического назначения, предметы потребления). По большому количеству параметров (статусным позициям, профессионально-квалификационному уровню, материальному положению и т.д.) как руководящий состав, так и рядовые работники весьма существенно различались, и это также следует учитывать при исследовании социальной структуры производственного социума.

Заключение

В результате работы сформулирован ряд тезисов, дальнейшее развитие которых представляется важным для изучения поставленной проблемы. Во-первых, базовая структура производственного микросоциума имела полиструктурный характер, представляя собой комбинацию линейно-функциональной, партийно-организационной и профсоюзной подструктур. Во-вторых, существенное влияние на социальную структуру производственных коллективов оказывали такие факторы, как наличие системы сдержек и противовесов в управлении производственными единицами, особенности функционирования и развития советской экономической системы (автаркизация предприятий, вовлеченность предприятий в неформальные административные и экономические отношения, «социальный навес», «капитализация» предприятий). В-третьих, специфика социальной структуры производственных микросоциумов также обуславливалась неоднородностью производственных единиц, заключавшихся в их масштабах, различиях по уровню их подчиненности, отраслевой принадлежности, сложности производимой продукции и т.д. Системное изучение этих и иных аспектов проблемы, как нам представляется, может внести существенный вклад в развитие научных представлений о социальной структуре общества в советский период, механизмах ее воспроизводства и процессах ее эволюции.

Литература и источники

1. Шкаратан, О.И. Социальная стратификация: учебное пособие / О.И. Шкаратан, В.В. Радаев. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 317 с.
2. Абрамов, Р.Н. «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960-е – 1980-е гг. / Р.Н. Абрамов // Социологические исследования. – 2014. – № 10. – С. 50–59.
3. Волков, Ю.Е. Трудовой коллектив – школа воспитания хозяев производства / Ю. Волков, Ю. Червяков. – Москва: Профиздат, 1977. – 151 с.
4. Бляхман, Л.С. Производственный коллектив: в помощь руководителю / Л.С. Бляхман. – Москва: Политиздат, 1978. – 192 с.
5. Омаров, А.М. Социалистический трудовой коллектив / А.М. Омаров. – Москва: Политиздат, 1980. – 112 с.
6. Шлыков, Ю.В. Производственный коллектив в плановой экономике / Ю.В. Шлыков. – Тула: Приок. кн. издательство, 1986. – 103 с.
7. Клейн, Н.И. Предприятие, директор, трудовой коллектив / Н.И. Клейн, В.А. Рахмилович. – Москва: Знание, 1989. – 64 с.
8. Шкаратан, О.И. Промышленное предприятие: социологические очерки / О.И. Шкаратан. – Москва: Мысль, 1978. – 263 с.
9. Шубин, А.В. Социальная структура СССР в канун перестройки / А.В. Шубин // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 131–146.
10. Терентьев, А.А. Социальная структура российского общества: прошлое и настоящее / А.А. Терентьев. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2003. – 72 с.
11. Кордонский, С.Г. Сословная структура постсоветской России / С.Г. Кордонский. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
12. Смирнов, В.Э. К вопросу о механизмах изменения социальной структуры общества (на примерах из истории СССР) / В.Э. Смирнов // Социологический альманах. – 2017. – № 8. – С. 374–387.
13. Безнин, М.А. Социальная революция, социальная трансформация, классы в Советской России: оправдание дефиниций анализа / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Социальные процессы, власть и общество России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс. Сборник научных статей. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2018. – С. 4–17.
14. Волков, С. Интеллектуальный слой в советском обществе / С. Волков. – Москва: Некоммерческая орг. фонд «Развитие», Ин-т науч. информ. по общественным наукам РАН, 1999. – 250 с.
15. Гаврилюк, В.В. Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе / В.В. Гаврилюк, Т.В. Гаврилюк // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 4. – С. 86–92.
16. Лебский, М.А. Рабочий класс СССР. Жизнь в условиях промышленного патернализма / М. Лебский. – Москва: Горизонталь, 2021. – 247 с.
17. Социалистическая дисциплина труда: сборник документов / сост. В.А. Фомин. – Москва: Политиздат, 1984. – 400 с.
18. Демочкин, Н.Н. Советский рабочий класс в управлении государством / Н.Н. Демочкин. – Москва: Мысль, 1984. – 285 с.
19. Вологодский областной архив новейшей политической истории. – Ф. 1880. – Оп. 1. – Д. 162. – Л. 1–89.
20. Вологодский областной архив новейшей политической истории. – Ф. 3404. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 50.
21. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). – Ф. 1703. Оп. 20. – Д. 5422. – Л. 143–166, 143 об. – 165 об.
22. ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 21. – Д. 4951. – Л. 125–136.
23. ГАВО. – Ф. Р1703. – Оп. 17. – Д. 2087. – Л. 80–86, 80 об. – 86 об.
24. ГАВО. – Ф. Р1703. – Оп. 21. – Д. 9984. – Л. 4.
25. ГАВО. – Ф. Р1703. – Оп. 21. – Д. 4340. – Л. 14–17, 14 об. – 17 об.
26. ГАВО. – Ф. Р1703. – Оп. 20. – Д. 4379. – Л. 82.
27. ГАВО. – Ф. Р1703. – Оп. 20. – Д. 9721. – Л. 53.

28. Гулин, К.А. Эволюция механизмов функционирования российской экономики во второй половине XX века / К.А. Гулин // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы: материалы Международной конференции. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2020. – С. 161–166.

References

- Shkaratan, O.I. Sotsialnaya stratifikatsiya: uchebnoye posobiye [Social stratification: textbook] / O.I. Shkaratan, V.V. Radaev. – Moscow: Aspekt Press, 1996. – 317 p.
- Abramov, R.N. «Strukturshchiki» i «zavodskie sotsiologi»: k istorii issledovaniy sotsialno-professionalnykh grupp v SSSR v 1960-e – 1980-e gg. ["Structuralists" and "factory sociologists": on the history of research of socio-professional groups in the USSR in the 1960s – 1980s] / R.N. Abramov // Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Research]. – 2014. – № 10. – P. 50 – 59.
- Volkov, Yu.E. Trudovoy kollektiv – shkola vospitaniya khozyayev proizvodstva [Labor collective – the school of education of the owners of production] / Yu. Volkov, Yu. Chervyakov. – Moscow: Profizdat, 1977. – 151 p.
- Blyakhman, L.S. Proizvodstvennyy kollektiv: v pomoshch rukovoditelyu [Production team: to help the manager] / L.S. Blyakhman. – Moscow: Politizdat, 1978. – 192 p.
- Omarov, A.M. Sotsialisticheskiy trudovoy kollektiv [Socialist labor collective] / A.M. Omarov. – Moscow: Politizdat, 1980. – 112 p.
- Shlykov, Yu.V. Proizvodstvennyy kollektiv v planovoy ekonomike [Production team in a planned economy] / Yu.V. Shlykov. – Tula: Priok. kn. izd-vo [Oka-area Book Publishing House], 1986. – 103 p.
- Kleyn, N.I. Predpriyatiye, direktor, trudovoy kollektiv [Enterprise, director, labor collective] / N.I. Kleyn, V.A. Rakhmilovich. – Moscow: Znaniye [Knowledge], 1989. – 64 p.
- Shkaratan, O.I. Promyshlennoye predpriyatiye: Sotsiologicheskiye ocherki [Industrial enterprise: sociological essays] / O.I. Shkaratan. – Moscow: Mysl', 1978. – 263 p.
- Shubin, A.V. Sotsialnaya struktura SSSR v kanun perestroyki [Social structure of the USSR on the eve of Perestroika] / A.V. Shubin // Otechestvennaya istoriya [National history]. – 1997. – № 4. – P. 131 – 146.
- Terentyev, A.A. Sotsialnaya struktura rossiyskogo obshchestva: proshloye i nastoyashcheye [Social Structure of Russian Society: past and present] / A.A. Terentyev. – N. Novgorod: Nizhegor. gos. ped. un-t [N.Novgorod State Pedagog. Univ.], 2003. – 72 p.
- Kordonsky, S.G. Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii [Estate structure of post-Soviet Russia] / S.G. Kordonsky. – Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoye mneniye" [Inst. of the "Public Opinion" Foundation], 2008. – 216 p.
- Smirnov V.E. K voprosu o mekhanizмах izmeneniya sotsial'noy struktury obshchestva (na primerakh iz istorii SSSR) [On the problem of the mechanisms of changing the social structure of society (using examples from the history of the USSR)] / V.E. Smirnov // Sotsiologicheskiy almanakh [Sociological Almanac]. – 2017. – № 8. – P. 374 – 387.
- Beznin, M.A. Sotsialnaya revolyutsiya, sotsialnaya transformatsiya, klassy v Sovetskoy Rossii: opravdaniye definitsiy analiza [Social revolution, social transformation, classes in Soviet Russia: justification of definitions of analysis] / M.A. Beznin, T.M. Dimoni // Sotsialnyye protsessy, vlast' i obshchestvo Rossii v XX veke: obshcherossiyskiy i regional'nyy rakurs. Sbornik nauchnykh statey [Social processes, power and society of Russia in the XX century: all-Russian and regional perspective. Collection of sci. papers]. – Vologda: Vologodskiy gosudarstvennyy universitet [Vologda State Univ.], 2018. – P. 4 – 17.
- Volkov, S. Intellektual'nyy sloi v sovetskom obshchestve [Intellectual Layer in Soviet Society] / S. Volkov. – Moscow: Nekommercheskaya org. fond «Razvitiye»: In-t nauch. inform. po obshchestvennym naukam RAN [Non-profit organization "Razvitie" Foundation: Inst. of Scientific Information on Social Sciences, RAS, 1999. – 250 p.
- Gavrilyuk, V.V. Rabochiy klass v sovetskom i rossiyskom sotsiologicheskom diskurse [The working class in the Soviet and Russian sociological discourse] / V.V. Gavrilyuk, T.V. Gavrilyuk // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Standard of living of the population of the regions of Russia]. 2018. – № 4. – P. 86 – 92.
- Lebsky, M.A. Rabochiy klass SSSR. Zhizn' v usloviyakh promyshlennogo paternalizma [The working class of the USSR. Life in the conditions of industrial paternalism] / M. Lebsky. – Moscow: Gorizont', 2021. – 247 p.
- Sotsialisticheskaya distsiplina truda: Sbornik dokumentov [Socialist discipline of labor: collection of documents] / Comp. V.A. Fomin. – Moscow, Politizdat, 1984. – 400 p.
- Demochkin, N.N. Sovetskiy rabochiy klass v upravlenii gosudarstvom [Soviet working class in governance of the state] / N.N. Demochkin. – Moscow: Mysl', 1984. – 285 p.
- Vologodskiy oblastnoy arkhiv noveishei politicheskoy istorii [Vologda Regional Archive of Modern Political History]. – F. 1880. – Op. 1. – D. 162. – L. 1 – 89.
- Ibid. – F. 3404. – Op. 1. – D. 90. – L. 50.
- Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti [State Archive of the Vologda Region]. – F. 1703. – Op. 20. – D. 5422. – L. 143 – 166, 143 ob. – 165 ob.
- Ibid. – F. 1703. – Op. 21. – D. 4951. – L. 125 – 136.
- Ibid. – F. P1703. – Op. 17. – D. 2087. – L. 80–86, 80 ob. – 86 ob.
- Ibid. – F. P1703. – Op. 21. – D. 9984. – L. 4.
- Ibid. – F. P1703. – Op. 21. – D. 4340. – L. 14–17, 14 ob. – 17 ob.
- Ibid. – F. P1703. – Op. 20. – D. 4379. – L. 82.
- Ibid. – F. P1703. – Op. 20. – D. 9721. – L. 53.
- Gulin, K.A. Evolyutsiya mekhanizmov funkcionirovaniya rossiyskoy ekonomiki vo vtoroy polovine XX veka [Evolution of the mechanisms of functioning of the Russian economy in the second half of the XX century] / K.A. Gulin // Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Rossii vo vtoroy polovine XX veka: istoki, vzglyady, protsessy. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Socio-economic development of Russia in the second half of the XX century: origins, views, processes. Materials of Intern. Conf.]. – Vologda: Vologodskiy gosudarstvennyy universitet [Vologda State Univ.], 2020. – P. 161–166.

Информация об авторе:

Гулин Константин Анатольевич – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник «Вологодского научного центра РАН»; Scopus Author ID: 54790952800, <https://orcid.org/0000-0002-4336-6331> (160034, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: gulin_k@mail.ru).

Author:

Konstantin A. Gulin – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Science Center of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 54790952800, <https://orcid.org/0000-0002-4336-6331>, (56a, Leningradskaya st., Vologda 160034, Russian Federation ; e-mail: gulin_k@mail.ru).

Для цитирования:

Гулин, К.А. Структура производственного социума в Советской России второй половины XX века: к постановке проблемы / К.А. Гулин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 171–177.

For citation:

Gulin, K.A. Structure of industrial society in Soviet Russia in the second half of the XX century: to the problem statement // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 171–177

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 08.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 08.06.2023

Accepted: 16.06.2023

Ассамблея народа Казахстана как модель межнационального единства

Е.А. Абдраимов, Т.С. Садыков

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

erla-n@mail.ru
sadykov_ts@enu.kz

Аннотация

В статье представлены сведения о предпосылках и истории создания Ассамблеи народа Казахстана. Показана основная деятельность ее структурных подразделений. Работа Ассамблеи представлена авторами как уникальный институт по обеспечению политики межэтнического и межкультурного взаимодействия. Подчеркиваются важная роль научно-экспертной группы Ассамблеи народов Казахстана и проведение ее исследований, направленных на изучение состояния и динамики межэтнических отношений. В выводах авторов обозначена основная деятельность Ассамблеи, направленная на повышение международного авторитета Казахстана как страны, эффективно решающей вопросы межэтнических отношений.

Ключевые слова:

Ассамблея народа Казахстана, модель общенационального единства, национально-культурные объединения, научно-экспертная группа, Дом дружбы

Assembly of the people of Kazakhstan as a model of interethnic unity

E.A. Abdraimov, T.S. Sadykov

L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

erla-n@mail.ru
sadykov_ts@enu.kz

Abstract

The paper presents information about the prerequisites and history of the creation of the Assembly of the People of Kazakhstan (APK). The main activity of its structural divisions is shown. In the paper, the APK is presented by the author as a unique institution for ensuring the policy of interethnic and intercultural interaction. The important role of the scientific expert group of the Assembly of the People of Kazakhstan and its research aimed at studying the state and dynamics of interethnic relations is emphasized. The author's conclusions outline the main activities of the Assembly aimed at increasing the international authority of Kazakhstan as a country that effectively solves issues of interethnic relations.

Keywords:

Assembly of the People of Kazakhstan, model of national unity, national cultural associations, scientific expert group, House of Friendship

Этнический и конфессиональный состав населения Казахстана в период его государственной независимости стал результатом переплетения на территории страны сложного комплекса многовековых миграционных процессов политического, экономического, культурного свойств.

В Казахстане сложилась уникальная полиэтническая общность, основанная на первоначальном синтезе тюркской и славянской этносоциальных групп в сочетании с другими народами [1].

В стране есть все предпосылки для реализации задачи консолидации народа, состоящего из представителей различных этносов. Это, прежде всего, Конституция Республики Казахстан (далее – РК), провозглашающая равноправие всех граждан республики независимо от этнического происхождения.

Конституция РК начинается со слов: «Мы народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, создавая государственность на исконной казахской земле...». Это торжественная фраза стала жизненной формулой для всего многонационального Казахстана.

Казахстанская модель общественного согласия и общенационального единства, исходящая из принципа «Един-

ство в многообразии» и «Одна страна – одна судьба», – это бренд страны. На это было направлено немало усилий и государственных программ [2].

Основная цель данных программ-документов – консолидация общества. Достижение этой цели обеспечивается законодательством в сфере межэтнических отношений.

Образец казахстанской этнополитики базируется на этническом многообразии, самобытности всех этносов Казахстана, при одновременном укреплении патриотизма, толерантности и согласия. Создан уникальный механизм для дальнейшего улучшения межнациональных отношений в лице Ассамблеи народов Казахстана (далее – АНК).

Обратимся к истории. Формирование этнического состава Республики Казахстан прошло сложный путь, особенно в XX в. Этническая трагедия, связанная с голодом 1921–1922 гг., коллективизацией 1930-х гг., во время которой в Казахстане погибло около 40 % казахов, а также демографические волны из европейских районов Советского Союза, привели к тому, что казахи на своей исконно исторической земле в этот период времени стали этническим меньшинством [3].

В большей степени этому способствовали целые группы переселенцев из числа репрессированных путем механического переведения в Казахстан, в частности, Акмолинскую область, появление потомков тех, кто был направлен в концентрационные лагеря в эпоху тоталитаризма, а также массовые депортации 30–40-х гг. прошлого века.

Переселенческое движение не было планомерным. Максимальное количество мигрантов в Казахстане зафиксировано в 1908 г. Уже в первые годы после образования переселенческих сел между коренным населением и новоселами стали устанавливаться хозяйственные, торговые и дружеские отношения. На территории Казахстана, особенно в северных и центральных регионах, в начале XX в. начала складываться сложная мультикультурная, поликонфессиональная и полиэтническая структура населения [4].

В последующие годы страна испытывала различные исторические катаклизмы, приведшие к трагическим последствиям. Наряду с этими событиями продолжалось формирование многонационального населения.

После Великой Отечественной войны на территорию Казахстана были принудительно переселены многие народы, хотя депортация началась уже в предвоенные годы.

Демографические процессы, происходившие в советский период на территории Казахстана, можно разделить на этапы:

1. 20–30-е гг. XX в. Голод 1921–1922 гг., связанный с Октябрьской революцией и последствиями Гражданской войны, и 1929–1933 гг. – массовая коллективизация кочевого населения казахов.

2. 40-е гг. XX в. – депортация репрессированных народов в Казахстан и другие связанные с ней миграции в данный регион.

3. 50-е гг. XX в. – миграционные процессы в периоды кампании по освоению целинных и залежных земель и промышленного строительства [5].

В результате данных демографических процессов на конец XX в. многонациональное население Казахстана представлено более чем 100 этносами: казахи, русские, украинцы, немцы, белорусы, татары, поляки, ингуши, чеченцы, башкиры, молдаване, удмурты, мордва, азербайджанцы, корейцы, марийцы, армяне, чуваша, греки, узбеки, цыгане, литовцы, грузины, курды, уйгуры и мн. др.

Одной из особенностей этнодемографических ситуаций в стране является факт совместного проживания в основном славянских и тюркских народов, которые имеют разные культурологические и демографические основы, что помогает гармонизации отношений между ними на основе взаимодополняемости.

Процессы кардинальных преобразований экономических политических основ, происходящие на протяжении 90-х гг. XX в., привнесли изменения в систему социальных отношений, что отразилось на всех сферах жизни, культуры и быта населения, обладающие равноправным характером для всех этносов республики, обусловили изменение этнокультурного обмена, что в свою очередь, повлекло за собой возникновение становления и закрепления самобытности и самоорганизации этнических культур раз-

ных конфессий, проживающих на территории Республики Казахстан [там же].

С начала 90-х гг. XX в. появились очертания новых тенденций в миграционном движении этносов, оживилась репатриация этнических казахов.

После обретения Казахстаном независимости, перед страной было поставлено решение важнейших задач. Особняком стояла проблема межэтнических отношений. Поэтому в первую очередь в становлении государства главная роль отводилась развитию и углублению демократических преобразований, защите прав и свобод каждого гражданина независимо от его национальной принадлежности, формированию одинаковых условий развития личностных качеств. Вопросы возрождения духовности и культуры этносов, населяющих страну, толерантности поднялись до уровня государственной политики республики. В 1992 г. на Первом Форуме народов Казахстана, посвященном первой годовщине Независимости, была впервые высказана Первым Президентом страны Н.А. Назарбаевым идея создания Ассамблеи народа Казахстана.

Ассамблея народа Казахстана была образована в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. как консультативно-совещательный орган при Главе государства.

Для проведения национальной политики на местах по указу Президента были созданы структурные подразделения – малые Ассамблеи народа Казахстана. В регионах структуру Ассамблеи возглавляют акимы областей. Состав Ассамблеи и ассамблей областей, города республиканского значения и столицы формируется из числа представителей этнокультурных и иных общественных объединений, госорганов и иных лиц с учетом их авторитета в обществе. В функции региональных АНК входило обеспечение прямой связи местной власти и гражданского общества и контроль над выполнением конкретных поручений Главы государства.

Деятельность Ассамблеи направлена на решение следующих задач:

- содействие сохранению в республике межнационального и межконфессионального согласия, стабильности в обществе;
- выработка предложений по проведению государственной политики, способствующей развитию дружественных отношений между представителями национальностей, проживающими на территории Казахстана, содействие их духовно-культурному возрождению и развитию на основе соблюдения принципа равноправия;
- формирование политической культуры граждан, опирающейся на цивилизованные и демократические нормы;
- обеспечение учета многообразных национальных интересов в проводимой государством национальной политике;
- поиск компромиссов для разрешения возникающих в обществе социальных противоречий.

В 2007 г. в Конституцию РК был внесен ряд поправок. Ассамблее народов Казахстана был придан конституционный статус, согласно которому она получила право избирать

девять депутатов в Мажилис Парламента. В рамках конституционной реформы увеличились статус и полномочия АНК.

20 октября 2008 г. Президент подписал закон «Об Ассамблее народа Казахстана», не имеющий аналогов в мире. Ассамблея народов Казахстана стала полноправным субъектом политической системы страны, были определены нормативные правовые основы ее деятельности [6].

Состав АНК формируется из числа представителей государственных органов, национально-культурных и других общественных объединений, а также иных лиц с учетом их авторитета в обществе, общественно-политической активности. Рабочим органом АНК является Секретариат, структурно входящий в состав Администрации Президента РК.

Общественное согласие не может поддерживаться искусственно – общество и само должно участвовать в этом процессе на основе взаимодействия государственных и гражданских институтов. Поэтому АНК активно взаимодействует в общенациональном масштабе с гражданским сектором, международными организациями, государственными структурами, научной и творческой интеллигенцией, средствами массовой информации, тем самым обеспечивая формирование и развитие этнополитических и этнокультурных компетенций для интеграции национальной идеологии и принципов казахстанской идентичности в систему новых общественных отношений.

В данном направлении еще больше актуализируется научная и аналитическая составляющая Ассамблеи, мозговым центром которой является Научно-экспертный совет (далее – НЭС), в состав которого входят ведущие специалисты различных областей социального знания.

Научно-экспертный совет при АНК создан по инициативе Первого Президента еще в 2009 г. Его задача – координация научно-исследовательских работ в сфере межконфессиональных отношений, содействие укреплению роли Ассамблеи как гражданского института.

В целях взаимодействия АНК и местных органов исполнительной власти на региональных уровнях при аппаратах акимов областей функционируют секретариаты АНК, Дома дружбы (далее – ДД) [7].

Дома дружбы областного уровня претерпели концептуальные изменения в связи с созданием в 2015 г. коммунальных государственных учреждений «Қоғамдық келісім» при акиматах областей на базе существующих ДД для обеспечения работы региональной АНК.

В ДД работают воскресные школы, в которых изучаются государственный и английский языки, языки этносов, действуют этнокультурные объединения. Созданы отделы научно-экспертного сопровождения, анализа и мониторинга сферы межэтнических отношений. Важным направлением деятельности ДД является усиление работы с этнокультурными объединениями по формированию казахстанской идентичности.

На сегодняшний день востребованность ДД как реальной формы работы с населением, как источника, стимулирующего развитие социальных и гражданских инициатив, обусловлена тем, что они являются ресурсным, культурным и методическим центром для этнокультурных объединений; центром формирования и распространения

идей единства, межэтнического согласия, пропаганды казахстанского патриотизма; центром оказания финансово-методической помощи по поддержке приоритетных проектов, направленных на укрепление общественного согласия и национального единства, центром проведения культурно-массовых мероприятий.

В стенах ДД ведут свою деятельность многочисленные структурные подразделения. Так, в ДД г. Астаны активно работают и развиваются этнокультурные объединения, этнолингвистические школы, кабинет медитации, Совет общественного согласия, Совет матерей, Научно-экспертная группа, РОО «Ассамблея жастары», Центр координации благотворительной деятельности «Парасат», Медиа-центр, Центр ремесленного творчества «Аналар Аманаты».

Во всех регионах работают Научно-экспертные группы (далее – НЭГ), которые ведут работу по научно-экспертному сопровождению региональных ассамблей.

Деятельность НЭГ АНК, в которую входят ведущие ученые различных направлений: политологии, истории, филологии, социологии, экономики, трудно переоценить.

Научно-экспертная группа АНК является интеллектуальной площадкой по продвижению идей Главы государства по модернизации страны. Но основное направление ее деятельности – изучение социального самочувствия населения и его влияние на стабильность гражданского общества. Главный принцип в этом деле – наука должна помогать властям в реализации задач, стоящих перед обществом.

Ежегодно, раз в квартал, проводится мониторинг межэтнической ситуации в столице Казахстана. Составляется специальная анкета, по которой проводится опрос населения.

Одним из важнейших направлений НЭГ АНК являются исследования, направленные на формирование исторической памяти народа Казахстана. Так, в 2022 г. при непосредственном участии членов НЭГ АНК г. Астаны как авторов-составителей успешно состоялась презентация книги «Ақмолинский регион в архивных документах (20–40 гг. XX в.)». Главная задача данного исследования – сохранение исторической памяти. В противном случае искажение исторического прошлого может способствовать росту околонационалистических концепций, подрыву стабильности в стране, что совершенно не допустимо.

Сборник документов содержит архивные материалы о коренных изменениях в общественно-политической жизни и традиционном хозяйстве Ақмолинского региона в 1920–1940-е гг. XX в., борьбе и деятельности народных представителей на пути к свободе, последствиях военно-политической обстановки и голодомора. Это повествование о боли людей, потерявших нажитое имущество при конфискации, о судьбе вынужденных беженцев. Кроме этого, в сборник включены приказы и распоряжения, постановления и решения, связанные с политическими кампаниями и массовыми репрессиями, жалобы и требования преследуемых местных жителей, статистические данные, а также списки лиц, лишенных политических прав.

Перспективным и значимым направлением деятельности НЭГ является работа с молодежью. Ежегодно проводится конкурс студенческих научных работ на тему межэтнического согласия среди студентов высших учебных заведений. По итогам социологических исследований и наблюдений, проведенных в 2022 г. НЭГ АНК г. Астаны при работе с молодежью, были обозначены особые моменты, на которые необходимо обратить внимание. Достаточно высокую обеспокоенность вызывает недостаточный уровень знания государственного языка у представителей этносов. В данной связи НЭГ дает рекомендации о необходимости повышения уровня качества преподавания казахского языка не только в учебных заведениях, но и в госучреждениях и на предприятиях.

Научно-экспертные группы призывают членов Ассамблеи активнее пропагандировать знание государственного языка, привлекая к данной работе все население страны, независимо от профессии, возраста, социального положения.

Подводя итоги вышесказанного, отметим, что Ассамблея объединяет все национально-культурные центры и всех представителей этнических объединений, населяющих Казахстан, и носит высокий статус консультативно-совещательного органа при Президенте Республики Казахстан. Этнокультурным центрам отводится важная миссия быть мостами культурного диалога между Казахстаном и их исторической родиной [8].

Межэтническая политика сделала Казахстан страной, чей опыт гражданского мира и согласия признан ценным в мировом сообществе. Благодаря целенаправленной, грамотной, взвешенной национальной политике, проводимой руководством страны и поддержанной народом, Республика Казахстан демонстрирует всему миру эффективную политику в сфере межэтнических отношений, где большая роль отводится Ассамблее народа Казахстана, как уникальному и эффективному механизму в реализации национальной политики и межнационального диалога.

Сегодня Казахстан – это поликультурное общество с бщечеловеческими ценностями. Стержнем достигнутой духовной интеграции является многовековая толерантная и открытая культура казахского народа. Духовная идентичность дополняет гражданское и политическое единство наших соотечественников, что становится еще одним краеугольным камнем укрепления независимости государства и консолидации общества в XXI в.

Создание Ассамблеи народа Казахстана стало мощным импульсом к формированию общественно-государственной системы поддержания межэтнического согласия и гражданского мира в республике. Ни в одной стране мира нет подобного авторитетного и представительного инструмента национальной политики.

Ассамблея народа Казахстана – это не только влиятельный, но и действенный институт гражданского общества, представляющий интересы всех этнических групп Казахстана. Благодаря своей деятельности, Ассамблея превратилась в поистине авторитетный общественный институт по регулированию межнациональных отношений, став уникальной евразийской моделью диалога культур.

Источники

1. Национальная идея // Казахстанская правда. – 2001. – 20 янв. – С. 1.
2. Новый Казахстан в новом мире. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 28 февраля 2007 г. // Казахстанская правда. – 2007. – 1 марта.
3. Асылбеков, М.Х. Казахи (демографические тенденции 80–90-х гг.) / М.Х. Асылбеков, В.В. Козина. – Алматы: Оркениет, 2000. – 136 с.
4. Артыкбаев, Ж.О. История Казахстана / Ж.О. Артыкбаев. – Астана, 2004. – 159 с.
5. Социально-демографические процессы в Казахстане (1897–1992 гг.). – URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9314> (дата обращения: 20.03.2023).
6. Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.07.2014 г.). – Алматы: Юрист, 2014.
7. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 2022 года № 1014. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014> (дата обращения: 20.03.2023).
8. Сулейменов, А. История Ассамблеи – это истории независимости / А. Сулейманов. – URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/3968> (дата обращения: 20.03.2023).

References

1. Nacionalnaya ideya [National idea] // Kazakhstanskaya Pravda newspaper. 2001. January 20. P. 1.
2. Noviy Kazakhstan v novom mire. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 28 fevralya 2007 g. [New Kazakhstan in a new world. Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the People of Kazakhstan dated February 28, 2007] // Kazakhstanskaya Pravda newspaper. 2007. March 1, 2007.
3. Asylbekov, M.Kh. Kazahi (demograficheskie tendencii 80–90-h gg.) [The Kazakhs (demographic trends of the 1980–1990s)] / M.Kh. Asylbekov, V.V. Kozina. – Almaty: Orkeniyet, 2000. – 136 p.
4. Artykbaev, Zh.O. Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan] / Zh.O. Artykbaev. – Astana, 2004. – 159 p.
5. Socialno-demograficheskie processy v Kazakhstane [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1897–1992)]. – [Electronic resource]. — Access mode: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9314>
6. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 20 oktyabrya 2008 goda No. 70-IV "Ob Assamblee naroda Kazakhstana" (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 04.07.2014 g.) [Law of the Republic of Kazakhstan dated October 20, 2008 No. 70-IV "On the Assembly of the People of Kazakhstan" (with amendments and additions as of 04.07.2014)]. – Almaty: Yurist [Lawyer], 2014.
7. Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya Assamblei naroda Kazakhstana na 2022–2026 gody. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 sentyabrya 2022 goda Non. 1014 [On approval of the Concept of Development of the Assembly

of the People of Kazakhstan for 2022–2026. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 15, 2022 No. 1014]. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014>

8. Suleimenov, A. Istoriya Assamblei – eto istoriya nezavisimosti [The history of the Assembly is the history of independence] / A.Suleimenov. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://e-history.kz/ru/news/show/3968>

Информация об авторах:

Абдраимов Ерлан Азимбекович – докторант исторического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2, e-mail: erla-n@mail.ru).

Садыков Тлеген Садыкович – доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2, e-mail: sadykov_ts@enu.kz).

Author:

Yerlan A. Abdraimov – Doctoral student of the Faculty of History of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, (2, Satpaev st., Astana 010008, Kazakhstan, e-mail: erla-n@mail.ru).

Tlegen S. Sadykov – Dr. Sci. (History), Prof. of L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpaev st., Astana 010008, Kazakhstan, e-mail: sadykov_ts@enu.kz).

Для цитирования:

Абдраимов, Е.А. Ассамблея народа Казахстана как модель межнационального единства / Е.А. Абдраимов, Т.С. Садыков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. (дата обращения: 20.03.2023). – № 5 (63). – С. 178–182.

For citation:

Abdraimov, E.A. Assembly of the people of Kazakhstan as a model of interethnic unity / E.A. Abdraimov, T.S. Sadykov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 178–182.

Дата поступления статьи: 10.04.2023

Прошла рецензирование: 14.04.2023

Принято решение о публикации: 17.04.2023

Received: 10.04.2023

Reviewed: 14.04.2023

Accepted: 17.04.2023

Я.Н. Безносиков – основоположник региональной исторической культурологии

И.Л. Жеребцов, А.А. Попов

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
doctor_popov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена видному коми ученому, первому в Коми республике доктору исторических наук Я.Н. Безносикову. Освещен вклад исследователя в изучение истории культуры Европейского Северо-Востока, в развитие гуманитарной академической и вузовской науки в регионе. Делается вывод, что труды Я.Н. Безносикова можно считать фундаментом региональной исторической культурологии в Республике Коми, а самого ученого – ее основоположником. Приводятся некоторые биографические сведения.

Ключевые слова:

история Коми, культурология, национальная культура, историография, образование

Статья приурочена к 105-летию со дня рождения ученого.

В 2023 г. исполнилось 105 лет со дня рождения **Якова Николаевича БЕЗНОСИКОВА**, видного коми историка, первого в Коми республике доктора исторических наук, внесшего крупный вклад в изучение истории культуры Европейского Северо-Востока, в развитие гуманитарной академической и вузовской науки в регионе. Жизни и деятельности Я.Н. Безносикова посвящено несколько публикаций различного характера и объема [1–6]. В настоящей работе основное внимание уделено роли Я.Н. Безносикова в развитии историко-культурологических исследований в Коми республике, также приводятся краткие биографические сведения.

Я.Н. Безносиков родился 3 января 1918 г. в с. Спаспору на р. Лузе. В 1925 г. он поступил в спаспуровскую начальную школу, закончил ее в 1929 г., но продолжить учебу не смог – средней школы в селе не было. В возрасте 11 лет Я. Безносикову пришлось заниматься тяжелым крестьянским трудом в семейном хозяйстве, наниматься пастухом к односельчанам, а в зимнее время устраиваться на лесозаготовки рабочим-возчиком. В 1930 г. в Спаспору открылась неполная средняя школа, и в 1931 г. Я. Безносиков

Ya.N. Beznosikov – the founder of regional historical cultural studies

I.L. Zherebtsov, A.A. Popov

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
doctor_popov@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to the prominent Komi scientist, the first Doctor of Historical Sciences in the Komi Republic, Ya.N. Beznosikov who made a major contribution to the study of the history of culture of the European North-East, to the development of humanitarian academic and university science in the region. It is concluded that the works of Ya.N. Beznosikov can be considered the foundation of regional historical cultural studies in the Komi Republic, and the scientist himself – its founder. Some biographical information is provided.

Keywords:

Komi history, cultural studies, national culture, historiography, education

снова сел за парту. Завершал свое среднее образование он в школе райцентра с. Объячево, по окончании которой в 1937 г. с июня месяца работал инспектором Прилузского райотдела народного образования, занимался проблемами культурно-просветительных учреждений, затем школами района (из чего можно заключить, что будущий научный интерес к проблемам культуры и образования возник не на пустом месте), а в августе 1938 г. уехал в Сыктывкар и поступил в Коми государственный педагогический институт (далее – КГПИ) на факультет языка и литературы. Способности к учебе и исследовательской работе проявились очень быстро: Я.Н. Безносиков принимал активное участие в научном литературном кружке КГПИ, получал персональную стипендию им. И.А. Куратова. В 1939 г. он стал кандидатом в члены ВКП(б), в 1940 г. – членом компартии [1].

Учебу прервала Великая Отечественная война. В июне 1941 г. Я.Н. Безносиков стал слушателем военно-инженерного училища в г. Архангельске. Затем в течение года последовал калейдоскоп перемен: младший командир запаса полка в Архангельске, курсант пехотного училища в Череповце, командир взвода, курсант курсов повышения квалификации командного состава, командир роты противотанковых ружей на Западном фронте... С августа 1942 г.

по 5 сентября 1943 г. он непрерывно находился на передовых позициях на фронте. Затем Я.Н. Безносикова тяжело ранило, его отправили в госпиталь – вначале в Череповец, затем в г. Иркутск. Там он одновременно с лечением в мае 1944 г. смог экстерном сдать экзамены за 4-й курс Иркутского пединститута [7, с. 6–7]. После демобилизации Я.Н. Безносиков в июне 1944 г. вернулся домой, в Спаспоров. Его вклад в Победу отмечен орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией».

С августа 1944 г. по октябрь 1945 г. Я.Н. Безносиков работал директором спаспоровской школы. Совмещая работу в школе, стал готовиться к сдаче экзаменов за так и не оконченные курсы Коми пединститута, которые летом 1945 г. успешно сдал экстерном. В октябре 1945 г. он стал слушателем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), по окончании которой приехал в Сыктывкар и в течение почти пяти лет (с сентября 1946 г. до августа 1951 г.) трудился в аппарате Коми обкома компартии: пропагандистом, лектором, руководителем лекторской группы, заведующим сектором пропаганды. В 1948 и 1949 гг. в газетах «За новый Север» [8] и «Вөрлэдзись» [9] появились две его первые публикации. Первая журнальная статья Я.Н. Безносикова вышла в 1949 г. [10], в 1950 г. он издал методическое пособие для лекторов [11]. В 1950–1951 гг. Я.Н. Безносиков опубликовал еще три статьи в журнале «Войвыв кодзув», также продолжал печататься в газетах. Эти публикации носили, в основном, политико-пропагандистский и просветительский характер, но одну журнальную статью, вышедшую в 1951 г., следует отметить особо – работу «Хозяйственное и культурное развитие Коми АССР», в которой Я.Н. Безносиков впервые обратился к истории развития культуры в Коми [12].

С осени 1951 г. до июня 1954 г. Я.Н. Безносиков учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. В этот период он опубликовал еще одну статью политико-просветительского характера в журнале «Войвыв кодзув» в 1953 г., написал и в мае 1954 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Борьба КПСС за воспитание трудящихся в духе советского патриотизма в послевоенный период (1946–1953)» (естественно, что в организации, в которой писалась работа, могла иметь место только подобная тематика).

Вернувшись в Сыктывкар, Я.Н. Безносиков заведовал отделом пропаганды и агитации Коми обкома КПСС, а с марта 1955 г. являлся заместителем председателя Совета Министров Коми АССР. Он был депутатом Верховного Совета Коми АССР, кандидатом в члены Коми обкома КПСС, публиковал статьи в журнале «Войвыв кодзув» [13, 14] и газете «Красное знамя» [15]. Отметим, что эти публикации отражают постепенный переход Я.Н. Безносикова от политико-просветительской тематики к истории Коми, истории народного образования. Важным шагом стал выход обстоятельной работы «Культурное строительство в Коми АССР», ставшей ярким показателем углубления интереса Я.Н. Безносикова к историко-культурной проблематике [16]. В ней, в частности, автор впервые показал общую картину развития искусства Коми в 1920–1950-х гг. [17, с. 94].

В конце 1958 г. начался новый и, без сомнения, главный этап жизни Я.Н. Безносикова – период активной научной и научно-педагогической деятельности. С ноября 1958 г. по декабрь 1961 г. Я.Н. Безносиков являлся заместителем председателя Президиума Коми филиала АН СССР, курировал гуманитарные науки и в первую очередь исторические исследования сотрудников филиала, руководил подготовкой второго тома «Очерков по истории Коми АССР», посвященного послереволюционному периоду. В это время появились его первые публикации в академических научных изданиях Коми филиала АН СССР. Обстоятельная статья «Первые шаги культурной революции в Коми крае» [18] стала в значительной мере и его первым шагом, «академическим первым шагом» к наивысшему научному достижению – докторской диссертации. А статья «Развитие науки в Коми АССР» [19] – первой специальной работой по истории научного строительства в регионе, подготовленной профессиональным историком [20, с. 105, 106]. (Слово «первый» вообще довольно часто можно применять к научной деятельности Я.Н. Безносикова. Забегая вперед, отметим, что позднее он стал также соавтором первой научной публикации, посвященной развитию исторических исследований в Коми [21]). В 1961 г. список трудов Я.Н. Безносикова включал 32 работы, 14 из которых были опубликованы.

До конца 1961 г. этнографы, археологи и историки Коми филиала АН СССР работали в составе одного отдела, но затем назрела необходимость организации самостоятельного отдела этнографии и археологии, который и был создан в декабре 1961 г. Возглавил его Я.Н. Безносиков [1]. Поначалу в отделе насчитывалось семь научных и четыре научно-технических работника и один аспирант, в том числе Л.Н. Жеребцов, Э.А. Савельева, Г.М. Буров, В.И. Каневец, В.Е. Лузгин. В 1966 г. в отделе трудилось уже 10 научных и шесть научно-технических сотрудников. Как заведующий отделом Я.Н. Безносиков немало сделал для развития этнографических и археологических исследований в Коми республике, организовал успешную работу коллектива, являлся ответственным редактором пяти научных сборников статей, изданных Коми филиалом АН СССР, в том числе издающихся и в настоящее время «Материалов по археологии Европейского Северо-Востока», одним из инициаторов выпуска которых он являлся. По его инициативе стал составляться «Свод памятников истории и культуры Коми АССР». Как отмечает Э.А. Савельева, ученый был также в числе инициаторов организации первого в Коми филиале АН СССР музея археологии [22, с. 39].

Совместно с Л.Н. Жеребцовым и Ю.В. Гагариным Я.Н. Безносиков проделал большую работу по вопросу создания в Коми АССР музея-заповедника. Соавторы обосновали необходимость его организации. Наиболее подходящим местом для музея они признали местечко Красная Гора близ Сыктывкара и часть старого города, прилегающую к Вознесенской церкви в Кируле, где имелась возможность создания типичного пейзажа северной деревни с церковью на видном месте. Сам музей, по их мнению, должен был состоять из коми и русского секторов. Коми сектор предполагалось разделить на пять частей, в каждой из которых были

бы представлены традиционные постройки крупных этнографических районов: Лузско-Летского, Сясьско-Вычегодского, Вымско-Вычегодского, Удорского и Ижемского. Русский сектор планировали поделить на две части, посвященные русскому крестьянскому быту верховьев Печоры, нижней Печоры, нижней Лузы, низовьев Вычегды, и русскому заводскому быту (Серегово, Нювчим, Кажим) [23, 24]. К сожалению, труд Я.Н. Безносикова и его коллег в конечном итоге оказался проделанным напрасно: идея музея под открытым небом так и не была воплощена в жизнь.

Главное внимание Я.Н. Безносиков уделял изучению истории развития культуры, просвещения и науки в Коми. До обращения Я.Н. Безносикова к этой важной теме ее историография представляла собой несколько небольших работ Н.А. Михеева, Е.П. Перунова и В.Н. Давыдова по конкретным вопросам истории народного образования и культуры [25, с. 15]. Я.Н. Безносиков проделал огромную работу по выявлению, анализу и интерпретации колоссального фактического материала из первоисточников. Во втором томе «Очерков по истории Коми АССР» он выступил в качестве основного автора разделов по истории культуры республики [26], в которых, как отмечает историк О.В. Золотарев, «фактически в первый раз связно изложена <...> история культурных изменений, произошедших на коми земле» [27, с. 34]. В 1960-х–начале 1970-х гг. ученый подготовил также очерк о развитии культуры в советский период для «Очерков истории Коми партийной организации» (1964), обзорную статью к картам культурного строительства в первом и на долгое время единственном научном «Атласе Коми АССР» (1964) и другие публикации. В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН хранятся два многотомных научных отчета, подготовленных ученым по итогам его работы над плановыми темами «Культурная революция в Коми АССР» [28] и «Развитие культуры в Коми АССР» [29] в 1961–1971 гг. Современные исследователи отмечают, что в указанных работах в соответствии с реалиями того времени развитие культуры в советский период представлялось гладко идущим по нарастающей, беспроblemным процессом, не говорилось об имевших место недостатках и трудностях. Однако труды Я.Н. Безносикова выгодно отличаются использованием большого числа новых источников, научностью их интерпретации и стремлением представить последовательный и полный анализ происходивших в культурной жизни региона изменений [27, с. 34, 35]. В 1965 г. Я.Н. Безносикову было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника.

Важнейшим итогом плодотворной научно-исследовательской деятельности Я.Н. Безносикова того периода стала диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук «Культурная революция в Коми АССР», завершенная в 1967 г. [30]. В 1968 г. в Москве издательство «Наука» выпустило его монографию на эту тему [31], и в том же году в институте Истории АН СССР успешно прошла защита диссертации. Я.Н. Безносиков стал первым (и на более чем десятилетие – единственным) коми историком – доктором наук. Фундаментальный труд «Культурная революция в Коми АССР» стал первым и длительное время являлся единственным в историографии академическим

научным исследованием обобщающего характера по истории культуры Коми АССР XX в. В нем получили освещение проблемы развития системы народного образования, становления коми национальной школы, деятельности учреждений культуры, самодеятельного художественного творчества, профессионального искусства, литературы, печати, книгоиздания, научных исследований, подготовки кадров для народного хозяйства, формирования интеллигенции и др. Разумеется, этой работе также присущи были те черты, которые характеризовали идеологическую функцию советской исторической науки тех лет. Но конкретно-исторический анализ исследуемых в ней вопросов был выполнен на высоком профессиональном уровне и не утратил своего научного значения [25, с. 15, 18].

В 1971 г. Я.Н. Безносикову было присвоено ученое звание профессора. 28 августа 1972 г. ученый оставил работу в Коми филиале АН СССР и был направлен в Коми пединститут для укрепления преподавательских кадров. В это время он являлся автором 42 научных работ, 36 из которых были опубликованы. В КГПИ Я.Н. Безносиков возглавил кафедру истории КПСС, занимался преподавательской работой, руководил аспирантами (несколько сотрудников Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, в их числе и один из авторов данной статьи, защитили кандидатские диссертации под его руководством), продолжал вести научные исследования. В 1973 г. была издана его монография «Развитие народного образования в Коми АССР» [32], в которой прослежена история зарождения школьной сети на территории Коми края, поэтапно раскрыт процесс развития народного образования в советский период, показаны особенности развития школьной системы, приведен большой фактический материал о росте сети школ и специальных учебных заведений, их роли в подготовке кадров. Основное внимание автор уделил истории становления и развития советской общеобразовательной школы, а также профессионально-технических училищ, средних и высших учебных заведений. Отдельно следует отметить, что в работе говорится не только об успехах в развитии народного образования в советский период, но и о некоторых трудностях, которые имели место, например, о недостаточном финансировании школ в начале 1920-х гг. [32, с. 32]. В 1976 г. Я.Н. Безносиков по состоянию здоровья вынужден был оставить заведование кафедрой, но остался на кафедре, занимал должность профессора. В 1978 г. ему присвоили почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Большое внимание Я.Н. Безносиков уделял источниковой базе исследований, доступности материалов для более широкого круга исследователей. Большую роль в этом играла публикация документов, особенно архивных. Ученый провел основную работу по научному редактированию двух сборников документов, посвященных культурному строительству в Коми АССР в 1918–1960 гг., изданных в 1979 и 1984 гг. [33; 34]. По оценке современных историков, сборники содержат очень ценную подборку материалов по истории культурного строительства в Коми, имеющих чрезвычайно важное значение для изучения данного процесса

[27, с. 37]. Я.Н. Безносиков являлся также одним из авторов коллективного труда «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней», вышедшей двумя изданиями в 1978 и 1981 гг. [35; 36], и в составе ее авторского коллектива в 1982 г. стал лауреатом Государственной премии Коми АССР в области науки.

В 1986 г. увидела свет книга Я.Н. Безносикова «Рассвет над Коми: Очерк истории культурного строительства в Коми АССР» [37]. В ней дана сжатая характеристика истории культурного просвещения в Коми крае XIX – начала XX вв., а основное внимание уделено советскому периоду. Автор рассмотрел процесс возникновения и развития культурно-просветительных кружков и клубных учреждений, периодической печати, книгоиздания, библиотечной работы, кинофикации, радиофикации, искусства. В какой-то степени работа повторяла положения изданных ранее (в 1968 и 1973 гг.) монографий автора, но в ней приведены и весьма значительное количество новых данных за период с середины 1970-х до середины 1980-х гг. Последняя прижизненная публикация Я.Н. Безносикова появилась в 1987 г. Это была коллективная работа «Очерки истории Коми областной организации КПСС». Я.Н. Безносиков являлся научным редактором издания, автором и соавтором трех очерков и заключения [38]. Всего ученый написал более 150 работ.

В конце 1980-х гг. Я.Н. Безносиков задумался о том, чтобы заняться изучением истории родного села Спаспурб и предлагал одному из авторов представленной статьи взять на себя дореволюционный период, а сам намеревался осветить историю Спаспурба начиная с 1917 г. Приступить к задуманному он предполагал с большой публикацией об истории села в газете «Красное знамя». Осуществить эту идею, увы, не удалось: 17 сентября 1989 г. Я.Н. Безносиков ушел из жизни.

Результаты исследований Я.Н. Безносикова получили высокую оценку российских ученых, таких как М.П. Ким, Ю.С. Борисов, Л.М. Зак [25, с. 16]. И.И. Попов, анализируя историографию истории культуры, отмечал, что «среди северных историков научной активностью, несомненно, выделялся Я.Н. Безносиков из Коми филиала АН СССР. Своими исследованиями он вносил определенный вклад в разработку как общетеоретических проблем и понятий ("культурная революция", "культура", "национальная культура" и др.), так и конкретных вопросов» [39]. Я.Н. Безносиков был вдумчивым исследователем, видным организатором науки. Его труды можно считать фундаментом региональной исторической культурологии в Республике Коми, а самого ученого – ее основоположником. В последующие десятилетия региональная историография культуры, опираясь на заложенные Я.Н. Безносиковым основы, получила дальнейшее развитие. Опубликована большая серия различных научных работ, библиография которых насчитывает десятки названий (статей и монографий). Защищен ряд диссертаций [40–43]. Только за последние годы выполнены несколько крупных проектов историко-культурологической тематики. В рамках государственного задания историками Института языка, литературы и истории в 2012–2016 гг.

разработана плановая тема «Социокультурная динамика российской северной провинции в конце XIV–начале XXI веков: на материалах Республики Коми» (руководитель: д.и.н. А.А. Попов). К 100-летию Коми автономии в 2021 г. издана обобщающая работа «Историко-культурное достояние Республики Коми» (проект Министерства культуры Республики Коми, руководитель: д.и.н. И.Л. Жеребцов) [44].

Литература

1. Я.Н. Безносиков (1918–1989) // Научный поиск продолжается / отв. ред. А.Д. Напалков. – Сыктывкар, 1995. – С. 95–97.
2. Россохин, Л. Безносиков Яков Николаевич / Л. Россохин // Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997. – Т. 1. – С. 250.
3. Безносиков Яков Николаевич // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН / сост. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2000. – С. 27–29.
4. Курочкин, М. Учитель учителей / М. Курочкин // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 573.
5. Жданов, Л.А. Он посвятил себя науке / Л.А. Жданов // Сыктывкар и сыктывкарцы. – Сыктывкар, 2004. – С. 211–214.
6. Яков Николаевич Безносиков. – Сыктывкар, 2008.
7. Жданов, Л.А. Труден путь к вершинам науки / Л.А. Жданов // Яков Николаевич Безносиков. – Сыктывкар, 2008. – С. 5–12.
8. Безносиков, Я.Н. 50 лет I съезда РСДРП / Я.Н. Безносиков // За новый Север. – 1948. – № 52.
9. Безносиков, Я.Н. Торжество ленинской национальной политики / Я.Н. Безносиков // Вёрлэдзись. – 1949. – № 181.
10. Безносиков, Я.Н. С.М. Киров – пламенный народный трибун / Я.Н. Безносиков // Войвыв кодзув. – 1949. – № 11.
11. Безносиков, Я.Н. Советы лектору / Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар, 1950.
12. Безносиков, Я.Н. Хозяйственное и культурное развитие Коми АССР / Я.Н. Безносиков // Войвыв кодзув. – 1951. – № 2.
13. Безносиков, Я.Н. 35 лет Коми АССР / Я.Н. Безносиков // Войвыв кодзув. – 1956. – № 8.
14. Безносиков, Я.Н. За новый этап в развитии советской школы / Я.Н. Безносиков // Войвыв кодзув. – 1958. – № 12.
15. Безносиков, Я.Н. За тесную связь науки с прошлым / Я.Н. Безносиков // Красное знамя. – 1959. – 30 дек.
16. Безносиков, Я.Н. Культурное строительство в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар, 1957.
17. Козлова, Д.Т. Развитие профессионального искусства в Республике Коми (обзор литературы) / Д.Т. Козлова // Историография Коми. – Сыктывкар, 1999. – С. 93–100.
18. Безносиков, Я.Н. Первые шаги культурной революции в Коми крае / Я.Н. Безносиков // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1960. – Вып. 6. – С. 50–67.
19. Безносиков, Я.Н. Развитие науки в Коми АССР / Я.Н. Безносиков // Труды Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1961. – № 11. – С. 3–9.

20. Малкова, Т.А. Научное строительство в Республике Коми (обзор литературы) / Т.А. Малкова // Историография Коми. – Сыктывкар, 1999. – С. 101–110.
21. Безносиков, Я.Н. Исторические исследования в Коми АССР за годы Советской власти / Я.Н. Безносиков, В.Н. Давыдов // Социалистические преобразования северной деревни. – Вологда, 1970. – С. 104–119.
22. Савельева, Э.А. Памяти Якова Николаевича Безносикова / Э.А. Савельева // Яков Николаевич Безносиков. – Сыктывкар, 2008. – С. 39–41.
23. Безносиков, Я.Н. К вопросу о создании в Коми АССР музея-заповедника / Я.Н. Безносиков, Ю.В. Гагарин, Л.Н. Жеребцов // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 187. – 40 мпс.
24. Безносиков, Я.Н. К вопросу о создании в Коми АССР музея-заповедника / Я.Н. Безносиков, Л.Н. Жеребцов, Ю.В. Гагарин // Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. – Сыктывкар, 2005. – С. 267–294. (Научное наследие. Вып. 2).
25. Попов, А.А. У истоков организации коми гуманитарной академической науки / А.А. Попов // Яков Николаевич Безносиков. – Сыктывкар, 2008. – С. 12–22.
26. Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1962. – Т. 2. – С. 81–92, 186–199, 232–245, 361–370, 409–423.
27. Золотарёв, О.В. Пионер изучения культурной революции / О.В. Золотарёв // Яков Николаевич Безносиков. – Сыктывкар, 2008. – С. 33–38.
28. Безносиков, Я.Н. Культурная революция в Коми АССР / Я.Н. Безносиков // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 122–124.
29. Безносиков, Я.Н. Развитие культуры в Коми АССР в период строительства коммунизма / Я.Н. Безносиков // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 36, 37.
30. Безносиков, Я.Н. Культурная революция в Коми АССР: автореф. дис. ...д-ра ист. наук / Я.Н. Безносиков. – Москва, 1967.
31. Безносиков, Я.Н. Культурная революция в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Москва, 1968.
32. Безносиков, Я.Н. Развитие народного образования в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар, 1973.
33. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937 гг. / ред.-сост. Т.П. Раевская [и др.]. – Сыктывкар, 1979.
34. Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960 гг. / сост. Е.Э. Макеева [и др.]. – Сыктывкар, 1984.
35. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / В.С. Стоколос, В.Е. Лузгин, Э.А. Савельева [и др.]. – Сыктывкар, 1978.
36. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / В.С. Стоколос, В.Е. Лузгин, Э.А. Савельева [и др.]. – Сыктывкар, 1981.
37. Безносиков, Я.Н. Рассвет над Коми: Очерк истории культурного строительства в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар, 1986.
38. Очерки истории Коми областной организации КПСС / редкол.: В.Д. Захаров [и др.]. – Сыктывкар, 1987. – С. 99–123, 228–303, 459–475.
39. Попов, И.И. Вопросы культуры Европейского Севера в советской историографии / И.И. Попов // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Исторические судьбы северной деревни. – Москва–Сыктывкар, 2006. – С. 151.
40. Попов, А.А. Культура северной деревни в 60-е – 80-е годы (на материалах Архангельской и Вологодской областей, Карельской и Коми АССР): автореф. дис. ...док. ист. наук / А.А. Попов. – Москва, 1996.
41. Золотарёв О.В. Создание и развитие советской системы народного образования в Коми автономии (1918–1941 гг.): автореф. дис. ...док. ист. наук / О.В. Золотарёв. – Москва, 1997.
42. Самарин, А.В. История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944–1991 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук / А.В. Самарин. – Сыктывкар, 2005.
43. Линкова, Н.Ю. Становление и развитие телевидения Республики Коми во второй половине XX века: автореф. дис. ...канд. ист. наук / Н.Ю. Линкова. – Чебоксары, 2014.
44. Историко-культурное достояние Республики Коми / отв. редактор и сост. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2021.

References

1. Ya.N. Beznosikov (1918–1989) // Nauchnii poisk pro-dolzhaetsya [Scientific search continues] / Ed. A.D.Na-palkov. – Syktyvkar, 1995. – P. 95–97.
2. Rossokhin, L. Beznosikov Yakov Nikolaevich / L. Rossokhin // Respublika Komi. Enciklopediya [Republic of Komi. Encyclopedia]. – Syktyvkar, 1997. – Vol. 1. – P. 250.
3. Beznosikov Yakov Nikolaevich // Uchenie Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Scientists of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / Comp. I.L.Zherebtsov. – Syktyvkar, 2000. P. 29–27.
4. Kurochkin, M. Uchitel' uchitelei [Teacher of teachers] / M. Kurochkin // Svyaz' vremen [Connection of times]. – Syktyvkar, 2000, – P. 573.
5. Zhdanov, L.A. On posvyatil sebya nauke [He devoted himself to science] / L.A.Zhdanov // Syktyvkar and Syktyvkar people. – Syktyvkar, 2004. – P. 211–214.
6. Yakov Nikolaevich Beznosikov. – Syktyvkar, 2008.
7. Zhdanov, L.A. Truden put' k vershinam nauki [The path to the heights of science is difficult] / L.A. Zhdanov // Yakov Nikolaevich Beznosikov. – Syktyvkar, 2008. – P. 5–12.
8. Beznosikov, Ya.N. 50 let I s'ezda RSDLP [50 years of the I Congress of the RSDLP] / Ya.N. Beznosikov // Za novii Sever [For the New North]. – 1948. – No. 52.
9. Beznosikov, Ya.N. Torzhestvo leninskoi nacionalnoi politiki [The triumph of Lenin's national policy] / Ya.N. Beznosikov // Vörledzys [J. Lumberjack]. – 1949. – No. 181.
10. Beznosikov, Ya.N. S.M. Kirov – plamennii narodnii tribun [S.M. Kirov – fiery people's tribune] / Ya.N. Beznosikov // Voyvuv kodzuv [J. North Star]. – 1949. – No. 11.
11. Beznosikov, Ya.N. Sovety lektoru [Advice to the lecturer] / Ya. N. Beznosikov. – Syktyvkar, 1950.
12. Beznosikov, Ya.N. Hozyaistvennoe i kulturnoe razvitie Komi ASSR [Economic and cultural development of the

- Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov // *Voyvyy kodzuv* [J. North Star]. – 1951. – No. 2.
13. Beznosikov, Ya.N. 35 let Komi ASSR [35 years of the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov // *Voyvyy kodzuv* [J. North Star]. – 1956. – No. 8.
 14. Beznosikov, Ya.N. Za novii etap v razvitii sovetskoi shkoly [For a new stage in the development of the Soviet school] / Ya.N. Beznosikov // *Voyvyy kodzuv* [J. North Star]. – 1958. – No. 12.
 15. Beznosikov, Ya.N. Za tesnyuyu svyaz' nauki s proshlym [For the close connection of science with the past] / Ya.N. Beznosikov // *Krasnoe znamya newspaper*. – 1959. – December 30.
 16. Beznosikov, Ya.N. Kulturnoe stroitelstvo v Komi ASSR [Cultural building in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Syktyvkar, 1957.
 17. Kozlova, D.T. Razvitie professionalnogo iskusstva v Respublike Komi (obzor literatury) [Development of professional art in the Komi Republic (literature review)] / D.T. Kozlova // *Istoriografiya Komi* [Historiography of Komi]. – Syktyvkar, 1999. – P. 93–100.
 18. Beznosikov, Ya.N. Pervie shagi kulturnoi revoliutsii v Komi krae [The first steps of the cultural revolution in the Komi region] / Ya.N. Beznosikov // *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical and philological collection of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences]. – Syktyvkar, 1960. – Issue 6. – P. 50–67.
 19. Beznosikov, Ya.N. Razvitie nauki v Komi ASSR [Development of science in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov // *Proc. of the Komi Branch, USSR Ac. Sci.* – Syktyvkar, 1961. – No. 11. – P. 3–9.
 20. Malkova, T.A. Nauchnoe stroitelstvo v Respublike Komi (obzor literatury) [Scientific building in the Komi Republic (literature review)] / T.A. Malkova // *Istoriografiya Komi* [Historiography of Komi]. – Syktyvkar, 1999. – P. 101–110.
 21. Beznosikov, Ya.N. Istoricheskie issledovaniya v Komi ASSR za gody Sovetskoi vlasti [Historical research in the Komi ASSR during the years of Soviet power] / Ya. N. Beznosikov, V.N. Davydov // *Socialisticheskie preobrazovaniya severnoi derevni* [Socialist transformations of the northern village]. – Vologda, 1970. – P. 104–119.
 22. Savelyeva, E.A. Pamyati Yakova Nikolaevicha Beznosikova [In memory of Yakov Nikolaevich Beznosikov] / E.A. Savelyeva // *Yakov Nikolaevich Beznosikov*. – Syktyvkar, 2008. – P. 39–41.
 23. Beznosikov, Ya.N. K voprosu o sozdanii v Komi ASSR muzeya-zapovednika [On the issue of creating a museum-reserve in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov, Yu.V. Gagarin, L.N. Zhrebtsov // *Scientific Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS.* – F. 1. – Op. 13. – D. 187. – 40 typewritten pages.
 24. Beznosikov, Ya.N. K voprosu o sozdanii v Komi ASSR muzeya-zapovednika [On the issue of creating a museum-reserve in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov, L.N. Zhrebtsov, Yu.V. Gagarin // *Zhrebtsov L.N. Dorogi etnografa* [Roads of the ethnographer]. – Syktyvkar, 2005. – P. 267–294. (Scientific heritage. Issue 2).
 25. Popov, A.A. U istokov organizatsii komi gumanitarnoi akademicheskoi nauki [At the origins of the organization of the Komi humanitarian academic science] / A.A. Popov // *Yakov Nikolaevich Beznosikov*. – Syktyvkar, 2008. – P. 12–22.
 26. Ocherki po istorii Komi ASSR [Essays on the history of the Komi ASSR]. – Syktyvkar, 1962. – Vol. 2. – P. 81–92, 186–199, 232–245, 361–370, 409–423.
 27. Zolotarev, O.V. Pioner izucheniya kulturnoi revoliutsii [Pioneer in the study of the cultural revolution] / O.V. Zolotarev // *Yakov Nikolaevich Beznosikov*. – Syktyvkar, 2008. – P. 33–38.
 28. Beznosikov Ya.N. Kulturnaya revoliutsiya v Komi ASSR [Cultural revolution in the Komi ASSR] // *Scientific archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS.* – F. 1. – Op. 13. – D. 122–124.
 29. Beznosikov, Ya.N. Razvitie kultury v Komi ASSR v period stroitelstva kommunizma [The development of culture in the Komi ASSR during the building of communism] / Ya.N. Beznosikov // *Scientific archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS.* – F. 5. – Op. 2. – D. 36–37.
 30. Beznosikov, Ya.N. Kulturnaya revoliutsiya v Komi ASSR [Cultural revolution in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Abstract of diss. ...Dr. Sci. (History). – Moscow, 1967.
 31. Beznosikov, Ya.N. Kulturnaya revoliutsiya v Komi ASSR [Cultural revolution in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Moscow, 1968.
 32. Beznosikov, Ya.N. Razvitie narodnogo obrazovaniya v Komi ASSR [The development of public education in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Syktyvkar, 1973.
 33. Kulturnoe stroitelstvo v Komi ASSR [Cultural building in the Komi ASSR]. 1918–1937 / Ed.-Comp. T.P. Raevskaya [et al.]. – Syktyvkar, 1979.
 34. Ibid. 1938–1960 / Comp. E.E. Makeeva [et al.]. – Syktyvkar, 1984.
 35. Istoriya Komi ASSR s drevneishih vremen do nashih dnei [History of the Komi ASSR from ancient times to the present day] / V.S. Stokolos, V.E. Luzgin, E.A. Savelyeva [et al.]. – Syktyvkar, 1978.
 36. Ibid. / V.S. Stokolos, V.E. Luzgin, E.A. Savelyeva [et al.]. – Syktyvkar, 1981.
 37. Beznosikov, Ya.N. Rassvet nad Komi: Ocherki istorii kulturnogo stroitelstva v Komi ASSR [Dawn over Komi: Essay on the history of cultural building in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Syktyvkar, 1986.
 38. Ocherki istorii Komi oblastnoi organizatsii KRSS [Essays on the history of the Komi regional organization of the CPSU]. – Syktyvkar, 1987. – P. 99–123, 228–303, 459–475.
 39. Popov, I.I. Voprosy kultury Evropeiskogo Severa v sovetskoi istoriografii [Cultural issues of the European North in Soviet historiography] / I.I. Popov // *Sel'skaya Rossiya: proshloe i nastoyashee. Istoricheskie sud'by severnoi derevni* [Rural Russia: past and present. Historical fate of the northern village]. – Moscow–Syktyvkar, 2006. – P. 151.
 40. Popov, A.A. Kultura severnoi derevni v 60-e–80-e gody (na materialah Arhangel'skoi i Vologodskoi oblastei, Karelskoi i Komi ASSR) [The culture of the northern village (on materials of Arhangelsk and Vologodsk provinces, Karelsk and Komi ASSR)]

- in the 1960s – 1980s (on the materials of the Arkhangelsk and Vologda regions, Karelian and Komi ASSR)] / A.A. Popov: Abstract of diss. ...Dr. Sci. (History). – Moscow, 1996.
41. Zolotarev, O.V. Sozdanie i razvitie sovetskoi sistemy narodnogo obrazovaniya v Komi avtonomii (1918–1941 gg.) [Creation and development of the Soviet system of public education in the Komi Autonomy (1918–1941)] / O.V. Zolotarev: Abstract of diss...Dr. Sci. (History). – Moscow, 1997.
 42. Samarin, A.V. Istoriya Komi nauchnogo centra Uralskogo otdeleniya AN SSSR: stanovlenie i razvitie (1944–1991) [History of the Komi Science Centre of the Ural Branch, USSR Academy of Sciences: Formation and Development (1944–1991)] / A.V. Samarin: Abstract of diss. ...Cand. Sci. (History). – Syktyvkar, 2005.
 43. Linkova, N.Yu. Stanovlenie i razvitie televideniya Respubliki Komi vo vtoroi polovine XX veka [Formation and development of television of the Republic of Komi in the second half of the XX century] / N.Yu. Linkova: Abstract of diss....Cand. Sci. (History). – Cheboksary, 2014.
 44. Istoriko-kulturnoe dostoyanie Respubliki Komi [Historical and cultural heritage of the Komi Republic] / Ed. and comp. I.L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2021.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: doctor_popov@mail.ru).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History FRC Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Aleksandr A. Popov – Dr. Sci. (History), Senior Researcher of the Institute of Language, Literature and History FRC Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: doctor_popov@mail.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И.Л. Я.Н. Безносиков – основоположник региональной исторической культурологии / И.Л. Жеребцов, А.А. Попов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 183–189.

For citation:

Zherebtsov, I.L. Ya.N. Beznosikov – the founder of regional historical cultural studies / I.L. Zherebtsov, A.A. Popov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 183–189.

Дата поступления статьи: 19.06.2023

Прошла рецензирование: 21.06.2023

Принято решение о публикации: 23.06.2023

Received: 19.06.2023

Reviewed: 21.06.2023

Accepted: 23.06.2023

Дискуссии

Особое мнение:

Отзыв на обсуждение проблемы, каким этнонимом называть ороков Сахалина (*УИЛТА* или *УЙЛЬТА*), организованной журналом «Этнографическое обозрение» в 2022 году

А.Ф. Старцев

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
starcev.42@mail.ru

В этнографической литературе в области этнонимии ороков Сахалина сложилась неординарная ситуация: некоторые постсоветские исследователи вместо этнонимов *уйльта* (*уилта*) и *ульта* (*улта*) ороков стали именовать только термином *уйльта*. Впервые это название прозвучало в работе Т.И. Петровой «Язык ороков (ульта)», в которой она поясняет, что известные в литературе самоназвания ороков в виде *ульта* (*уйльта*, *уйльта*) представляют собой этногенетический ряд однотипных терминов. Далее из этого ряда этнических имен она убирает термин *уйльта*¹ и предлагает этногенетическую цепочку из двух названий *ульта* ~ *уйльта*, соединенных знаком «тильда», означая, что эти слова, хотя и имеют разное звучание, эквивалентны, т.е. являются одинаковыми, идентичными [1, с. 6]. Иначе говоря, Т.И. Петрова оставила будущим поколениям ученых право самим выбирать, каким этническим именем называть ороков.

Внедрение этнонима *уйльта* в публикации российских исследователей и культуру ороков имеет свою отдельную и не простую историю.

Из информации Т.П. Роон известно, что термин *уйльта* для обозначения ороков Сахалина стал вводиться по рекомендации японского филолога Дзиро Икэгами. Он представил «Проект письменности уйльтаинского языка» (далее – «Проект...») (Саппоро), одобренный на заседании в Институте лингвистических исследований РАН (Москва) 8 июля 1993 г., в котором предлагалось написание этнонима *уйльта* русскими буквами [2, с. 3]. Сам же Дз. Икэгами в своих публикациях использовал термин в написании только латинскими буквами – *Uilta*.

Постсоветские исследователи – Т.П. Роон, Л.И. Миссонова, Д.А. Функ, А.П. Зеньков, В.В. Подмаскин и многие другие поддержали «Проект...» и стали термин *уйльта* использовать в своих публикациях.

Проверив текст «Проекта...», подготовленного японским филологом для русскоязычной аудитории, мы обнаружили

¹ Орокские этнонимы *улта* и *уилта* все российские исследователи, начиная с В.К. Арсеньева и Б.А. Васильева, пишут как *ульта* и *уйльта* – с мягким знаком после буквы «Л».

Discussions

Dissenting opinion: A review on the discussion of the problem of what ethnonym to call the Oroks of Sakhalin (*UILTA* or *UYLTA*), organized by the journal "Ethnographic Review" in 2022

A.F. Startsev

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples
of the Far East FEB RAS, Vladivostok
starcev.42@mail.ru

ли, что во вводной части имеется следующее пояснение: «*Уйльтаинский язык является одним из тунгусо-маньчжурских языков, который употребляется на Сахалине. Носители этого языка называются ороками, ороками, ультами или уйльтами. На своем родном языке они называют себя улта или уилта.* – Здесь же Дзиро Икэгами продолжает. – *Термин уйльта употребляется ниже, как их название, потому что этот термин звучит яснее, чем термин улта*» [3, с. 253].

Именно это пояснение постсоветские этнографы восприняли как рекомендацию к использованию этого названия в своих публикациях. Поэтому в 2000-е гг. этноним *уйльта*, по мнению Л.И. Миссоновой, З.П. Соколовой, В.В. Подмаскина и многих других специалистов, стал считаться исконным самоназванием ороков [4, с. 129; 5, с. 107–113].

Внимательно вчитываясь в текст «Проекта...» и пытаемся проникнуть в суть «рекомендации» японского филолога. На наш взгляд, Дз. Икэгами четко отмечает, что у ороков, кроме самоназваний *улта* и *уилта* имеется еще и название *уйльта*, которое используется постсоветскими исследователями для обозначения ороков, «потому что этот термин звучит яснее, – поясняет филолог, – чем термин *улта*, для отличия от названия его соседа *ульча*» [3, с. 253]. Именно по этой причине, как утверждает Л.И. Миссонова, «профессор считает более правильным написание народа именно с "й"...» [4, с. 141].

Так, с легкой руки Дз. Икэгами в публикациях всех постсоветских этнографов и официальных переводах статей с английского на русский язык этот этноним имеет мягкий знак и пишется как *уйльта*. Однако сам японский филолог в статьях, опубликованных на английском языке, ороков Сахалина обозначает не русифицированным термином *уйльта*, а использует только самоназвания ороков в звучании *Uilta* или *Uilta*, особенности которых заключаются в том, что эти имена, основанные на латинском алфавите, как пишутся, так и озвучиваются.

Рассуждая об этнонимах *уилта* ~ *улта* и *уйльта*, А.М. Певнов особо подчеркивал: «...отмечу не очень удачную

транскрипцию – в инлауте тунгусо-маньчжурских слов недопустимо сочетание трех согласных; на самом деле это не *уйлта*, а *уйлта*» [6, с. 887].

В слове *уйлта* латинская буква «j» – это среднеязычный согласный звук [1, с. 13; 3, с. 253; 7, с. 13]. Исходя из того, что латинская буква «j» и в орокском языке относится к согласным, вывод Певнова подтверждает факт, что в языке ороков слова в форме *уйлта* (*уйльта*), имеющего подряд три согласные буквы, не должно быть [8, с. 171].

Если исходить из исследований Т.И. Петровой, Дз. Икэгами и А.М. Певнова, то невольно напрашивается вывод, что Т.И. Петрова не знала, что в орокских словах не могут располагаться подряд три согласные буквы, иначе она не вводила бы в свой текст этноним *уйльта*.

Судя по тому, что Дз. Икэгами во всех своих англоязычных публикациях использовал только термин *Uilta*², полностью соответствующий написанию слову *Uilta* на латинском языке, по всей вероятности, знал об этом, но решил, если для русскоязычных исследователей этноним *уйльта* «...звучит яснее, чем термин *ульта*, для отличия от названия его соседа *ульча*» [3, с. 253], то следует пойти навстречу их пожеланиям. После этого уже сами российские исследователи, «заглядывая в рот» японцу, довели дело до известного предела. По этому поводу А.А. Бурыкин – лингвист в области языков тунгусо-маньчжурских этносов и специалист по этнографии коренных малочисленных народов Дальнего Востока, обоснованно предполагал, что термин *уйльта* с большой вероятностью «... является обратным японским заимствованием, как и принято в отечественной традиции» [9, с. 274].

О проблемах этнонимии ороков Сахалина автор настоящего отзыва неоднократно сообщал в статьях разных российских журналов, в которых указывал на ошибки исследователей и даже пытался организовать дискуссию в журнале «Этнографическое обозрение» по проблеме, каким этнонимом называть ороков Сахалина: *уйльта*, *ульта* или *уйльта*. С этой целью в журнал была отправлена статья «Классификация и этимология этнонимов...» с просьбой об опубликовании, и на ее основе коллегиально обсудить проблему этнонимии ороков Сахалина.

А.Ф. Старцев просил заместителя главного редактора журнала «Этнографическое обозрение» А.Л. Елфимова назначить рецензентов, которые бы не голословно, а аргументированно разбили концепцию Старцева в пух и прах, показали ее ошибочные стороны, отразили слабые места и т.д., и на этой основе дали конкретный совет, в каком направлении следует идти и как далее решать проблему этимологии этнонимов ороков Сахалина.

В 2017 г., когда статья «Классификация и этимология этнонимов» поступила в журнал «Этнографическое обозрение», она подверглась такой уничтожающей критике со стороны трех этнографов Института этнологии РАН, что ее тут же отвергли как нелепицу, а автора выставили чуть ли не дебилом, абсолютно неспособным даже сформули-

ровать цели и задачи в статье, в которой рассматривалась этимология орокских этнонимов и говорилось, что ороков следует называть этнонимами *ульта* (*улта*) и *уйльта* (*уйлта*), а не *уйльта*, как это делают московские и другие постсоветские исследователи.

Естественно, после такой критики столичных этнографов, журнал отклонил предложение Старцева провести обсуждение проблемы этнонимии ороков Сахалина на страницах «Этнографического обозрения». Тогда А.Ф. Старцев организовал дискуссию на страницах журнала «Россия и АТР». Обсуждению данного вопроса в 2018 г. был посвящен отдельный номер журнала.

Однако принять участие в дискуссии по этнонимии ороков согласились только этнолог из Республики Молдова В.Д. Косарев, финляндский этнолог Юха Янхунен, считавшие исконным самоназванием ороков, *уйльта*, *Uilta*, а не *уйльта*, и Т.П. Роон, которая в личной переписке сообщила автору данной статьи, что проблема наименования ороков термином *уйльта* существует только среди российских исследователей, а в Японии ороков всегда называли этнонимом *Uilta*. Остальные российские исследователи просто отмолчались. Так и получилось, что как таковой дискуссии по орокам не состоялось. Именно в этот момент автор представленных строк с горечью писал: «Судя по всему, она будет решаться другим поколением ученых Российской Федерации» [10, с. 7].

Однако автор этого отзыва ошибся, не прошло и четырех лет, как вдруг, в 2022 г., в журнале «Этнографическое обозрение» 2022 г. № 2, издаваемом Институтом этнологии (Москва), открывается «Специальная тема номера: вопросы этнонимии Тихоокеанского региона (отв. ред.: С.А. Арутюнов, Л.И. Миссонова). Во главе угла этого «Специального номера» стоит статья Л.И. Миссоновой «Этнонимия как исторический источник для определения групповой идентичности в Тихоокеанском регионе».

В статье особо отмечается, что для решения проблемы этнонимии Тихоокеанского региона привлекаются статьи С.А. Арутюнова, А.М. Певнова, Ю. Янхунена, М.В. Осиповой, Ю.А. Груздевой и М.Г. Тэминой. Из шести перечисленных авторов частично этнонимии ороков затрагивает только А.М. Певнов и Л.И. Миссонова, а остальные к орокам не имеют никакого отношения.

После стандартной аннотации Л.И. Миссонова пишет: «Работы, собранные в данном блоке, можно рассматривать как обсуждение вопросов, поднятых в недавних публикациях А.Ф. Старцева «Классификация и этимология этнонимов ороков Сахалина в отечественной литературе» и «Нерешенные проблемы этнонимии ороков Сахалина в трудах российских и зарубежных исследователей, посвященных проблемам этнонимии ороков Сахалина (Старцев 2018; 2020)» [11, с. 5, 6].

Самое интересное в обобщающей статье Л.И. Миссоновой, с заявкой о возможном обсуждении проблемы этнонимии ороков Сахалина на фоне заголовков, опубликованных статей А.Ф. Старцева, то, что никакого практического обсуждения не было. Л.И. Миссонова сама размышляет об этнонимии Тихоокеанского региона, избрав для это-

² Некоторые англо-русские переводчики слово *Uilta* переводят на русский язык, как *Уйльта*. Однако латинизированное слово *Uilta* как пишется, так и читается, т.е. будет *Уилта*.

го оригинальный метод затушевки проблемы статьями, не относящимися к орокам Сахалина, а заголовки статей А.Ф. Старцева, очевидно, послужили только своеобразным экраном, на фоне которого в восьми пунктах Л.И. Миссонова обозначила проблему, как надо и не надо работать с этнонимами дальневосточных этносов [там же, с. 6]. При этом на содержательную часть опубликованных статей А.Ф. Старцева, используемых для дискуссии, нет ни одного даже малого замечания.

В наши дни нетрудно догадаться, почему вдруг потребовалась эта статья для постсоветских исследователей, потому что неожиданно поменялись приоритеты в области этнонимии ороков: в начале культивировался термин *уйльта*, а оказалось, что надо использовать арсеньевский этноним *уйльта*, т.е. то, о чем в свое время писал периферийный автор для столичного журнала, т.е. А.Ф. Старцев.

Статья самой Л.И. Миссоновой написана очень хорошим литературным языком, умело расставлены акценты на нюансы, требующие особого внимания. Но мне, как этнографу с полувековым стажем, как-то неловко за тех коллег, которые не признают свои ошибки, а пытаются как-то выкрутиться, свалить свои недочеты на других и т.д. Вот именно это и вызывает досаду и горечь от таких работ.

Честно сказать, даже как-то неприятно читать такие оправдания, будто постсоветским этнографам этноним *уйльта* в научной литературе был навязан чиновниками местных органов власти, будто бы в этом виновато государство и его законы, по воле которых ороки почти 30 лет именовались неизвестно откуда взятым именем «*Уйльта*». Именно об этом Л.И. Миссонова пишет, что ороки в XXI в. «по воле чиновников внесены в перечень народов РФ <...> как "*уйльта*" – сегодня это официальное государственное наименование народа, хотя в написании слова действительно есть ошибка, которую справедливо отмечали лингвисты А.М. Певнов и Т. Цумагари» [там же, с. 8]. Далее Л.И. Миссонова сожалеет, что «... чиновники не обратились к лингвистам, когда в 1990-е годы решался вопрос об изменении наименования народа, и надеяться, что правильное написание все же будет признано на государственном уровне» [там же].

Прочитав, как нерадивые чиновники России вместо истинного имени *уйльта* (*уйлта*, *Uilta*) «заставляли» ученых использовать этноним *уйльта*, испытал сожаление, что чиновники не обратились к лингвистам, т.е. ученым, чтобы познать правильное написание этнонима, каким следует обозначать ороков, приходится только удивляться изворотливости современных ученых, обвинявших во всех грехах государство и чиновников. Тем более печально это выслушивать от Л.И. Миссоновой, которая в одной из совместных статей известного этнографа России, изучавшего ряд малочисленных этносов Сибири, писала: «... этнонимы утверждались чаще всего с подачи ученых – этнографов и лингвистов...»³ [4, с. 138]. Приводить какие-либо доводы, что не чиновники виновны в невежестве некоторых ученых, нет смысла. Ибо, как гласит русская поговорка: «Глу-

хой не расслышит, так придумает». Это как раз относится к нашему случаю⁴.

В статье Л.И. Миссоновой, посвященной этнонимии ороков, кроме отмеченного недостатка, имеются и другие недочеты, касающиеся этимологии ороков Сахалина. Так, например, она, не ссылаясь на Ю.А. Сема, слово в слово полностью заимствует его мысль, пишет: «Этимологию слова "*уйльта*" надо искать в тех языках, где этот термин употребляется для обозначения ороков – эвенкийском, негидальском и в других тунгусских языках» [11, с. 14]⁵.

После этих слов, заимствованных Л.И. Миссоновой у Ю.А. Сема, сам Юрий Александрович, ссылаясь на «Эвенкийско-русский словарь», опубликованный в 1958 г. Г.М. Василевич, в 1965 г. давал такое пояснение: «В эвенкийском языке этимологию слова *уйльта*⁶ можно связывать с корнем *уйл* ("водоворот"), *ула* ("река"), *улами* ("промочить, намочить"). Вероятно, оно было дано в противоположность оленеводам – эвенкам, орокам, как поречанам. Таким образом, в названии ороков мы видим двойственность. Северные соседи с материка их называли по признаку их жизни на берегу реки, а соседи на Сахалине – по наличию в хозяйстве оленей» [12, с. 82].

Идея Ю.А. Сема, что этноним *уйльта* можно этимологизировать при помощи терминов *уйл* и *ул*, была поддержана и дальневосточным филологом тунгусо-маньчжурских этносов Л.И. Сем. Она в 60-х гг. XX в. отмечала, что в основе этимологии этнических названий *уйльта* и *уйльчей* «... лежит корень, связанный с понятием "вода": ... *уйлта*, *улта* (от *уйл*, *ул* + *чан* = "речные люди, поречане")». При этом свой вывод Л.И. Сем тоже подкрепляет эвенкийским термином «*уйл*, *уул*» («водоворот», «заводь») [13, с. 9]. Затем идея об этимологии этнонимов ороков из эвенкийского термина «*уйл*» со значением «водоворот» была подхвачена и продолжена С.В. Соколовским и Л.И. Миссоновой, которые термин *уйльта* переводили как поречанин [14, с. 167; 11, с. 14].

Далее Л.И. Миссонова, продолжая обсуждение этнонимии ороков Сахалина на фоне названий опубликованных работ А.Ф. Старцева, развивает идею Ю.А. Сема в следующем направлении: «Так, в эвенкийском слово "*уйльта*" может быть связано с однокоренными словами "*уйл*" ("водоворот"), "*ула*" ("река"), "*улами*" ("промочить, намочить"). Вероятно, что наименование ("*уйльта*") было дано поречанам в противоположность оленеводам – эвенкам и орокам» [11, с. 14].

Однако по обоснованному мнению А.Ф. Старцева, этимологию орокского этнонима *уйлта* (*уйльта*) и *улта* (*уйльта*) нельзя выводить из эвенкийского слова «*уйл*», означающего понятие «водоворот», хотя бы по той причине, что у тунгусо-маньчжуров водоворот на реке **являлся входом в мир мертвых**⁷, о чем относительно подробно рассказывает Г.М. Василевич [15, с. 212]. Приходится только удивляться, почему современные столичные этнографы

⁴ Кстати сказать, Зоя Петровна Соколова к этнонимии ороков Сахалина не имеет никакого отношения.

⁵ Единственное новшество, которое Л.И. Миссонова внесла в слова Ю.А. Сема, слово «*уйльта*» заключила в кавычки.

⁶ Выделено Ю.А. Семом.

⁷ Выделено автором.

³ Выделено автором.

(филологи этими нюансами могли и не владеть) не знают элементарных основ духовной культуры аборигенов Сибири и Дальнего Востока?

Также нельзя ставить знак равенства между этнонимом *уилта* (*уильта*) и этническим названием *улта* (*ульта*), как это делают Т.И. Петрова, А.М. Певнов, Л.И. Миссонова, В.В. Подмаскин и др. исследователи, потому что это разные названия. Первое относится к верховьям р. Амгуни, где в прошлом на территории негидальцев функционировала деревня *Uil* (Уил), а второе наименование могло появиться среди эвенов, так называемых тывлинских тунгусов, кочевавших с оленями в бассейне р. Ул, впадающей в Сахалинский залив [16, с. 27].

Вполне возможно, что именно тывлинские тунгусы, относящиеся к оленеводам ульча-хала с Сахалина [17, с. 82], пасшие оленей в бассейне р. Ул, могли называть себя *улта* (*ульта*). На эту тему в работе Б.А. Васильева приводится предание, что настоящие *улта* с оленями живут где-то на севере Охотского побережья [18, с. 5, 8], а В.К. Арсеньев отмечал, что *ульчи* с оленями «живут где-то далеко к северу, дальше Николаевска-на-Амуре» [19, с. 73]. Наши исследования показали, что на побережье Охотского моря в с. Тывлино проживали так называемые *ульчи* с оленями [17, с. 83], которые могли называть себя *улта* (*ульта*), т.е. жителями бассейна р. Ул.

В этнографической науке этимология этнонима *уильта* (*уилта*), предложенная А.Ф. Старцевым, впервые отмечена в статье А.М. Певнова, в которой он пишет: «По мнению автора, этноним "*уильта*" восходит к "названию большой деревни на территории негидальцев" – речь идет об "ойкониме *Uil* (*Уил*)". А.Ф. Старцев ссылается при этом на работу Л.Я. Штернберга, в которой упоминается "большая деревня" с таким названием; жители ее, как уточняет Л.Я. Штернберг, "лет двадцать назад все вымерли". Надо сказать, что больших деревень в тех краях до прихода русских не было и быть не могло, поскольку занятия местного населения никоим образом не способствовали появлению крупных поселений» [20, с. 34].

Эта реплика, брошенная в сторону А.Ф. Старцева, большая по объему и содержанию сноска, требует детального и капитального рассмотрения. Проблема, прав или не прав Старцев в области использования ойконима *Уил* для этимологии этнонима *уильта*, мы пока трогать не будем. Рассмотрим проблему компетенции самого А.М. Певнова, поставившего под сомнение этнографические материалы Л.Я. Штернберга.

Несмотря на то, что Л.Я. Штернберг однозначно утверждал, что деревня *Уил* была большой, но по причине вымирания людей это селение перестало существовать 20 лет назад [21, с. 532]⁸, А.М. Певнов стал доказывать А.Ф. Старцеву, «что больших деревень в тех краях до прихода русских не было...» [20, с. 34].

На предмет, были ли большие поселения у малочисленных этносов Приамурья и Приморья до прихода в эти края

русских, можно писать толстые книги, но мы ограничимся только одной из работ Ю.А. Сема, в которой говорится: «В XVII в., по свидетельству Хабарова и Степанова, в стойбищах находилось по несколько сот человек, что вероятно, соответствовало родовым или крупным патриархальным общинам» [22, с. 24].

Увлечшись критикой А.Ф. Старцева о неправомерности использования им ойконима *Уил* (*Uil*) для этимологии этнонима *уильта*, А.М. Певнов, сам того не желая, обвинил Л.Я. Штернберга в непрофессионализме. Неизвестно, по какой причине А.М. Певнов стал утверждать, что больших деревень в тех краях, т.е. в Приамурье, до прихода русских не существовало [13, с. 34].

Многочисленные этнографические материалы конца XIX–XX в. свидетельствуют об обратном.

А.М. Певнов даже не заметил, что у Л.Я. Штернберга речь идет не о времени, когда в Приамурье русских еще не было, а о времени, когда русские функционировали не только в Приамурье, но и по всему Дальнему Востоку. Если бы А.М. Певнов взял дату публикации книги Л.Я. Штернберга (1933) и отнял те 20 лет, о которых писал исследователь, он бы получил дату 1913 год. Поэтому огульно утверждать, что у аборигенов Приамурья в 1913 г. не было больших деревень, просто абсурдно.

Кстати сказать, во вступительной части статьи Л.И. Миссоновой, представленной как продолжение дискуссии об этнонимии ороков, не указывается монография Старцева «Ороки – орочёны, а не уильта!» [17]. Эту книгу использует только А.М. Певнов, расширяя, таким образом, рамки дискуссионного обсуждения.

А.М. Певнов также опровергает мнение А.Ф. Старцева, который обоснованно считает: «Если ойконим *Уил* объединить с суффиксом принадлежности -та, то мы получим термин *уилта* (*уильта*), что в переводе будет означать "жители селения *Уил*"» [17, с. 126].

«Однако в уильтинском языке, – пишет А.М. Певнов, – как и в других тунгусо-маньчжурских, нет "суффикса принадлежности -та", поэтому гипотеза А.Ф. Старцева с лингвистической точки зрения некорректна» [20, с. 34].

Других замечаний по этой книге у А.М. Певнова нет, однако даже это единственное замечание не подкреплено весомым доказательством, о чем и пишет автор этого отзыва несколько ниже. Если бы А.М. Певнов, читая монографию А.Ф. Старцева, со страницы 126 перешел бы на страницу 128, он бы узнал, что у автора имеется и вторая версия этимологии этнонима *уильта* (*уилта*), в которой говорится, что «этимология селения *Уил* и самоназвание *уилта* (*уильта*) связывается с орокским словом "*уи*" – "*верхний*", "*верхняя сторона*"» [23, с. 246]. Исходя из этого, полный перевод этнонима *уилта* (*уильта*) будет означать «жители верховьев реки», или «верховские» [17, с. 128], а не поречане, как считают советские и постсоветские исследователи, в том числе и сам А.М. Певнов [6, с. 888].

Далее А.М. Певнов, чтобы подчеркнуть некорректность Старцева в использовании суффикса -та в этимологии этнонима *уилта*, особо отмечает: «Ближе к истине была Т.И. Петрова: Этимология слова *ул'та* ~ *ујл'та* (как

⁸ Да простит читатель автора за повторы, ибо иначе заставить мыслить даже таких крупных ученых, как А.М. Певнов, не представляется возможным.

и *ульча*) неясна. Сами ороки своего самоназвания никак не поясняют и употребляют слово *ул'та ~ уйл'та* как неразложимый термин для обозначения своей народности. Если бы мы слово *ул'та ~ уйл'та* разложили предположительно на морфемы (основную *ул' ~ уйл'* и суффиксальную *-та*), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти. Правда, фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс *-та*⁹ с весьма продуктивными суффиксами *-нкã* в нанайском языке и *-нча* в ульчском: *-нкã ~ -нча ~ -нта > -тта > -та*. Суффиксы *-нкã* и *-нча* в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имен существительных имена, обозначающие название жителя данной местности. Если придавать такое же значение суффиксу *-та* в слове *ул'та ~ уйл'та*, следует ожидать, что основа *ул' ~ уйл' ~ уйл'* будет связана с названием какой-либо местности, возможно, реки, по типу: Валетта – название орокского рода, *Валу ~ Вал* – название реки» [1, с. 6; 20, с. 34].

Из представленной выписки из книги Т.И. Петровой, дословно сделанной А.М. Певновым, этот суффикс упоминается дважды. Именно по этой причине, ориентируясь на выводы Т.И. Петровой, что в орокском языке имеется суффикс *-та*, А.Ф. Старцев и строил свои предположения об образовании этнических названий ороков в написании *уилта (уильта)* и *улта (ульта)*. О том, что в языке ороков¹⁰ имеется суффикс *-та* у А.М. Певнова отмечается и в статье «Этимология самоназвания ороков», опубликованной при финансовой поддержке РФФИ, проект № 1604-50123а(ф) [6, с. 888].

Закономерен вопрос: так в чем же заключается некорректность А.Ф. Старцева при использовании словообразующего суффикса *-та*?

Допустим, что А.М. Певнов прав в том, что суффикса *-та* в уилтинском языке нет. Тогда в этом случае невольно возникает такой вопрос, если А.М. Певнов уверен, что в уилтинском языке такого суффикса нет, то почему он ссылается на материалы Т.И. Петровой, содержащие суффикс *-та*, вместо того, чтобы опровергнуть исследование Т.И. Петровой о существовании этого суффикса, чтобы другие не шли по ее ложному следу? Если бы он ниспроверг Т.И. Петрову в этой области, тогда у А.М. Певнова было бы полное моральное право обвинять А.Ф. Старцева в некорректности, что он (Старцев) не следит за новинками исследовательской литературы, применяет в своей работе не существующие суффиксы и т.д. А без такого опровержения исследования Т.И. Петровой, поневоле работы А.М. Певнова, относящиеся к лингвистическим исследованиям ороков, теряют веру в их корректность.

А.М. Певнов, решая проблему «Этимологии некоторых названий народов бассейна Амура и Сахалина», опирается не на конкретно существующие этнонимы *уильта (уилта)*

⁹ Из выделенного фрагмента книги Т.И. Петровой наглядно видно, что Т.И. Петрова без каких-либо объяснений пишет именно о существовании в языке ороков словообразовательного суффикса *-та*.

¹⁰ В примечаниях статьи «Этимология некоторых названий народов бассейна Амура и Сахалина» А.М. Певнов отмечает, что «вместо теперь уже устаревшего этнонима "ороки" в данной статье используется этническое название "уилта"» [20, с. 37].

и *ульта (улта)*, зафиксированные сотню лет тому назад, а путем своих лингвистических реконструкций, абсолютно непонятных для историков и этнографов, вначале делает такой вывод: «На мой взгляд, самоназвание ороков *уилта ~ улта*, восходит к *уилтта(н) < улинта(н) < улинча(н) < ули-нкан*, где корневая основа *ули-* означала 'река', а словообразовательный суффикс *-нкан* оформлял названия жителей берегов или бассейнов рек. Таким образом, древняя внутренняя форма этнонима *уилта ~ улта* – "поречанин" [6, с. 888]. Здесь же А.М. Певнов, ссылаясь на Т.И. Петрову, в специальной сноске поясняет, как в уилтинском языке при помощи суффикса *-та* возникают слова, связанные с названием какой-либо местности [1, с. 6; 6, с. 888, 889].

Во-первых, если бы А.М. Певнов, выводя из этнонимов *уилта ~ улта* понятие «поречанин», соблюдал лингвистические требования, то к его утверждениям не было бы никаких претензий. Однако нарушение таких требований не приводит к истине, а уводит решение проблемы этимологии этнонимов в сторону. Например, А.М. Певнов для этимологизации орокского этнонима *уилта ~ улта* использует ни много, ни мало удэгейско-орочскую корневую основу *ули-* со значением 'река', а также нанайский словообразовательный суффикс *-нкан*, при помощи которого оформлялись названия жителей берегов или бассейнов рек. Однако всем филологам известно, что для этимологизации слов одного народа нельзя использовать корневую основу другого народа. А.М. Певнов это хорошо знает, иначе он бы не утверждал, что Т.И. Петрова в области этимологии *уилта* очень близка к истине [20, с. 34], а истина Т.И. Петровой заключается в том, что она в не опровергнутой никем публикации однозначно заявляет, что определять этимологию слова надо при помощи «корней того языка, от которого пошло это слово» [24, с. 6].

Во-вторых, А.М. Певнов использует словообразующие суффиксы нанайцев и корневую основу орочей и удэгейцев для этимологизации орокского этнонима *уилта* как рекомендацию Т.И. Петровой к их использованию, а на самом деле Петрова не рекомендует, а показывает, что орокский суффикс *-та* можно сопоставить с нанайским суффиксом *-нкан*, чтобы получить новое слово. Заметьте, Т.И. Петрова не рекомендует использовать словообразующий нанайский суффикс, а обращает внимание на то, что орокский словообразовательный суффикс имеет такие же свойства, как и нанайский, а если учесть тот факт, что нельзя проблемы одного народа решать за счет материалов, взятых у другого этноса, то в данном случае какие-либо комментарии в пользу А.М. Певнова излишни.

В-третьих, орокские этнонимы *уилта ~ улта* нельзя соединять тильдой, потому что это разные этнонимы. Если бы А.М. Певнов внимательно прочитал рекомендуемую для дискуссии статью А.Ф. Старцева «Классификация этнонимов...», он бы узнал, что кроме ойконима "Уил", на севере Приамурья имеется и река Ул, впадающая в Уссурийский залив Охотского моря, где жили не только оленные ульчи, но и Тывлинские тунгусы (эвены). Правда в коллективной книге «История и культура уильта (ороков) Сахалина» в середине текста Т.И. Петровой об образовании этнических

названий из гидронимов ответственным редактором книги В.В. Подмаскиным включен такой материал: «На юге Сахалина отмечен гидроним Ул» [25, с. 38]. Однако ссылка на этот материал сделана не на публикации Подмаскина, а на Т.И. Петрову. «Однако рецензенту не удалось обнаружить гидроним Ул на страницах книги Т.И. Петровой. Не дали положительных результатов и поиски этого названия на географических картах Сахалина. Материалы Интернета показали, что на Сахалине названия реки под названием Ул нет» [26, с. 235].

Таких географических названий, как ойконим Уил и гидроним Ул, кроме Приамурья, на Дальнем Востоке нет. Если эти топонимы соединить с суффиксом -та, то мы получим два территориальных названия ороков: самоназвание в форме *Улта* со значением «жители бассейна р. Ул», и этноним *Уилта (Uilta)* – «жители верховьев реки», или «верховские» [17, с. 128; 27, с. 17].

Из вышесказанного следует, что единственной заслугой А.М. Певнова в области этнонимии ороков Сахалина является только то, что он, сам того не ожидая, развеял миф о непогрешимости японского филолога Дзиро Икэгами. Вспомним, как постсоветские исследователи ороков Сахалина возводили до небес японского филолога: «Могу сказать одно – японский профессор Дзиро Икегами является блестящим специалистом по языку уйльта и идеально разобрался во всех тонкостях его звукового строя», – восхваляла профессиональные качества японского филолога Л.И. Миссонова [28, с. 18]. Однако, когда встал вопрос о написании этнонима *уйльта* или *уйльта*, буквально все тут же забыли, что именно благодаря Икэгами среди российских постсоветских этнографов распространился термин *уйльта*. О большом значении в области этнонимии Дзиро Икэгами российские исследователи перестали говорить только после опубликованных статей А.М. Певнова в 2017 и 2023 гг.

Завершая отзыв о так называемом обсуждении вопросов об этнонимии ороков Сахалина, а конкретнее, каким же именем называть ороков, невольно обращаешь внимание на какой-то избирательный подход организаторов так называемого обсуждения проблемы этнонимии ороков Сахалина. В 2021 г. вышла книга «История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.)...» [25], ответственным редактором которой является доктор исторических наук из Института истории (ИИАЭДВО РАН) В.В. Подмаскин. Все замечания, данные на эту книгу, полностью соответствуют настоящему отзыву и сосредоточены в специальной рецензии [26, с. 232–236]. Однако никто из авторов этого обсуждения даже не упомянул эту книгу, что является прискорбным фактом не только для Вас, знающих об ошибке в написании и звучании этнонима *Уйльта*, но и для всех авторов, принявших участие в написании этой книги. Из всех авторов только этнолог из Республики Молдова – В.Д. Косарев, зная о заблуждении постсоветских исследователей, неправильно называвших ороков термином «*уйльта*», в разделе «Специфика природопользования на Сахалине» ороков обозначает только нейтральным названием – ороки. По всей вероятности, надуманный этноним *уйльта* будет еще долго «гулять» на

страницах интернета и в ряде научных публикаций постсоветских исследователей.

Литература

1. Петрова, Т.И. Язык ороков (уйльта) / Т.И. Петрова. – Ленинград: Наука, 1967. – 156 с.
2. Роон, Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков / Т.П. Роон. – Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 1996. – 176 с.
3. Икэгами Дзиро. Проект письменности уйльтаинского языка / Дзиро Икэгами // Acta Slavica Japonica. – 1994. – Т. 12. – С. 253–258.
4. Миссонова, Л.И. Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX – начало XXI в.) / Л.И. Миссонова, З.П. Соколова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 129–145.
5. Подмаскин, В.В. Народные знания ороков (уйльта) / В.В. Подмаскин // Россия и АТР. – 2011. – № 1. – С. 107–113.
6. Певнов, А.М. Этимология самоназваний ороков / А.М. Певнов // ACTA Linguistica PETROPOLITANA: труды Института лингвистических исследований. Т. XIII, Ч. 3. – Санкт-Петербург: «Наука», 2017. – С. 886–892.
7. Колотовкин, Н.И. Учебник латинского языка для высших духовных учебных заведений / Н.И. Колотовкин. – Сергиев Посад: Греко-латинский кабинет при МДАиС, 2000. – 236 с.
8. Старцев, А.Ф. Нерешенные проблемы этнонимии ороков Сахалина в трудах российских и зарубежных исследователей / А.Ф. Старцев // Россия и АТР. – 2020. – № 2. – С. 165–178.
9. Бурыкин, А.А. Рецензия на книгу А.Ф. Старцева «Ороки – орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина» / А.А. Бутыркин // Россия и АТР. – 2016. – № 1. – С. 269–278.
10. Старцев, А.Ф. Представляя рубрику. Проблемы этногенеза и этнической истории ороков Сахалина / А.Ф. Старцев // Россия и АТР. – 2018. – № 4. – С. 5–7.
11. Миссонова Л.И. Этнонимия как исторический источник для определения групповой идентичности в Тихоокеанском регионе / Л.И. Миссонова // Этнографическое обозрение. – 2022. – № 2. – С. 5–22.
12. Сем, Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина / Ю.А. Сем // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней). – Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. – С. 79–87.
13. Сем, Ю.А. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь / Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Т.Ю. Сем. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 156 с. (Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т.14. Этнографические исследования).

14. Соколовский, С.В. Территория традиционного природопользования Сахалина (обоснование проекта) // Расы и народы / С.В. Соколовский. – Москва: Наука, 2002. – Вып. 28. – С. 160–187.
15. Василевич, Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII–XX вв.) / Г.М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.
16. Мевзос, Г.М. Обследование туземного хозяйства низовьев Амура 1927–28 года (пояснения к таблицам) / Г.М. Мевзос // Туземное хозяйство Низовьев Амура в 1927–28 году (по материалам обследования 1928 года). – Хабаровск–Благовещенск: Издательство Дальхотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. – С. 5–81.
17. Старцев, А.Ф. Ороки – орочёны, а не уйльта! / А.Ф. Старцев. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 163 с.
18. Васильев, Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. / Б.А. Васильев // Этнография. – 1929. – № 1. – С. 3–22.
19. Арсеньев, В.К. Жизнь и приключения в тайге / В.К. Арсеньев // Собрание сочинений в 6 томах. Т. II / Под ред. ОИАК. – 2-е доп. издание. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. – С. 5–206.
20. Певнов, А.М. Этимология некоторых названий народов бассейна Амура и Сахалина / А.М. Певнов // Этнографическое обозрение. – 2022. – № 2. – С. 23–44.
21. Штернберг, Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы под редакцией Я.П. Алькор (Кошкина) / Л.Я. Штернберг. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
22. Сем, Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Этнографические очерки. / Ю.А. Сем. – Владивосток: ДВНЦ, 1973. – 315 с.
23. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. – Ленинград: Наука, 1977. – Т. 2. – 992 с.
24. Петрова, Т.И. Ульчский диалект нанайского языка / Т.И. Петрова. – Москва–Ленинград: Учпедгиз, 1936. – 123 с.
25. История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI в.). – Владивосток: Дальнаука, 2021. – 376 с.
26. Старцев, А.Ф. Рецензия: «История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI в.)» / А.Ф. Старцев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 232–236.
27. Старцев, А.Ф. Классификация и этимология этнонимов ороков Сахалина в отечественной литературе / А.Ф. Старцев // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. – № 21 (4). – С. 11–31.
28. Миссонова, Л.И. Лексика уйльта как историко-этнографический источник / Л.И. Миссонова. – Москва: Наука, 2013. – 334 с.

References

1. Petrova, T.I. Yazik orokov (ul'ta) [The language of the Oroks (Uyl'ta)] / T.I. Petrova. – Leningrad: Nauka, 1967. – 156 p.
2. Roon, T.P. Uil'ta Sahalina. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie tradicionnogo hozyaistva i materialnoi kultury XVIII-serediny XX vekov [Uyl'ta of Sakhalin. Historical and ethnographic study of traditional economy and material culture of the XVIII-mid-XX centuries] / T.P. Roon. – Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Book Publishing House, 1996. – 176 p.
3. Ikegami Jiro. Proekt pismennosti yil'tinskogo yazyka [The project of writing of the Uyl'ta language] / Jiro Ikegami // Acta Slavica Japonica. – 1994. – Vol. 12. – P. 253–258.
4. Misonova, L.I. Fenomen ustoichivosti etnicheskoi identifikatsii uil'ta v kontekste etnonimicheskoi istorii narodov Severa (konets XIX–nachalo XXI v. [The phenomenon of the stability of the ethnic identification of the Uyl'ta in the context of the ethnonymic history of the peoples of the North (late XIX – early XXI century)] / L.I. Misonova, Z.P. Sokolova // Ethnographic review. – 2006. – No. 1. – P. 129–145.
5. Podmaskin, V.V. Narodnie znaniya orokov (uil'ta) [Folk knowledge of the Oroks (Uyl'ta)] / V.V. Podmaskin // Russia and the Asia-Pacific Region. – 2011. – No. 1. – P. 107–113.
6. Pevnov, A.M. Etimologiya samonazvaniy orokov [Etymology of self-naming of Oroks] / A.M. Pevnov // Acta linguistica Petropolitana: Proceedings of the Institute of Linguistic Research. Vol. XIII, Part 3. – St. Petersburg: "Nauka", 2017. – P. 886–892.
7. Kolotovkin, N.I. Uchebnik latinskogo yazyka dlya duhovnih zavedenii [Textbook of the Latin language for higher spiritual educational institutions] / N.I. Kolotovkin. – Serгиеv Posad: Greek-Latin cabinet at MDAiS, 2000. – 236 p.
8. Startsev, A.F. Nereshennye problemy etnonimii orokov Sahalina v trudah rossiiskikh i zarubezhnykh issledovatelei [Unsolved problems of ethnonymy of the Sakhalin Oroks in the works of Russian and foreign researchers] / A.F. Startsev // Russia and the Asia-Pacific region. – 2020. – No. 2. – P. 165–178.
9. Burykin, A.A. Recenziya na knigu A.F. Starceva "Oroki-orocheny, a ne uil'ta! K probleme etnogeneza orokov Sahalina [Review of the book by A.F. Startsev "Oroks – Orochi, not Uyl'ta! On the problem of ethnogenesis of the Sakhalin Oroks"] / A.A. Burykin // Russia and the Asia-Pacific region. – 2016. – No. 1. – P. 269–278.
10. Startsev, A.F. Predstavlyaya rubriku. Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii orokov Sahalina [Introducing the rubric. Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Sakhalin Oroks] / A.F. Startsev // Russia and the Asia-Pacific Region – 2018. – No. 4. – P. 5–7.
11. Missonova, L.I. Etnonimiya kak istoricheskii istochnik dlya opredeleniya gruppovoi identichnosti v Tihookeanskom regione [Ethnonymy as a historical source for determining group identity in the Pacific region] / L.I. Missonova // Ethnographic review. – 2022. – No. 2. – P. 5–22.

12. Sem, Yu.A. Problema proishozhdeniya orokov Sahalina [The problem of the origin of the Sakhalin Oroks] / Yu.A. Sem // General patterns and features of the historical development of the peoples of the Soviet Far East (from ancient times to the present day). – Vladivostok: V.L. Komarov FEFU SB of the USSR Academy of Sciences, 1965. – P. 79–87.
13. Sem, Yu.A. Materialy po tradicionnoi kulture, folkloru i yazyku orokov. Dialiktologicheskii oroksko-russkii slovar' [Materials on traditional culture, folklore and the Oroks language. Dialectological Oroks-Russian dictionary] / Yu.A. Sem, L.I. Sem, T.Yu. Sem. – Vladivostok: Dal'nauka, 2011. – 156 p. (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS. Vol. 14. Ethnographic research).
14. Sokolovsky, S.V. Territoriya tradicionnogo prirodopol'zovaniya Sahalina (obosnovanie proekta) [Territory of traditional nature management of Sakhalin (justification of the project)] // Races and peoples / S.V. Sokolovsky. – Moscow: Nauka, 2002. – Issue 28. – P. 160–187.
15. Vasilevich, G.M. Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII–XX vv. [The Evenks: historical and ethnographic essays (XVIII–XX centuries)] / G.M. Vasilevich. – Leningrad: Nauka, 1969. – 304 p.
16. Mevzos, G.M. Obsledovanie tuzemnogo hozyaistva nizov'ev Amura 1927–28 goda (poyasneniya k tablicam) [The study of the indigenous economy of the lower reaches of the Amur in 1927–1928 (explanations to the tables)] / G.M. Mevzos // The indigenous economy of the Lower Reaches of the Amur in 1927–1928 (based on the materials of the 1928 survey). – Khabarovsk-Blagoveshchensk: Publishing House of Dal'otsoyuz and Dal'kraisoyuz, 1929. – P. 5–81.
17. Startsev, A.F. Oroki-orocheny, a ne uyl'ta! [The Oroks-Orochi, not Uyl'ta!] / A.F. Startsev. – Vladivostok: Dal'nauka, 2015. – 163 p.
18. Vasilyev, B.A. Osnovnye cherty etnografii orokov. Predvaritelnyy ocherk po materialam ekspeditsii 1929 g. [The main features of Oroks ethnography. Preliminary essay based on the materials of the 1928 expedition] / B.A. Vasilyev // Ethnography. – 1929. – No. 1. – P. 3–22.
19. Arsenyev, V.K. Zhizn' i prikl'yucheniya v taige [Life and adventures in the taiga] / V.K. Arsenyev // Collected works in 6 volumes. Vol. II / Edited by OIAK. – 2nd edition, revised and updated. – Vladivostok: Almanac "Rubezh", 2011. – P. 5–206.
20. Pevnov, A.M. Etimologiya nekotorykh nazvaniy narodov basseina Amura i Sahalina [Etymology of some names of the peoples of the Amur and Sakhalin basin] / A.M. Pevnov // Ethnographic review. – 2022. – No. 2. – P. 23–44.
21. Sternberg, L.Ya. Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'ci, ainy. Statyi i materialy pod redaktsiei Ya.P. Al'kor (Koshkina) [Gilyaks, Orochs, Gol'ds, Negidals, Ainy. Articles and materials edited by Ya.P. Al'kor (Koshkin)] / L.Ya. Sternberg. – Khabarovsk: Dal'giz, 1933. – 740 p.
22. Sem, Yu.A. Nanaisy. Materialnaya kultura (vtoraya polovina XIX-seredina XX v.) [Nanais. Material culture (second half of the XIX – mid- of the XX century). Ethnographic essays] / Yu.A. Sem. – Vladivostok: FESC, 1973. – 315 p.
23. Sravnitelnyy slovar' tunguso-manchzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovar'yu [Comparative dictionary of the Tungusic-Manchu languages: materials for an etymological dictionary]. – Leningrad: Nauka, 1977. – Vol. 2. – 992 p.
24. Petrova, T.I. Ul'chskiy dialekt nanaiskogo yazyka [Ulchi dialect of the Nanai language] / T.I. Petrova. – Moscow-Leningrad: Uchpedgiz, 1936. – 123 p.
25. Istoriya i kultura uyl'ta (orokov) Sahalina: istoriko-etnograficheskie ocherki (XIX–XXI v.) [History and culture of the Uyl'ta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (XIX–XXI centuries)]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2021. – 376 p.
26. Startsev, A.F. Recenziya: "Istoriya i kultura uyl'ta (orokov) Sahalina: istoriko-etnograficheskie ocherki (XIX–XXI v.) [Review: "History and culture of the Uyl'ta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (XIX–XXI centuries)"] / A.F. Startsev // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 232–236.
27. Startsev, A.F. Klassifikatsiya i etimologiya orokov Sahalina v otechestvennoy literature [Classification and etymology of ethnonyms of Sakhalin Oroks in Russian literature] / A.F. Startsev // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the FEB RAS. 2018. – № 21 (4). – P. 11–31.
28. Missonova, L.I. Leksika uyl'ta kak istoriko-etnograficheskii istochnik [The vocabulary of the Uyl'ta as a historical and ethnographic source] / L.I. Missonova. – Moscow: Nauka, 2013. – 334 p.

Юбилей

Галина Валерьяновна Федюнева

Галина Валерьяновна Федюнева

Галина Валерьяновна Федюнева – видный деятель науки, известный финно-угровед, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Родилась Галина Валерьяновна 21 июня 1953 г. в дер. Щельябж Усть-Усинского района Коми АССР. Окончив среднюю школу в г. Ухте, продолжила учебу на историко-филологическом факультете Сыктывкарского государственного университета. В 1977 г. началась ее трудовая деятельность в отделе языка Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. С тех пор жизнь и судьба Галины Валерьяновны неразрывно связаны с наукой.

В 1979 г. Г.В. Федюнева поступила в аспирантуру Коми филиала АН СССР с последующим прикомандированием на кафедру финно-угорских языков Тартуского государственного университета (Эстония), в то время крупнейшего центра советского финно-угроведения. За время учебы прошла хорошую научную школу, овладев методикой лингвистических исследований и освоив лучшие традиции отечественного и зарубежного финно-угроведения. В 1982 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке», подготовленную под руководством известного финно-угроведа, доктора филологических наук, профессора Пауля Алвре.

Более 20 лет, с 1986 по 2007 г., Галина Валерьяновна возглавляла отдел языка Института языка, литературы и истории. Она внесла огромный вклад в организацию и проведение научных исследований отдела, подготовку новых научных кадров. Под руководством ученого были проведены масштабные исследования по темам «Современный

Anniversaries

Galina Valeryanovna Fedyuneva

коми язык. Морфология» (1986–1996) и «Структурно-типологическое исследование грамматического строя коми языка» (1997–2001). На основе анализа большого корпуса языкового материала были выявлены и систематизированы парадигмы словоизменения и словообразования коми языка, определена функциональная нагрузка грамматических форм, выяснены причины и пути их эволюции, исследованы проблемы вариативности, синонимии и омонимии грамматических форм, их синтагматические свойства и дистрибуция.

Галина Валерьяновна является ответственным редактором многих монографических исследований, сборников статей, материалов научных конференций, энциклопедических и справочных изданий, подготовленных сотрудниками отдела по плановым темам научно-исследовательских работ. Г.В. Федюнева – автор проекта, ответственный редактор и один из основных исполнителей научной энциклопедии «Коми язык» (1998), издание которой стало значительным событием в жизни Республики Коми. Под руководством и при непосредственном ее участии подготовлена и издана новая научная грамматика коми языка «Ӧнія коми кыв. Морфология» (Современный коми язык. Морфология) (2000), отличительной особенностью которой является системный подход к изложению морфологических явлений и их всесторонний анализ.

Научные интересы Галины Валерьяновны весьма обширны и охватывают разные аспекты коми языка: морфемика, морфология, словообразование коми языка; дейкис и дейктические системы в языках разных типов, историческая лексикология, языковые связи пермских народов. Исследования ученого внесли значимый вклад в разработку теоретических вопросов морфологии, основ морфемного анализа коми слова, проблем формального варьирования и оморфемии, систематизацию способов и типов грамматического словообразования; комплексное сравнительно-историческое и синхронно-типологическое исследование местоимений и их производных в пермских языках; контактологическое и историческое исследование этноязыковых процессов на европейском севере России; изучение письменных традиций коми языка.

Одним из важнейших направлений научной деятельности Г.В. Федюневой стало комплексное сравнительно-историческое исследование системы пермских местоимений, легшее в основу докторской диссертации «Первичные местоимения и их производные в пермских языках» (Саранск, 2009). В этой работе пермские местоимения впервые получили всестороннее системное описание с учетом материала других финно-угорских языков. Ученым выявлены общие закономерности формирования местоимений и местоименных слов, уточнены некоторые этимологии, описаны инновационные явления, установлены системные связи коми и удмуртских местоимений и

их производных с финно-угорскими (уральскими) архетипами, прослежена их эволюция, затронуты вопросы конвергентно-дивергентного развития родственных и неродственных языков в контактной зоне Европейского Севера России и Приуралья.

В последние годы приоритетными направлениями исследований стали вопросы взаимовлияния языков в условиях их исторических контактов, изучения коми лексических заимствований в севернорусских говорах, а также вопросы исторической грамматики, лексикологии и лексикографии, изучение письменных традиций коми языка. Результаты ее исследований вносят значимый вклад в изучение этноисторических процессов на европейском севере России, в разработку общетеоретических проблем контактологии и теории заимствования, теоретических вопросов лингвистического источниковедения.

Г.В. Федюнева – автор более 250 научных работ, в том числе монографических исследований: «Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке» (1985), «Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в коми языке» (2000), «Местоимения и прилагательные в грамматической системе коми и русского языков» (2003, в соавт.), «Указательные местоимения и их производные в коми языках» (2007), «Первичные местоимения в пермских языках» (Екатеринбург, 2008), «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности» (2014, в соавт.); серий препринтов «Местоимения и числительные: опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка» (1990), «Морфемный состав и морфологический тип коми языка» (1992), «Местоимения 1-го и 2-го лица в пермских языках: исторические параллели» (2005); учебно-методических пособий «*Komi ja eesti keele tekste ja harjutusi*» (1987, в соавт.), «*Асшӧр кывсикасьяс коми кывйын*» (1991, в соавт.), «Коми эмакыв артмӧм» (2000), «Коми кывйын торъякывъяс артмӧм» (2002, в соавт.). Галина Валерьяновна – автор-составитель сборника неизданных работ коми ученого А.С. Сидорова «А.С. Сидоров. Избранные статьи по коми языку» (1992); автор статей в энциклопедических изданиях «Республика Коми. Энциклопедия» (1997, 1999), «Государственные и титульные языки Российской Федерации» (1995), «Контактологический энциклопедический словарь-справочник», вып. 2 (2000); автор многочисленных статей, опубликованных в ведущих российских и зарубежных журналах, сборниках статей.

Г.В. Федюнева внесла весомый вклад в подготовку специалистов по коми языку в Сыктывкарском государственном университете им. Питирима Сорокина. Она долгое

время заведовала филиалом кафедры коми и финно-угорского языкознания СыктГУ в Коми НЦ УрО РАН, ежегодно читала курсы по словообразованию и морфологии коми языка, руководила преддипломными и диалектологическими практиками студентов, специальными семинарами, разработала и опубликовала методические и учебные пособия для вузов. В 2003 г. ей присвоено ученое звание доцента по кафедре коми и финно-угорского языкознания.

Ученый является организатором и активным участником ряда крупных научных форумов: ответственный секретарь и член оргкомитетов VI Международного конгресса финно-угроведов (Сыктывкар, 1985), конференции «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях» (Сыктывкар, 1989), региональной конференции, посвященной 620-летию коми письменности (Сыктывкар, 1992), Международной конференции «Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры», республиканской научно-практической конференции «Развитие коми языка на современном этапе: проблемы и перспективы» (Сыктывкар, 1999) и др.

Признанием профессиональных заслуг стало избрание Галины Валерьяновны зарубежным членом Финно-угорского общества М. Кастрена (Хельсинки, 1997), членом термино-орфографической комиссии при Министерстве национальной политики Республики Коми (2011). Научный труд Галины Валерьяновны заслуженно отмечен многочисленными наградами: ученый является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (1998), лауреатом премии Республики Коми в области образования (2000), заслуженным работником Республики Коми (2004); награжден почетными грамотами Совета министров Коми АССР (1990), Президиума Верховного Совета Республики Коми (1994), Российской академии наук и Профсоюза РАН (1999), Министерства образования и высшей школы Республики Коми (2002) почетным знаком «Ветеран Коми научного центра» (2014) и др.

С глубоким уважением и признательностью поздравляем с юбилеем Галину Валерьяновну – замечательную женщину, талантливого ученого, энергичного и неутомимого труженика, доброго и отзывчивого человека! Желаем крепкого здоровья, творческого долголетия, успехов в реализации новых идей и проектов, неиссякаемой энергии и благополучия!

Кузь нэм да бур шуд!

*Коллектив Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

**Серия «История и филология»
№ 5 (63)**

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И.Л. Жеребцов

Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д.В. Милохин

Выпускающий редактор – И.В. Курляк

Редактор – О.А. Гросу

Переводчик – Т.А. Исакова

Оригинал-макет – Е.Н. Старцева

Дизайн обложки – Я.С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 18.09.2023. Дата выхода в свет 21.09.2023.

Уч.-изд.л. 25,0. Усл.-печ.л. 25,5. Тираж 300. Заказ № 39.

Формат 60x84/8. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.